

НОАМ ХОМСКИЙ

ПРАВО СИЛЬНОГО В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

ГОСУДАРСТВА - ИЗГОИ

VS

VS.

Noam Chomsky

ROGUE STATES.

The Rule of Force in World Affairs

South End Press

Cambridge, MA 2000

Ноам Хомский

ГОСУДАРСТВА-ИЗГОИ.

Право сильного в мировой политике

ΛΟΓΟΣ

Москва 2003

УДК 327.8
ББК 66.4(08)
Х767

*Перевод с английского: В. Войткевич (гл. 1, Интервью),
П. Смирнов (глл. 2, 8-12), О. Приходько (глл. 3-7, 13-14).*

Редакция перевода – В. Войткевич, О. Никифоров

Хомский Н.

Х767 *Государства-изгои. Право сильного в мировой политике.*
Пер с англ. Москва: Логос, 2003, 320 с.

«Государства-изгои» Н. Хомского, профессора Массачусетского технологического института, всемирно известного лингвиста и политического активиста – результат его масштабной аналитической работы, направленной на вменение в ответственность мировым сверхдержавам, прежде всего – властным структурам США, и их государствам-клиентам преступлений против человечности, совершаемых ими по всему миру.

Книга дополнена специальным интервью Н. Хомского для ее русскоязычного издания.

ISBN 5-8163-0049-0

Copyright © 2000 by Diane Chomsky Irrevocable Trust

Текст книги печатается по изданию: Chomsky, Noam. *Rogue States: the rule of force in world affairs*. South End Press, Cambridge, MA, 2000.

© Издательство “Логос” (Москва) – настоящее издание.

© Перевод с англ. – В. Войткевич, П. Смирнов, О. Приходько.

© Интервью – Н. Хомский, В. Войткевич, О. Никифоров.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Галерея изгоев – кто в нее входит?	...7
2. Государства-изгои	...19
3. Кризис на Балканах	...45
4. Восточный Тимор: ретроспектива	...66
5. «План Колумбия»	...80
6. Куба и американское правительство: Давид против Голиафа	...106
7. Усиливающийся нажим: Латинская Америка	...119
8. Юбилейный 2000-й	...128
9. "Отвоевываю свои права". Извилистый путь	...136
10. США и "вызов относительности"	...156
11. Наследие войны	...196
12. Приветствуя новое тысячелетие	...216
13. Кому принадлежит власть в стране	...233
14. Социально-экономический суверенитет	...246
Примечания	...264
Список сокращений	...298
 <i>Н. Хомский: «Рациональность в целом безрассудной системы ...»</i> (Интервью для издательства «Логос» (Москва))	 ...300
 <i>Серия "V3." издательства «Логос» (Москва)</i>	 ...318

ГЛАВА I

Галерея изгоев – кто в нее входит?

Как и многие другие термины политических речей, «государство-изгой» используется в двух случаях: в пропагандистских целях по отношению к определенным противникам и в буквальном смысле по отношению к государствам, которые не считают себя должными следовать международным нормам. Логично предположить существование тенденции, и это подтверждается историей, что самые могущественные державы принадлежат ко второй категории.

Хотя строгого определения международных норм нет, существует мера согласия с их основными положениями. После Второй мировой войны эти нормы были частично кодифицированы Уставом ООН, резолюциями Международного суда, а также различными конвенциями и договорами. Соединенные Штаты считают себя свободными от соблюдения международных норм, демонстрируя это все больше после окончания холодной войны и проявляя свое господство в такой степени, что притворство, по сути, можно отбросить. Это не прошло незамеченным. В информационном бюллетене Американского общества международного права в марте 1999 года отмечено, что «международное право в нашей стране, сегодня, вероятно, уважается меньше, чем когда-либо». Незадолго перед этим редактор этого профессионального журнала предостерегал о «тревожном усугублении» пренебрежения Вашингтоном договорными обязательствами.¹

Принцип (политической) действенности был четко сформулирован Дином Ачесоном в 1963 году в его сообщении Американскому обществу по международному праву о том, что «обоснованность» реакции на «вызов ... силе, положению и авторитету Соединенных Штатов... не является правовым вопросом». Ранее он отмечал, что международное право полезно, чтобы «приукрасить наши позиции духом самых общих моральных принципов, которые оказали влияние на правовые доктрины». Но Соединенные Штаты не ограничены нормами международного права.²

Ачесон в данном случае имел в виду блокаду Кубы. На протяжении сорока лет Куба была одной из основных целей террора и экономической войны Соединенных Штатов, даже еще до принятия секретного решения о свержении кубинского правительства в марте 1960

года. Артур Шлезингер следующим образом определил кубинскую угрозу в своем докладе вновь избранному президенту о заключении латиноамериканской миссии Кеннеди: «Распространение идеи Кастро о взятии дел в свои руки» может заразить «бедных и малоимущих» в других странах, которые «в настоящее время требуют создания условий для достойной жизни». В связи с этим Шлезингер позже ввел в употребление так называемый эффект «вируса» или «гнилого яблока». При этом в докладе отмечалась связь с «холодной войной»: «Над нами нависает Советский Союз, демонстрируя большие займы на развитие и представляя себя образцом проведения модернизации экономики за одно поколение».³

Неудивительно, что после ухода СССР со сцены агрессивные действия США стали более вызывающими. Они были осуждены почти всеми: ООН, Европейским Союзом, Организацией американских государств и ее судебным органом, а также Межамериканским юридическим комитетом, которые единодушно постановили, что США нарушают нормы международного права; такое же решение приняла Межамериканская комиссия по правам человека. Немногие сомневаются, что эти действия были бы также осуждены Всемирной торговой организацией (ВТО), но Вашингтон дал ясно понять, что пренебрег бы любым постановлением ВТО, придерживаясь принципа государства-изгоя.

Следует упомянуть еще один пример из современной истории. В 1975 году после оккупации Индонезией Восточного Тимора Совет Безопасности ООН принял постановление о выведении индонезийских войск, но это не привело ни к каким результатам. Причины тому объяснил посол США в ООН Дэниел Патрик Мойнихэн в своих мемуарах, опубликованных в 1978 году:

Соединенные Штаты хотели именно такого развития событий и предпринимали для этого необходимые усилия. Государственный департамент желал, чтобы все действия Организации Объединенных Наций, какими бы они ни были, оказались совершенно неэффективными. Эта задача была поручена мне, я безуспешно ее выполнил».⁴

Далее он приводит сообщения, согласно которым за два месяца было убито около 60 тысяч человек. В течение нескольких лет это число достигло 200 тысяч, благодаря растущей военной помощи США, к которым присоединилась Великобритания, когда в 1978 злодеяния достигли апогея. Эта помощь продолжалась вплоть до 1999 года, когда вооруженные и обученные Соединенными Штатами отряды специального назначения Копассус¹, организовали «Операцию чистки» и

по достоверным в церковных кругах источникам с января по август убили от 3 до 5 тысяч человек, а затем обратили в спасительное бегство 750 тысяч человек (85% населения), фактически разрушая страну. Все это время позиция администрации Клинтона заключалась в том, что «за это несет ответственность правительство Индонезии, и мы не хотим перекладывать ее на свои плечи». При нарастающем давлении внутри страны и на международной арене (преимущественно Австралии) Вашингтон наконец дал понять индонезийским генералам, что игра окончена. Они быстро сдали назад, заявляя о своем уходе – признак всегда присутствовавшего там скрытого влияния США.

Поддержка Соединенными Штатами индонезийской агрессии и массовых убийств была почти рефлекторной. Жестокий и коррумпированный генерал Сухарто был «нашим парнем» по характеристике клинтоновской администрации. Таким он был с тех пор, когда в 1965 году возглавлял массовые расправы в стиле Руанды, что вызвало нескрываемое одобрение Соединенными Штатами. Таким он и остался, приобретая один из самых чудовищных «послужных списков» нарушений прав человека в современной эпохе. Однако в 1997 году он впал в немилость, утратив контроль над ситуацией в стране и не проявив должного рвения в исполнении жестких предписаний Международного валютного фонда (МВФ). Картина знакомая: США также поддерживали еще одного известного всему миру убийцу – Саддама Хусейна – в его самых кровавых расправах. Отношение к нему изменилось только после того, как он перестал повиноваться приказам (или неправильно их понимал). Наберется длинный перечень подобных примеров: Труджилло, Мобуту, Маркос, Дювалье, Норвега и многие другие. Преступления не имеют большого значения; непослушание имеет.

Массовые убийства в 1965 году преимущественно безземельных крестьян гарантировали, что Индонезия не будет представлять угрозу типа кубинской – «инфекцию», которая «может распространиться на Запад» через Южную Азию, о чем в 1948 году предостерегал Джордж Кеннан, рассматривая едва различимую «проблему Индонезии» как «наиболее важную» в «борьбе с Кремлем». Это кровавое злодеяние было также использовано как оправдание войн Вашингтона в Индокитае, что упрочило решимость генералов в проведении чисток своего общества.⁵

Считать ООН «совершенно неэффективной» организацией стало привычным после ее выхода из-под контроля с окончанием деколонизации.

Один из показателей этого – использование права вето на резолюции Совета Безопасности по широкому кругу вопросов. Начиная с 1960-х годов, Соединенные Штаты находились по этому показателю далеко впереди всех, Великобритания занимала второе место и Франция удаленное третье. Такое же соотношение имеет голосование в Генеральной Ассамблее ООН. Более общий принцип заключается в том, что если международная организация не служит интересам, отвечающим политике США, нет особых оснований, чтобы позволить этой организации существовать.

Основания для отказа от соблюдения международных норм были выработаны администрацией Рейгана, когда Международный суд в Гааге рассматривал обвинения Никарагуа против США. Государственный секретарь Джордж Шульц высмеял тех, кто выступает в защиту «таких утопических правовых средств, как посредничество со стороны ООН и Международного суда, пренебрегая элементом силы в уравнении». Советник Государственного департамента по правовым вопросам Абрахам Софэйер пояснил, что нельзя «рассчитывать на то», что большая часть мира «разделяет нашу точку зрения»; по «важным международным вопросам большинство часто выступает против США». Следовательно, мы должны «оставить за собой право определять», как нам действовать и какие вопросы подпадают «по сути под внутреннюю юрисдикцию США, и это определяют сами США» – в данном случае речь идет о действиях, которые Международный суд осудил как «незаконное использование силы» против Никарагуа.⁶

Гаагский суд призвал США прекратить агрессивные действия против Никарагуа и выплатить требуемые репарации. Он также постановил, что вся помощь наемным силам, участвующим в нападении на Никарагуа, является военной, а не гуманитарной. В результате Суд был назван «враждебным форумом» («Нью-Йорк Таймс»), дискредитировавшим себя осуждением Соединенных Штатов, которые отреагировали эскалацией военных действий и отказом выполнить решение Суда о возмещении нанесенного ущерба. Затем США наложили вето на резолюцию Совета Безопасности ООН, призывающую все государства соблюдать международное право, и фактически в единственном числе проголосовали против подобных резолюций Генеральной Ассамблеи ООН. Все эти события считались настолько несущественными, что сообщений в прессе почти не было; упоминалось только, что официальные решения были проигнорированы. Военная помощь называлась «гуманитарной» вплоть до победы США.⁷

Доктрина государства-изгоя осталась в силе после возвращения в Белый Дом демократов. В 1993 году президент Клинтон уведомил ООН, что США будут действовать «многосторонне, когда это возможно, но односторонне, когда необходимо». Эту позицию годом позже повторила постоянный посол США в ООН Мадлен Олбрайт, а также министр обороны Уильям Коэн, который заявил в 1999 году, что США придерживаются одностороннего использования военной силы» для защиты своих жизненных интересов, к которым относится «обеспечение свободного доступа к ключевым рынкам, энергетическим и стратегическим ресурсам», а также все то, что Вашингтон может решить относящимся к своей «внутренней юрисдикции». ⁸

Единственно новым в этой позиции является то, что теперь она высказана открыто. Негласно же она была принята в первые дни послевоенного миропорядка. Первый меморандум только образованного тогда Совета Национальной Безопасности (СНБ 1/3) призвал к военной поддержке тайных операций в Италии наряду с национальной мобилизацией в США «в случае, если коммунисты законным образом получают большинство в итальянском правительстве». Низвержение демократии в Италии оставалось основным вопросом повестки дня, по меньшей мере, до 1970-х годов. ⁹

Летопись других событий слишком большая, чтобы приводить примеры.

В нее входят не только факты прямой агрессии, подрывной деятельности и террора, но также поддержка этого рода деятельности от имени государств-клиентов¹¹: например, регулярных нападений Израиля на Ливан, в результате которых были убиты десятки тысяч людей и сотни тысяч остались бездомными; или массированных этнических чисток и прочих широкомасштабных злодеяний, совершенных Турцией в рамках НАТО при поддержке клинтоновской администрации огромным потоком военной техники, который увеличился, когда злодеяния достигли апогея. ¹⁰

В эту летопись входит также подстрекательство к совершению злодеяний. Примером является государство, которое не так давно заняло место Турции, как самого крупного получателя американской военной помощи (Израиль и Египет относятся к отдельной категории), после того как поддерживаемый Клинтоном террор в Турции преуспел, по крайней мере, на то время. Новый избранник – Колумбия, которая имеет наихудший в северном полушарии «послужной список» нарушений прав человека за 1990-е годы; и для которой, в

соответствии с четко отлаженной системой, запланировано резкое увеличение американской военной помощи и обучения.

Участие США в ужасных событиях в Колумбии датируется со времен администрации Кеннеди. Одним из наиболее важных наследий администрации Кеннеди было принятое в 1962 году решение об изменении миссии латиноамериканских военных сил – вместо «защиты полушария» установить контроль над «внутренней безопасностью» – с предоставлением средств и проведением обучения для выполнения этой задачи. Это историческое решение привело к тому, что толерантность к «жадности и жестокости латиноамериканских военных» сменилась на «непосредственное соучастие» в «действиях карательных отрядов, подобных гиммлеровским» – об этом писал Чарльз Мэйклинг, который с 1961 по 1966 годы осуществлял руководство стратегией операций США по подавлению мятежей и обеспечению внутренней безопасности. Результаты этих действий говорят сами за себя. Их последствия продолжают проявляться даже после того, как государственный террор достиг своих непосредственных целей. На спонсированной иезуитами конференции, которая проходила в 1994 году в Сан-Сальвадоре, особо была отмечена действенность остаточной «культуры террора в приучении большинства ожидать то, что из всех существующих альтернатив навязывают сильные мира сего». Это является мощной силой, о чем свидетельствуют многочисленные исторические факты и современные события.¹¹

Во многом такие же события происходили в других частях «Юга». В 1958 году президент Эйзенхауэр руководил одной из важных тайных операций США с целью привести к распаду Индонезию, разрушая между тем ее парламентские институты и начиная период массового террора, который длился последующие сорок лет. В то же время Вашингтон привел к срыву первых (и последних) свободных выборов в Лаосе, поддержал нападение на Камбоджу, подорвал правительство Бирмы и усилил террор марионеточного режима в Южном Вьетнаме, который затем в годы правления Кеннеди перерос в прямую агрессию США. Долговременные последствия в каждом из этих случаев были катастрофичными.¹²

Чтобы предписание сверхдержавы-изгоя гарантированно воспринималось как закон, она должна поддерживать «кредит доверия»: неуважение к ее силе ведет к жестоким наказаниям. Эта концепция систематически используется для оправдания внешней политики насилия. Очередной призыв к «кредиту доверия» в случае с Косово в 1999 году был единственным благовидным аргументом в предпочтении

войны другим решениям. В качестве стандартного прикрытия использовалась фраза «кредит доверия НАТО». Но никто не верил в то, что речь шла о доверии Бельгии или Италии, которое должно было быть заложено в головы потенциально непокорных элементов – на техническом языке пропаганды «изгоев»: «непокорных, ленивых, развращенных» и «бесчинствующих» элементов в разных странах мира, которые отвергают право самопомазанных «просвещенных государств» на применение силы тогда, там и таким образом, когда, где и как они «сочтут обоснованным», не считаясь с «устаревшими ограничительными нормами» и следуя «современным представлениям о справедливости», которые они специально по случаю вводят в употребление.¹³

Необходимость «кредита доверия» также является основным фактором в долгосрочной стратегии. Например, в исследовании «Сдерживание в период после холодной войны», выполненном Стратегическим Командованием США в 1995 году, подчеркивается, что «заявление Вашингтона о сдерживании» должно быть «убедительным» для руководителей «государств-изгоев» и должно «сразу же ими распознаваться». США необходимо иметь «весь набор мер реагирования» и в первую очередь ядерное оружие, потому что «в отличие от химического и биологического оружия взрыв ядерного оружия или любой другой ядерный взрыв имеет практически немедленное поражающее действие с немногими смягчающими обстоятельствами, если таковые вообще существуют». Биотерроризм может быть оружием слабых, сильные же государства-изгои предпочитают более эффективные средства террора, устрашения и опустошения. «Хотя и маловероятно, что мы будем использовать ядерное оружие, если не возникнут обстоятельства исключительной национальной или чрезвычайной важности, ядерное оружие всегда отбрасывает тень на любой кризис или конфликт». К тому же «стратеги не должны слишком рационально подходить... к тому, что представляет для противника наибольшую ценность», мишенью должно быть все. «Незачем демонстрировать, что мы слишком благоразумны и хладнокровны». «То, что США могут действовать неразумно и мстительно, если возникает угроза их жизненным интересам, должно быть частью нашего национального образа». Для нашей стратегической позиции «благотворно», если «кажется, что некоторые военные подразделения могут 'выйти из-под контроля'».

Хотя огромная разрушительная сила ядерного оружия является предпочтительным способом «отбрасывания тени» на кризис или

конфликт, нельзя пренебрегать более простыми техническими вариантами. Стратегическое Командование США рекомендует также «творческий подход к сдерживанию» – «вдумчивый поиск того, что является внутренними культурными ценностями, и их включение в систему сдерживания». В качестве образца приводится такой пример: когда в Ливии были взяты в заложники и убиты советские граждане, «Советы доставили лидеру революционного движения посылку, в которой находилось одно яичко – его старшего сына». «Непокорные» и «развращенные» элементы, которые могут нарушать порядок, должны находиться под действенным контролем путем искусного сочетания творческого подхода к сдерживанию и угрозы ядерного разрушения на фоне остаточной «культуры террора», созданной многочисленными ситуациями, которые описаны сальвадорскими иезуитами.

Такая мотивировка хорошо известна любому главарю мафии. В той или иной форме она находит свое естественное место в любой системе власти и господства, и едва ли удивительно, что США как мировой жандарм создали свою версию сдерживания и применяют ее там, где сочтут необходимым. Этот рациональный путь продвижения к идеалу был обрисован Уинстоном Черчиллем в его размышлениях об устройстве мира после Второй мировой войны:

Управление миром должно быть доверено материально благополучным народам, которые не желали бы для себя больше того, что они уже имеют. Управление миром голодными народами всегда было бы опасным. Ни у кого из нас нет причин стремиться к получению чего-то большего. Мир на земле поддерживался бы народами, которые живут без претензий по своему разумению. Наше могущество поставило нас выше всех остальных. Мы жили бы как богатые люди в мире у себя дома.¹⁴

После окончания холодной войны Пентагон разработал «стратегию сдерживания», направленность которой переместилась с «наводненной оружием среды» сверхдержавы-противника на «богатую целями среду» Юга – в действительности свою основную цель агрессии и террора на протяжении всего периода холодной войны. В отчете Стратегического Командования США сделано заключение о том, что ядерное оружие, «как представляется в обозримом будущем, предназначено занять центральное место в стратегии сдерживания США». Поэтому необходимо отказаться от «политики неприменения ядерного оружия первыми» и дать понять своим неприятелям, что «реакция» США может быть «как ответной, так и упреждающей». Соединенные

Штаты также должны отказаться от принятой цели следовать Договору о нераспространении ядерного оружия и не должны соглашаться с «безоговорочными гарантиями безопасности», запрещающими использование ядерного оружия против неядерных государств, которые являются участниками этого Договора. В 1995 году безоговорочные гарантии безопасности были заменены внутренним планированием и другими директивами президента, в значительной степени оставляя стратегию холодной войны в действии, но при более широком спектре целей.¹⁵

Не правда ли интересно, что ничто из этого не вызывает не только тревоги, но даже комментариев.

В годы холодной войны обычным поводом для террора и агрессии был «коммунизм» – очень гибкое понятие, как считают их жертвы. Изучение внутренних документов показывает, что основным поводом для беспокойства обычно была угроза независимости и «инфекции». В отношении Индонезии, так же как и Италии, тревогу вызывало то, что существующее правительство было слишком демократическим и позволяло участие в выборах даже партии левых сил РКІ (ПКІ)ⁱⁱⁱ. Как отмечает австралийский специалист по Индонезии Гарольд Крауч, эта партия «получила широкую поддержку не как революционная, а как организация, защищающая интересы бедных в рамках существующей системы», создавая «массовую базу среди крестьянства» путем «активной защиты интересов ... бедных». С русскими это никак не было связано, как «громогласно» подчеркнул при внутреннем обсуждении Эйзенхауэр.¹⁶

ПКІ была прокитайской партией, но когда в 1965 году она была разрушена в результате массовых убийств, Россию и Китай вряд ли можно было считать союзниками. То, каким образом вызвался страх перед Китаем, показывает приспособленческий характер пропаганды холодной войны. Так, когда Государственный департамент США решил поддержать усилия Франции по завоеванию вновь ее бывших колоний, американская разведка получила задание «доказать», что Хо Ши Мин был агентом все равно, Кремля или «Бейпина»^{iv}. Когда оказалось, что никаких доказательств найти нельзя, было принято за доказанное, что обозначенный противник якобы был просто рабом своих иностранных хозяев – это один из наиболее курьезных эпизодов в истории разведки.¹⁷ Объяснение Мойнихэна, почему США должны были представить Совет Безопасности «совершенно неэффективным» и поддерживать массовые убийства в Восточном Тиморе, заключалось в том, что сопротивление там поддерживалось Китаем – странный

аргумент, но он показывает, что доктринальной системе нужен какой-то элемент холодной войны.

Смысл ссылки Мойнихэна на Китай был раскрыт событиями, происшедшими четырьмя годами раньше и четырьмя годами позже, а также реакцией США на эти основные (возможно, единственные) прецеденты военного вторжения после Второй мировой войны, которые имели в значительной мере благоприятные гуманитарные последствия: вторжение Индии в Восточный Пакистан (Бангладеш) в 1971 году и свержение Вьетнамом режима Пол Пота восемью годами позже. Вашингтон выступил резко против обоих вторжений, и основным фактором в обоих случаях были дружеские отношения между США и Китаем. Очевидной причиной разгневанной реакции США на прекращение Индией массовых злодеяний было то, что это могло помешать операции по подготовке общественного мнения, запланированной к секретно готовящемуся визиту Киссинджера в Китай. «Преступные» действия Вьетнама, положившие конец злодеяниям Пол Пота, были наказаны вторжением во Вьетнам Китая при поддержке США. При этом США продемонстрировали неприкрытую дипломатическую и военную поддержку смещенному режиму Пол Пота (во время полпотовского режима Камбоджа называлась Демократической Кампучией).

Предлогов для холодной войны всегда было достаточно, иногда мало правдоподобных, и на заднем фоне, конечно, всегда присутствовала великая держава. Но при близком рассмотрении, как правило, становится ясно, что играли роль другие факторы, как в случае с Индокитаем, Кубой и Индонезией – это обстоятельство иногда признавалось, когда предлоги холодной войны постепенно исчезли. Так, в марте 1990 года в своем первом после окончания холодной войны предложении о финансировании Пентагона администрация Буша призвала укрепить основные силы вторжения США с прицелом на Ближний Восток, где «угрозы нашим интересам... нельзя приписывать Кремлю», вопреки десяткам лет пропаганды.¹⁸

Когда Соединенные Штаты военным вторжением положили конец краткосрочному демократическому эксперименту в Гватемале, что привело к последующим сорока годам ужасных событий, это также было вызвано высказанной во внутренних кругах (не публично) озабоченностью тем, что «социальные и экономические программы избранного правительства отвечали устремлениям» рабочих и крестьян, а также «вселяли в них лояльность и отражали интересы политически наиболее зрелых гватемальцев». ¹⁹ Более опасной остается еще

гватемальская аграрная реформа, которая является мощным пропагандистским оружием; ее широкая социальная программа помощи рабочим и крестьянам в победной борьбе против высших слоев общества и крупных иностранных компаний является привлекательной для народов соседних стран Центральной Америки, где примерно такая же обстановка.²⁰

Угроза существующему порядку была пресечена жестоким насилием и резней, длившимся на протяжении сорока лет.

Информация об этом находится в не подлежащих оглашению документах. Проведение такой политики продолжается, но с одним тактическим изменением – холодную войну уже нельзя использовать, как в 1991 году, когда Вашингтон мгновенно отреагировал, чтобы не допустить осуществления надежд Гаити на демократический эксперимент, затем подорвал режим эмбарго, наложенный Организацией американских государств на торговлю с Гаити, в то время как военная хунта там пыталась и убивала; и в конечном итоге вернул к власти законно избранного президента при условии, что тот одобрит предвыборную политику побежденного на выборах 1990 года Вашингтонского ставленника, получившего всего 14% голосов. Последующие дебаты были сфокусированы на вопросе о целесообразности этого «гуманитарного вторжения» для защиты демократии.²¹

На фоне такой широкомасштабной агрессии и террора действия, которые можно бы считать серьезными преступлениями, достаточно упомянуть просто в сносках. Например, убийство 80 ливанцев при совершении самого ужасного в 1985 году террористического злодеяния, – организованном ЦРУ взрыве машины, нацеленном против мусульманского лидера – когда ярость против «международного терроризма» достигла апогея. Или уничтожение в 1998 году половины фармацевтических ресурсов бедной африканской страны (Судана) с неизвестным числом жертв, последствия которого не расследовались. Потому что Вашингтон заблокировал запрос ООН. Бомбардировка была законной, по объяснению в колонке редактора «Нью-Йорк Таймс», потому что Соединенные Штаты «имеют право использовать военную силу против заводов и учебных лагерей, где готовятся нападения на американские цели» (или, может быть, не готовятся).²² Реакция была бы несколько иной, если, скажем, мусульманские террористы разрушили бы половину фармацевтических ресурсов США, Израиля или другого государства, пользующегося благосклонностью США.

Эти и другие примеры террора в розницу можно отнести к категории «творческого подхода к сдерживанию».

Число человеческих жертв слишком велико, чтобы пытаться их посчитать, но для имеющих огромную власть государств-изгоев преступления не имеют значения. Их вычеркивают из истории или превращают в благие намерения, которые иногда плохо кончаются. Так, не выдерживает никакой критики война против Вьетнама, а затем против всего Индокитая, которая началась с «ошибочных усилий сделать добро», хотя «к 1969 году» стало ясно, «что это вторжение оказалось роковой ошибкой», поскольку США «не смогли навязать решение, которое было неприемлемо дорогим для них самих». Извинение Роберта Макнамары за вьетнамскую войну было адресовано только американцам. Оно было либо осуждено как предательское («ястребами»), либо воспринято как смелое и заслуживающее высокого одобрения («голубьями»). Если миллионы убитых людей лежат в руинах стран, разоренных нападениями США, а люди до сих пор умирают от неразорвавшихся снарядов и отдаленных последствий химических атак, то это не заботит США и не требует от них извинений, не говоря о возмещении нанесенного ущерба или о судебной ответственности за военные преступления.²³

Совсем наоборот. США приветствуются как лидер «просвещенных государств», который уполномочен прибегать к силе по своему усмотрению. В годы правления Клинтона внешняя политика США достигла «выдающейся стадии», озаренной «священным сиянием» (как писала «Нью-Йорк Таймс»), поскольку Америка находится в «апогее своей славы» с послужным списком, незапятнанным международными преступлениями, если не считать некоторые, упомянутые здесь.²⁴

Государства-изгои, которые лишены морали, а Соединенные Штаты в этом отношении вне досягаемости, должны рассчитывать на готовность просвещенных кругов одобрять их действия, не признавать ужасные преступления или мириться с ними. На эту тему тоже существует богатая летопись событий, подробно рассмотренная в других публикациях. Никакой гордости она вызывать не может.

ГЛАВА 2

Государства-изгой

Концепция «государств-изгоев» в сегодняшнем политическом планировании и аналитической деятельности играет первостепенную роль. Кризис вокруг Ирака в апреле 1998 года – лишь один из недавних тому примеров. Вашингтон и Лондон объявили Ирак «государством-изгоем», угрозой соседним странам и всему миру, «нацией вне закона», ведомой новым воплощением Гитлера, которого должны обуздать стражи мирового порядка – Соединенные Штаты и их «младший партнер» (если использовать термин, с горечью употреблявшийся британским Министерством иностранных дел полвека назад).¹

Данная концепция заслуживает более пристального взгляда. Однако вначале рассмотрим, как она используется в текущей кризисной ситуации.

Иракский кризис

Самое интересное, что можно сказать о дебатах вокруг иракского кризиса, это то, что дебатов никогда не было. И правда – был обильный словопоток, много спорили о том, как действовать. Но дискуссия проходила в жестких рамках, за пределами которых осталась очевидная истина – что Соединенным Штатам и Великобритании надлежит действовать в соответствии со своими законами и договорными обязательствами.

Правовые рамки, относящиеся к данной проблеме, сформулированы в Уставе ООН, «самом главном договоре», признанном основой основ международного права и мирового порядка, а также в конституции США – «высшем законе страны».

Устав ООН гласит, что «Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает, какие меры следует предпринять в соответствии со Статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности». Эти статьи уточняют, что предпочтительными являются «меры, не связанные с использованием вооруженных сил», и уполномочивают Совет Безопасности

предпринять дальнейшие действия, если он сочтет такие меры неадекватными. Единственным исключением является Статья 51, которая санкционирует «право на индивидуальную или коллективную самооборону» против «вооруженного нападения ... пока Совет Безопасности не примет меры, необходимые для поддержания международного мира и безопасности». Во всех других случаях, которые не подпадают под эти исключения, государства-члены «должны воздерживаться в международных отношениях от угрозы силой или ее применения».

Многим из тех угроз, с которыми сталкивается мир на земле, можно противодействовать законными путями. Если соседи Ирака ощущают опасность, они могут обратиться в Совет Безопасности, чтобы санкционировать принятие соответствующих мер для реагирования на эту опасность. Если угрозу почувствовали США и Великобритания, они могут сделать то же самое. Но ни одно государство не уполномочено выносить собственный вердикт по этим вопросам и действовать по своему произволу; США и Великобритания также не должны иметь подобных полномочий, даже если у них у самих руки чисты (а это вряд ли так).

Государства, поставившие себя вне закона, не принимают этих условий: например, саддамовский Ирак или Соединенные Штаты. Американская позиция была откровенно сформулирована государственным секретарем Мадлен Олбрайт (в то время представителем в ООН), когда она во время одного из предыдущих конфликтов с Ираком проинформировала Совет Безопасности, что США будут действовать в «многостороннем порядке, когда мы можем, и в одностороннем – как мы и должны действовать», поскольку «мы считаем этот регион жизненно важным для американских национальных интересов». Стало быть, США не признают никаких внешних ограничителей. Олбрайт еще раз выразила эту позицию, когда Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в феврале 1998 года предпринял свою дипломатическую миссию: «Мы желаем ему успеха», – заявила она, – «и когда он вернется, мы посмотрим, что он привез с собой и насколько это соответствует нашим национальным интересам» – этим и будет определяться наш ответ. Когда Аннан объявил о достижении соглашения, Олбрайт повторила данную доктрину: «Возможно, он привезет с собой нечто, что нам не понравится; в этом случае мы будем следовать нашим национальным интересам». Президент Клинтон объявил, что если Ирак провалит тест на подчинение действующим правилам (а правила эти определяет Вашингтон), «любой поймет, что в этом случае Соединенные Штаты и, надеюсь, все наши союзники будут иметь право на од-

носторонний ответ, выбирая для себя время, место и способ действий по своему усмотрению», т. е. таким же образом, как и другие государства, в которых царят насилие и беззаконие.²

Совет Безопасности единогласно одобрил соглашение, достигнутое Аннаном, отвергнув требования США и Великобритании о предоставлении им права применения силы в случае, если Ирак проявит непослушание. Резолюция предупреждала о «самых серьезных последствиях», но не уточняла, каких. В последнем – ключевом – параграфе говорится, что Совет «ПОСТАНОВЛЯЕТ, в соответствии со своими обязанностями по Уставу, продолжать активно заниматься этим вопросом для обеспечения осуществления настоящей резолюции и установления мира и безопасности в регионе» – т. е. никто, кроме Совета, в полном соответствии с Уставом ООН.

Факты были очевидными и недвусмысленными. Заголовки газет гласили: «Идея автоматического нанесения ударов не получила санкции» (*Wall Street Journal*); «ООН дает отпор США в связи с их угрозами Ираку, если тот нарушит пакт» (*New York Times*) и т. д. Британский представитель в ООН «в частном порядке заверил своих коллег по Совету, что резолюция не дает США и Великобритании ‘права автоматически нажать на спусковой крючок’, чтобы нанести удар по Ираку, если тот будет препятствовать» проводимым ООН поискам химического оружия. «Право определять, когда необходимо использовать военную силу, должно принадлежать Совету Безопасности», – заявил представитель Коста-Рики, выражая позицию СБ ООН.

Реакция Вашингтона была совсем другой. Посол США в ООН Билл Ричардсон утверждал, что соглашение «не препятствует одностороннему применению силы», и США сохраняют за собой законное право атаковать Багдад по своему усмотрению. Представитель государственного департамента Джеймс Рубин критиковал формулировки резолюции, считая их «не совсем уместными, в отличие от тех дискуссий, которые мы здесь в частном порядке проводили»: «Я не говорю, что нам нет дела до этой резолюции», но «мы дали ясно понять, что не видим необходимости возвращать дело в Совет Безопасности, если соглашение будет нарушено». Президент заявил, что резолюция «предоставляет полномочия действовать», если США не будут удовлетворены тем, как Ирак выполняет соглашение; его пресс-секретарь дал понять, что это означает военные действия. «США утверждают, что сохраняют за собой право наказывать Ирак» – именно так гласил заголовок статьи в *New York Times*. США обладают односторонним

правом использовать силу по своему собственному усмотрению. Точка.

Некоторым казалось, что даже занимая такую позицию, мы окажемся чересчур внимательными к нашим торжественным обязательствам, данным в соответствии с международным и внутренним правом. Лидер сенатского большинства Трент Лотт обвинил администрацию в «подчинении» ее внешней политики «другим» – т. е. Совету Безопасности. Сенатор Джон Маккейн предостерег, что «полномочия Соединенных Штатов могут оказаться подчиненными ООН», а это обязательство действует только для законопослушных государств. Сенатор Джон Керри добавил, что прямое вторжение США в Ирак явится для США «законным», если Саддам «будет по-прежнему упорно нарушать резолюции ООН и представлять угрозу мировому сообществу» – независимо от того, какое решение вынесет Совет Безопасности по этому поводу. Подобная односторонняя акция США не будет, как полагает Керри, «выходить за рамки международного права». Либерал-«голубь», получивший общенациональную известность как противник вьетнамской войны, Керри объяснял, что его нынешняя позиция полностью совместима с его более ранними взглядами. Вьетнам научил его, что силу можно использовать только тогда, когда цель «достижима и когда это отвечает потребностям твоей страны». Вторжение Саддама в Кувейт, стало быть, было ошибочным только по одной причине: цель его была «недостижимой», как впоследствии оказалось.³

На либерально-«голубином» фланге политического спектра договоренности Аннана были встречены с одобрением, но узость понимания проблемы оставляла за рамками обсуждения главные вопросы. Типичной была реакция газеты *Boston Globe*, считающей, что Саддам не отступился от своих замыслов: «Соединенные Штаты не только будут правы, атаковав Ирак, они проявят безответственность, если этого не сделают». Другими вопросами газета не задается. Ее редакторы призвали также на основе «всеобщего консенсуса заклеить позором» «оружие массового уничтожения», что будет «наилучшим шансом уберечь мир от извращенного использования науки, иначе будет нанесен такой ущерб, который до сих пор невозможно было вообразить». Разумное предложение; остается только подумать, как легче начать его осуществление, не прибегая к угрозе силы, однако это не входило в намерения его авторов.

Политический аналитик Уильям Пфафф сокрушается по поводу нежелания Вашингтона «советоваться с мнениями теологов и фило-

софов» (в данном случае взглядами Фомы Аквинского и богослова времен Возрождения Франсиско Суареса) – подобно тому как это делала «часть аналитического сообщества» в США и Великобритании «в 1950-60-е годы». Однако он не говорит о необходимости принимать во внимание существующие нормы международного и внутреннего права, которые ясны и определены, хотя и неуместны для интеллектуалов с их культурной традицией. Другой либеральный аналитик (Рональд Стил) призвал США считаться с тем фактом, что если их ни с чем не сравнимую военную мощь «действительно приходится использовать ради блага человечества, то человечество может требовать хотя бы какого-то права голоса относительно ее применения». Такого применения не разрешат «ни конституция, ни конгресс, ни воскресные телепроповедники»; «другие страны мира не давали Вашингтону права решать, когда, где и как должны соблюдаться их интересы».

Что до конституции, то она все же предоставляет такие механизмы, а именно – провозглашая действующие договоры «высшим законом страны». Особое место среди них занимает самый фундаментальный из них – Устав ООН. Более того, конституция наделяет конгресс полномочиями «определять и карать ... за преступления против международного права», что в современную эпоху подкреплено Уставом ООН. К тому же в утверждении, что другие страны «не давали Вашингтону права», есть элемент недопонимания; они решительно отвергли за ним такое право, следуя инициативе (по крайней мере риторической) самого Вашингтона, который в основном и создал Устав.⁴

Регулярные ссылки на нарушение Ираком резолюций ООН подразумевали, что два государства [США и Великобритания], привыкшие воевать, имеют право применять силу в одностороннем порядке, беря на себя роль «мирового полицейского» (этим наносится оскорбление полиции, чья функция в принципе состоит в том, чтобы защищать закон, а не рвать его в клочья). Критика в адрес Вашингтона раздавалась за его «высокомерие силы» и тому подобные вещи – это не совсем адекватный термин для государства, присвоившего себе право использовать силу по своему усмотрению и поставившего себя над законом.

Ради поддержки американо-британских претензий можно изобрести какие-то вымученные правовые аргументы, хотя никто в реальности и не пытался это сделать. Первым шагом могло бы стать нарушение Ираком резолюции 687 от 3 апреля 1991 года, которая объявляет о прекращении огня «после официального уведомления Ирака» о том,

что он принимает перечисленные условия (уничтожение оружия, инспекции и т. д.). Это, наверное, самая пространная и самая детализированная резолюция Совета Безопасности по данному вопросу, но в ней не указываются никакие механизмы ее претворения в жизнь. Стало быть вторым шагом, подкрепляющим аргументацию США и Великобритании, явился бы следующий: несоблюдение Ираком этих условий дает возможность «повторного обращения» к резолюции 678.⁵ Эта резолюция уполномочивает государства-члены «использовать все необходимые средства для соблюдения и осуществления резолюции 660».⁶ Последняя требует от Ирака немедленно вывести войска из Кувейта, а также обращается к Ираку и Кувейту с призывом «немедлительно начать интенсивные переговоры с целью разрешения взаимных разногласий». Такие переговоры рекомендовано провести в рамках Лиги арабских государств. Резолюция 678 также содержит ссылки на «все вытекающие из нее резолюции по данному вопросу» (и называет их: 662, 664); они относятся «к данному вопросу», если в них речь идет об оккупации Кувейта и о действиях Ирака в этой связи. Следовательно, отсылка к резолюции 678 оставляет ситуацию такой, как она была на тот момент: т. е. без какой-либо санкции на применение силы ради осуществления более поздней резолюции 687, которая затрагивает совершенно другие материи и не разрешает ничего, кроме санкций.

Нет необходимости дальше дискутировать по этой проблеме. США и Великобритания легко могли бы устранить все сомнения, обратившись к Совету Безопасности с просьбой санкционировать «угрозу силой или ее применение», как этого требует Устав ООН. Британия предприняла-таки некоторые шаги в этом направлении, но сразу отказалась от них, как только стало очевидным, что Совету с ней не по пути. Инициатива Блэра, быстро дезавуированная, была «ошибкой», поскольку она «ослабляла англо-американскую позицию», делала вывод *Financial Times* в своей редакционной статье.⁷ Однако подобные соображения мало что значат в том мире, где доминируют государства-изгои, отвергающие верховенство права.

Предположим, что Совет Безопасности санкционировал бы применение силы для наказания Ирака за нарушение им резолюции о прекращении огня (687). Эта санкция распространялась бы на *все* государства: например, на Иран, который бы в данном случае получал право на вторжение в южный Ирак для поддержки там восстания. Иран – сосед Ирака и жертва поддержанной США иракской агрессии и химической войны, поэтому он мог небезосновательно рассчиты-

вать на то, что его интервенция получит в регионе некоторую поддержку; США и Великобритания на подобное претендовать не могут. Такую акцию Ирана, если бы ее можно было вообразить, они бы никогда не потерпели, но она была бы гораздо менее вызывающей, чем планы тех, кто сам себя назначил на роль мирового полицейского. Трудно представить, что в США и Великобритании такие элементарные доводы станут предметом открытых дискуссий.

Откровенное презрение

Пренебрежение к принципу верховенства права глубоко укоренилось в американской практике и интеллектуальной культуре. Вспомним, например, реакцию на вердикт Международного суда в 1986 году, осудившего США за «незаконное использование силы» против Никарагуа, потребовавшего прекращения этих действий, полного возмещения ущерба и объявившего всякую поддержку «контрас» – каким бы ни был ее характер – «военной», а не «гуманитарной» помощью. Со всех сторон Суд подвергся поношениям как дискредитировавший себя. Решения Суда сочли не заслуживающими того, чтобы их публиковать, и проигнорировали.

Контролируемый демократами конгресс сразу же ассигновал выделение новых средств на то, чтобы и дальше наращивать незаконное применение силы. Вашингтон наложил вето на резолюцию Совета Безопасности ООН, призывавшей все государства уважать международное право – без указания конкретных стран, хотя было ясно, кому эта резолюция адресовалась. Когда сходную резолюцию приняла Генеральная Ассамблея, США проголосовали против нее, в чем их поддержали только Израиль и Сальвадор, фактически наложив на нее вето; в следующем году в активе у США оказался лишь Израиль, который автоматически голосовал «против». Немногие из этих фактов (не говоря уже о том, что они означают) получили отклики в СМИ или среди общественности.

Тем временем государственный секретарь Джордж Шульц разъяснял, что «переговоры это эвфемизм, означающий капитуляцию, если за столом переговоров не присутствует тень силы».⁸ Он осудил тех, кто защищает «такие утопические правовые средства, как международное посредничество, ООН и Международный суд, игнорируя в то же время элемент силы в уравнении». Такие откровения отнюдь не являются беспрецедентными в современной истории.⁹

Особенно красноречивым выглядит откровенное презрение к Статье 51. Оно было удивительно откровенно продемонстрировано сразу после Женевских соглашений 1954 года о мирном урегулировании в Индокитае, которые Вашингтон рассматривал как «катастрофу» и без промедления взялся за их подрыв. Совет национальной безопасности издал секретную директиву, гласящую, что даже если «подрывная деятельность или бунты местных коммунистов *не представляют собой вооруженных атак*», США должны рассматривать возможность применения военной силы, включая и нападение на Китай, если он «будет сочтен источником» «подрывной деятельности».¹⁰ Эта формулировка, дословно повторяемая каждый год в документах по планированию, была выбрана для того, чтобы четко заявить о праве США на нарушение Статьи 51. Тот же самый документ содержал призывы к ремилитаризации Японии, превращению Таиланда в «узловой пункт тайных и психологических операций США в Юго-Восточной Азии», к осуществлению «широкомасштабных и эффективных тайных операций» по всему Индокитаю, и в целом, к силовым действиям по подрыву существующих договоров и Устава ООН. Этот исключительно важный документ подвергался грубым фальсификациям со стороны историков, занимавшихся изданием документов Пентагона¹, и во многом оказался вычеркнутым из истории.

США в дальнейшем стали давать такое определение «агрессии», что оно включило в себя «политическую борьбу или подрывные действия» (разумеется, с чьей-либо другой стороны) – т. е. то, что Эдлай Стивенсон, защищая позицию Джона Ф. Кеннеди по эскалации военных действий в Южном Вьетнаме и развязыванию там полномасштабной войны, называл «внутренней агрессией». Когда США в 1986 году подвергли бомбардировке ливийские города, официальное объяснение состояло в том, что это акт «самообороны от будущих атак». Энтони Льюис, специалист по правовой тематике в газете *New York Times*, воздал хвалу администрации за использование «правового аргумента, заключающегося в том, что насилие [в данном случае] оправдано как акт самообороны». Такая творческая интерпретация Статьи 51 ошарашила бы любого грамотного ученика средней школы. Посол Томас Пикеринг защищал в Совете Безопасности американское вторжение в Панаму, апеллируя к Статье 51, которая, по его заявлению, «предусматривает применение военной силы для защиты страны, наших интересов и нашего народа» и дает право США вводить войска в Панаму с целью предотвращения «использования ее территории в качестве базы для контрабанды наркотиков в Соединенные

Штаты». Просвещенное общественное мнение глубокомысленно кивнуло в знак согласия.

В июне 1993 года Клинтон приказал нанести ракетный удар по Ираку. Этот удар привел к гибели мирных граждан и в то же время очень воодушевил президента, «голубей» в конгрессе и прессу, которая сочла, что атака была «правильной, разумной и необходимой». Особенно впечатлила комментаторов ссылка посла Олбрайт на Статью 51. Бомбардировка, объясняла она, проводилась в порядке «самообороны от вооруженного нападения», а именно – от якобы имевшей место двумя месяцами ранее попытки убить бывшего президента Буша. Даже если бы США продемонстрировали причастность Ирака к этому покушению, данная апелляция оказалась бы едва ли не на уровне абсурда; «официальные лица администрации, не пожелавшие назвать себя», проинформировали прессу, что «выводы о вине Ирака основаны на косвенных уликах и аналитических выкладках, нежели на достоверной разведывательной информации» – сообщала *New York Times*, отделяваясь от сути вопроса. Газеты убеждали элиту в том, что обстоятельства «в точности соответствуют» Статье 51 (*Washington Post*). «Любой президент обязан применить военную силу для защиты интересов нации» (*New York Times*, выражавшая при этом некоторый скептицизм по поводу данного случая). «С дипломатической точки зрения, было выдвинуто разумное объяснение», а «ссылка Клинтона на Устав ООН отражает стремление США к уважению международного права» (*Boston Globe*). Статья 51 «разрешает государствам реагировать с помощью военных мер, если им угрожает враждебная держава» (*Christian Science Monitor*). Статья 51 наделяет государство правом использовать силу «в порядке самообороны против угрозы его соотечественникам» – инструктировал парламент министр иностранных дел Великобритании Дуглас Хэрд, поддерживая Клинтона за «оправданное и пропорциональное применение своего права на самозащиту». «Мир оказался бы в состоянии опасного паралича», – продолжал Хэрд, – если бы США приходилось добиваться одобрения Совета Безопасности прежде чем запустить ракеты по противнику, который, возможно, предпринял (а возможно и не предпринял) двумя месяцами ранее неудачную попытку убить экс-президента.¹¹

Перечисленные факты служат хорошим подтверждением той большой озабоченности, которую внушают «государства-изгои», приверженные праву силы и действующие во имя «национальных интересов», а интересы эти определяются теми, кто властвует внутри страны. Самым зловещим является то, что некоторые из этих госу-

дарств-изгоев присвоили себе роль глобального судьи и исполнителя приговоров.

Государства-изгои: узость концепции

Интересно также проследить, какие вопросы все же удостоились внимания в псевдодebатах по иракскому кризису. Но сначала пара слов о концепции «государств-изгоев».

В основе концепции лежит тезис, что хотя «холодная война» окончена, на США все еще лежит ответственность за защиту мира – но от кого? Нельзя откровенно заявить, что это защита от угрозы «радикального национализма» – т. е. от нежелания подчиняться воле сильного. Подобные идеи годятся только для внутренних документов по планированию, но не для широкой публики. С начала 80-х годов стало ясно, что обычные приемы мобилизации масс – типа рассуждений Джона Кеннеди о «всеохватном и жестоком заговоре» или Рейгановской «империи зла» – теряют свою эффективность. Возникла необходимость в новых врагах.

Внутри страны стал разжигаться страх перед преступностью (особенно связанной с наркотиками); однако, по заключению Национальной комиссии по уголовному судопроизводству, для этого использовались «отдельные факторы, которые если и имели отношение к самой преступности, то очень незначительное». Комиссия отметила в этой связи пропаганду, ведущуюся в СМИ, «роль правительства и частнопредпринимательских структур в нагнетании обывательских страхов», «эксплуатацию латентной расовой напряженности в политических целях», расовый уклон в правоохранении и вынесении судебных приговоров, который наносит удар по черным американцам, создает «расовую пропасть» и подвергает «нацию риску социальной катастрофы». Криминологи говорили в связи с результатами этого исследования об «американском Гулаге», «новом американском апартеиде», при котором афроамериканцы впервые в истории США составили большинство заключенных в американских тюрьмах. Они арестовываются как минимум в семь раз чаще, чем белые. При этом черные американцы в непропорционально большой степени становятся мишенью для обвинений в употреблении или контрабанде наркотиков.¹²

Роль угроз, идущих из-за пределов страны, должны были исполнять «международный терроризм», «испаноязычные наркоторговцы»

и – самая серьезная из всех – «государства-изгой». Проведенное в 1995 году секретное исследование Стратегического командования (которое несет ответственность за стратегический ядерный арсенал) очерчивает главные мысли этой доктрины. «*Основные положения доктрины сдерживания после холодной войны*», выпущенные в свет в соответствии с Законом о свободе информации¹², «показывают, как Соединенные Штаты перенесли акцент стратегии своей политики сдерживания с исчезнувшего Советского Союза на т.н. государства-изгой – Ирак, Ливию, Кубу и Северную Корею», сообщает Ассошиэйтед Пресс. Авторы исследования считают, что США должны эксплуатировать свой ядерный арсенал, чтобы «в случае, если их жизненно важные интересы поставлены под угрозу», выставить себя в роли «иррациональной и мстительной страны». Это «должно быть частью нашего образа как нации, который мы демонстрируем нашим противникам», в особенности «государствам-изгоям». «Представлять себя абсолютно рациональным и хладнокровным» (не говоря уже о том, чтобы демонстрировать верность таким глупостям, как международное право и договорные обязательства) – значит оскорблять себя». «Тот факт, что некоторые элементы» американской государственной машины могут казаться потенциально «неконтролируемыми», способен принести выгоду; ведь это только вселит страх и сомнения в умы тех, кто принимает решения на противоположной стороне баррикады». Этот доклад воскрешает никсоновскую «теорию сумасшедшего»: наши враги должны осознавать, что мы безумны и непредсказуемы, имея при этом в своем распоряжении невероятную разрушительную силу; и поэтому страх заставит их подчиниться нашей воле. Такая концепция была, по-видимому, изобретена в середине 1950-х годов в Израиле правившей тогда Партией труда, лидеры которой «проповедовали необходимость актов безумия». Это отмечал в своем дневнике премьер-министр Моше Шаретт, предупреждая, что «мы за себя не отвечаем» («*nishtagea*»), если нам встанут поперек дороги. Таково было «секретное оружие», направленное отчасти против США, которые в то время не рассматривались как достаточно надежный союзник. В руках единственной мировой сверхдержавы, которая считает, что стоит над законом, и почти не встречает ограничителей со стороны собственной элиты, такая философия представляет немалую проблему для мирового сообщества.¹³

С первых дней правления администрации Рейгана излюбленным кандидатом на роль «государства-изгоя» стала Ливия. Будучи уязвимой и беззащитной страной, она служит, когда нужно, прекрасной

«грушей» для битья: например, в 1986 году, когда первая в истории бомбардировка, оркестрованная для показа во время телевизионного «часа пик», была использована спичрайтерами «великого мастера общения»ⁱⁱⁱ, чтобы мобилизовать мир на поддержку террористических атак против Никарагуа, осуществляемых Вашингтоном. Делалось это под тем предлогом, что «архитектор» Каддафи «направил в Никарагуа 400 млн. долларов, арсеналы оружия и советников. Это якобы было нужно ему для того, чтобы приблизить ведущуюся им войну к границам Соединенных Штатов», которые и использовали тогда свое право на самооборону от вооруженного нападения никарагуанского «государства-изгоя».

Сразу же после падения Берлинской стены, которое положило конец советской угрозе, администрация Буша в своем ежегодном послании конгрессу запросила огромные средства на нужды Пентагона. Она объясняла: «в новую эпоху мы прогнозируем, что наша военная мощь останется важной опорой глобального баланса, но наиболее вероятный повод для применения военной силы будет, видимо, исходить не от Советского Союза, а от «стран третьего мира, где могут потребоваться новые возможности и новые подходы» – аналогично тому, как «в 1986 году, когда президент Рейган направил [в Ливию] военно-морские и военно-воздушные силы» для бомбардировки гражданских городских объектов. Тогда было объявлено, что цель этой акции – «способствовать становлению международного климата мира, свободы и прогресса, в котором наша демократия – и все другие народы – смогут достичь процветания». Главная угроза, которая стоит перед США, это «растущий доступ стран третьего мира к сложным технологиям». В силу этого мы должны укрепить «индустриальную базу обороны» – также называемую высокотехнологичными отраслями – создавая стимулы для «инвестиций в новые мощности и оборудование, а также в научные исследования и развитие технологий». Нам также следует поддерживать силы интервенции, особенно те, которые нацелены на Ближний Восток – регион, где «угрозы, с которыми сталкиваются наши интересы» и которые требуют прямого военного вмешательства, «нельзя приписать Кремлю». Это явно противоречит тому тезису, который раньше служил оправданием для бесчисленных выдумок, а теперь отброшен за ненадобностью. И в предыдущие годы периодически признавалось (иногда втайне), а теперь допускается и официально, что своим происхождением «угроза» обязана самому этому региону, а главной заботой всегда был «радикальный национализм» – и не только на Ближнем Востоке.¹⁴

В то время и Ирак нельзя было объявить «угрозой нашим интересам». Саддам был тогда самым большим другом и торговым партнером. Его статус изменился лишь через несколько месяцев, когда он неправильно истолковал готовность США разрешить ему силой изменить границу с Кувейтом и воспринял ее как карт-бланш на полный захват страны. Если рассматривать это с позиций администрации Буша, то Ирак просто решил повторить то, что США незадолго до этого сделали в Панаме. На совещании высокопоставленных должностных лиц, происходившем сразу после вторжения Саддама в Кувейт, президент Буш обозначил главную проблему: «Меня волнует, что саудовцы могут ... в последний момент в панике ретироваться и признать марионеточный режим в Кувейте». Председатель Комитета начальников штабов Колин Пауэлл поставил вопрос ребром: «В течение нескольких дней Ирак выведет войска», поставив у власти «своих марионеток», и «все в арабском мире будут счастливы».¹⁵

Исторические параллели, конечно, никогда не бывают строгими. Когда Вашингтон частично вывел войска из Панамы, оставив у власти своего ставленника, все Западное полушарие, включая Панаму – да фактически и весь мир – было охвачено негодованием, из-за чего США вынуждены были наложить вето на две резолюции Совета Безопасности ООН и проголосовать против резолюции Генеральной Ассамблеи, где Вашингтон был осужден за «грубое нарушение международного права, независимости, суверенитета и территориальной целостности государств» и содержался призыв к выводу «интервенционистских сил США из Панамы». Вторжение Ирака в Кувейт трактовалось по иному. Многие из этих трактовок сильно отличались от стандартной версии, но их все можно легко отыскать в печати.

Эти просто неопишуемые факты выставляют в любопытном свете политических аналитиков с их комментариями. Например, Рональд Стил мучается над головоломкой: почему США, «самая мощная в мире держава, гораздо больше ограничиваются в свободе применения силы, чем любая другая страна» – отсюда и успех Саддама в Кувейте если сравнивать его с неспособностью Вашингтона навязать свою волю Панаме.¹⁶

Стоит вспомнить, что ход дебатов, проходивших в 1990-91 гг., также был фактически предрешен. Тогда много дискутировали о том, будут ли санкции работать, но вопрос о действенности уже примененных санкций (хотя бы сразу после принятия резолюции 660), был обойден молчанием. Отказ Вашингтона от рассмотрения иракских предложений о выводе войск, выдвигавшихся с августа 1990 до нача-

ла января 1991 года, был порожден опасениями, что санкции, возможно, имели эффективность. За редчайшими исключениями информационная машина соблюдала в освещении этого вопроса строгую дисциплину. Опросы, проведенные за несколько дней до январских бомбардировок 1991 года, показывали двукратный перевес в пользу тех, кто выступал за мирное урегулирование, основанное на выводе иракских войск одновременно с созывом международной конференции по арабо-израильскому конфликту. Немногим из тех, кто отстаивал эту позицию, удавалось услышать публичные выступления в ее защиту; СМИ послушно следовали за директивой президента, отвергая «увязку» [этих двух событий] как немыслимую вещь – причем только в этом конкретном случае. Вряд ли какие-либо участники опроса знали, что их взгляды разделяет иракская демократическая оппозиция, ведь она была отрезана от господствующих средств информации. Не знали они и о том, что иракское предложение, совпадавшее по духу с их позицией, было неделей раньше разрешено к публикации американскими официальными представителями, которые сочли его разумным, но оно категорически было отвергнуто Вашингтоном. Люди не имели информации и о том, что предложения Ирака о выводе войск рассматривались Советом национальной безопасности уже в середине августа, однако были отвергнуты и фактически положены под сукно, по видимому, из-за страха, что эти замалчивавшиеся иракские инициативы смогут «разрядить кризис» – так уклончиво охарактеризовал озабоченность администрации дипломатический корреспондент New York Times.

С тех пор Ирак заменил Иран и Ливию в качестве ведущего «государства-изгоя». Другие государства так никогда и не удостоились этой чести. Наверное, самый подходящий пример представляет Индонезия, которая перешла из разряда врагов в разряд друзей, когда генерал Сухарто в 1965 году взял власть и устроил резню как в Руанде – к великому удовлетворению Запада. После этого Сухарто стал «нашим парнем» (как его характеризовала администрация Клинтона), проводя при этом кровавую агрессию и совершая бесчисленные зверства против собственного народа – только в 1980-е годы, по заявлению самого же «нашего парня», было убито 10 тысяч индонезийцев. Он писал, что «трупы оставляли лежать на земле в качестве своего рода шоковой терапии». ¹⁷ В декабре 1975 года Совет Безопасности ООН единогласно потребовал от Индонезии «безотлагательного» вывода оккупационных войск из Восточного Тимора и призвал «все государства уважать территориальную целостность Восточного Тимора, а также не-

отъемлемое право его народа на самоопределение». США ответили на это (тайным) увеличением поставок оружия агрессорам; Картер, когда наступление индонезийцев в 1978 году приобрело характер почти геноцида, снова увеличил поток оружия. В своих мемуарах американский посол в ООН Дэниэл Патрик Мойнихэн выражает гордость собственным успехом – тем, что он сделал ООН «абсолютно неэффективной, какие бы шаги она ни предпринимала». Он следовал инструкциям госдепартамента, который «хотел, чтобы все оказывалось именно так, и делал все, чтобы привести к такому результату». Не скрывают США и своей радости от разграбления восточнотиморской нефти (при участии американской компании), которое происходило вопреки любому сколько-нибудь разумному толкованию международных соглашений.¹⁸

Напрашиваются аналогии с ирако-кувейтским кризисом, хотя есть и различия. Упомянем лишь наиболее очевидное: поддержанные США зверства в Восточном Тиморе были куда страшнее тех, что приписывались Саддаму Хусейну в Кувейте.

Есть много и других примеров, хотя некоторые из тех, которые обычно приводятся, нужно рассматривать с осторожностью, особенно те, которые касаются Израиля. По числу жертв среди мирного населения израильское вторжение в Ливан в 1982 году, поддержанное Соединенными Штатами, превзошло развязанную Саддамом войну в Кувейте. Действия Израиля по-прежнему нарушают резолюцию Совета Безопасности 1978 года, требующую незамедлительно вывести войска из Ливана, а также целый ряд других резолюций, касающихся Иерусалима, Голанских высот и других вопросов; таких резолюций было бы гораздо больше, если бы США регулярно не накладывали на них вето. Однако раздающиеся обычно обвинения, что Израиль, особенно его нынешнее правительство, нарушает резолюцию ООН 242 и соглашения в Осло, и что США проявляют «двойной стандарт», когда терпят эти нарушения, являются, по меньшей мере, сомнительными, поскольку основаны на серьезном недопонимании этих соглашений. С самого начала процесс Мадрид-Осло замышлялся и осуществлялся США и Израилем для того, чтобы навязать урегулирование по типу бантустанов^{iv}. Арабский мир, как и многие другие, предпочел поддаться самообману относительно сути этого процесса, но она ясна из имеющихся документов, и особенно из поддержанных США проектов, выдвинутых правительствами Рабина-Переса, включая те, которые ставились в вину правительству «Ликуда» во главе с Нетаньяху.¹⁹

Конечно, неправильно утверждать, что «нет доказательств нарушения Израилем постановлений Совета Безопасности»²⁰, но приводимые часто аргументы нуждаются в тщательной проверке.

Вернемся к Ираку, который, несомненно, считается ведущим криминальным государством. Выступая на транслировавшейся по телевидению встрече с общественностью 18 февраля 1998 года и защищая американский план нападения на Ирак, госсекретарь Олбрайт и министр обороны Козн постоянно ссылались на совершаемые Саддамом зверства, хуже которых быть не может: он виновен в «применении оружия массового уничтожения против своих соседей и против собственного народа» — это его самое ужасающее преступление. «Для нас очень важно дать понять, что Соединенные Штаты и весь цивилизованный мир не могут иметь дела ни с кем, кто намерен применить оружие массового уничтожения против собственного народа, не говоря уже о своих соседях», — подчеркнула Олбрайт, отвечая в раздраженных тонах на вопрос об американской поддержке Сухарто. Чуть позже сенатор Лотт осудил Кофи Аннана за попытки установления «человеческих отношений с массовым убийцей» и выразил возмущение тем, что администрация доверяет человеку, который так низко пал.

Пустозвонство, да и только. Даже если не брать в расчет уклонение от поставленного вопроса, Олбрайт и Козн всего лишь забыли упомянуть — а комментаторы были так добры на этом не настаивать — что деяния, которые они теперь находят столь ужасающими, не сделали Ирак «государством-изгоем». И Лотт забыл указать, что его герои Рейган и Буш пестовали необычайно теплые отношения с «массовым убийцей». После применения Саддамом отравляющих газов против курдов в Халабдже в марте 1988 года не было слышно никаких страстных призывов к военным ударам; напротив, США и Великобритания оказали всевозможную поддержку массовому убийце, который тогда был «нашим парнем». Когда корреспондент телекомпании Эй-Би-Си Чарльз Гласс спустя 10 месяцев после Халабджи обнаружил объект, где осуществлялась одна из программ Саддама по созданию биологического оружия, госдепартамент опроверг эти факты, и история заглохла; теперь же — замечает Гласс — госдепартамент «проводит брифинги насчет того же самого объекта».

Два стража глобального порядка (в кооперации со многими другими странами) содействовали Саддаму и в других преступлениях — включая использование цианида, нервно-паралитического газа и других варварских видов оружия — снабжая его разведывательными дан-

ными, технологиями и различными материалами. Билл Блум^v вспоминает о докладе Банковского комитета сената (1994 г.), согласно которому министерство торговли США выявило следы поставок «биологического материала», идентичного тому, который был позже найден и уничтожен инспекторами ООН. Эти поставки продолжались, по меньшей мере, до ноября 1989 года. Спустя месяц Буш санкционировал новые займы для своего друга Саддама с «целью увеличить американский экспорт и укрепить наши позиции в деле содействия правам человека в Ираке» – невозмутимо заявлял государственный департамент, не встречая никакой критики (и даже элементарного освещения данного события) в господствующих СМИ.

Действия Великобритании были разоблачены, по крайней мере частично, в результате официального расследования (Комиссия Скотта^{vi}). Теперь британское правительство вынуждено признавать, что уже после публикации доклада Комиссии Скотта – по крайней мере, до декабря 1996 года – оно продолжало выдавать лицензии английским фирмам на экспорт материалов, которые могут быть использованы в производстве биологического оружия.

28 февраля 1998 года *New York Times*, опубликовав обзор продаж западными странами материалов, пригодных для бактериологического оружия и другого оружия массового уничтожения, упомянула один пример американских поставок в 1980-е годы, которые с одобрения правительства включали «смертоносные патогены» – некоторые из них шли из исследовательского центра вооруженных сил США в Форт-Детрике, занимающегося бактериологическим оружием. Это, однако, лишь верхушка айсберга.²¹

Типичной отговоркой сейчас стало то, что преступления Саддама якобы не были известны. Поэтому мы-де теперь по-настоящему шокированы тем, что обнаружили и должны «ясно заявить», что цивилизованные люди (по выражению Олбрайт) «не могут иметь дело» с теми, кто совершает подобные преступления. Такая поза – это циничный обман. В докладах ООН 1986 и 1987 гг. Ирак осуждался за использование химического оружия. Сотрудники американского посольства в Турции брали интервью у курдов, переживших химические атаки, а ЦРУ передало эту информацию в госдепартамент. Группы по защите прав человека незамедлительно сообщили о зверствах в Халабдже и других местах. Госсекретарь Джордж Шульц признал, что у США были свидетельства происшедшего. Группа, направленная [в Халабджу] сенатским комитетом по иностранным делам в 1988 году с целью расследования, обнаружила «неопровержимые свидетельства

массового применения химического оружия против гражданского населения». Она утверждала, что молчаливое согласие Запада на использование Ираком подобного оружия укрепило уверенность Саддама – и вполне оправданную – что он может безнаказанно применять его против собственного народа (фактически против курдов, которых этот головорез, представляющий только свое племя, вряд ли может причислить к «собственному народу»). Председатель комитета Клейборн Пелл внес в 1988 году проект закона о предотвращении геноцида, назвав «соучастием» всеобщее молчание, «в то время как людей травят газом», и заявив, что во многом это напоминает «то молчание, которое царило в мире, когда Гитлер начал кампанию, увенчавшуюся почти полным уничтожением европейских евреев». Он предупредил, что «мы не имеем права вновь замалчивать геноцид». Администрация Рейгана резко выступила против санкций и настояла на том, чтобы вопрос не предавать гласности, продолжая при этом оказывать поддержку виновнику массовых убийств. Как сообщает журналист Адель Дарвиш, «кувейтская пресса среди арабских СМИ проявляла самый большой энтузиазм в поддержке крестового похода Багдада против курдов».

В январе 1991 года, когда вовсю гремел барабанный бой войны, Международная комиссия юристов докладывала в Комиссию ООН по правам человека, что «совершив беспрецедентные преступления против собственного народа и не услышав в этой связи ни слова упрека со стороны ООН, Ирак, должно быть, пришел к выводу, что может делать все, что ему угодно». Под ООН в данном контексте следует в первую очередь понимать США и Великобританию. Эту правду необходимо похоронить – вместе с международным правом и прочими «утопическими» рассуждениями, отвлекающими от главного.²²

Какой-нибудь недобрый комментатор может заметить, что терпимость американцев и англичан к применению отравляющих газов и химического оружия не так уж и удивительна. Великобритания использовала химическое оружие во время интервенции против большевиков в 1919 году в северные районы России – и, как утверждало британское командование, успешно. Будучи государственным министром Военного ведомства в 1919 году, Уинстон Черчилль с энтузиазмом рассматривал перспективу «применения отравляющего газа против нецивилизованных племен» – курдов и афганцев – и дал указание ближневосточному командованию Королевских ВВС пустить в ход «в порядке эксперимента» химическое оружие «против непокорных арабов». При этом он отмел как «неразумные» возражения Лондонской

администрации по делам Индии и критиковал «щепетильность в вопросе об использовании газов»: «Мы не можем при всех обстоятельствах молчаливо соглашаться, когда нам говорят, что нельзя использовать любое имеющееся оружие, способное обеспечить быстрое подавление царящего на границах беспорядка», – объяснял он; химическое оружие – это просто «применение западной науки в современной войне». ²³

Администрация Кеннеди, начав в 1961-62 гг. войну против Южного Вьетнама, стала первопроходцем массированного применения химического оружия против гражданского населения. Часто и справедливо выражалась озабоченность возможными последствиями этого для американских военнослужащих, но не говорилось о несравнимо более тяжелых последствиях для мирных людей. По крайней мере, в данном случае. В одной массовой израильской газете печатались репортажи уважаемого журналиста Амнона Капелюка, которые он делал во время своей поездки во Вьетнам в 1988 году. Он обнаружил, что «тысячи вьетнамцев до сих пор умирают от последствий американской химической войны». Капелюк приводит оценки, согласно которым ее жертвами в Южном Вьетнаме стали четверть миллиона человек, а также описывает «ужасающие» сцены, увиденные в южновьетнамских больницах, где дети умирают от рака и от страшных врожденных аномалий. Именно Южный Вьетнам, а не Северный, сообщает он, был целью химической войны. В Северном Вьетнаме подобные последствия не обнаружены. Существуют также веские свидетельства применения США биологического оружия против Кубы (новость об этом, появившаяся в 1977 году, не попала в число главных), которое по самым скромным оценкам представляет собой лишь незначительный компонент непрекращающегося американского террора. ²⁴

Даже если отложить в сторону эти прецеденты, достаточно того, что США и Великобритания в настоящее время ввязались в опаснейшую разновидность биологической войны в Ираке. Разрушение инфраструктуры, запрет на импортные поставки, необходимые для ее восстановления, повлекли за собой массовые заболевания, голод и огромные масштабы преждевременной смертности, в том числе (по данным исследований, проведенных ЮНИСЕФ) более 500 тысяч детей – в среднем каждый месяц 5 тысяч детских смертей. В своем заявлении от 20 января 1998 года католические епископы резко осудили санкции, приведя слова архиепископа южных областей Ирака, который сообщал о том, что там «свиерпствуют эпидемии, тысячами унося жизни детей и больных людей». «Те же дети, которым удастся пе-

режить болезни, умирают потом от недоедания». «Епископское» заявление, полностью приведенное в издаваемом Стэнли Хеллером журнале *The Struggle*, получило в то же время весьма скудное освещение в прессе. Американцы и англичане приложили главные усилия к тому, чтобы блокировать гуманитарные программы, затягивая, в частности, разрешение на отправку машин скорой помощи (под тем предлогом, что такие машины могут быть использованы для транспортировки войск), запрещая поставки инсектицидов, необходимых для предотвращения распространения болезней, а также запчастей для канализационных систем. В то же время, по сообщению западных дипломатов, «США получили непосредственную выгоду от [гуманитарных] операций в такой же (если не в большей) степени, как Россия и Франция, путем закупки, в частности, на 600 млн. долл. иракской нефти (уступив здесь только России) и продажи Ираку американскими компаниями гуманитарных грузов на сумму 200 млн. долл. Они также утверждают, что большая часть иракской нефти, закупленной российскими компаниями, заканчивает свой путь в США.²⁵

Поддержка Вашингтоном Саддама достигала таких крайних форм, что он готов был не заметить нападение иракских ВВС на американский корабль *Stark*, в результате которого погибло 37 членов экипажа. Такая привилегия позволялась только Израилю (как это имело место с американским судном *Liberty*). Именно решающая поддержка Вашингтоном Саддама — а она продолжалась еще долгое время после совершения им тех преступлений, которые теперь так шокируют администрацию и конгресс — привела к капитуляции Ирана перед «Багдадом и Вашингтоном» — пишет Дилип Хиро в завершение своей истории об ирано-иракской войне. Эти два союзника «координировали свои военные операции против Тегерана». Уничтожение иранского гражданского авиалайнера управляемой ракетой с американского крейсера *Vincennes* было кульминацией «дипломатической, военной и экономической кампании» Вашингтона в поддержку Саддама, утверждает автор.²⁶

К Саддаму также обращались с просьбой о выполнении типичных для государства-клиента услуг: например, о подготовке нескольких сот ливийцев, направленных в Ирак американцами, с тем чтобы они потом могли свергнуть правительство Каддафи — такие детали раскрывает бывший помощник Рейгана в Белом Доме Говард Тейчер.²⁷

Вовсе не массовые преступления, совершенные Саддамом, возвели его в ранг «багдадского зверя». Скорее, дело в том, что он вышел за обозначенную линию, во многом так, как и гораздо менее злостный

преступник Норвега, чьи самые большие злодеяния также были совершены в период, когда он был американским клиентом.

Кого не включили в число «государств-изгоев»

Дополнительный свет на то, как следует определять «государства-изгои», проливает реакция Вашингтона на восстания, вспыхнувшие в Ираке в марте 1991 года, сразу после прекращения боевых действий. Государственный департамент официально повторил свой отказ иметь какие-либо отношения с иракской демократической оппозицией. Так же, как и до войны в Персидском заливе, ей было фактически отказано в доступе к ведущим американским СМИ. «Политические контакты с ними в настоящее время не соответствовали бы нашему политическому курсу», – заявил официальный представитель госдепартамента Ричард Баучер. «В настоящее время» – это 14 марта 1991 года, когда Саддам истреблял оппозицию в южном Ираке на глазах у генерала Шварцкопфа, который отказывался даже допустить восставших офицеров к оружию, захваченному у Ирака. Если бы не неожиданная реакция общественности, Вашингтон, возможно, не выразил бы даже умеренного сочувствия восставшим курдам, которые вскоре подверглись такой же участи.

Лидеры иракской оппозиции поняли, что им хотят сказать. Лейт Кубба, глава базирующегося в Лондоне Иракского движения демократических реформ, обвинял США в благосклонности к военной диктатуре и настаивал на том, что «смена режима должна идти изнутри, от людей, которые уже находятся у власти». Проживающий в Лондоне банкир и руководитель Иракского национального конгресса Ахмед Чалаби, сказал, что «Соединенные Штаты, прикрываясь фигурным листком невмешательства в иракские дела, ждут, когда Саддам уничтожит повстанцев, и надеются на то, что его можно будет позже свергнуть руками какого-нибудь подходящего офицера». Подобные подходы глубоко укоренились в политике США, заключающейся в «поддержке диктатур с целью сохранения стабильности».

Аргументы администрации были изложены ведущим дипломатическим корреспондентом *New York Times* Томасом Фридмэном. Будучи против народного восстания, Вашингтон все же надеялся, что Саддам будет устранен путем военного переворота, «и тогда перед Вашингтоном откроется самый прекрасный из миров: иракская хунта с железным кулаком, но без Саддама Хусейна». Вернулись бы те дни,

когда Саддам «своим железным кулаком ... объединял Ирак воедино, к вящему удовлетворению американских союзников – Турции и Саудовской Аравии», не говоря уже о самом Вашингтоне. Спустя два года тот же автор еще раз с похвалой отозвался о существующем положении вещей, заметив, что «американская политика всегда в том и состояла, чтобы г-н Хусейн играл полезную роль, сохраняя целостность Ирака» и поддерживая «стабильность» своим железным кулаком. Немного оснований полагать, что Вашингтон отошел от своего предпочтения диктатуры перед демократией (а такое предпочтение вызывает недовольство игнорируемой иракской оппозиции), хотя теперь он без сомнений сделал бы выбор в пользу какого-нибудь другого «железного кулака». Если это не удастся, то Саддаму придется и далее выполнять соответствующие функции.²⁸

Концепция «государств-изгоев» имеет много тонких нюансов. Так, Куба подходит на роль главного из таких государств из-за приписываемого ей участия в международном терроризме, однако США не попадают в эту категорию, несмотря на все свои почти 40-летние террористические атаки против Кубы, которые в 1997 году еще продолжались. Этот важный вывод проистекает из исследовательского доклада, опубликованного газетой *Miami Herald*, но не попавшего на страницы общенациональной прессы в США (правда, его заметили в Европе). Куба была «государством-изгоем», когда ее вооруженные силы находились в Анголе, помогая ее правительству отражать южноафриканскую агрессию, поддерживаемую США. Южная Африка, напротив, не считалась «государством-изгоем» ни в то время, ни в годы правления Рейгана, когда ее политика, по данным комиссии ООН, причинила соседним странам ущерб более чем в 60 млрд. долл. и унесла жизни более полутора миллионов человек (не говоря уже о целом ряде событий внутри ее собственных границ) – и все это при обширной помощи США и Великобритании. Такое же исключение делается для Индонезии и для многих других государств.

Критерии предельно ясны: «государство-изгой» – это не просто преступное государство, а государство, которое не повинуется указаниям сильных мира сего (а последние в этот разряд, понятно, не попадают).

Еще о «дебатах»

То, что Саддам преступник, несомненно верно. И нужно, я считаю, порадоваться тому, что США, Великобритания и институты, формирующие магистральное направление политических доктрин, наконец последовали за теми, кто «преждевременно» начал осуждать американско-британскую поддержку этого массового убийцы. Ясно и то, что он является угрозой для любого, кто окажется в пределах его досягаемости. Если сравнивать эту угрозу с угрозой, исходящей от других, то среди других стран (помимо США и Великобритании, после трансформации – и то двусмысленной – их позиции начиная с августа 1990 года) согласия мало. Англо-американский план 1998 года, предполагавший использование военной силы, был оправдан с точки зрения той угрозы, которую Саддам представлял для региона, но невозможно было скрыть очевидный факт: народы этого региона столь энергично протестовали против того, чтобы их спасали, что правительства были вынуждены следовать за оппозицией.

Бахрейн отказался разрешить американско-английским силам использовать базы на своей территории. Президент Объединенных Арабских Эмиратов назвал угрозы США начать военную акцию «ужасными и отвратительными» и заявил, что Ирак не представляет угрозы своим соседям. Саудовский министр обороны принц Султан еще ранее объявил, что «мы с этим не согласимся и мы против того, чтобы наказывать Ирак как народ и как нацию». Из-за этого Вашингтон не решился обратиться к Саудовской Аравии с просьбой об использовании ее баз. После окончания миссии Аннана саудовский министр иностранных дел принц Сауд аль-Фейсал, занимающий этот пост уже длительное время, вновь подтвердил, что любое использование саудовских военно-воздушных баз – это «вопрос, который должна решать ООН, а не США».

Редакционная статья полуофициальной египетской газеты «Аль-Ахрам» характеризовала позицию Вашингтона как «силовую, агрессивную, неразумную и пренебрежительную по отношению к жизням иракцев, которые незаслуженно подвергаются санкциям и унижениям». В ней осуждалась планируемая США «агрессия против Ирака». Иорданский парламент осудил «любую агрессию против иракской территории и любой вред, который может быть нанесен иракскому народу», а иорданская армия была вынуждена блокировать город Маман после продолжавшихся там два дня проиракских волнений. Профессор политологии Кувейтского университета предупреждал, что

«Саддаму выпала участь выступать от имени тех в арабском мире, кто лишен права голоса», выражая при этом разочарование народов «новым мировым порядком» и Вашингтоном ввиду защиты им израильских интересов.

Даже в Кувейте, как признавала пресса, американскую позицию поддерживали в лучшем случае с «прохладцей», а «о мотивах действий США говорили с цинизмом». «В то время как американцы все громче бьют в барабан антииракской войны, гневные голоса на улицах арабского мира – от переполненных каирских трущоб до сверкающих столиц Аравийского полуострова – становятся все слышнее», – сообщал корреспондент *Boston Globe* Чарльз Сеннотт.²⁹

В отличие от событий недавнего прошлого теперь иракской демократической оппозиции позволили слегка себя показать в господствующей прессе. В телефонном интервью *New York Times* Ахмед Чалаби повторил позицию, которую он несколькими неделями раньше и в более детальной форме высказывал в Лондоне: «Без политического плана свержения саддамовского режима военные удары будут контрпродуктивными» и приведут к убийству тысяч иракцев, а Саддам, возможно, даже усилит свои позиции и сохранит оружие массового уничтожения. Заодно он получит «предлог для того, чтобы выдворить Спецкомиссию ООН [инспекторов ООН по оружию массового уничтожения]», которая на деле ликвидировала гораздо больше оружия и производственных мощностей, чем бомбардировки 1991 года. Американско-английские планы «будут хуже, чем ничего». Интервью с лидерами различных оппозиционных групп выявили «почти полное единодушие» в неприятии военных акций, которые не создают надлежащей основы для восстания с целью свержения Саддама. Выступая перед парламентским комитетом, Чалаби настаивал, что «удары по Ираку, не подкрепленные стратегией» устранения Саддама, «невозможно оправдать с моральной точки зрения».

В Лондоне оппозиция также наметила альтернативную программу: 1) объявить Саддама военным преступником; 2) признать временное иракское правительство, сформированное оппозицией; 3) разморозить сотни миллионов долларов иракских активов за рубежом; 4) ограничить свободу саддамовских сил путем введения «зоны, запретной для передвижения военного транспорта» или расширения «зоны, запретной для полетов» на всю страну. США должны «помочь иракскому народу отстранить Саддама от власти» – сказал Чалаби в выступлении перед сенатским комитетом по делам вооруженных сил. Так же, как и другие лидеры оппозиции, он «отверг политические убийства, тайные

операции США или отправку наземных американских сил» – сообщало агентство Рейтер – и вместо этого призвал к «народному восстанию». Аналогичные предложения время от времени появлялись в США. Вашингтон, по его утверждениям, пытается оказать поддержку оппозиционным группам, но их собственная интерпретация носит другой характер. Позиция Чалаби, обнародованная в Англии, остается во многом такой же, какой она была несколько лет назад: «Все говорят, что Саддам заперт и изолирован, но именно американцы и англичане заперли себя своим отказом поддержать план политических перемен».³⁰

Региональная оппозиция рассматривалась как обуза, от которой нужно избавиться, а не как фактор, который нужно принимать во внимание (она удостаивалась этого внимания ничуть не больше, чем международное право). То же касалось и предупреждений со стороны старших должностных лиц ООН и других международных гуманитарных организаций в Ираке, что планируемые бомбардировки могут иметь «катастрофические» последствия для людей, переживающих огромные страдания, и грозят сорвать гуманитарные операции, которые уже принесли хотя бы некоторые облегчения.³¹ Главное – установить порядок, при котором «то, о чем мы говорим, действует» – так в 1991 году под разрывы бомб и ракет президент Буш провозгласил триумф Нового мирового порядка.

В то время как Кофи Аннан готовился к поездке в Багдад, бывший иранский президент Рафсанджани, «по-прежнему ключевая фигура в Тегеране, получил аудиенцию у больного короля Саудовской Аравии Фахда» – сообщал британский ближневосточный корреспондент Дэвид Гарднер. Это стало «контрастом по отношению к тому приему, который был оказан Мадлен Олбрайт ... во время ее недавнего посещения Эр-Рияда, где она пыталась заручиться поддержкой главного американского союзника в Персидском заливе». Когда 2 марта 1998 года десятидневный визит Рафсанджани закончился, саудовский министр иностранных дел принц Сауд охарактеризовал его как «еще один шаг в правильном направлении, к улучшению отношений», еще раз повторив при этом, что «самым большим дестабилизирующим элементом на Ближнем Востоке и причиной всех проблем в регионе» является израильская политика по отношению к палестинцам и поддержка, которую ей оказывают США. Это может дать выход народному недовольству, которого Саудовская Аравия очень опасается, а также подорвать ее легитимность как «стража» святых мест ислама, включая мечеть «Купол Скалы»^{vii} в Восточном Иерусалиме (которая

фактически включена в американско-израильские программы в качестве составной части планов по расширению «большого Иерусалима» – по сути до долины Иордана – и сохранению его в составе Израиля). Незадолго до этого арабские государства бойкотировали спонсируемый США экономический саммит в Катаре, который был призван продвигать «новый ближневосточный проект» Клинтона и Переса. Вместо этого они присутствовали на форуме Исламской конференции, состоявшемся в декабре в Тегеране, в котором участвовал даже Ирак.³²

Все это исключительно важные тенденции. Они имеют непосредственное отношение к тому интересу, который составляет подоплеку и является главным мотивом политики США в регионе. С самого окончания Второй мировой войны он заключается в том, чтобы взять под контроль крупнейшие в мире нефтяные запасы. Многие уже заметили, что в арабском мире нарастают опасения и возмущение давлением израильско-турецким альянсом, который в 1996 году был заключен в официальные рамки и с того времени значительно укрепился. В течение ряда лет он был одним из компонентов американской стратегии контроля над регионом с помощью «местных полицейских, выполняющих роль дозорных» (так объяснил суть вопроса министр обороны в администрации Никсона). Явно усиливается понимание политики Ирана, отстаивающего необходимость региональных соглашений в области безопасности, которые бы заменили доминирование США. С этим непосредственно связан и обостряющийся конфликт вокруг трубопроводов для перекачки центральноазиатской нефти в богатые страны, причем один из естественных маршрутов пролегал бы через Иран. Но американские энергетические корпорации не захотят, чтобы иностранные соперники – в число которых теперь входят Китай и Россия – получили привилегированный доступ к иракским нефтяным месторождениям (которые по своему объему уступают только саудовским) или к иранскому природному газу, нефти и другим ресурсам.

К настоящему моменту задача клинтоновских стратегов, возможно, несколько облегчилась: они на какое-то время высвободили себя из того «загона», который сами же и построили, и который не оставлял им иного выбора, как бомбить Ирак (что нанесло бы ущерб даже тем интересам, которые они представляют). Это лишь временная передышка. Она дает возможность гражданам тех государств, которые привыкли воевать, пересмотреть стереотипы своего мышления и предпринять решительные шаги, которые могли бы уже в недалеком будущем привести к крупным переменам.

ГЛАВА 3

Кризис на Балканах

24 марта 1999 г. войска НАТО, возглавляемые США, произвели пуск крылатых ракет и нанесли бомбовые удары по целям в Федеративной Республике Югославии, «ввергая Америку в военный конфликт, который, по словам президента Клинтона, был необходим, чтобы остановить этнические чистки и принести стабильность Восточной Европе», — об этом говорилось в передовицах американских газет и журналов. В своем телеобращении Клинтон объяснил, что, осуществляя бомбардировку Югославии, «мы отстаиваем наши ценности, защищаем наши интересы и способствуем утверждению дела мира». ¹

По сведениям из западных источников, в предыдущем году около 2 тысяч человек были убиты в югославском крае Косово и несколько сот тысяч жителей стали там беженцами. Почти всю вину за гуманитарную катастрофу возложили на армию и полицейские силы Югославии, а основными жертвами считали этнических албанцев-косовар, которые, согласно широко распространенным утверждениям, составляют около 90 процентов населения (оценки разнятся). По данным Верховного комиссара ООН по делам беженцев, после трех дней бомбардировок несколько тысяч жителей было изгнано в две соседние страны — Албанию и Македонию. Беженцы сообщали, что террор достиг столицы края — Приштины, которой раньше в основном удавалось избежать подобной участи; они приводили достоверные описания широкомасштабного разрушения деревень, массовых убийств и резко возросшего потока беженцев — эти действия, вероятно, преследовали цель выдворить за пределы края значительную часть албанского населения. В течение двух недель исход беженцев достиг почти 350 тысяч человек — большинство из них были из южных районов Косово, граничащих с Македонией и Албанией, в то время как неизвестное количество сербов бежало на север, в Сербию, чтобы спастись от все более масштабных воздушных ударов и наземных военных действий.

Главнокомандующий силами НАТО американский генерал Уэсли Кларк утверждал 27 марта: рост террора и насилия со стороны сербов после начала бомбардировок НАТО был «полностью предсказуем». В тот же день представитель Государственного департамента Джеймс Рубин заявил, что «Соединенные Штаты чрезвычайно встревожены

сообщениями об эскалации нападений сербов на мирных албанцев-косовар», которые сейчас приписываются главным образом полувоенным формированиям, мобилизованным с началом бомбардировок.² Фраза генерала Кларка о том, что это было «полностью предсказуемо», является преувеличением. Ничто не может быть «полностью предсказуемым» – и, конечно же, не последствия вопиющего насилия, – но он был, несомненно, прав, предполагая высокую вероятность того, что вскоре произошло. Как заметил Карнс Лорд из Школы права и дипломатии им. Флетчера, в прошлом советник по вопросам национальной безопасности в администрации Буша-ст., «противники нередко отвечают, когда в них стреляют», и «едва ли есть сомнение в том, что бомбардировки послужили и причиной, и удобным предлогом для проведения сербами более масштабных и жестоких операций по сравнению с их первоначальными планами, хотя официальные лица западных стран продолжают отрицать это».³

По сообщениям средств массовой информации, угроза натовских бомбардировок в предыдущие месяцы возникала всякий раз вслед за вспышками жестоких расправ в Косово. Отъезд из края международных наблюдателей из-за угрозы бомбардировок имел такие же последствия, что было вполне предсказуемо. Затем последовали бомбардировки, хотя при здравом размышлении можно было предвидеть, что их результатом станет рост числа убитых и увеличение потока беженцев, – так в действительности и случилось, даже если их масштабы могли оказаться для кого-то неожиданностью, но только не для американского генерала, командующего операциями.

Во времена И.Тито косовары пользовались значительной свободой самоуправления. Это положение сохранялось до 1989 года, когда Слободан Милошевич упразднил автономию Косово, ввел в крае прямое правление Сербии и стал насаждать «сербский вариант апартеида», по выражению бывшего эксперта американского правительства по Балканам Джеймса Хупера, которого нельзя назвать «голубем». Хупер ратовал за прямое вторжение НАТО в Косово. Он утверждает, что косовары «сбили с толку международное сообщество, избегая вести войну за национальное освобождение; вместо этого они придерживались ненасильственного подхода, проповедуемого ведущим косовским интеллектуалом Ибрагимом Руговой, и создавали параллельно функционирующее гражданское общество», – впечатляющее достижение, за которое были вознаграждены «формальной аудиенцией и словесной поддержкой со стороны западных правительств». Как отмечает Хупер, ненасильственная стратегия «лишилась кредита до-

верия» с подписанием Дейтонских соглашений в ноябре 1995 г. В Дейтоне США по существу произвели раздел Боснии-Герцеговины между «Большой Хорватией» и «Большой Сербией» после того, как примерно выровняли баланс сил поставками оружия и оказанием помощи в подготовке вооруженных сил хорватского диктатора Туджмана, а также поддержав проводимую им политику насильственного изгнания сербов из Краины и других районов Хорватии. Когда конфликтующие стороны оказались истощены и между ними установилось примерное равновесие, США взяли на себя руководство процессом урегулирования, потеснив европейцев, которым с самого начала отводилась грязная работа, что вызывало у них большое раздражение. Хупер пишет, что США, «считаясь с мнением Милошевича, исключили представителей косовских албанцев» из дейтонских переговоров и «избегали обсуждения проблемы Косово». «Наградой за ненасилие стало то, что международное сообщество перестало обращать внимание на эту проблему – точнее сказать, США предали ее забвению.⁴

Осознание того, что США понимают только язык силы, привело к «возникновению партизанской Освободительной Армии Косово (ОАК) и расширению народной поддержки вооруженной борьбы за независимость». ⁵ К февралю 1998 года нападения ОАК на сербские полицейские участки спровоцировали сербов на «закручивание гаек» и ответные репрессии в отношении мирных граждан. Другой весьма типичный сценарий развития событий – израильские бесчинства в Ливане, особенно те, что творились в период правления лауреата Нобелевской премии Шимона Переса. Это – пример, известный многим, по крайней мере он должен быть таковым, хотя и не совсем подходит к данной ситуации. Израильяне проводят жестокие репрессии, как правило, в ответ на нападения, которым подвергаются их вооруженные силы, оккупирующие иностранную территорию в нарушение давно действующих резолюций Совета Безопасности ООН об их выводе. Многие израильские силовые акции вовсе не являются ответными, в том числе, и вторжение в Ливан в 1982 году, которое привело к разрушению большей части этой страны и гибели 20 тысяч мирных жителей (в американских комментариях преобладает иная версия событий, хотя в Израиле правда о них не является секретом). Едва ли надо напрягать воображение, чтобы представить реакцию США на нападения на американские полицейские участки партизан, получающих снабжение из-за рубежа и имеющих там свои базы.

Вооруженный конфликт в Косово разрастался, масштабы репрессий были примерно пропорциональны тем силам, что провоцировали

насилие. Соглашение о прекращении огня, достигнутое в октябре 1998 года, позволило развернуть в крае миссию наблюдателей ОБСЕ (Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе) численностью 2 тысячи. Провал переговоров между США и Милошевичем привел к возобновлению боевых действий, которые стали еще более интенсивными с появлением угрозы натовских бомбардировок и уходом международных наблюдателей, что было опять-таки предсказуемо. Официальные представители Управления ООН по делам беженцев и Католической международной благотворительной службы помощи предупредили, что угроза бомбардировок «подвергнет опасности жизнь десятков тысяч беженцев, которые, по всей вероятности, укрываются в лесах». Они предсказывали «трагические» последствия, если «НАТО сделает невозможным их пребывание там». ⁶

Эскалация репрессий резко возросла, так как бомбардировки в конце марта 1999 года послужили «причиной и удобным предлогом» для них, что было, конечно, «предсказуемо», хотя и не «полностью».

Бомбардировки осуществлялись по инициативе США после того как Милошевич отказался поставить свою подпись под предложениями, которые страны НАТО разработали в Рамбуйе в феврале 1999 года. В НАТО существовали разногласия, которые были отражены в заголовке статьи в «New York Times», гласившем: «Сложные противоречия между большими державами на переговорах по Косово». Одна из проблем касалась развертывания миротворческих сил НАТО. Европейские державы хотели запросить санкцию Совета Безопасности ООН на развертывание этих сил в соответствии с договорными обязательствами и международным правом. Однако, по сообщению «New York Times», Вашингтон отказался принять «политически острый термин 'санкция'», но в итоге согласился, чтобы вместо него фигурировало слово «одобрение». Администрация Клинтона «строго придерживалась своей позиции в отношении того, что НАТО должна иметь возможность действовать независимо от Организации Объединенных Наций».

Разногласия в НАТО не утихали. За исключением Великобритании (к тому времени она являлась в такой же мере независимым субъектом внешней политики, какой была Украина до прихода к власти Горбачева) страны НАТО испытывали сомнения в отношении силового варианта, к чему склонялся Вашингтон. Их раздражало «бряцание оружием» государственного секретаря Олбрайт, которое они считали «непродуктивным, когда переговоры находятся на столь ответствен-

ном этапе», тем не менее «американские официальные лица были непреклонны в проведении жесткой линии». ⁷

Переходя от неоспоримых фактов к предположениям, можно задать вопрос, почему события разворачивались именно таким образом, обратив внимание прежде всего на решения, принимавшиеся американскими стратегами – фактору, который по элементарным моральным соображениям должен быть предметом нашего беспокойства в первую очередь. И это один из главных, если не решающий фактор, исходя из столь же основополагающих представлений о силе.

Прежде всего можно отметить, что едва ли вызывает удивление отказ США допустить к переговорам косоварских демократов «из уважения к Милошевичу». Можно привести еще один пример: после того, как Саддам Хусейн неоднократно применял отравляющие газы против курдов в 1988 году, США из уважения к этому своему другу и союзнику наложили запрет на официальные контакты с курдскими лидерами и иракскими диссидентами-демократами, большинству из которых был также закрыт доступ к средствам массовой информации. Официальный запрет был снова введен сразу после войны в Заливе в марте 1991 года, когда Саддам получил молчаливое согласие США на массовое истребление восставших на юге шиитов, а затем курдов – на севере страны. Кровавая резня происходила перед невозмутимым взором «несущего бурю» Нормана Шварцкопфа ¹, который объяснял, что был «обманут» Саддамом и не ожидал, что тот осмелится осуществлять военные акции с помощью вертолетов, разрешение на использование которых ему дал Вашингтон. В свое оправдание администрация Буша заявляла, что поддержка Саддама необходима для сохранения «стабильности», и уважаемые американские комментаторы с глубокомысленным видом одобряли ее выбор в пользу военной диктатуры, которая будет править Ираком «железным кулаком» так, как это делал Саддам. ⁸

Молчаливо признавая, что такая политика проводилась в прошлом, государственный секретарь Олбрайт объявила в декабре 1998 года: «Мы пришли к убеждению, что для иракского народа будет благом, если он получит правительство, которое действительно его представляет». За несколько месяцев до этого, 20 мая, Олбрайт известила президента Индонезии Сухарто, что отныне он не является «нашим парнем», утратив контроль над ситуацией в стране и не подчинившись указаниям МВФ, поэтому должен уйти в отставку и обеспечить «переход к демократическому правлению». Через несколько часов Сухарто передал официальную власть вице-президенту, который являлся его

ставленником. США приветствовали состоявшиеся в мае 1999 года выборы в Индонезии, которые Вашингтон и американская пресса превозносили как первое демократическое волеизъявление в этой стране за последние 40 лет, но при этом не вспоминали о крупномасштабной тайной военной операции США, положившей конец демократии в Индонезии сорок лет назад. Эта операция была осуществлена во многом потому, что индонезийская демократическая система являлась недопустимо открытой, позволяя даже левым силам участвовать в выборах.⁹

Нет необходимости подробно останавливаться на правдоподобности прозрения Вашингтона по поводу достоинств демократии; тот факт, что эти слова не нуждаются в комментариях, говорит сам за себя. В любом случае, нет оснований удивляться как пренебрежительному отношению США к демократическим силам в Косово, приверженным принципу ненасилия, так и натовским бомбардировкам, создававшим реальную угрозу подрыва бесстрашного и растущего демократического движения в Белграде, которое сейчас вероятно уничтожено, так как сербам «с небес ниспослано единение – но бомбами, а не Богом», по образному выражению историка Алекса Джиласа, сына югославского диссидента Милована Джиласа. «Бомбардировки поставили под угрозу жизни более 10 миллионов людей и затормозили рост нарождающихся демократических сил в Косово и Сербии», «уничтожив ... [их] ростки и исключив возможность того, что в течение очень долгого времени они снова взойдут», – таково мнение сербского диссидента Верана Матича, главного редактора независимой радиостанции «В-92» (ныне запрещенной). Бывший редактор газеты «Boston Globe» Рэндольф Райэн, работавший несколько лет на Балканах и живший в Белграде, пишет, что «сейчас Сербия, благодаря НАТО, за одну ночь стала тоталитарным государством, охваченным лихорадкой военной мобилизации», и НАТО должна была это предвидеть, равно как «знать и то, что Милошевич немедленно начнет мстить, усиливая репрессии в Косово», которые Североатлантический альянс будет не в силах остановить.¹⁰

В том, что касается «предвидения» американских стратегов, уверенность Карнса Лорда трудно разделить. Архивные документы о событиях прошлого наводят на мысль о том, что разработчики американской стратегии, вероятно, поступали так, как было естественно ожидать от тех, кто обладает козырной картой, в данном случае – силой, а именно действовали по принципу: используем ее, а дальше – будь что будет.

Держа в уме эти основные факты, можно поразмышлять о том, как Вашингтон принимал решения. Бурные события на Балканах подпадают под определение «гуманитарный кризис» с формальной точки зрения: они могли бы нанести ущерб интересам богатых и привилегированных людей в отличие от кровавой бойни в Сьерра-Леоне и Анголе или преступлений, которые США поддерживают или сами совершают. Тогда возникает вопрос, как контролировать этот самый что ни на есть настоящий кризис. Вашингтон не терпит вмешательства институтов, поддерживающих миропорядок, поэтому проблемы должны быть решены с помощью НАТО, где США неоспоримо главенствуют. Разногласия в НАТО не трудно понять: сила является козырной картой Вашингтона. Необходимо обеспечить «кредит доверия НАТО», то есть американской силе: другие должны испытывать благоговейный страх перед мировым гегемоном. Как замечает в газете «Washington Post» Бартон Геллман, делая обзор «событий, которые привели к столкновениям в Косово», «один неоспоримый аспект почти всех других альтернатив» бомбардировкам Сербии – это «унижение НАТО и Соединенных Штатов». ¹¹ Советник президента по национальной безопасности Самюэл Бергер «среди основных причин этих бомбардировок указал на необходимость ‘продемонстрировать, что НАТО настроена серьезно’». Европейский дипломат согласен с этим: «Бездействие привело бы к большим издержкам в плане доверия, особенно в то время, когда приближается саммит НАТО и празднование ее 50-ой годовщины». «Самоустранение сейчас разрушило бы доверие к НАТО», – заявил в британском парламенте премьер-министр Тони Блэр.

Сила, возможно, и не принесет желаемых результатов, но стратеги могут быть уверены, что она имеет и позитивные стороны. Сопутствующими дивидендами является рост объемов производства и продажи оружия – на протяжении многих лет они служат скрытой формой широкомасштабного участия государства в высокотехнологичных секторах экономики. И это объединяет американцев вокруг их лидеров, подобно тому, как бомбардировки сплачивают сербов вокруг Милошевича. Таковы обычные последствия, порождаемые силой: они, возможно, не носят долгосрочного характера, но и планирование охватывает лишь короткий отрезок времени. Таковы некоторые размышления, и они, пожалуй, не лишены оснований.

Дискуссионные вопросы

Существуют две фундаментальные проблемы: Каковы общепринятые и применяемые на практике «правила мирового порядка»? Как действуют эти и другие факторы в случае с Косово?

Существует система международного права и международного порядка, накладывающая обязательства на все государства и основывающаяся на Уставе ООН и последующих резолюциях и решениях Международного суда. Говоря коротко, суть ее в том, что угроза или использование силы запрещены, кроме случаев, когда их недвусмысленным образом санкционирует Совет Безопасности ООН после того, как установит, что мирные средства не принесли желаемого результата, или же когда сила используется в целях самообороны от «вооруженного нападения» («узкая» концепция) до того, как СБ ООН начнет действовать.

Конечно, здесь требуются пояснения. Так, существуют по меньшей мере трения, если не прямое противоречие между правилами миропорядка, установленными Уставом ООН, и правами, провозглашенными во Всеобщей декларации прав человека (ВД), являющейся второй опорой мирового порядка, созданной по инициативе США после Второй мировой войны. Устав ООН запрещает использование силы, которое нарушает государственный суверенитет; ВД гарантирует защиту прав отдельной личности от посягательств государства. Проблема «гуманитарной интервенции» возникает из этого противоречия. Именно о праве на осуществление «гуманитарной интервенции» в Косово заявили США и НАТО, и эта позиция в целом нашла поддержку в редакционных статьях газет и журналов и телевизионных выпусках новостей.

Однажды этот вопрос рассматривался в материале, опубликованном в газете «New York Times» под заголовком: «Ученые-правоведы поддерживают аргументы в поддержку использования силы». В качестве примера, иллюстрирующего одну из точек зрения, даны высказывания Аллена Герсона, бывшего советника миссии США при ООН. Приведены мнения и двух других ученых-юристов. Один из них, Тед Гален Карпентер «поднял на смех аргументы администрации» и отверг якобы существующее право на интервенцию. Другой ученый – Джек Голдсмит, специалист по международному праву из Чикагской школы правоведения. Он утверждает, что у критиков натовских бомбардировок «есть весьма убедительные юридические доводы», но «многие люди думают [что исключение для гуманитарной интервен-

ции] действительно существует как вопрос обычая и практики». ¹² В этом высказывании суммированы доказательства, представленные в оправдание положительного заключения по вопросу, вынесенному в заголовок статьи из «New York Times».

Замечание Голдсмита не лишено смысла, по крайней мере, если согласиться с тем, что понятия «обычай и практика» имеют самое непосредственное отношение к фактам реальной жизни. Нельзя также забывать азбучную истину о том, что право на гуманитарную интервенцию, если оно вообще существует, вытекает из «благих помыслов» тех, кто осуществляет интервенцию, а также о том, что это предположение основывается не на их голословных утверждениях, а на их репутации, в особенности на имеющихся свидетельствах их приверженности принципам международного права, решениям Международного суда и так далее. Это на самом деле является расхожей истиной, по крайней мере, в том, что касается других стран. Рассмотрим, например, предложения об интервенции в Боснию для предотвращения кровавой бойни, которые были выдвинуты Ираном в то время, когда Запад не пошел бы на такое вмешательство. Они были отвергнуты с насмешкой (фактически их вообще проигнорировали). Единственная причина такого ответа, помимо стремления подчинить своей власти – невозможность самой мысли о наличии «благих помыслов» у Ирана. Здравомыслящий человек тогда задает себе очевидный вопрос: настолько ли хуже иранский «послужной список» интервенций и террора чем американский? Возникают и другие вопросы, например: как мы должны оценивать «благие помыслы» единственной страны, которая наложила вето на резолюцию Совета Безопасности ООН, призывающую все государства подчиняться международному праву? Как насчет исторической летописи ее деяний? До тех пор, пока эти вопросы не займут подобающее место в списке проблем, обсуждаемых обществом, честный человек не смирится с их замалчиванием в угоду официальной идеологии. Полезное занятие – попытаться определить, сколько из всего, что написано по данной теме (в средствах массовой информации и иных источниках), отвечает этим элементарным условиям.

Серьезный гуманитарный кризис продолжался в Косово уже год, когда было принято решение начать бомбардировки. В таких случаях у тех, кто следит за ситуацией со стороны, есть на выбор три варианта:

- I. попытаться увеличить масштабы катастрофы,
- II. ничего не делать или

III. постараться уменьшить катастрофу.

Для иллюстрации этих альтернатив есть примеры из современной истории. Давайте обратимся к некоторым из них, имеющим схожие масштабы, и зададимся вопросом, как случай с Косово вписывается в вышеприведенную схему.

Колумбия. Согласно оценкам Государственного департамента США, количество политических убийств, совершаемых в Колумбии за год государственными силовыми структурами и связанными с ними военизированными формированиями, примерно сопоставимо с уровнем аналогичных преступлений в Косово, а поток беженцев, спасающихся в основном от чинимых ими злодеяний, превышает один миллион человек. В Западном полушарии Колумбия была основным получателем американского оружия и помощи в подготовке вооруженных сил, тогда как масштабы насилия в стране увеличивались на протяжении всех 90-х годов. И сейчас эта американская помощь расширяется под предлогом «войны с наркотиками», который отмечают почти все трезво мыслящие обозреватели. Администрация Клинтона с особым энтузиазмом превозносила президента Гавирию, который несет ответственность за «ужасающий уровень насилия» в период своего пребывания на этом посту. По данным правозащитных организаций, масштабы насилия в стране тогда превосходили даже тот уровень, что был при его предшественниках. Ознакомиться с подробностями по данному вопросу не составляет большого труда.¹³

США реагируют на ситуацию в Колумбии по варианту (I) – увеличением масштабов злодеяний.

Турция. Репрессии Турции в отношении курдов вызывали возмущение в мире на протяжении многих лет. Они достигли своего апогея в 90-х годах; одним из показателей этого является бегство более миллиона курдов из сельской местности в неофициальную курдскую столицу Дьярбакыр с 1990 по 1994 год, когда турецкая армия разрушала населенные пункты в сельских районах Курдистана. Согласно данным министра по правам человека в турецком правительстве, два миллиона человек остались без крова, что является, по его признанию, частично результатом «государственного терроризма». Количество одних только «загадочных убийств» курдов (предположительно совершенных «эскадронами смерти») достигло в 1993-1994 годах 3200 случаев – и это помимо пыток, уничтожения тысяч деревень, бомбардировок с использованием напалма, неустановленного числа раненых, которое оценивается примерно в десятки тысяч человек – никто ведь не вел точных подсчетов. Турецкая пропаганда приписывала эти убийства

террору курдов, и такая точка зрения в целом была принята также в США. Сербская пропаганда, вероятно, действовала аналогичным образом. 1994 год был отмечен для Турции двумя рекордами: как сообщал Джонатан Рэндал с места событий, это был «год наиболее жестоких репрессий в курдских провинциях» и рубеж, когда Турция стала самым крупным импортером американской военной техники и, таким образом, мировым лидером по закупкам вооружений. Ее арсенал, состоящий на 80 процентов из американского оружия, включает в себя танки «М-60», истребители-бомбардировщики «F-16», боевые вертолеты «Кобра» и десантно-транспортные вертолеты «Блэкхоук» – все это вооружение на практике использовалось против курдов.¹⁴

Когда правозащитные организации вскрыли факты использования Турцией американских реактивных военных самолетов для бомбардировок курдских деревень, администрация Клинтона нашла способы обойти американские законы, требующие приостановки поставок вооружений, действуя во многом так, как в случае с Индонезией и другими странами.

Колумбия и Турция оправдывают свои кровавые злодеяния (поддерживаемые США) тем, что они защищают свою страну от угрозы со стороны партизан-террористов. Так же поступает и правительство Югославии.

Еще один пример, иллюстрирующий вариант (I) – действия, направленные на расширение масштабов кровавых злодеяний.

Лаос. Каждый год тысячи людей, в основном дети и крестьяне-бедняки, гибнут в долине Джарс на севере Лаоса. Это место, по-видимому, является зоной самых массированных и, вероятно, наиболее жестоких в истории бомбардировок гражданских целей: яростные удары США по бедной крестьянской стране имели очень отдаленное отношение к войнам, которые они вели в этом регионе. Наиболее страшный период наступил после 1968 года, когда Вашингтон был вынужден сесть за стол переговоров (под давлением американского народа и деловых кругов), прекратив методичные бомбардировки Северного Вьетнама. Киссинджер и Никсон поставили тогда перед американской авиацией новую задачу, направив бомбардировки на Лаос и Камбоджу.

Смерть от «бомбочек» – кассетных боеприпасов, предназначенных для поражения людей, – гораздо страшнее, чем от противопехотных мин: они специально предназначены для того, чтобы убивать и калечить, и не оказывают разрушительного воздействия на машины, зда-

ния и т. д. Долина Джарс была усеяна сотнями миллионов этих преступных устройств, которые, по данным их производителя, компании «Honeywell», в 20-30 процентах случаев не взрывались. Приведенные цифры говорят или об очень плохом контроле качества «продукции», или о сознательной политике по уничтожению мирных граждан посредством отсроченного срабатывания таких «бомбочек». Эти устройства были лишь одной из использованных в той войне технологий наряду, например, с новейшими ракетами для поражения пещер, где пытались укрыться мирные жители. Количество пострадавших от «бомбочек» оценивается на уровне от нескольких сотен до «20 тысяч человек в год в масштабах всей страны», из них более половины — случаи со смертельным исходом. Эти данные были опубликованы репортером «Wall Street Journal» Барри Уэйном (он долгое время работает журналистом в странах Азии) в азиатском выпуске этой газеты. Таким образом, по самым скромным оценкам, кризисная ситуация в Лаосе примерно сопоставима в текущем году с положением в Косово, хотя в этой стране гораздо выше процент детской смертности — более половины погибших, согласно результатам исследований, о которых сообщил Центральный Комитет менонитов, работающий в Лаосе с 1977 года, пытаясь смягчить последствия кровавых преступлений, дающих о себе знать до сих пор.

Были предприняты усилия, чтобы предать огласке сложившуюся ситуацию и остановить эту гуманитарную катастрофу. Базирующаяся в Великобритании Консультативная группа по разминированию (КГР) пытается удалить смертоносные предметы, находящиеся в лаосской земле, но США, по сообщениям британской прессы, «намеренно самоустраились от участия в работе ряда западных организаций, которые последовали примеру КГР», хотя и согласились наконец-то подготовить несколько гражданских специалистов из числа граждан Лаоса. Британская пресса с некоторыми нотками раздражения приводит утверждение специалистов КГР о том, что США отказываются предоставить им «инструкции по обеспечению безопасности» при проведении операций по извлечению смертоносных предметов, которые позволили бы им выполнять работу «гораздо быстрее и с меньшим риском». Технология выполнения таких работ, равно как и все обстоятельства данного дела покрыты в США завесой секретности. По сообщениям бангкокской прессы, очень схожая ситуация наблюдается в Камбодже, особенно в ее восточных районах, которые с начала 1969 года подвергались наиболее массированным бомбардировкам американской авиации.¹⁵

Реакцией США на ситуацию в Лаосе является вариант (II) – ничего не делать. Реакция средств массовой информации и комментаторов – хранить молчание, следуя правилам, согласно которым война против Лаоса имеет гриф «секретной войны» – то, что за ним скрывается, было всем хорошо известно, но оно замалчивалось, как и в случае с Камбоджей после марта 1969 года. Тогда, как и сейчас, освещение этого вопроса подвергается беспрецедентной самоцензуре. Актуальность столь шокирующего примера должна быть очевидной без дальнейших комментариев.

Президент Клинтон объяснял американскому народу, что «бывают времена, когда уход от проблемы – это отнюдь не вариант, который можно было бы избрать»; «мы не можем реагировать на каждую трагедию в любом уголке мира», но это не значит, что «мы должны бездействовать в каждом случае». ¹⁶ Однако президент и комментаторы забыли добавить, что «времена» для вмешательства выбирают очень расчетливо. Этот принцип, применяемый к «гуманитарным кризисам», уже был рассмотрен выше с формальной точки зрения – на примере ситуаций, когда возникает угроза интересам толстосумов и касты избранных. Соответственно, приведенные примеры не подпадают под определение «гуманитарных кризисов», поэтому игнорирование и бездействие в ответ на творимые злодеяния, несомненно, являются вариантами политического выбора, но они вовсе не обязательны. В силу схожих причин западные дипломаты воспринимают политику Клинтона в отношении Африки так: «предоставьте Африке самой решать свои проблемы», например, в Республике Конго, ставшей ареной широкомасштабной войны и массовой резни. В данном случае Клинтон отказал ООН в просьбе выделить 100 тысяч долларов на развертывание в этой стране батальона миротворцев, и его отказ, по словам высокопоставленного представителя ООН в странах Африки, весьма уважаемого дипломата Мохаммеда Сахнуна, «торпедировал» соответствующее предложение ООН. В случае со Сьерра-Леоне «Вашингтон затягивал обсуждение британского предложения направить миротворцев» в эту страну в 1997 году, тем самым приближая еще одну крупную катастрофу, и, учитывая ее характер, он предпочел «отмахнуться» от ее. Были и другие ситуации, когда «Соединенные Штаты также активно срывали усилия Организации Объединенных Наций по развертыванию миротворческих операций, которые могли бы, по мнению дипломатов из Европы и ООН, предотвратить некоторые из войн в Африке», – об этом говорилось в материале корреспондента

Колэма Линча как раз в то время, когда разработка планов бомбардировок Косово приближалась к завершению.¹⁷

Я не буду останавливаться на других примерах реализации вариантов (I) и (II), которых имеется в избытке, а также на разного рода кровавых преступлениях нашего времени, таких, как массовое убийство мирных иракских граждан, сравнимое по своему изуверству с биологической войной. «Очень трудный выбор», – так прокомментировала Мадлен Олбрайт, отвечая в 1996 году на вопрос американского телевидения об ее реакции на гибель полумиллиона иракских детей в течение пяти лет; но «мы думаем, что эта цена оправдана», – добавила она. По нынешним оценкам, сейчас каждый месяц в Ираке погибает примерно 5 тысяч детей, и цена эта по-прежнему остается «оправданной». ¹⁸ Об этом и о других подобных примерах надо помнить при чтении восторженных отчетов о том, как «моральный компас» администрации Клинтона наконец-то исправно заработал в Косово. ¹⁹

Косово – еще одна иллюстрация осуществления на практике варианта (I): действовать так, чтобы масштабы насилия возражали – в расчете именно на такой результат.

«Гуманитарная интервенция»

Найти примеры, иллюстрирующие вариант (III), также очень легко, по крайней мере, если обратиться к заявлениям официальных лиц. Наиболее подробное фундаментальное исследование последнего времени, посвященное проблеме «гуманитарной интервенции», принадлежит перу Шёна Мэрфи, ныне являющегося советником по юридическим вопросам посольства США в Гааге. В его книге прослеживаются события после подписания Пакта Бриана-Келлога в 1928 год, объявившего войну вне закона, а также период после принятия Устава ООН, в котором эти положения получили дальнейшее развитие и более четкую формулировку. Он пишет, что в рамках первого из двух рассматриваемых периодов наиболее известными примерами «гуманитарной интервенции» являются нападение Японии на Маньчжурию, вторжение Муссолини в Эфиопию и оккупация Гитлером части Чехословакии, – все эти акции сопровождалась всплеском гуманистической риторики и ссылками на исторические факты в качестве обоснования. Япония намеревалась создать «земной рай», защищая маньчжуров от «китайских бандитов» при поддержке одного из видных китайских националистов, наиболее почитаемого политического деятеля из чис-

ла тех, чьи имена могло воскресить в памяти нападение США на Южный Вьетнам. Муссолини освобождал тысячи рабов, расширяя границы «цивилизаторской миссии» Запада. Гитлер объявил о намерении Германии положить конец трениям и насилию на этнической почве и «защитить национальную индивидуальность германского и чешского народов» в результате операции, «преисполненной страстным желанием служить подлинным интересам народов, проживающих на этой территории», в соответствии с их волей; словацкий президент попросил Гитлера провозгласить Словакию протекторатом.²⁰

Другое полезное интеллектуальное упражнение – сравнить эти бесстыдные оправдания с теми, что были представлены для обоснования интервенций, включая «гуманитарные интервенции», в период после принятия Устава ООН.

В этот период, пожалуй, наиболее ярким примером варианта (III) является вторжение Вьетнама в Камбоджу в декабре 1978 года, положившее конец зверствам Пол Пота, которые в то время достигли наибольшего размаха. Вьетнам сослался на право на самооборону от вооруженного нападения – один из немногих примеров после принятия Устава ООН, когда подобная ссылка имела под собой основание: режим красных кхмеров (Демократическая Кампучия, ДК) осуществлял кровавые вылазки на вьетнамскую территорию в приграничных районах. Показательна реакция США. Американская пресса осудила «пруссаков» из Азии за их вопиющее нарушение международного права. Они были жестоко наказаны за свое преступление, которое состояло в прекращении кровавых злодеяний Пол Пота, – сначала китайским вторжением (поддерживаемым США), затем очень жесткими санкциями, введенными Вашингтоном. Из разъяснений Государственного департамента следовало, что США признали изгнанных лидеров ДК в качестве официального правительства Камбоджи в силу его «преемственности» режиму Пол Пота. Не обременяя себя изощренными уловками, США оказывали поддержку продолжающимся нападениям красных кхмеров в Камбодже.

Приведенный пример расширяет наши представления об «обычае и практике», которые лежат в основе «нарождающихся правовых норм гуманитарной интервенции».

Еще одной иллюстрацией варианта (III) является вторжение Индии в Восточный Пакистан в 1971 году, которое положило конец массовой резне и исходу беженцев (более 10 миллионов человек, согласно оценкам того времени). США осудили Индию за агрессию; Киссинджер был особенно разгневан действиями Индии, видимо, еще и пото-

му, что они мешали осуществлению его тщательно подготовленного секретного визита в Китай. Возможно, это один из эпизодов, которые историк Джон Льюис Гэддис имеет в виду в своей льстивой рецензии на последний том мемуаров Киссинджера, когда он восхищенно пишет о том, что Киссинджер «признает в них – более откровенно, чем в прошлом – влияние того обстоятельства, что его взросление происходило в нацистской Германии, и тех примеров, что преподали ему родители – как следствие, невозможность для себя совершать поступки вне моральных рамок». ²¹ Подобная логика торжествует, о чем свидетельствуют примеры, слишком хорошо известные в истории.

Здесь мы снова сталкиваемся с теми же самыми выводами.

Несмотря на отчаянные усилия идеологов доказать, что круг – квадратный, нет серьезных оснований сомневаться в том, что бомбардировки НАТО еще больше подрывают то, что осталось от хрупкой структуры международного права. Как уже говорилось выше, США заявили со всей определенностью о своей позиции в ходе дебатов, которые привели к принятию решения НАТО о нанесении воздушных ударов. Чем ближе к зоне балканского конфликта, тем сильнее, даже в рядах НАТО (Греции и Италии), возражения против настойчивого требования Вашингтона применить силу. Опять-таки это не является чем-то из ряда вон выходящим. Другой пример из недавнего прошлого – американо-британская бомбардировка Ирака, осуществленная в декабре 1998 года с удивительно беспардонным пренебрежением к Совету Безопасности ООН – даже выбор времени для нанесения ударов, совпавший с проведением чрезвычайного заседания этого органа по проблеме урегулирования «иракского» кризиса. Другой, не столь яркой в данном контексте иллюстрацией является уничтожение половины производственных мощностей фармацевтической промышленности в одной из беднейших стран Африки (Судане) за несколько месяцев до иракских событий. Это еще одно событие, ничего не говорящее о том, что показания «морального компаса» отклоняются от курса на справедливость, хотя сопоставимое по масштабам разрушение американских объектов исламскими террористами могло бы вызвать несколько иную реакцию. Нет необходимости подчеркивать, что существует значительно более подробная летопись подобных событий, которую можно было бы здесь привести, если бы считалось, что значение понятий «обычай и практика» определяется фактами реальной действительности.

Правила миропорядка

С достаточно высокой степенью достоверности можно утверждать, что в настоящее время, как и в конце 1930-х годов, дальнейшее искоренение правил миропорядка не имеет особого значения. Пренебрежение ведущей державой мира основами миропорядка стало столь вопиющим, что здесь едва ли есть предмет для обсуждения.²² Хотя команда Рейгана положила почин в этом деле, при Клинтоне игнорирование мирового порядка было настолько вызывающим, что оно вызвало беспокойство даже у политических аналитиков «ястребиного» толка. В ведущем журнале политического истеблишмента «Foreign Affairs» Самюэл Хантингтон предостерегает о том, что Вашингтон идет по опасному пути. Он говорит, что в глазах многих людей в мире – возможно, большинства из них – США «становятся сверхдержавой-изгоем» и рассматриваются ими как «наибольшая одиночная внешняя угроза их обществам». Он утверждает, что «теория международных отношений», которой придерживаются сторонники политической школы «реализма», предсказывает возможность возникновения коалиций с целью уравновесить сверхдержаву-изгоя.²³ В таком случае, по прагматическим соображениям, американская позиция должна быть пересмотрена. У американцев, которые предпочитают, чтобы их страна имела другой имидж, возможно, есть иные основания для беспокойства по поводу указанных тенденций, но это, вероятно, мало волнует американских стратегов, поскольку они сосредоточены на более узких задачах и находятся в плену идеологии.

Как все это соотносится с вопросом о том, что делать в Косово? Он остается без ответа. Курс, выбранный США, по их собственному откровенному признанию, ведет к эскалации жестокости и насилия; он наносит еще один удар по режиму международного правопорядка, который действительно предлагает слабым странам по крайней мере некоторую ограниченную защиту от агрессивных государств. Этот курс подрывает и, может быть, даже разрушает перспективы развития событий в Югославии и, возможно, в Македонии, по демократическому пути. Что касается более отдаленного будущего, то последствия такой политики непредсказуемы.

Одно довольно здравое замечание гласит: «каждая бомба, падающая на Сербию, и каждое убийство в Косово на этнической почве приводят к мысли, что сербы и албанцы едва ли смогут каким-либо образом мирно уживаться друг с другом».²⁴ Другие возможные в долгосрочной перспективе альтернативы также не внушают оптимизма.

Обращение к силе сузило выбор имеющихся вариантов, что опять-таки было предсказуемо. Пожалуй, наименее плохой из них – это фактический раздел Косово, по которому к Сербии отходят северные районы, богатые природными ресурсами, и где находятся ее основные исторические памятники, а южный регион становится протекторатом НАТО, где албанцы могут прозябать в нищете. Другая возможность заключается в том, что с уходом из края основной массы населения США могли бы прибегнуть к «карфагенскому» решению проблемы. Если так и случится, в этом не будет ничего нового, свидетельством чему могут служить обширные территории в Индокитае.

Расхожий тезис утверждает, что США нужно было что-то делать: они не могли просто оставаться безучастными наблюдателями в то время, как в Косово продолжались злодеяния. Этот аргумент настолько абсурден, что даже как-то странно его слышать. Предположим, что вы видите, как на улице совершается преступление, и понимаете, что не можете молча стоять в стороне – поэтому вы берете автоматическую винтовку и убиваете всех участников данного события: преступника, жертву, свидетелей. Должны ли мы воспринимать это как разумную и морально оправданную реакцию?

Выбор, который всегда есть – это следовать принципу Гиппократы: «прежде всего не навреди». Если невозможно найти способ действий, отвечающий этому основному принципу, тогда ничего не предпринимайте – по крайней мере, это лучше, чем причинить вред. Однако всегда существуют и другие возможности, которые можно рассмотреть. Всегда есть место для дипломатии и переговоров. Такой вариант был реален вплоть до самого начала бомбардировок, когда парламент Сербии в своем ответе на ультиматум Клинтона осудил уход международных наблюдателей и призвал к переговорам о «достижении политического соглашения по вопросу широкой автономии» для Косово и о «масштабах и характере международного присутствия» в этом крае для реализации данного соглашения.²⁵ Это предложение тут же появилось в сообщениях информационных агентств, но о нем почти ничего не сообщалось в США, и оно оставалось неизвестным широкой общественности. Нам не дано знать, к чему могло бы привести на практике предложение Сербии, так как эти два воинственных государства предпочли отвергнуть дипломатический путь в пользу силового решения.

Еще один аргумент, если его можно так назвать, был наиболее четко сформулирован Генри Киссинджером. Он считает, что интервенция была ошибкой («не закончившейся», «засасывающей» и т. д.).

Кроме того, предпринятая акция не принесла результатов. «На протяжении веков эти конфликты [на Балканах] протекали с невиданной жестокостью, потому что у населения балканских стран не было опыта жизни в соответствии с западными идеями толерантности, и в своей основной массе оно в них не верило». Наконец-то мы понимаем, почему европейцы проявляли такую трогательную заботу в отношении друг друга «на протяжении веков» и так усердно пытались в течение многих столетий донести до других идеи ненасилия, терпимости, доброты и любви.²⁶

На К. всегда можно положиться, чтобы отвлечься и посмеяться, хотя на самом деле он не одинок в этом. В один ряд с ним можно поставить тех, кто размышляет о «балканской логике», противопоставляя ее рассудочности людей западного мира, а также тех, кто напоминает нам об «отвращении к войне и вмешательству в дела других» – «нашей врожденной слабости» – и о нашей тревоге по поводу «неоднократных нарушений норм и правил, установленных международным договором [и] конвенциями о защите прав человека».²⁷ Мы должны рассматривать Косово как «Новое столкновение Востока и Запада», – гласит заголовок обзорной статьи в «New York Times». Он служит яркой иллюстрацией к статье Самюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций»: «демократический Запад, его гуманистические инстинкты коробит варварская жестокость православных сербов». Все это «очевидно для американцев», но не для других – факт, который США не могут постичь.²⁸

Можно также послушать вдохновенные слова министра обороны Уильяма Коэна, произнесенные в его вступительной речи во время поездки президента США на военно-морскую базу в Норфолке. Он начал свою речь с цитаты из выступления Теодора Рузвельта, прозвучавшего «на заре этого века, когда Америка пробуждалась, обретая новое место в мире». Президент Рузвельт сказал: «Если вы не будете готовы сражаться за великие идеалы, эти идеалы перестанут существовать». Коэн добавил: «Сегодня, на заре следующего века, с нами президент Билл Клинтон», который понимает так же, как в свое время Рузвельт, что «было бы просто недопустимо стоять в стороне... и быть свидетелем того неопишемого ужаса, который вот-вот станет реальностью и серьезно нарушит мир и стабильность стран НАТО».²⁹ Интересно, какие мысли должны были посетить человека, чтобы он представил этот известный пример расистского, фанатичного и оголтелого ура-патриотизма в качестве образца американских ценностей, равно как и события, иллюстрирующие воспеваемые им «великие

идеалы» – уничтожение сотен тысяч филиппинцев, боровшихся за освобождение своей страны от испанского ига, вскоре после того, как Рузвельт сам приложил руку к тому, чтобы не позволить кубинцам добиться той же самой цели.

Более умудренные комментаторы подождут, пока Вашингтон не определится с официальной версией. После двух недель бомбардировок эта версия гласила, что они и знали, и не знали о том, что грядет катастрофа. 28 марта 1999 года, «когда репортер спросил, ведут ли бомбардировки к эскалации насилия, [президент Клинтон] ответил: «Конечно, нет»». ³⁰ Он вновь изложил эту позицию в своей речи в Норфолке 1 апреля: «Если бы мы не стали действовать, сербское наступление осуществлялось бы безнаказанно». По сообщениям прессы, представитель Пентагона Кеннет Бэкон заявил на следующий день, что в реальности дело обстоит совсем иначе: «Я не думаю, что кто-нибудь мог предвидеть разрастание масштабов этой жестокости», ³¹ – «первое признание» администрации, что «она не была полностью готова к кризису» – тому самому, что был «полностью предсказуем», как заявил прессе за неделю до этого генерал, руководивший операцией НАТО. С самого начала сообщения с места событий свидетельствовали о том, что «администрация была застигнута врасплох» ответными военными действиями сербов. ³²

К праву на «гуманитарную интервенцию», вероятно, будут все чаще обращаться в ближайшие годы. Может быть, этому будет даваться соответствующее оправдание, а, возможно, что и нет – сейчас, когда аргументы времен холодной войны уже утратили свою силу. В нынешнее время, видимо, стоит обратить внимание на мнение глубокогоуважаемых комментаторов: оно заключается в том, чтобы замалчивать работу Международного суда, вынесшего решение по вопросу интервенции и «гуманитарной помощи», которое было отвергнуто Соединенными Штатами и о сути которого даже не сообщалось.

В научных дисциплинах по международным отношениям и международному праву трудно найти более авторитетное мнение, чем Хедли Булла и Льюиса Хенкина. Пятнадцать лет назад Булл предупреждал, что «определенные государства или группы государств, которые, не считаясь с мнением других, наделили себя правами судей, определяющих, что является благом для всего мира, в действительности представляют собой угрозу международному порядку и, как следствие, эффективным действиям по его поддержанию». В классическом труде о миропорядке Хенкин пишет:

Действия, ставящие под сомнение правомерность запрета на использование силы, прискорбны, а аргументы, выдвигаемые с целью узаконить применение силы, являются в этих условиях неубедительными и опасными ... Нарушения прав человека действительно очень широко распространены, и если разрешить устранять их с помощью внешней силы, то никакой закон не сможет запретить использование силы почти каждым государством против почти любого другого государства. Я считаю, что права человека должны охраняться, несправедливость же – устраняться, но другими, мирными средствами, а не потворством агрессии и уничтожением главного завоевания международного права: объявления войны вне закона и запрета прибегать к силе.³³

Общепризнанные принципы международного права и миропорядка, договорные обязательства, решения Международного суда, взвешенные суждения наиболее авторитетных комментаторов, – все это не дает автоматического решения конкретных проблем. Каждая проблема должна рассматриваться по существу. На тех, кто не приемлет норм, по которым живет Саддам Хусейн, лежит нелегкое бремя представить веские доказательства своей правоты, чтобы прибегнуть к угрозе или использованию силы в нарушение принципов международного порядка. Возможно, им это бремя и по плечу, но они должны предъявить реальные доказательства, а не только заявлять об этом в своих пылких речах. Необходимо тщательно взвешивать последствия нарушений общепринятых международных правил – в частности, то, что делают США, должно быть «предсказуемым». Те, кто хоть в минимальной степени подходит серьезно к данному вопросу, должны понимать: мотивы подобных действий также следует подвергать оценке – с точки зрения доводов разума, обращая внимание на исторические факты и документированную летопись событий, а не только на панегирики нашим лидерам и их «моральному компасу».

ГЛАВА 4

Восточный Тимор: ретроспектива

Нелегко с напускным спокойствием и беспристрастно писать о событиях, которые разворачивались в Восточном Тиморе. Ужас и позор усугубляет то, сколь легко узнаваем почерк совершенных там преступлений, при том, что не требовалось больших усилий, чтобы их прекратить. Это можно было сделать с того самого момента, как Индонезия вторглась в Восточный Тимор в декабре 1975 года, опираясь на американскую дипломатическую поддержку и оружие, которое она использовала в нарушение американского законодательства, но с тайного одобрения Вашингтона; более того, под прикрытием официального «эмбарго» ей поставлялись все новые партии вооружений. Не было никакой необходимости угрожать бомбардировками или даже санкциями. Достаточно было того, чтобы США и их союзники свернули свою активную помощь и довели до сведения своих приспешников в военном руководстве Индонезии, что массовые репрессии должны быть прекращены и этой территории следует предоставить право на самоопределение, в поддержку которого выступили Организация Объединенных Наций и Международный суд. Изменить прошлое нельзя, но надо, по крайней мере, быть готовыми признать свои деяния, принять моральную ответственность за спасение того, что еще осталось, и выделить щедрую сумму в качестве возмещения ущерба – жалкое подобие компенсации за ужасные преступления.

Последняя глава в этой душераздирающей истории предательства и пособничества началась сразу после референдума, состоявшегося 30 августа 1999 года, когда подавляющее большинство населения проголосовало за независимость. Вслед за этим сразу же резко возросли масштабы репрессий, организованных и направляемых индонезийской армией (ТНИ (TNI)). Миссия ООН в Восточном Тиморе (ЮНАМЕТ, (UNAMET)) дала свою оценку событиям 11 сентября:

Не вызывают никаких сомнений доказательства существования прямой связи между военизированными формированиями и регулярной армией. Эти факты в подавляющем большинстве случаев были документированы ЮНАМЕТ в течение последних четырех месяцев. Однако масштабы и методичность уничтожения Восточного Тимора в последнюю неделю про-

демонстрировали новый уровень неприкрытого участия регулярной армии в операции, ранее осуществлявшегося в более завуалированной форме.

Миссия ООН предупреждала, что «худшее, возможно, еще впереди... Нельзя исключать, что это только первый этап кампании геноцида, проводимой с целью искоренить проблему Восточного Тимора с помощью силы».¹

Специалист по истории Индонезии Джон Руза, присутствовавший на голосовании в качестве официального наблюдателя, описывает ситуацию без прикрас:

Учитывая, что погромы были столь предсказуемы, их легко можно было предотвратить... Однако в течение нескольких недель до голосования администрация Клинтона отказывалась обсуждать с Австралией и другими странами вопрос о формировании [международных сил]. Даже после того, как вспыхнуло насилие, администрация несколько дней пребывала в замешательстве²,

— а именно до тех пор, пока требования международного сообщества (главным образом Австралии) и призывы в самих США не заставили ее сделать первые робкие шаги. Даже этих неясных сигналов оказалось достаточно, чтобы принудить индонезийских генералов пойти на попятную и согласиться на присутствие международных сил, тем самым высветив скрытые рычаги влияния, которые всегда были в распоряжении США.

Те рычаги влияния позволяют добиться того, чтобы ООН не могла ничего сделать без согласия и инициативы Вашингтона. Пока Клинтон «находился в замешательстве», почти половина населения Восточного Тимора, по оценкам ООН, была изгнана из своих домов, а тысячи людей убиты.³ ВВС, показывающие отличные результаты в прицельном уничтожении гражданских целей в Нови-Сад, Белграде и Панчево, видимо, не были способны сбросить продукты питания людям, которым угрожала голодная смерть в горах, куда их загнал террор, развязанный индонезийскими войсками (ТНИ), вооруженными и обученными Соединенными Штатами и их не менее циничными союзниками.

Недавние события вызовут горькие воспоминания у тех, кто делает выбор в пользу «сознательного неведения». Мы оказались свидетелями позорного повторения событий 20-летней давности. Устроив массовую резню в 1977-78 гг. при решающей поддержке администрации Картера, Индонезия почувствовала достаточную уверенность, чтобы разрешить краткий визит в Восточный Тимор членов аккредитованно-

го в Джакарте дипломатического корпуса, среди которых был посол США Эдвард Мастерс. Визитеры признали, что в этой стране разразилась огромная гуманитарная катастрофа. Последствия тех событий описал Бенедикт Андерсон, один из самых известных специалистов по Индонезии. Давая показания на слушаниях в ООН, Андерсон заявил: «В течение девяти долгих месяцев» голода и террора посол Мастерс, даже в стенах Государственного департамента, сознательно избегал выдвигать предложение об оказании гуманитарной помощи Восточному Тимору», дожидаясь, «когда генералы в Джакарте дадут ему зеленый свет», почувствовав «себя в достаточной безопасности, чтобы разрешить приезд иностранных визитеров», – об этом говорится в документе Госдепартамента, предназначенном для внутреннего пользования. Только потом Вашингтон стал рассматривать возможность принятия некоторых мер по урегулированию последствий своих деяний.⁴

В то время как индонезийская армия (ТНИ) и ее полувоенные формирования сжигали дотла столицу Восточного Тимора город Дили в сентябре 1999 года, убивая и творя бесчинства с новой силой, Пентагон объявил, что «американо-индонезийские учения, главной целью которых является отработка действий по оказанию гуманитарной и экстренной помощи при катастрофах, завершились 25 августа», за пять дней до проведения референдума в Восточном Тиморе, вызвавшего резкий всплеск преступлений – чего как раз и ожидало политическое руководство в Вашингтоне, по крайней мере, если оно читало донесения собственной разведки.⁵ Уже через несколько дней уроки такого сотрудничества нашли традиционное применение на практике, что должны понимать все, кто сознательно не закрывает на это глаза, слыша много лет одни и те же рассказы и наблюдая одни и те же результаты.

Ужасающей иллюстрацией к сказанному является переворот, приведший генерала Сухарто к власти в 1965 году. В ходе резни, учиненной армией, за несколько месяцев погибли сотни тысяч людей, большинство из них – безземельные крестьяне, была уничтожена массовая политическая партия левых сил – ПКИ (РКИ). Этот итог вызвал нескрываемый восторг у Запада и его притворную похвалу в адрес индонезийских «умеренных», Сухарто и его сообщников из числа военных, которые «очистили» общество и открыли страну для грабежа иностранцами. Министр обороны США Роберт Макнамара проинформировал Конгресс, что американская военная помощь и подготовка индонезийских военных «принесли дивиденды» – в том числе пол-

миллиона трупов, – «огромные дивиденды», как гласил вывод, содержащийся в отчете о заседании Конгресса. Макнамара сообщил президенту Джонсону, что американская военная помощь «вдохновила [индонезийскую армию] к акциям против ПКИ, когда представилась возможность». Контакты с офицерами индонезийской армии, в том числе по линии университетских программ, являлись «очень важным фактором в формировании благоприятной ориентации новой политической элиты Индонезии» (т. е. армии).⁶

Размах сотрудничества между Вашингтоном и Джакартой впечатляет. Продажа американского оружия Индонезии со времени ее вторжения в Восточный Тимор в 1975 году превысила 1 млрд. долл. Военная помощь, предоставленная ей в период президентства Клинтона, составила почти 150 млн. долл.

На протяжении 1990-х гг. США продолжали оказывать поддержку «нашему парню», как называла генерала Сухарто клинтоновская администрация, пока он не впал в немилость, утратив контроль над ситуацией в стране и не проявив должного рвения в исполнении жестких предписаний МВФ. После массовых убийств в Дили в 1991 г. Конгресс запретил продажу оружия Индонезии и американское участие в подготовке индонезийских военных, однако Клинтон нашел окольные пути, чтобы обойти запрет. Капитолий выразил свое «возмущение», вновь заявив, что «целью Конгресса был и остается запрет на американские программы подготовки вооруженных сил Индонезии», – об этом могли узнать читатели журнала «Far Eastern Economic Review» и американских диссидентских изданий. Однако запрет законодателей не возымел действия.

На запросы в ходе расследования программ администрации Клинтона была получена отписка Государственного департамента: американские программы подготовки выполняют позитивную функцию приобщения иностранных военных к ценностям США. Эти ценности предстали во всей своей красе, когда в Индонезию потоком хлынула военная помощь и санкционированная правительством продажа вооружений с 1997 по 1998 финансовый год возросла в пять раз. В апреле 1999 г., вскоре после убийства десятков беженцев, нашедших убежище в церкви в Ликике, командующий американскими войсками в зоне Тихого океана адмирал Деннис Блэр заверил командующего индонезийской армии генерала Виранто в поддержке и помощи США, предложив новую программу военной подготовки с американским участием.⁷

19 сентября 1999 г. служба международных новостей лондонской газеты «Observer» сообщила о клинтоновской программе «Непоколебимый баланс» («Iron Balance»), в рамках которой и в нарушение запрета Конгресса велось обучение индонезийских военных в 1998 году. Этой программой были охвачены и «Компассус» – карательные части, которые организовали и руководили военизированными формированиями, принимали непосредственное участие в их злодеяниях, о чем Вашингтону было хорошо известно. В рамках программы «Непоколебимый баланс» эти части проходили дополнительную подготовку для ведения антиповстанческих и «психологических операций», приобретали знания и навыки, которые сразу же эффективно применяли на практике.

Все вышеприведенные факты были преданы забвению, включая историю того, как США оказывали решающую поддержку творимым злодеяниям в прошлом. Эти факты не получили никакого освещения в средствах массовой информации, так же, как и многие другие события предыдущего года: например, единогласное голосование в Сенате 30 июня 1999 г., призывающее администрацию Клинтона увязать предоставление «любого кредита или финансовой помощи Индонезии» с ее военными действиями в Восточном Тиморе, – о чем могли узнать читатели газеты «Irish Times».

Вопреки свидетельствам неблагоприятного поведения США в вышеописанной ситуации, здесь лишь кратко проиллюстрированного примерами и неоднократно повторявшегося в других уголках земного шара, американское правительство превозносит «значение тех лет, что были потрачены на обучение в Соединенных Штатах будущих руководителей индонезийских вооруженных сил, и миллионов долларов военной помощи, предоставленных Индонезии», призывая увеличить масштабы подобного сотрудничества с Джакартой и другими странами в различных регионах мира.⁸

«Дилемма» Восточного Тимора

Иногда можно встретить правдивое объяснение причин позорных фактов в истории американской политики. Во время кампании репрессий, проводившейся накануне выборов, высокопоставленный дипломат в Джакарте так охарактеризовал «дилемму», которая стоит перед великими державами: «Индонезия имеет значение, а Восточный Тимор – нет».⁹ Поэтому понятно, что Вашингтон должен постоянно

демонстрировать свое показное неодобрение, но при этом настаивать на том, что «ответственность» за внутреннюю безопасность в Восточном Тиморе лежит «на правительстве Индонезии и США не хотят перекладывать ее на свои плечи», – такова американская официальная позиция, получившая подтверждение за несколько дней до августовского референдума, хотя им было хорошо известно, как эта «ответственность» осуществлялась на практике. Вашингтон продолжал придерживаться данной позиции и тогда, когда вскоре начали сбываться самые мрачные предсказания.¹⁰

Аргументация упоминавшегося выше высокопоставленного дипломата была более подробно изложена двумя специалистами по Азии из «New York Times». Они писали: администрация Клинтона «посчитала, что Соединенные Штаты должны поставить свои отношения с Индонезией – страной, богатой запасами сырья, чье население составляет более 200 миллионов человек – превыше своей озабоченности политической судьбой Восточного Тимора, маленькой обнищавшей территории с 800-тысячным населением, стремящимся к независимости». Второй общенациональный журнал приводит слова Дугласа Паала, президента Центра азиатско-тихоокеанской политики, который констатирует реальное положение вещей: «Тимор – малозначимое препятствие, как асфальтовый гребень поперёк проезжей части на пути наших отношений с Джакартой, и мы должны благополучно преодолеть его. Индонезия – большая страна, и она имеет весьма большое значение для стабильности в регионе».¹¹

Понятие «стабильность» давно служит кодовым обозначением «благоприятной ориентации политической элиты» – благоприятной не для населения своей страны, а для иностранных инвесторов и менеджеров транснациональных корпораций.

По заявлению официального Вашингтона, «у нас нет своего фаворита в предвыборной гонке в Восточном Тиморе». Поэтому, нет и дела до того, что там происходит. Однако после настойчивых требований Австралии, американские планы изменились: «В этой гонке есть участник, на которого мы делаем очень большую ставку – он называется Австралия, и его мы должны поддержать», – заключает высокопоставленный сотрудник американского правительства.¹² Люди, пережившие преступления, совершенные при американской поддержке на «маленькой обнищавшей территории», не являются для США даже «весьма скромной ставкой».

Эти руководящие принципы хорошо усвоили те, кто несет ответственность за вторжение Индонезии в Восточный Тимор в 1975 г. Их

сформулировал посол США в ООН Даниэл Патрик Мойнихэн в выражениях, которые должен запомнить каждый, кто всерьез интересуется международными отношениями, правами человека и соблюдением законности. Совет Безопасности осудил вторжение и постановил, что Индонезия должна вывести войска из Восточного Тимора, но это решение не возымело действия. В своих мемуарах, опубликованных в 1978 году, Мойнихэн объясняет, почему так получилось:

Соединенные Штаты хотели именно такого развития событий и предпринимали для этого необходимые усилия. Государственный департамент желал, чтобы все действия Организации Объединенных Наций, какими бы они ни были, оказались совершенно неэффективными. Эта задача была поручена мне, и я выполнял ее безуспешно.¹³

Успех был действительно впечатляющий. Мойнихэн приводит сообщения, согласно которым за два месяца было убито около 60 тысяч человек, «10 процентов населения, что составляет почти такое же соотношение потерь, как у Советского Союза во Вторую мировую войну». Он добавляет: свидетельством успеха является то, что за год «эта тема исчезла со страниц печати». Этот факт действительно имел место, при том что оккупанты осуществляли все более масштабные репрессии. Злодеяния достигли апогея в 1977-78 гг., когда Мойнихэн писал свои мемуары. Индонезийские военные с помощью современной военной техники, которая вновь хлынула к ним потоком от «Администрации по защите прав человека», уничтожая всё на своем пути, повели наступление против сотен тысяч людей, которые бежали в горы. Тех, кто остался в живых, они подчинили власти Индонезии. Именно тогда очень надежные церковные источники в Восточном Тиморе пытались обнародовать сведения о гибели 200 тысяч человек, официальное подтверждение чего состоялось лишь по прошествии многих лет, в течение которых этот факт неизменно отрицался. О реакции США на эту резню было рассказано выше.

В то время как массовые расправы почти достигли степени геноцида, Великобритания и Франция вмешались в ситуацию, снабдив Индонезию оружием и оказав ей дипломатическую поддержку. Другие державы тоже пытались принять участие в прибыльной агрессии и массовой бойне, неизменно следуя вышеназванным принципам, которые были четко сформулированы.

Описываемая история началась не в 1975 году. Стратеги послевоенного мира не оставили Восточный Тимор без своего внимания. Данной территории должна быть предоставлена независимость, —

размышлял старший советник Рузвельта Самнер Уэллс, – но «на это, конечно, потребуется тысяча лет». Проявляя вызывающие восхищение мужество и стойкость, народ Восточного Тимора вел борьбу, чтобы опровергнуть этот циничный прогноз, испытывая при этом чудовищные лишения. Около 50 тысяч жизней он отдал, защищая небольшой контингент австралийского спецназа, сражавшегося с японцами; героизм этих людей, возможно, спас Австралию от вторжения Японии. Почти треть населения пала жертвой в первые годы после индонезийского вторжения в 1975 г., еще больше – в последующие годы.

Начало 1999 г. дало луч надежды. Временный президент Индонезии Хабиби открыл возможность проведения референдума, чтобы народ Восточного Тимора сделал выбор между вхождением в состав Индонезии («автономией») и независимостью. Армия незамедлительно приступила к действиям, чтобы не допустить исхода голосования по второму варианту, прибегая к террору и запугиванию. Согласно весьма надежным источникам в церковных кругах, в течение нескольких месяцев перед августовским референдумом было убито от 3 до 5 тысяч человек – количественно это в два раза больше числа погибших до начала натовских бомбардировок в Косово, а пропорционально – по отношению к общей численности населения Восточного Тимора – более чем в четыре раза больше соответствующего показателя в Косово. Террор, насаждавшийся повсеместно, носил чрезвычайно жестокий характер, служа предостережением о том, что подобная участь ждет всех тех, кто будет упорствовать в опасном безумии и игнорировать приказы оккупационной армии.¹⁴

Бросая вызов силе и угрозам, в голосовании приняло участие почти все население Восточного Тимора. Чтобы проголосовать, многие прибыли из своих тайных убежищ. Около 80 процентов сделали выбор в пользу независимости. После этого наступил последний этап злодеяний индонезийской армии, попытавшейся повернуть события вспять с помощью массовых расправ и изгнания населения, превращая большую часть страны в пепел. Предположительно более 10 тысяч человек были убиты в течение двух недель, согласно сведениям лауреата Нобелевской премии, епископа Карлоса Филипе Бело, который бежал из страны под градом пуль; его дом сожгли дотла, а беженцы, ранее находившие там убежище, были лишены крова и оставлены на произвол судьбы.¹⁵

Уничтожение народа

Еще до того, как Хабиби неожиданно призвал к проведению референдума, армия почувствовала угрозу своей власти, в том числе контролю над ресурсами Восточного Тимора, и составила тщательный план с «целью просто-напросто ... уничтожить народ этой страны». Западным разведкам с самого начала было известно об этих планах, как и обо всем, что творилось в Восточном Тиморе. В индонезийскую армию (ТНИ) были призваны тысячи местных жителей, а с острова Ява переброшены войска. Ситуация приняла еще более зловещий характер, когда военное командование направило в Восточный Тимор наводящие ужас части спецназа «Копассус», обученные инструкторами из США, а в качестве старшего военного советника – генерала Макариа, эксперта по разведке, прошедшего американскую подготовку, имевшего за плечами опыт работы в местных условиях и «репутацию человека, не знающего пощады». ¹⁶

Террор и карательные акции начались в первые дни 1999 г. Принимавшие в них участие силы индонезийской армии (ТНИ) на Западе называли «изгоями общества», что является спорным утверждением. Есть все основания согласиться с мнением епископа Бело, который возложил непосредственную ответственность за их злодеяния на генерала Виранто, осуществлявшего руководство ими из Джакарты. ¹⁷ По сообщению корреспондента Дэвида Дженкинса, давно работающего в Азии, военизированными формированиями, по-видимому, руководили элитные части «Копассус» – «превосходно обученный спецназ», который «регулярно проходил подготовку вместе с войсками США и Австралии до тех пор, пока своими действиями не стал ставить в слишком неудобное положение своих зарубежных покровителей». Эти части специального назначения «прославились своей жестокостью», – отмечает Бенедикт Андерсон: в Восточном Тиморе они «были изобретательными и непревзойденными мастерами в осуществлении всех видов злодеяний», в том числе массовых пыток, изнасилований, казней и организации преступных банд. По словам Дженкинса, эти подразделения взяли на вооружение тактические приемы из программы «Феникс», осуществлявшейся США в Южном Вьетнаме и приведшей к гибели десятков тысяч крестьян и многих местных руководителей, а также заимствовали «тактику, применявшуюся контраст» в Никарагуа в соответствии с уроками, которые преподали им наставники из ЦРУ. Эти государственные террористы «охотились не только за многими радикально настроенными сторонниками независимости

Восточного Тимора, но также и за людьми умеренных взглядов, теми, кто имеет влияние в своем кругу». «Это – повторение программы «Феникс», – сообщал хорошо информированный источник в Джакарте; ее цель – «запугать всех»: неправительственные организации, Международный Красный Крест, ООН, журналистов.¹⁸

Командующий индонезийскими войсками в Дили полковник Тоно Суратман задолго до проведения референдума предупреждал о том, что должно произойти: «Я хотел бы сообщить следующее», – заявил он. – «Если сторонники независимости одержат победу,... все будет подвергнуто уничтожению... Это будет страшнее того, что было 23 года назад».¹⁹ Один из документов индонезийской армии, датированный началом мая, когда было достигнуто международное соглашение о проведении референдума, предписывал «провести массовые расправы, деревня за деревней, после объявления итогов голосования, если сторонники независимости победят». Движение за независимость «должно быть уничтожено начиная с его лидеров вплоть до рядовых членов».²⁰ Ссылаясь на источники в дипломатических, церковных кругах и военизированных формированиях, австралийская пресса сообщала о том, что «идет накопление сотен современных автоматических винтовок, гранат и минометов, готовых к применению, если по результатам голосования автономия будет отвергнута».²¹ Она предупреждала, что руководимые индонезийской армией полувоенные формирования, возможно, планируют совершить насильственный захват большей части территории Восточного Тимора, если, несмотря на развязанный террор, воля народа будет все же выражена.

Все происходящее не было тайной для «зарубежных друзей» индонезийских военных, которые знали, как прекратить террор, однако их реакция оставалась уклончивой и двусмысленной, так что индонезийские генералы могли охотно трактовать ее как «зеленый свет» для осуществления своих деяний.

Эти постыдные факты необходимо рассматривать в контексте американо-индонезийских отношений послевоенного времени. Богатые природные ресурсы индонезийского архипелага, его стратегически важное местоположение обеспечили Индонезии ведущее место в глобальных планах США. Это является главной причиной того, почему 40 лет назад Соединенные Штаты пытались подчинить себе Индонезию, считая ее слишком независимой и демократической, ведь тогда в выборах имела право участвовать партия левых сил, ПКИ, массовую базу которой составляли крестьяне. Те же самые факторы объясняют поддержку, которую Запад оказывал режиму убийц и палачей, осущес-

ствившему «благоприятную смену курса» в 1965 г. Более того, «успехи» этого режима были восприняты как доказательство справедливости войн, которые Вашингтон вел в Индокитае главным образом из-за опасения, что «вирус» национальной независимости, говоря словами Киссинджера, мог «заразить» Индонезию. Поддержка индонезийского вторжения в Восточный Тимор и последовавших за ним злодеяний была отголоском тех опасений, хотя более широкий анализ должен привлечь внимание и к тому факту, что распад португальской империи имел во многом такие же последствия в Африке, где ЮАР под покровительством Запада выступала орудием террора. Оправданием в то время обычно служили ссылки на «холодную войну», которые были удобным прикрытием для неблагоприятных мотивов и действий, особенно в Юго-Восточной Азии.

Обычная реакция

Согласно появившимся осенью 1999 г. сообщениям, миссия ООН в Восточном Тиморе смогла насчитать чуть более 150 тысячах человек из общей численности населения этой страны, оцениваемой в 850 тысяч человек.²² Она информировала, что 260 тысяч человек «влачат жалкое существование в нищенских лагерях беженцев в Западном Тиморе, находящихся под фактическим контролем индонезийских полувоенных формирований, после того как они оставили свой кров в поисках спасения или были насильственно изгнаны из своих домов»; еще 100 тысяч человек были перемещены в другие районы Индонезии. Остальная часть населения, предположительно, прячется в горах. Австралийский командующий миротворческой операцией выразил естественное беспокойство, что перемещенные лица испытывают нехватку продовольствия и медикаментов. Посетив лагерь в Восточном и Западном Тиморе, заместитель государственного секретаря США Гарольд Кох сообщил, что беженцы там «голодают и подвергаются запугиванию», а исчезновение людей «без объяснений» — обычное явление.

Чтобы оценить масштабы этой катастрофы, надо помнить о том, что индонезийская армия и ее полувоенные формирования («ополченцы»), уходя, фактически уничтожили основную инфраструктуру жизнеобеспечения Восточного Тимора, а также тот факт, что на этой территории четверть века царил террор.

На протяжении большей части 1999 г. западные интеллектуалы демонстрировали столь редко встречающееся в истории беззастенчивое самообольщение по поводу результатов своей «впечатляющей» деятельности в Косово. Если это «великое достижение» рассматривать в истинном свете, одним из его многих аспектов является то, что огромные массы беженцев, доведенные до отчаяния и изгнанные из своих домов после начала натовских бомбардировок, практически не получили никакой существенной помощи именно из-за отказа Вашингтона участвовать в финансировании соответствующей структуры ООН. Численность персонала этого учреждения была сокращена на 15 процентов в 1998 г. и еще на 20 процентов в январе 1999 г. Затем оно подверглось обвинениям со стороны Тони Блэра за «сомнительную работу», когда последовали репрессии в Косово, явившиеся предсказуемым результатом американо-британских бомбардировок. В то время, когда «общество взаимного восхищения» действовало в рамках своих привычных канонов, массовые расправы в Восточном Тиморе набирали оборот.

По состоянию на октябрь 1999 г. США не выделили никаких финансовых средств на нужды миротворческих сил ООН в Восточном Тиморе, возглавляемых Австралией (в отличие от них Япония, давний и преданный сторонник Индонезии, предоставила на эти цели 100 млн. долл.). Но это, скорее, как раз неудивительно, учитывая их отказ нести хоть какую-то долю расходов на миротворческие операции ООН, и даже на ту, что проводится в Косово. Вашингтон также попросил ООН сократить масштабы будущих операций, поскольку к нему мог быть обращен запрос о финансировании части связанных с ними затрат. Сотни тысяч пропавших без вести людей, возможно, умирают от голода в горах, но не слышно никаких призывов к оказанию даже самой минимальной гуманитарной помощи. Незавидная судьба ждет еще сотни тысяч человек в самой Индонезии. Одного слова из Вашингтона было бы достаточно, чтобы прекратить их страдания, но его нет, как нет и каких-либо комментариев происходящему.

В Косово подготовка к судебным процессам по делам о военных преступлениях началась в мае 1999 г. Она была ускорена по инициативе США и Великобритании, беспрецедентным предоставлением доступа к разведывательной информации. В Восточном Тиморе расследование преступлений с индонезийским участием представляет собой «откровенную насмешку, полнейшее очковитительство», по словам официальных лиц ООН, которые цитирует британская пресса.

Представитель правозащитной организации «Международная Амнистия» дополняет их, говоря, что эти расследования в том виде, как их намечено провести, «принесут жителям Восточного Тимора еще больше страданий, чем они уже перенесли. На данном этапе подобные расследования будут действительно носить унижительный характер». По сообщениям австралийской прессы, индонезийские генералы, «кажется, не очень-то боятся». Одна из причин этого состоит в том, что «некоторые наиболее изобличающие свидетельства – это, скорее всего, ... материалы радиоперехвата, полученные с помощью новейшего американского и австралийского электронного оборудования»; и индонезийские генералы уверены, что старые друзья не выдадут их – хотя бы потому, что из всей цепочки лиц, на которых лежит ответственность за совершенные преступления, было бы затруднительно выдать именно тех, кто больше всего заслуживает наказания.

Мало что делается и для того, чтобы раскопать доказательства злодеяний, совершенных в Восточном Тиморе. Разительным контрастом этому является случай с Косово. Этот край наводнили полиция и бригады судебных медиков из США и других стран в поисках следов широкомасштабных репрессий, которые можно было бы представить как оправдание натовских бомбардировок. На деле последствия этих бомбардировок предвиделись, поскольку, как следует из нынешних заявлений, они изначально входили в планы Милошевича, хотя по прошествии месяца с начала нанесения воздушных ударов командующий силами НАТО генерал Уэсли Кларк заявлял, что он «никогда не был посвящен» в якобы существующие подобные замыслы и что операция НАТО «не разрабатывалась [политическим руководством] как средство прекратить проводимые сербами этнические чистки... Подобного намерения не было и в помине. Замысел состоял не в этом».

Комментируя отказ Вашингтона сделать хоть что-то, чтобы помочь жертвам своих преступлений, ветеран австралийской дипломатии Ричард Батлер заметил: «Высокопоставленные американские аналитики без обвиняков заявили мне, что в реальности дела в альянсе обстоят так: США будут реагировать на события в Косово дозированно, сообразуясь прежде всего со своими собственными интересами и оценками угроз». Он привел эти слова, критикуя не Вашингтон, а своих соотечественников, австралийцев, которые не понимают реального положения вещей: что не американцам, а другим придется нести бремя на своих плечах и оплачивать расходы, а для Австралии они могут оказаться немалыми. Едва ли станет большой неожиданностью, если

через несколько лет американские корпорации будут успешно пожинать плоды в Индонезии, затаившей обиду на Австралию за ее деяния, но имеющей мало причин для недовольства своим повелителем.

В последнее время поток самовосхваления несколько стих, хотя и не очень значительно. Однако гораздо более значимой, чем эти позорные деяния, является неспособность предпринять действенные шаги к тому, чтобы раз и навсегда избавиться от мифов и трезво взглянуть на побудительные причины и результаты действий США, дабы спасти то, что еще сохранилось после одной из самых страшных трагедий этого ужасного века.

ГЛАВА 5

«План Колумбия»

В 1999 г. Колумбия, потеснив Турцию (Израиль и Египет проходят отдельной категорией), стала основным получателем американской военной и полицейской помощи. Она получает больше американской военной помощи, чем все другие страны Латинской Америки и Карибского бассейна вместе взятые. Суммарный показатель этой помощи достиг в 1999 г. почти 300 млн. долл., наряду с 60 млн. долл. на поставки вооружений, – примерно трехкратный рост по сравнению с 1998 г. Еще более резкое увеличение этого показателя намечается в связи с принятием одного из вариантов «Плана Колумбия», разработанного администрацией Клинтона и представленного на одобрение Конгрессу в апреле 2000 г. Этот рассчитанный на два года план предусматривает предоставление «пакета мер срочной помощи» стоимостью 1,6 млрд. долл. В 1990-е гг. Колумбия значительно опережала другие страны Латинской Америки по размеру получаемой американской военной помощи, а также приобрела самую плохую репутацию по части нарушений прав человека, что соответствует прочно укоренившейся и давно существующей взаимосвязи между этими явлениями.¹

По замыслу «План Колумбия» представляет собой двухлетнюю программу колумбийского правительства стоимостью 7,5 млрд. долл., в рамках которой США предоставляют военную технику и символическую сумму на другие цели, а около 6 млрд. долл. выделяют власти этой страны, Европа, МВФ и Всемирный банк на социальные и экономические программы, которые Колумбия должна подготовить. По сведениям из неамериканских дипломатических источников, проект «План Колумбия» был написан на английском, а не на испанском языке. Военная программа, являющаяся частью этого плана (поставки оружия, обучение колумбийских военных и полицейских, развертывание разведывательной инфраструктуры), была подготовлена в конце 1999 г., но по состоянию на середину 2000 г. «колумбийское правительство еще не представило цельную программу инвестиций в социальную сферу», и очень мало стран «изъявили желание участвовать в том, что многими воспринимается как проект США по очистке своего заднего двора» с помощью средств, хорошо знакомых тем, чей выбор

— не в пользу того, что получило название «сознательной неосведомленностью». ²

Зачастую мы способны извлекать уроки из систематически повторяющихся ситуаций, поэтому позвольте несколько подробнее остановиться на Турции, которая ранее была лидером среди получателей американской военной помощи. Являясь важным военным союзником США и их стратегическим форпостом, Турция с самого начала «холодной войны» получила значительную военную помощь. Однако резкий рост поставок вооружений в эту страну начался в 1984 г. Очевидно, что «холодная война» была в данном случае совершенно не причем. Значимо же здесь скорее то, что это был год, когда Турция развернула широкомасштабные противоповстанческие операции в юго-восточных районах, населенных курдами. На этой территории расположены крупные американские авиабазы и инфраструктура по сбору разведывательной информации в регионе, поэтому Вашингтон хорошо осведомлен обо всем, что там происходит. Поставки вооружений Турции достигли наибольших масштабов в 1997 г. За один только этот год они превысили общий объем поставок за весь период 1950-83 годов. Военная техника Турции почти на 80 процентов состоит из американского оружия, включая тяжелые вооружения (реактивные самолеты, танки и т. д.), которые часто поставлялись в обход ограничений, установленных Конгрессом США. ³

К 1999 г. Турция в основном подавила сопротивление курдов с помощью жесточайшего террора и этнических чисток, в результате которых примерно 2-3 миллиона человек стали беженцами, 3500 деревень было уничтожено (в семь раз больше, чем в Косово от натовских бомбардировок), десятки тысяч человек погибли — и все это происходило главным образом в годы президентства Клинтона. Для достижения поставленных целей уже не было необходимости в столь массированных, как ранее, поставках американского оружия. Поэтому Турция заслуживает похвалы за свой «позитивный опыт», демонстрирующий то, как «жесткие меры борьбы против терроризма в сочетании с политическим диалогом с нетеррористическими оппозиционными группировками» позволяют преодолеть насилие и репрессии, приносящие страдания, — об этом мы узнаем из передовицы в «New York Times». В ней говорится о «последнем ежегодном докладе Государственного департамента, где изложены предпринимаемые американской администрацией меры по борьбе с терроризмом». ⁴ Вот еще одно, если мало прежних, свидетельство того, что цинизм не знает границ.

Спустя несколько дней появилось новое сообщение о «позитивном опыте» Турции в осуществлении «жестких мер борьбы с терроризмом». Комиссия по правам человека турецкого парламента рассказала о «широко распространенной практике применения пыток» полицией и «разнообразных орудиях пыток», а ее представитель сообщил прессе, что визиты в восточные районы страны «подтвердили страшные истории о пытках» в полицейских камерах предварительного заключения, особенно в тех, что находятся в ведении антитеррористических подразделений. Позднее комиссия выпустила шеститомный доклад по материалам двухлетнего расследования с фотографиями и другими подробностями, подтверждающими многочисленные свидетельства того, что случаи незаконного, жестокого обращения носят систематический характер и что подобная практика продолжается, не претерпевая существенных изменений. Эти разоблачения прошли почти незамеченными американской прессой, которая умолчала о том, что в них фигурирует Вашингтон, хотя и поместила на своих страницах страстные рассуждения о необходимости сохранить очень жесткие санкции против Кубы, потому что нарушения прав человека в ней оскорбляют гуманистические чувства американцев. О расследовании турецкого парламента по поводу репрессий, происходящих при самой широкой поддержке Вашингтона, было разве что косвенно упомянуто в материале главы местного бюро газеты «New York Times» Стивена Кинцера, рассказывающем об улучшении нынешней ситуации в Турции, свидетельством чему стало согласие турецких военных разрешить демонстрацию фильмов, где «показаны пытки, широко практиковавшиеся в военных тюрьмах» в начале 1980-х гг.⁵

Тем не менее, несмотря на величие этих успехов, достигнутых в ходе одной из самых жестоких государственных террористических кампаний 1990-х годов, военные операции продолжают, а курды по-прежнему лишены элементарных прав.⁶ 1 апреля 2000 г. турецкие войска численностью 10 тысяч человек начали наземную операцию по зачистке территории в районах, которые были наиболее сильно разрушены в результате американо-турецких кампаний террора в предыдущие годы. Они также развернули еще одно наступление в северной части Ирака, атакуя партизанские формирования Курдской рабочей партии (ПКК) в запретной для полетов зоне, где американские ВВС защищают курдов от еще более аморального (на тот момент) деспота. Отвечая на вопрос о возобновлении операций в Ираке, представитель Государственного департамента Джеймс Рубин заявил, что «американская политика остается прежней. Мы поддерживаем право Турции

защищать себя от нападений ПКК при условии, что ее вторжения будут ограниченными по масштабу и продолжительности и что она будет полностью соблюдать права мирных жителей региона». Он отказался отвечать на вопрос, подверглась ли Турция «нападению», утверждая только, что США не располагают «независимыми свидетельствами» военных операций Турции в этом регионе – регионе, где Соединенные Штаты осуществляют интенсивное слежение и периодически наносят бомбовые удары.⁷

В то время как Турция начинала разворачивать новые военные операции, министр обороны Уильям Коэн выступал с речью на заседании американо-турецкого Совета, праздничном мероприятии, где, если судить по правительственному сообщению, царили веселье и овации.⁸ Он без малейшей тени смущения расхваливал Турцию за участие в гуманитарных бомбардировках Югославии и объявил, что Анкара приглашается присоединиться к совместному производству нового многоцелевого ударного истребителя «F-35»ⁱ аналогично тому, как она участвует в совместном производстве боевых самолетов «F-16», столь успешно применяемых этим преданным членом НАТО в санкционированных видах этнических чисток и репрессий на своей собственной территории.

Однако в Колумбии правительственные войска, вооруженные и обученные Соединенными Штатами, еще не подавили повстанческое движение, хотя из года в год жертвами их злодеяний становится немало людей. Каждый год около 300 тысяч человек выдворяются из своих домов, количество убитых достигает почти 3 тысяч человек, кровавые расправы носят массовый характер. В подавляющем большинстве случаев ответственность за совершенные злодеяния возлагается на полувоенные формирования. Эти группировки тесно связаны с армией, что было вновь документировано в многочисленных и шокирующих подробностях в феврале 2000 г. правозащитной организацией «Human Rights Watch» и в апреле 2000 г. – в докладе ООН, где говорится, что колумбийские силы безопасности, которые должны существенно укрепиться в результате реализации плана «Плана Колумбия», поддерживают тесные отношения с «эскадронами смерти», создают полувоенные формирования и либо сами участвуют в массовых расправах, творимых их подручными, либо, не будучи непосредственными участниками, «несомненно, способствуют полувоенным формированиям в достижении их цели, которая состоит в том, чтобы сеять смерть и разрушения». Используя более обтекаемые выражения, Государственный департамент в целом подтверждает вышеописанную

ситуацию в своих ежегодных докладах по проблеме прав человека – например, в докладе за 1999 г., в котором делается вывод, что «силы безопасности активно сотрудничали с членами полувоенных группировок», а «правительственные войска продолжали во многих случаях творить акты вопиющего беззакония, в том числе внесудебное исполнение казней, число которых примерно соответствовало уровню 1998 года». Доклад того года возлагает ответственность за примерно 80 процентов совершенных бесчинств на армию и военизированные формирования. Существование такой ситуации подтверждает также колумбийское представительство Комиссара ООН по правам человека Мэри Робинсон. Его директор, авторитетный шведский дипломат, считает, что вина за «масштабность и запутанность проблемы полувоенных формирований» лежит на правительстве Колумбии, а значит косвенно и на его американском покровителе.⁹

Использование военизированных формирований для проведения репрессий является, по понятным причинам, установившейся практикой, примерами чего в последние годы явились действия Сербии в Косово и Индонезии – в Восточном Тиморе (хотя в последнем случае такого рода факты замалчивались, чтобы продлить как можно дольше хождение официальной версии о «насилии со стороны ополченцев» и «отбросов общества»). Подобная практика террористических государств и имперских держав имеет долгую историю.

В сентябре 1999 г. Комиссия юристов Колумбии сообщила, что уровень убийств в стране вырос почти на 20 процентов за предыдущий год и что доля полувоенных формирований в совершении этих преступлений увеличилась с 46 процентов в 1995 г. до почти 80 процентов в 1998 г.; эта тенденция сохранялась и в 1999 г. Представительство Уполномоченного по правам человека колумбийского правительства (*Defensoria del Pueblo*) сделало заявление о росте случаев массовых убийств на 68 процентов в первой половине 1999 г. по сравнению с аналогичным периодом 1998 г., что в среднем составило более одного такого эпизода в день, и ответственность за подавляющее большинство из них возлагается на военизированные группировки. Даниэл Бланд, занимающийся изучением проблемы прав человека и большую половину 1990-х гг. проработавший в Колумбии, приходит к выводу, что только за последние три года «свыше миллиона человек были насильственно изгнаны из своих домов в сельских районах и от 5 до 7 тысяч безоружных крестьян были зверски убиты полувоенными формированиями правого толка». Из девяти человек, которых он интервьюировал в 1997 г. для документального фильма о проблеме прав

человека, – то были профессора, журналисты, священники, сотрудники правозащитных организаций – «трое были убиты позднее бандитами из военизированных группировок; четверо бежали со своими семьями после того, как им угрожали смертью». По оценкам ЮНИСЕФ и колумбийского Информационного бюро по правам человека (CODHES), только в июне-августе 1999 г. еще 200 тысяч человек были изгнаны из своих домов.¹⁰

Было бы несправедливо обвинять Вашингтон в отсутствии тревоги по поводу террора, развязанного полувоенными формированиями. По случаю выхода в свет в апреле 2000 г. ежегодного доклада, в котором «излагаются меры, предпринимаемые американской администрацией в борьбе с терроризмом», и превозносится «позитивный опыт» Турции в этом общем деле, Государственный департамент провел пресс-конференцию. Координатору по вопросам борьбы с терроризмом Майклу Шихэну был задан вопрос, почему колумбийские военизированные формирования не включены в список террористических группировок, хотя Государственный департамент давно признал их ответственность за подавляющее большинство творимых в стране злодеяний, включая наиболее чудовищные из них; они, несомненно, являются самой агрессивной и жестокой террористической организацией в Западном полушарии, занимая одну из ведущих позиций в соответствующей мировой классификации. Кроме того, они служат орудием более серьезного преступления – государственного терроризма, ввиду их тесных связей с военным истеблишментом Колумбии, а значит и Соединенных Штатов. Шихэн объяснил, что эти полувоенные формирования не ускользнули от бдительного ока Вашингтона, но Госдепартамент не может делать скоропалительных заключений. Идентификация террористов дается в докладе только после тщательного изучения: «Это – юридический процесс, и он требует учета мельчайших деталей». Вопрос о полувоенных формированиях «сейчас находится в стадии рассмотрения», и «если мы представим доказательства и сможем обосновать предлагаемое нами правовое определение, тогда они будут квалифицированы» как террористы.

В противоположность этому Кубу легко подогнали под характеристику одного из семи государств, замешанных в терроризме, как явствует из отрывка объемом 85 слов, посвященного ей в упомянутом 107-страничном документе. Государственный департамент будет «в полной мере» готов представить суду свои доказательства в отношении Кубы: как заявил Шихэн, Куба все же «поддерживает связи с несколькими террористическими организациями, которые нельзя игно-

рировать, включая колумбийские партизанские формирования. А уж они-то, конечно, не могут не удовлетворять дотошным критериям Госдепартамента – по определению, как мог бы добавить объективный наблюдатель, раз они не угодны США.¹¹

Напомню, что в первые месяцы 1999 г., когда массовые убийства в Колумбии происходили чаще одного раза в день, в Восточном Тиморе наблюдался также всплеск злодеяний (включая многочисленные факты кровавой резни), которые совершали индонезийские командос, вооруженные и обученные США. Западные следователи считают, что свыше 200 человек было убито в ходе одной только резни, учиненной в церкви в Ликике 6 апреля 1999 г. Согласно разъяснениям американского офицера полиции с места того преступления, «официальные данные числа погибших должны соответствовать количеству фактически обнаруженных трупов, однако общее число убитых в этом районе больше, значительно больше, оно является, пожалуй, огромным». Вся правда об этом событии никогда не станет известна, потому что просьба миссии ООН прислать судебно-медицинских экспертов была отклонена США и их союзниками – в отличие от Косово, территория которого была сразу же наводнена следователями с целью найти подтверждения злодеяний, позволивших бы задним числом оправдать бомбардировки НАТО, в силу удивительной закономерности как раз и ставшие толчком к совершению этих преступлений.¹²

Применительно и к Колумбии, и к Восточному Тимору был сделан точно такой же вывод, что и в отношении Турции: оказывать поддержку убийцам. Также было заявлено об одном случае массового убийства в Косово у села Рачак 15 января 1995 г. (45 убитых). Это событие якобы вызвало такой ужас у западных гуманистов, что по прошествии 10 недель оказалось необходимым бомбить Югославию, предвидя, что результатом бомбардировок станет резкая эскалация насилия. И это предвидение вскоре сбылось. Сопутствующий всему этому поток самовосхваления, с которым мало что, если вообще что-нибудь может сравниться, возвестил о наступлении «новой эры» в отношениях между людьми, в которой «просвещенные государства» будут беззаветно служить делу защиты прав человека, впервые в истории человечества руководствуясь при этом «принципами и ценностями». ¹³ Не вдаваясь в реальные факты ситуации в Косово, следует сказать, что случившемуся там значительно способствовали замалчивание и обман относительно активного участия тех же самых «просвещенных» держав в аналогичных или еще более ужасных злодеяниях, которые творились в это же время.

Вернемся к Колумбии. Известные правозащитники продолжали покидать страну под угрозой смерти, в их числе мужественный руководитель организации в защиту прав человека «Справедливость и мир», состоящей преимущественно из служителей церкви, отец Хавьер Хиральдо, сыгравший выдающуюся роль в борьбе за права человека. По информации АФТ-КППⁱⁱ, каждую неделю в Колумбии совершается несколько убийств профсоюзных активистов, в основном членами полувоенных формирований, пользующихся поддержкой правительственных сил безопасности. Согласно данным правозащитной организации «Human Rights Watch», в 1998 г. по сравнению с 1997 г. на 20 процентов возросло число насильственно перемещенных лиц, а в 1999 г. оно увеличилось еще больше в некоторых регионах страны. Сейчас в Колумбии насчитывается самое большое в мире количество вынужденных переселенцев после Судана и Анголы.¹⁴

Превозносимая Клинтоном и другими американскими лидерами, а также политическими комментаторами как страна передовой демократии, Колумбия наконец позволила независимой партии («Патриотическому Союзу» (ПС)) бросить вызов устоявшейся системе дележа власти между элитой. Партия ПС, основанная партизанами (главным образом РВСК – «Революционными Вооруженными Силам Колумбии») и ими частично пополняющая свои ряды, столкнулась, однако, с определенными трудностями, в числе которых – политические убийства в течение короткого времени около трех тысяч активистов партии, включая кандидатов в президенты, мэры и законодатели. Для партизан эти итоги стали уроком относительно перспектив их вхождения в политическую систему страны.¹⁵ Вашингтон также извлек уроки из этих и аналогичных событий того времени. На администрацию Клинтона особое впечатление произвела деятельность президента Сезара Гавирии, который стоял у кормила власти в период эскалации государственного терроризма. Это впечатление было столь сильным, что США побудили (некоторые говорят, что заставили) Организацию американских государств назначить его на пост генерального секретаря на основании того, что «он проявил дальновидность в создании демократических институтов в стране, где такие шаги временами были сопряжены с опасностью» – это так и есть, но в значительной мере из-за действий его же правительства. Однако более весомая причина инициативы его назначения состоит в том, что Гавирия оказался столь же «дальновидным ... в отношении экономической реформы в Колумбии и экономической интеграции в западном полушарии», –

иносказательное выражение, смысл которого каждый трактует по-своему.¹⁶

Между тем социально-экономические условия жизни в Колумбии остаются по-прежнему удручающими, обрекая большинство населения на нищету в богатой стране, где концентрация богатства и земельных владений является высокой даже по позорным меркам Латинской Америки в целом. В 1990-х гг. ситуация ухудшилась в результате проведения «неолиберальных реформ», официально закрепленных конституцией 1991 г., которые еще больше уменьшили «возможность реального участия гражданского общества» в формировании политики путем проведения «реформ, направленных на укрепление полномочий исполнительной власти и ограничение самостоятельности судебной и законодательной ветвей власти, а также посредством сосредоточения функций макроэкономического планирования в руках более узкого круга технократов», являющихся по сути прислужниками Вашингтона. «Неолиберальные реформы привели к вызывающему тревогу росту бедности и неравенства: приблизительно 55 процентов населения Колумбии живут ниже черты бедности», и «эту ситуацию усугубляет острый кризис в сельском хозяйстве, который сам является результатом осуществления неолиберальной программы», – как и повсюду в Латинской Америке.¹⁷

Пользующийся широким уважением председатель колумбийского постоянного Комитета по правам человека, бывший министр иностранных дел Альфредо Васкес Карризоа пишет, что именно «бедность и половинчатая земельная реформа сделали Колумбию одной из самых трагических стран Латинской Америки», хотя, как и в других государствах, «росту насилия здесь способствовали внешние факторы», главным образом инициативы администрации Кеннеди, которая «приложила огромные усилия, чтобы преобразовать нашу регулярную армию в бригады для борьбы с повстанцами». Эти инициативы были изложены в «том, что в Латинской Америке известно как Доктрина национальной безопасности», которая посвящена «защите не от внешнего, а от внутреннего врага». Эта новая «стратегия эскадронов смерти» наделяет армию «правом вести борьбу и уничтожать работников социальной сферы, профсоюзных активистов, мужчин и женщин, которые не разделяют взглядов господствующей верхушки и предположительно являются коммунистическими экстремистами». Как разъяснил выдающийся американский ученый, специалист по проблеме прав человека в Латинской Америке, стратегическая цель состоит в том, чтобы «навсегда уничтожить потенциальную угрозу

существующей системе социально-экономических привилегий, отстранив от участия в политической жизни подавляющее большинство населения», «классы, представляющие простой народ». ¹⁸

В рамках своей стратегии переориентации армий стран Латинской Америки с «защиты западного полушария» на обеспечение «внутренней безопасности», что означало для них ведение войны против собственного населения, в 1962 г. Кеннеди направил в Колумбию военную миссию во главе с генералом Уильямом Ярборо, служившим в войсках специального назначения. Он предложил провести «реформы», позволяющие силам безопасности «по мере необходимости осуществлять полувоенные операции, саботаж и террористические акции против известных сторонников коммунистической партии» – «коммунистических экстремистов», о которых косвенно упоминает Васкес Карризоса. ¹⁹

Опять-таки здесь заслуживают внимания схемы действий, получившие более широкое применение. По прошествии небольшого периода времени после упомянутой миссии политика Линдона Джонсона привела к эскалации войны с Южным Вьетнамом, начатой Кеннеди, – той, что в США называют «обороной Южного Вьетнама» точно так же, как Россия называла свою войну против Афганистана «обороной Афганистана». В январе 1965 г. американские войска специального назначения, воевавшие в Южном Вьетнаме, получили постоянные инструкции «проводить операции по устранению официальных лиц, находящихся под влиянием вьетнамских коммунистов, включая их убийство», и более широко использовать такие методы «усмирения», как «нападения из засады, рейды, диверсии и акты терроризма против видных функционеров вьетнамской коммунистической партии» – то, что уже практиковалось в отношении «известных коммунистических деятелей» в Колумбии. ²⁰

Комиссия колумбийского правительства пришла к выводу, что «криминализация социального протеста» является одним из «главных факторов, которые делают возможным и способствуют нарушению прав человека» военными и полицейскими властями и их приспешниками из полувоенных формирований. Десять лет назад, когда быстрыми темпами увеличивались масштабы государственного терроризма, поддерживаемого США, колумбийский министр обороны призвал к «тотальной войне в политической, экономической и социальной областях», в то время как другой высокопоставленный военный деятель объяснял, что борьба с партизанами – вопрос второстепенный: «настоящая угроза» – это «то, что повстанцы называют политической и

психологической войной», которая ведется «с целью установления контроля над простым народом» и «манипулирования массами». Эти «подрывные элементы» надеются оказывать влияние на профсоюзы, университеты, средства массовой информации и т. д. В то время как реализация вышеупомянутых инициатив Кеннеди достигла своей кульминации, в наставлении 1963 года для колумбийских военнослужащих говорилось, что «каждый, кто так или иначе поддерживает цели врага, должен рассматриваться как предатель и с ним необходимо поступать соответствующим образом». Поскольку официальные цели колумбийских партизан являются социал-демократическими, круг предателей, против которых направлены террористические операции, оказывается весьма широким.²¹

В последующие годы стратегия Кеннеди-Ярборо получила развитие и широкое применение в «нашем маленьком регионе прямо у нас под боком», как охарактеризовал Западное полушарие Генри Стимсон, военный министр в администрации Ф.-Д. Рузвельтаⁱⁱⁱ, объясняя, почему США считают себя вправе взять под свой контроль региональную систему безопасности, в то время как все другие подлежат ликвидации. Репрессии с применением силы распространились по всей Латинской Америке начиная с ее южной оконечности и достигли апогея в Центральной Америке в 1980-х гг., когда жестокий надзиратель с Севера ответил самым жестоким насилием на попытки церкви и других «подрывных элементов» выступить против ужасного наследия нищеты и угнетения. Выдвижение Колумбии в первые ряды криминальных государств в «нашем маленьком регионе» является отчасти результатом того, что управляемый Соединенными Штатами государственный терроризм в Центральной Америке пришел к закату, достигнув, как и 10 лет спустя в Турции, своих главных целей и оставив после себя «культуру террора», которая «обуздывает чаяния большинства народа» и подрывает стремление к поиску «альтернатив, отличающихся от тех, что предлагают власть имущие», говоря словами сальвадорских иезуитов, усвоивших урок из своего горького опыта, — а это люди, пережившие американское вторжение. Однако в Колумбии остается нерешенной проблема установления общепринятых форм демократии и стабильности. Более того, она еще больше обостряется. Один из подходов к ее решению предполагает, что усилия должны быть направлены на удовлетворение нужд и забот обездоленного большинства. Другой подход заключается в том, чтобы поставлять оружие и вести военное обучение с целью сохранить статус-кво, существующее положение вещей.

Провозглашение «Плана Колумбия» вполне предсказуемо вызвало ответные меры со стороны партизан; они, в частности, выдвинули требование, чтобы каждый, чье состояние превышает 1 млн. долл., выплатил «революционный налог» или его настигнет угроза похищения (по выражению РВСК, угроза тюремного заключения за неуплату налогов). Мотивы данного требования объясняет лондонская «Financial Times»: «С точки зрения РВСК, необходимо поступление финансовых средств, чтобы сражаться с врагом его же оружием. Правительство стремится получить от США военную помощь на сумму 1,3 [млрд.] долл. якобы для проведения операций по борьбе с наркотиками: РВСК считают, что новое оружие будет испытываться на них. Похоже, они готовы сами вооружаться для предстоящей борьбы», которая приведет к эскалации военных действий и подрвет хрупкий процесс ведущихся переговоров.²²

По сообщению корреспондента «New York Times» Ларри Рохтера, «рядовые колумбийцы недовольны» мирными переговорами правительства, в результате которых под контроль РВСК переходит большая территория, уже находящаяся в их руках; против партизан выступают и «ожесточившиеся жители» этого региона. Никаких подтверждений этих высказываний он не приводит. Ведущий колумбийский военный аналитик Альфредо Рэнджел видит ситуацию в ином свете. Он «напоминает интервьюерам, особо подчеркивая, что РВСК пользуются значительной поддержкой в районах, где они действуют, — сообщает Альма Гиллермоприето. Рэнджел ссылается на «способность РВСК совершать внезапные нападения» в различных частях страны — факт, имеющий «политическое значение», потому что «в каждом из этих случаев достаточно было бы всего лишь одного предупреждения со стороны гражданского населения, чтобы поднять армейские подразделения по тревоге, но этого, однако, не происходит».²³

Подобная ситуация не является экстраординарной. Хорошо известным примером является поразительный успех наступления Тет^{iv}, которое было осуществлено в январе 1968 г. на всей территории Южного Вьетнама — как в крупных и малых городах, так и в сельских районах. Хотя данная территория была оккупирована американскими войсками численностью свыше миллиона человек, пользовавшимися услугами огромной марионеточной армии и полицейского аппарата, вылазки южновьетнамских партизан были практически полной неожиданностью для их противника, которого никто не предупреждал о надвигающейся опасности. Это свидетельствует, что партизаны были

плоть от плоти простого народа (согласно данным американской разведки, войска Северного Вьетнама действовали в основном в пределах приграничных регионов). Хотя в процессе переписывания истории придуманы более удобные для оправдания небылицы, факты были достаточно очевидными, чтобы убедить американскую элиту в том, что цена продолжения попыток подавить сопротивление в Южном Вьетнаме будет слишком высокой.

В тот же день, когда Рохтер поведал о «недовольстве простых колумбийцев», лондонская «Financial Times» сообщила о «форуме нового типа», состоявшемся в подконтрольном РВСК регионе, – одном из многих, что проводились там с целью дать возможность «представителям общественности принять участие в проходящих мирных переговорах». Эти люди приезжают из разных уголков Колумбии, выступают перед телекамерами и встречаются с лидерами РВСК. В их числе руководители профсоюзов и компаний, фермеры и т. д. Профсоюзный лидер из второго по величине колумбийского города Кали, обращаясь к руководителям правительства и РВСК, заявил, что «он душой с теми, кто верит, что переговоры положат конец многолетнему конфликту в стране». В своем выступлении, адресованном конкретно «сеньору Маруланде», многолетнему крестьянскому лидеру РВСК, «который несколькими минутами ранее вошел в зал под восторженные овации», он сказал, что «безработица является проблемой, порождаемой не насилием», а «национальным правительством и бизнесменами этой страны». Лидеры бизнеса также выступали, но «их речи прерывались представителями профсоюзов, которые составляли значительную часть аудитории и приехали на форум, чтобы также выступить». Представитель РВСК, речь которого сопровождалась «одобрительными выкриками с мест профсоюзных деятелей», «изложил одну из наиболее четких концепций экономической программы, когда-либо предлагавшихся его организацией», призвав к замораживанию приватизации, субсидированию энергетики и сельского хозяйства, как это делается в богатых странах, стимулированию экономики с помощью мер по защите местных производителей. Представитель правительства, «подчеркнувший необходимость экономического роста прежде всего за счет экспорта и участия частного капитала», тем не менее оценил программу РВСК как «исходный материал для переговоров». Однако члены РВСК, «ободренные очевидным недовольством народа ‘неолиберальной’ политикой правительства», утверждали, что те, кто «монополизировал власть», должны уступить на переговорах.²⁴

О потенциальных масштабах «Плана Колумбия» можно судить по военным проектам США в регионе. Пресса Сальвадора сообщает об американо-сальвадорском соглашении, которому предстоит ратификация сальвадорскими законодателями. Это соглашение призвано разрешить ВМС США использовать сальвадорский аэропорт в качестве «объекта передового базирования» (ОПБ) в дополнение к ОПБ американских ВВС в эквадорском портовом городе Манта и голландских колониях Аруба и Кюрасао. По имеющимся сообщениям, эти межправительственные соглашения предоставляют США полную свободу в использовании авиации и вооружений и не допускают инспекцию или контроль местных властей. Эквадорские военные эксперты выражают тревогу в связи с тем, что на военной базе в Манте, вероятно, идет подготовка к нанесению «бомбовых ударов по косовскому сценарию, ... – воздушной войне, в которой основная роль отводится самолетам и ракетам и которую Соединенные Штаты будут вести с расположенных в этом регионе баз и с моря».²⁵

Официально «План Колумбия» обосновывается необходимостью вести «войну с наркотиками».²⁶ Это утверждение мало кто из компетентных аналитиков воспринимает всерьез. Американское Управление по борьбе с наркотиками (ДЕА) сообщает, что «все правительственные структуры» в Колумбии замешаны в «коррупции, связанной с наркотиками». В ноябре 1998 г. инспекторы американской таможни и ДЕА обнаружили 415 кг кокаина и 6 кг героина в самолете колумбийских ВВС, который приземлился во Флориде. В результате были арестованы несколько офицеров ВВС и военнослужащих рядового и сержантского состава.²⁷ Другие обозреватели также сообщали о масштабном участии колумбийских военных в контрабанде наркотиков и о том, что в ней замешаны американские военные. Жена полковника Джеймса Хьетта признала себя виновной в сговоре с целью контрабандной доставки героина из Колумбии в Нью-Йорк. Вскоре после этого появилось сообщение, что сам полковник Хьетт, командующий американскими войсками, которые обучают колумбийские силы безопасности ведению «операций по борьбе с наркотиками», «как ожидается, признает себя виновным» по обвинению в соучастии в этом преступлении.²⁸

Полувоенные формирования открыто объявили о своей зависимости от наркобизнеса. «Лидер военизированных группировок [Карлос Кастаньо] признал в телевизионном интервью на прошлой неделе, что торговля наркотиками обеспечивает 70 процентов финансирования его отряда», – передает в своем материале корреспондент Джон Дон-

нелли в марте 2000 г. Это было первое появление на колумбийском телевидении Кастаньо, который возглавляет наиболее многочисленную и жестокую полувоенную организацию. Утверждают, он командует группировкой численностью 11200 человек, «финансирование которой осуществляется с помощью вымогательства и доходов от посевов коки на 30 тысячах гектаров в Норте-де-Сантандер». ²⁹ Однако, как отмечает Доннелли и многие другие наблюдатели, «финансируемое Соединенными Штатами наступление не затрагивает районов, контролируемых полувоенными группировками». «План Колумбия» направлен против партизанских отрядов, массовую основу которых составляет крестьянство, требующее социальных перемен в стране, что расходится с интеграцией Колумбии в мировую систему на условиях, диктуемых США. Сохранение господства ее правящей элиты, связанной с интересами американской державы, которой предоставлен привилегированный доступ к ценным ресурсам Колумбии, включая нефть – является, вполне возможно, одним из главных факторов появления «Плана Колумбия».

Согласно принятой в США терминологии, отряды РВСК являются «наркопартизанами» – удобное прикрытие для обозначения антиповстанческих операций, однако хорошо осведомленные наблюдатели ставят под сомнение его правомерность. Не вызывает разногласий – и это признают лидеры РВСК, – что финансирование их группировок осуществляется за счет производства коки, которое они облагают налогом, как и другие виды бизнеса. Однако «‘партизаны и наркодельцы – это не одно и то же’, – говорит Клаус Нихольм, возглавляющий Программу ООН по контролю за наркотиками», сотрудники которой находятся во всех регионах, где производятся наркотики. Он считает, что местные формирования РВСК обладают «определенной самостоятельностью». ³⁰ В некоторых районах «они вовсе не участвуют» в производстве коки, в других – «активно убеждают фермеров ее [коку] не выращивать». Специалист по проблеме наркотиков в странах Андского региона Рикардо Варгас считает, что роль партизан «состоит главным образом в налогообложении посевов запрещенных культур». Они призвали к принятию «плана развития крестьянских хозяйств», который позволил бы ликвидировать посевные площади коки путем возделывания взамен ее альтернативных культур». «Это все, чего мы хотим», – публично заявляли их лидер Маруланда и другие представители РВСК. ³¹

Однако давайте отложим эти вопросы в сторону и рассмотрим несколько других проблем.

Почему крестьяне в Колумбии выращивают коку, а не другие культуры? Причины понятны. «Крестьяне выращивают коку и опийный мак», — замечает Варгас, — «из-за кризиса в аграрном секторе стран Латинской Америки, обострившегося в результате общего экономического кризиса в регионе». Крестьяне начали селиться по берегам Амазонки на колумбийской территории в 1950-х гг., — пишет он, — «после их насильственного выселения крупными землевладельцами». Крестьяне обнаружили, что кока является «единственным продуктом, который и приносит доход, и пользуется большим спросом на рынке». Гнет, которому подвергалось крестьянство, значительно усилился, когда «владельцы ранчо, инвесторы и законопослушные фермеры-коммерсанты организовали и укрепили частные армии», — полувоенные формирования, «являющиеся инструментом насильственной экспроприации земли у коренного населения, крестьян, переселенцев», в результате чего «наркodelьцы сейчас контролируют большую часть плодородной колумбийской земли». По словам Варгаса, батальоны колумбийской армии, вооруженные и обученные США для борьбы с повстанцами, не нападают на наркоторговцев: «их действия направлены против наиболее слабого и социального уязвимого звена в обороте наркотиков — крестьян, переселенцев и коренного населения, которые занимаются изготовлением наркотиков».

Аналогичным образом дело обстоит и с применением Вашингтон химического и биологического оружия в опытах, проводимых в нарушение инструкций его производителей и вопреки возражениям колумбийского правительства и объединений сельскохозяйственных производителей. Эти эксперименты многократно умножают «опасности для гражданского населения, окружающей среды и законопослушных аграриев». Они приводят к уничтожению «посевов разрешенных сельскохозяйственных культур, таких, как юкка и бананы, а также источников воды, пастбищ, домашнего скота и всех растений, включенных в программу для культивирования взамен тех, что используются в качестве наркотического сырья. В результате этих опытов гибнут и культуры, которые возделываются в рамках хорошо себя зарекомендовавших проектов, осуществляемых церковью с целью разработки альтернатив производству коки. Неясны последствия такого воздействия на «хрупкую экосистему тропического леса», но потенциально они являются очень опасными.³²

Традиционно американские программы, как и нынешний «План Колумбия», направлены прежде всего на поддержку социальных сил, которые управляют правительством и составляющими единую систе-

му регулярной армией и полувоенными формированиями. И в основном именно эти силы порождают проблемы своей ненасытностью и насилием. Их жертвами обычно становятся простые граждане.

Существуют и другие факторы, способствующие росту производства коки. Колумбия была когда-то крупным производителем пшеницы. В 1950-х гг. ситуацию изменила программа помощи «Продовольствие во имя мира» («Food for Peace»), обеспечивавшая субсидирование американского агробизнеса за счет рядового налогоплательщика и подталкивавшая другие страны «к зависимости от нас в области продовольствия» (по словам сенатора Губерта Хэмфри, представлявшего интересы сельхозэкспортеров Среднего Запада), при этом финансовая помощь на аналогичные цели направлялась марионеточным государствам, которую те обычно использовали на военные расходы и борьбу с повстанцами. За год до того, как президент Буш с большой помпой объявил (в который раз) «войну наркотикам», под давлением США, сославшихся на «нарушения правил честной торговли», было приостановлено международное соглашение о торговле кофе. В результате цены на основной легальный экспортный товар Колумбии в течение двух месяцев упали более чем на 40 процентов.³³

Связанные с данной проблемой факторы рассматривает политический экономист Сьюзан Стрейндж.³⁴ В 1960-х гг. правительства «Группы 77» [G77] (сейчас в эту организацию входит 133 страны, на которые приходится 80 процентов населения мира) выступили с призывом создать «новый международный экономический порядок», где одной из главных задач стало бы удовлетворение потребностей значительного большинства населения мира. Конкретные предложения были сформулированы Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), основанной в 1964 г. с целью «создания международной системы торговли, способствующей экономическому и социальному развитию». Предложения ЮНКТАД, как и ее призыв к созданию общепризнанного «нового международного порядка», были в итоге отклонены великими державами. США, в частности, настаивали на том, что «развитие не является правом», и утверждали, что считать иначе, в соответствии с социально-экономическими положениями Всеобщей декларации прав человека, которую они отвергают – «бессмысленное» и «опасное подстрекательство».³⁵ Мир все-таки шагнул к новому международному экономическому порядку или, точнее, был подведен к нему, но другим путем – в угоду потребностям иной группы людей, собственно, и ставших его архитекторами. Это едва ли является более неожиданным, чем, например, то, что в официальной идеологии на-

саждаемая форма «глобализации» обязательно изображается как неизбежный процесс, которому «альтернативы нет» («АН» [TINA ']), о чем глубокомысленно объявила М.Тэтчер.

Одно из первых предложений ЮНКТАД предусматривало принятие программы по стабилизации цен на товары первой необходимости, что широко практикуется в промышленно развитых странах в виде государственных субсидий, хотя в США она оказалась на короткое время под угрозой, когда в 1994 г. Конгресс перешел под контроль деятелей правого толка, которые, казалось, верили своим собственным речам к большому недоумению капитанов американского бизнеса, прекрасно понимающих, что соблюдение жестких правил рынка – это удел незащищенных слоев населения, и их он не касается. Самонадеянным идеологам свободного рынка предстояло вскоре или образумиться, или убираться восвояси, но это произошло лишь после того, как Конгресс принял в 1996 г. Закон о свободе предпринимательства в аграрной сфере («Freedom to Farm Act») с целью избавить сельское хозяйство США от «восточногерманских социалистических программ Нового Курса», по выражению Ньюта Гингрича, и положить конец субсидиям, искажающим суть рынка, – которые тем не менее вскоре выросли в три раза, достигнув рекордного уровня 23 млрд. долл. в 1999 г., причем запланировано их дальнейшее увеличение. Однако рынок проявил свою магическую силу: как отметил Николас Кристоф, государственные субсидии в несоразмерно большой степени идут крупному агробизнесу и «корпоративным олигополиям», которые доминируют в производстве и сбыте продукции. Те, кто господствует во всей цепочке движения продовольственных товаров на рынке (от энергетических корпораций до розничных продавцов), получают огромные доходы, в то время как кризис сельского хозяйства, который действительно имеет место, в основном затрагивает среднее звено этой цепочки – владельцев небольших фермерских хозяйств, производящих продовольствие.³⁶

Один из основных принципов истории развития современной экономики заключается в том, что механизмы, используемые толстосумами и властью имущими для обеспечения своей защиты с помощью заботящегося о них государства, недоступны для бедных слоев населения. В результате, инициатива ЮНКТАД по стабилизации цен на товары первой необходимости была быстро похоронена, а сама организация стала играть в основном второстепенную роль и уже не проявляла бурной активности, как и другие международные институты, которые, по крайней мере в некоторой степени, отражают интересы

большинства населения мира.³⁷ Рассматривая эти события, Стрейндж отмечает, что фермеры поэтому и были вынуждены взяться за возделывание культур, для сбыта урожая которых существует стабильный рынок. Крупный агробизнес может пережить колебания цен на товары, компенсируя временные потери в одной отрасли доходами от других видов деятельности. Крестьяне-бедняки не могут сказать своим детям: «Не беспокойтесь, может быть, в следующем году у вас будет какая-нибудь еда». В результате, – продолжает Стрейндж, – наркодельцам не составляет труда «найти фермеров, готовых выращивать коку, коноплю или опиум», для которых в богатых странах всегда есть рынок сбыта.

Осуществление других программ США и международных институтов, где они главенствуют, усиливает эти негативные последствия. Нынешний план Клинтона для Колумбии предусматривает выделение лишь символической суммы на возделывание альтернативных культур, причем ни цента из них – для районов, находящихся под контролем партизан, хотя лидеры РВСК неоднократно выражали надежду на то, что им будут предоставлены замещающие культуры, избавляющие крестьян от необходимости выращивать коку ради выживания. «К концу 1999 г. Соединенные Штаты израсходовали в общей сложности 750 тысяч долл. на программы возделывания альтернативных культур», – говорится в докладе Центра международной политики, – «и все эти деньги пошли районам, где производится героин и выращивается опийный мак, расположенным вдалеке от южных равнин, являющихся сферой приложения «Плана Колумбия», который, между прочим, делает акцент на оказании «помощи гражданским лицам, подлежащим вынужденному переселению на юг Колумбии». Центр международной политики считает этот раздел Плана «особенно тревожным». Администрация Клинтона также настаивает – вопреки возражениям колумбийского правительства – на том, что любое мирное соглашение с партизанами должно санкционировать осуществление мер по уничтожению посевов наркокультур.³⁸ Конструктивные подходы здесь не возбраняются, но они оказываются заботой других. Основные свои усилия США направят на проведение военных операций, а это, между прочим, принесет прибыль высокотехнологичным отраслям американской экономики, производящим военную технику и осуществляющим «массированное лоббирование» в пользу «Плана Колумбия», а также корпорации «Occidental Petroleum», имеющей крупные инвестиции в Колумбии, и другим корпорациям.³⁹

Кроме того, программы МВФ и Всемирного банка требуют, чтобы государства открыли свои границы для наплыва сельскохозяйственных товаров (в значительной степени субсидируемых) из богатых стран, очевидным результатом чего является разорение местных производителей. Вынужденных переселенцев либо селят в городских трущобах (тем самым позволяя иностранным инвесторам снижать уровень заработной платы), либо велят стать «здравомыслящими крестьянами», которые занимались бы производством для внешнего рынка и стремились бы к получению наибольшей цены за свой товар, а это означает выращивать «коку, коноплю, опиум». Наградой за должным образом усвоенный урок им служат налеты военных вертолетов, а также уничтожение их полей по милости Вашингтона с помощью химического и биологического оружия.

Во многом схожая ситуация наблюдается и в других странах Андского региона. Эти проблемы на короткое время попали в поле зрения общественности, когда в Вашингтоне обсуждался «План Колумбия». 8 апреля 2000 г. боливийское правительство объявило чрезвычайное положение после того, как массовые демонстрации протеста парализовали жизнь Кочабамбы, третьего по величине города Боливии. Протестующие выступали против приватизации государственной системы водоснабжения и резкого увеличения платы за воду до уровня, когда она станет недоступной для большинства населения. В подоплеке событий лежит экономический кризис, являющийся отчасти порождением неолиберальной политики, апогеем которой стала война с наркотиками, уничтожившая более половины производства коки в стране, оставив «разумно мыслящих крестьян» без средств к существованию. Неделью спустя фермеры перегородили автомагистраль вблизи боливийской столицы города Ла-Пас в знак протеста против уничтожения посевов коки, единственного средства выживания, оставшегося у них после осуществления этих «реформ» на практике.

Сообщая о массовых выступлениях против повышения платы за воду и программ искоренения наркокультур, газета «Financial Times» отмечает, что «Всемирный банк и МВФ рассматривают Боливию как некий пример для подражания», один из самых успешных экспериментов, проводившихся «Вашингтонским консенсусом», однако апрельские протесты показывают, что «успех программ уничтожения посевов наркокультур в Перу и Боливии принес с собой большие социальные издержки». Эта газета приводит слова работающего в Боливии европейского дипломата о том, что «еще две недели назад те, кто привык давать оценку той или иной стране, не обращая внимания на

положение народа, считали Боливию примером удавшегося опыта». Однако сейчас, – продолжает он, – «международное сообщество вынуждено признать, что экономические реформы на деле ничего не сделали для разрешения множащихся проблем бедности; скорее они лишь еще больше обострили их. Секретарь конференции боливийских епископов, выступивший посредником в достижении соглашения об урегулировании кризиса в стране, характеризует движение протеста как «результат ужасающей бедности. Требования сельского населения должны быть услышаны, если мы хотим прочного мира». ⁴⁰

Протесты в Кочабамбе были направлены против Всемирного банка и базирующейся в Сан-Франциско и Лондоне корпорации «Bechtel», основной финансовой силы, стоящей за транснациональным конгломератом, который купил государственную систему водоснабжения, несмотря на выдвинутые против него серьезные обвинения в коррупции и косвенном подкупе при совершении этой сделки, а затем в два раза повысил плату за воду для большинства неимущих потребителей. Под нажимом Всемирного банка Боливия продала основные активы частным, в подавляющем большинстве иностранным корпорациям. Продажа государственной системы водоснабжения и увеличение платы за воду вызвали продолжавшиеся несколько месяцев массовые протесты, которые достигли своей кульминации в демонстрации, парализовавшей Кочабамбу. В своей политике боливийское правительство следовало рекомендациям Всемирного Банка – «не предоставлять никаких субсидий для смягчения последствий роста тарифов на воду в Кочабамбе»; все потребители, включая самые обездоленные слои населения, должны полностью оплачивать стоимость услуг. Используя Интернет, активисты народного движения в Боливии призвали к международным акциям протеста, и это воззвание получило широкий резонанс. Можно предположить, что откликом на него стали выступления протеста в Вашингтоне против политики, проводимой Всемирным банком и МВФ. Корпорация «Bechtel» отказалась от сделки, и боливийское правительство расторгло соглашение о продаже. ⁴¹ Однако дальше предстоит еще долгая и тяжелая борьба.

Когда в Боливии было объявлено военное положение, в сообщении, пришедшем с юга Колумбии, говорилось о растущих опасениях по поводу прибытия самолетов для обработки полей, которые будут «распылять отраву на посевы коки, что также приведет к гибели урожая сельскохозяйственных культур, дающих фермерам средства к существованию, вызовет массовые акции социального неповиновения и создаст угрозу повсеместного всплеска насилия». Распространение

подобных опасений и недовольства отражает «уровень страха и смятения в этом регионе Колумбии». ⁴²

В этой связи возникает еще один вопрос: какое право имеют США проводить военные операции и вести химико-биологическую войну в других странах с целью уничтожения посевов, которые им не нравятся? Мы можем оставить в стороне тот циничный ответ, что сами правительства этих стран обращались с просьбой об оказании такой «помощи», как и другие высказывания в том же духе. Следует задать еще один вопрос: обладают ли другие страны таким же экстерриториальным правом сеять насилие и разрушение, какое требуют для себя США?

Число колумбийцев, умерших от произведенных в США смертоносных химикатов, превышает количество североамериканцев, скончавшихся из-за потребления кокаина, и этот показатель еще больше в пересчете на общую численность населения Колумбии. В Восточной и Юго-Восточной Азии смертоносные химические препараты, произведенные в США, способствовали гибели миллионов людей. Страны этого региона вынуждены не только соглашаться на применение этих веществ, но также мириться с их рекламой из-за угрозы стать жертвой торговых санкций. В значительной мере под воздействием «агрессивной рекламы и маркетинга американских фирм заметно выросла доля курящих среди женщин и молодежи в странах Азии, где угроза жестких торговых санкций со стороны США снесла барьеры на пути продвижения американских табачных изделий», – приходят к выводу специалисты по вопросам народного здравоохранения. ⁴³ Колумбийским же картелям, наоборот, не позволено вести массированные рекламные кампании, в которых местный аналог Джо Кэмела расхваливал бы чудодейственные свойства кокаина.

Благодаря любви США к «свободной торговле» и «свободе слова» для рекламодателей товаров, сеющих смерть, экспорт сигарет резко увеличился в мире: с 1975 г. по 1996 г. он вырос в пять раз, ⁴⁴ – наглядный пример некоторых результатов процветания изуверской политической теологии, которая возводит «торговлю» в ранг высшей человеческой ценности – слово «торговля» взято здесь в кавычки, поскольку это понятие наполнено в данном случае весьма идеологизированным содержанием.

Поэтому мы вправе, более того, морально обязаны задать вопрос: имеют ли право Колумбия, Таиланд, Китай и другие страны, подвергающиеся воздействию торговой политики и агрессивному натиску смертоносного экспорта США, проводить военные операции и вести

химическую и биологическую войну в Северной Каролине? И если нет, то почему?

Мы могли бы также спросить: почему не проводятся рейды в стиле американских спецподразделений «Дельта» по американским банкам и химическим корпорациям, хотя не секрет, что они тоже участвуют в незаконном обороте наркотиков. Мы могли бы задать еще один вопрос: почему Пентагон не торопится наносить удары по Канаде, которая сейчас потеснила Колумбию и Мексику в качестве поставщика марихуаны; ее крепкие сорта стали наиболее доходной сельскохозяйственной культурой в Британской Колумбии, а их возделывание — одним из наиболее важных секторов ее экономики (также в Квебеке и Манитобе), давая десятикратный рост прибыли за последние два года. Или почему он не собирается использовать военную силу в отношении самих Соединенных Штатов, которые являются основным производителем марихуаны, быстро наращивающим ее изготовление, включая выращивание этих растений на гидропонике, а также в течение уже долгого времени служат центром по производству высокотехнологичных видов запрещенных наркотических веществ (ATS, стимуляторов типа амфетамина), составляющих быстро растущий сектор рынка наркотиков, охватывающий 30 миллионов потребителей во всем мире, что, вероятно, превышает число потребляющих героин и кокаин.⁴⁵

Нет необходимости подробно рассматривать летальные последствия, вызываемые применением американских наркотиков. Верховный Суд США недавно вынес заключение о наличии «более чем достаточных свидетельств» того, что потребление табака «является в США, возможно, единственной угрозой, которая сама по себе представляет наибольшую опасность для здоровья нации». От курения каждый год умирают более 400 тысяч американцев, что превышает общее количество погибших от СПИДа, алкоголя, наркотиков, а также в результате автокатастроф, убийств, пожаров и самоубийств. Верховный Суд призвал Конгресс принять законодательные меры по контролю в сфере табачного бизнеса. Поскольку потребление этого смертоносного вещества сократилось в США и его производителей заставили выплатить значительные компенсации жертвам, американские табачные корпорации направили свои усилия на освоение зарубежных рынков, что является обычной для них практикой. Количество погибших от их продукции не поддается подсчету. По оценкам Ричарда Пето, эпидемиолога из Оксфордского университета, только в одном Китае из нынешнего молодого поколения в возрасте до 20 лет 50 миллионов чело-

век в будущем умрут от болезней, связанных с курением, – внушительная цифра, являющаяся результатом весьма избирательного характера американской доктрины «свободной торговли». ⁴⁶

В сравнении с 400 тысячами человек, умирающими каждый год в Соединенных Штатах в результате потребления табака, количество погибших из-за наркотиков достигло рекордного показателя в 16 тысяч человек в 1997 г. При этом, только 4 из 10 наркоманов, нуждающихся в лечении, получают его, согласно докладу, обнародованному Белым домом. ⁴⁷ Эти данные вызывают новые вопросы о причинах войны с наркотиками. Глубокое беспокойство в отношении потребления наркотиков проявилось снова, когда один из комитетов Палаты представителей рассматривал клинтоновский «План Колумбия». Комитет отклонил поправку, предложенную Нэнси Пелоси, демократом от штата Калифорния, которая призвала выделить средства на оплату медицинских услуг по уменьшению пристрастия к наркотикам. Хорошо известно, что лечение и профилактика гораздо эффективнее, чем принудительные меры. В широко цитируемом докладе корпорации РЭНД (RAND Corporation), подготовленном при финансовой поддержке Министерства Сухопутных войск США и Управления государственной политики по контролю над наркотиками, делается вывод, что расходование средств на лечение от наркотиков в самих Соединенных Штатах в 23 раза более эффективно, чем на мероприятия по «ограничению поступления наркотиков из стран-производителей» (клинтоновский «План Колумбия»), в 11 раз эффективнее, чем на запретительные меры и в 7 раз эффективнее по сравнению с финансированием деятельности правоохранительных органов в этой сфере. ⁴⁸

Однако США не пойдут путем осуществления недорогих и эффективных мер. Наоборот, «война с наркотиками» спланирована таким образом, что основной удар направлен на крестьян-бедняков в зарубежных странах и неимущие слои населения в самих США; она ведется с использованием силы, а не конструктивных мер по смягчению остроты тех проблем, которые, как утверждают, стали причиной этой войны. На осуществление этих мер потребовалась бы малая толика предполагаемых затрат.

Когда разрабатывался клинтоновский «План Колумбия», высокопоставленные представители американской администрации обсуждали предложение административно-бюджетного управления изъять 100 млн. долл. из 1,3 млрд. долл., предназначенных для Колумбии, на финансирование лечения наркоманов в США. Это предложение встретило почти единодушный протест. Против него выступил, в частности,

«наркоцарь» генерал Барри Маккэффри, и оно было отклонено. В противоположность этому, когда Ричард Никсон, во многих отношениях последний либеральный президент США, объявил войну наркотикам в 1971 г., две трети средств пошли на лечение, которым было охвачено рекордное число наркоманов; как следствие – резко снизилось количество арестов, связанных с наркотиками, и заключенных в федеральных тюрьмах. Однако с 1980 г. «война с наркотиками» стала сводиться к наказанию преступников, усилению пограничного контроля, борьбе с производством наркотиков в странах, откуда они поставляются». ⁴⁹ Одним из результатов этого стал бурный всплеск преступности, связанной с наркотиками (часто не отягощенной жертвами), и огромный рост количества осужденных, который достиг уровня, намного превышающего аналогичный показатель любой промышленно развитой страны и, возможно, являющегося мировым рекордом, – но эти меры не оказали заметного влияния на доступность наркотиков и их цену.

Подобные наблюдения, едва ли требующие пояснений, ставят вопрос о том, что же на самом деле представляет собой эта война с наркотиками? Общеизвестно, что она не достигает провозглашенных целей, а обанкротившиеся методы тем не менее применяются еще более энергично, тогда как эффективные средства решения указанной задачи отвергаются. Поэтому есть все основания сделать единственный вывод, что «война с наркотиками», ведущаяся в жестко-карательном виде последние 20 лет, как раз *достигает* своих целей, а не наоборот. Каковы эти цели? Близкий к истине ответ читается между строк в комментарии Даниэля Патрика Мойнихэна, одного из немногих сенаторов, кто уделяет пристальное внимание социальной статистике с того времени, когда был провозглашен последний этап «войны с наркотиками». Он замечает, что, прибегая к карательным мерам, «мы делаем выбор, порождающий серьезную проблему преступности преимущественно среди меньшинств». Криминолог Майкл Тонри делает вывод, что «те, кто планировал эту войну, знали точно, что они делают». Их действия, во-первых, состоят в том, чтобы избавиться от «избыточного населения», «лишних людей» – *«desechables»*, как их называют в Колумбии, где их устраняют с помощью «социальных чисток»; во-вторых, чтобы запугать всех остальных – немаловажная задача в то время, когда и в самих США насаждаются «структурные изменения»^{vi}, несущие существенные издержки для большинства населения. ⁵⁰

«Хотя такая ‘война с наркотиками’ только в редких случаях идет во благо здоровью и безопасности нации, а гораздо чаще ведет к их деградации», — делается вывод в обзоре, написанном с привлечением большого массива материалов и знанием дела, — «она неизменно служит интересам частного капитала, интересам, которые раскрывает дихотомическая парадигма: победители и проигравшие; те, кто является ее мишенью и те, кого она обходит стороной; получающие щедрое финансирование и испытывающие явный дефицит средств». Эта схема согласуется в целом с «основными интересами внешней и внутренней политики США» и частного капитала, который «оказывает доминирующее влияние на политику». ⁵¹

Можно спорить о причинах, почему война с наркотиками ведется именно так, однако ее последствия в США и за рубежом представляются вполне очевидными.

ГЛАВА 6

Куба и американское правительство:

Давид против Голиафа

Куба и Соединенные Штаты занимают довольно необычное, фактически уникальное положение в системе международных отношений. Не существует похожего примера, когда бы одно государство столь длительное время подвергалось нападениям другого – в данном случае речь идет об одной из бедных стран «третьего мира», против которой крупнейшая сверхдержава вот уже 40 лет ведет террористическую и экономическую войну.

Фанатичное упорство, с каким предпринимаются эти нападки, на самом деле уходит корнями в далекое прошлое. С первых дней Американской революции взор отцов-основателей США был обращен к Кубе. Они были весьма откровенны в своих высказываниях о ней. Никто иной как Джон Куинси Адамс, будучи государственным секретарем, заявил, что захват Кубы является «чрезвычайно важным» для будущего политики и торговли Соединенных Штатов. Другие деятели из этой когорты утверждали, что будущее мира зависит от того, завладеют ли США Кубой. Это было дело «чрезвычайной важности» с самого начала истории США, оно остается таковым и сейчас. Стремление владеть Кубой является самым давним вопросом американской внешней политики.

Американские санкции против Кубы – самые жесткие в мире, гораздо жестче тех, что применяются, например, в отношении Ирака. Не так давно в «New York Times» появилась заметка, в которой говорится, что Конгресс принимает закон, позволяющий американским экспортерам поставлять продовольствие и медикаменты на Кубу. Из нее следовало, что это делается по настоятельной просьбе американских фермеров. «Фермеры» – это эвфемизм, означающий «американский агробизнес», который воспринимается благозвучнее, если обозначать его словом «фермеры». И это правда, что американский агробизнес хочет вернуться на кубинский рынок. В данной статье не было указано, что ограничения на продажу и экспорт продовольствия и медикаментов является вопиющим нарушением международного гуманитарного права. С осуждением этих ограничений выступили почти все

соответствующие организации. Даже обычно послушная Организация американских государств, которая редко перечит хозяину, осудила-таки эти ограничения как незаконные и неприемлемые (см. ниже гл. 12).

Американская политика в отношении Кубы уникальна во многих отношениях, прежде всего — продолжительностью нападков и, во-вторых, фактом полной изоляции США в мире по данному вопросу — фактически это 100-процентная изоляция, поскольку Израиль, единственное государство, которое, не задумываясь, рефлекторно голосует вместе с США в ООН, в то же время открыто нарушает американское эмбарго вопреки своему же голосованию.

Правительство Соединенных Штатов изолировало себя и от собственного народа. Согласно последним опросам общественного мнения, которые мне довелось видеть, примерно две трети американских граждан высказались против эмбарго. В деловых кругах опросы не проводятся, но существуют весьма веские доказательства того, что значительные сегменты бизнес-сообщества, крупные корпорации выражают явное несогласие с политикой эмбарго. Таким образом, еще одной отличительной чертой ситуации является то, что американское правительство осталось в этом вопросе в одиночестве. Администрация США противопоставила себя и народу собственной страны, и основным субъектам принятия решений, которые во многом контролируют американское правительство, и международному общественному мнению; но она с фанатичным упрямством продолжает проводить прежнюю политику, уходящую корнями в историю зарождения американской республики.

Куба вызвала настоящую истерию у американских стратегов. Особенно ярко это проявилось во время президентства Кеннеди. Документы для внутреннего пользования периода администрации Кеннеди, многие из которых сейчас стали доступны, описывают царившую тогда атмосферу словами «ярость» и «фанатизм» — из-за провалившихся попыток США вновь завоевать Кубу. Публичные выступления самого Кеннеди отличались неистовством. Он заявлял во всеуслышание, что Соединенные Штаты будут отброшены на свалку истории, если не вернут Кубу под свой контроль.

В 1997 г., когда Европейский Союз выдвинул во Всемирной торговой организации (ВТО) обвинения против США в вопиющем, возмутительном нарушении правил этой организации, которым является антикубинское эмбарго, Соединенные Штаты отклонили юрисдикцию ВТО, что неудивительно, потому что они вообще не признают право-

мочность решений любых международных институтов. Однако приведенные ими аргументы весьма любопытны. США отвергли компетенцию ВТО в этом вопросе, ссылаясь на сохранение за собой права поступать так по соображениям национальной безопасности. Существование Кубы представляет угрозу национальной безопасности Соединенных Штатов, и поэтому США вынуждены не признать юрисдикцию ВТО. На самом деле США не придали этой своей позиции официальный статус, потому что стали бы тогда посмешищем, однако их позиция была именно такой, и она неоднократно излагалась публично: «это – вопрос национальной безопасности, поэтому мы не можем рассматривать его в рамках компетенции ВТО».

Вас обрадует новость о том, что недавно Пентагон снизил степень угрозы завоевания Соединенных Штатов Кубой. Эта угроза все еще существует, но она не столь серьезна, как прежде. В качестве причины такого решения приводится ухудшение состояния вызывающих страх кубинских вооруженных сил после окончания «холодной войны», когда Советский Союз прекратил им свои поставки. Теперь мы можем свободнее вздохнуть; нам не надо прятаться под столы подобно тому как нас учили в первом классе школы. Эта новость не подверглась осмеянию, по крайней мере в США, когда о ней объявили во всеуслышание. Я уверен, что и в других странах она не стала поводом для насмешек. Вспомните реакцию мексиканского посла на попытку Джона Кеннеди организовать систему коллективной безопасности для защиты от Кубы в начале 1960-х гг.: посол заявил, что он, к сожалению, вынужден отклонить американское предложение, поскольку, если он скажет мексиканцам, что Куба представляет угрозу их национальной безопасности, 40 миллионов мексиканцев умрут от смеха.

Истерия и фанатизм США в отношении Кубы представляют собой действительно необычный и любопытный феномен, заслуживающий того, чтобы в нем разобраться и осмыслить его. Каковы истоки этого явления? Историческая подоплека дает лишь частичный ответ на этот вопрос, но и нынешняя ситуация в мире не может дать полное объяснение. Адекватным контекстом для осмысления данного явления служит то, что стало сейчас основной темой интеллектуальных дискуссий, особенно на страницах солидных журналов. Эта тема получила название «новый гуманизм», который с большим благоговением и напыщенностью провозгласили Клинтон и Блэр, а также разные их приспешники. Согласно данной теории, которая не сходит со страниц печатных изданий, мы вступаем в новую эру процветания, в новое тысячелетие. Эта эра началась фактически 10 лет назад, когда две

просвещенные страны, как они себя сами называют, освободились от оков «холодной войны» и поэтому смогли вновь посвятить все свои силы исторической миссии несения справедливости и свободы страдающим людям в мире и защиты прав человека повсюду, если необходимо — то с помощью силы. Этой возможности они были лишены во время холодной войны, которая прервала их миссию.

То, что священная миссия возобновилась, не вызывает сомнений; здесь нет места домыслам. Клинтон выступил с большой речью на базе ВМС в Норфолке 1 апреля 1999 г., в которой объяснил, почему США должны бомбить на Балканах всех и вся. Предваряя его выступление, министр обороны Уильям Коэн в начале своей краткой вступительной речи напомнил аудитории впечатляющие слова, произнесенные на заре прошлого века. Он привел высказывание Теодора Рузвельта, ставшего впоследствии президентом США, который заявил, что «великие идеалы исчезнут, если вы не готовы сражаться за них». И точно так же, как Теодор Рузвельт приветствовал наступление нового века этими вдохновляющими словами, его последователь Уильям Клинтон завершал этот век, излагая те же взгляды.

Вступительная речь Коэна была познавательна для всех, кто изучал историю США — ту историю, что основывается на фактах, а не вымыслах. Из нее они должны бы знать, что Теодор Рузвельт был одним из самых оголтелых расистов, проповедовавших бредовые идеи современной истории. Большое восхищение он вызывал у Гитлера, и на это были веские причины. Чтение его произведений вызывает шок. Он приобрел известность благодаря участию в американском вторжении на Кубу. К 1898 г. после многолетней борьбы Куба в основном добилась освобождения от Испании, но США это не устраивало, поэтому они предприняли вторжение на Кубу, чтобы не допустить успешного завершения войны за независимость. Куба была быстро превращена в то, что два профессора из Гарварда, редакторы недавно опубликованных «Пленок Кеннеди»¹, называют «фактической колонией» Соединенных Штатов, которой она оставалась вплоть до 1959 г. Это точное описание. Куба была превращена в «фактическую колонию» после американского вторжения, которое, между прочим, представили как гуманитарную интервенцию.

В то время Соединенные Штаты также находились в значительной изоляции. Американское правительство, разумеется, было изолировано от кубинского народа, но оно также обособилось и от собственного народа, который оказался настолько глуп, что поверил пропаганде и в подавляющем большинстве выступил в поддержку свободной Кубы,

не понимая, что его лидеры думают об этом в последнюю очередь, а, с другой точки зрения, – имеют это в виду прежде всего, поскольку они не должны были позволить острову обрести свободу.

Благородные идеалы, за которые сражался Рузвельт, на самом деле отчасти состояли в том, чтобы при помощи гуманитарной интервенции не допустить независимости Кубы. Однако примерно в 1901 г., когда он излагал свои взгляды, ценности, которые США были вынуждены насаждать силой, предстали в другом уголке мира гораздо драматичнее, чем на Кубе – а именно в ходе завоевания Филиппин. Это была одна из самых кровавых колониальных войн в истории, в которой сотни тысяч филиппинцев были зверски убиты. Американская пресса признала, что это – массовая резня, но рекомендовала продолжать убивать «местных жителей в английском стиле» до тех пор, пока они не станут «уважать наше оружие» и как результат – наши добрые намерения. Это тоже была так называемая гуманитарная интервенция.

Плоды завоеваний

Существовало две проблемы. Президент Мак-Кинли утверждал, что в настоящий момент США не могут рассчитывать на то, что филиппинцы смирятся с завоеванием их страны, но их согласие не столь важно, потому что Соединенные Штаты совершают этот великий акт гуманизма, будучи в ладу со своей совестью, и в конечном счете именно данное обстоятельство имеет значение. С решительным протестом против войны выступило очень немного американцев. Одним из них был, например, Марк Твен, об антивоенных взглядов которого умалчивалось в течение 90 лет; его антиимпериалистические статьи увидели свет лишь в 1992 году. Мак-Кинли подчеркивал, что «сейчас неподходящее время для освободителей ставить важные вопросы о свободе и форме правления перед теми, кому они несут свободу, тогда как те продолжают стрелять в своих спасителей». Поэтому США подождут, когда они перестанут стрелять в своих спасителей, и тогда растолкуют им вопросы о свободе. Это те ценности, утверждение которых в начале века принесло сотни тысяч трупов и огромные разрушения, это те ценности, за которые, как нам сейчас говорят, мы должны сражаться и защищать, – к чему призывает нынешний последователь воззрений Теодора Рузвельта.

Надо очень верить в американскую официальную идеологию, чтобы произносить вышеприведенные слова и ожидать, что они не вызо-

вут народного гнева. Такая вера, видимо, имеет свои достоинства. Никакого гнева, насколько я знаю, не было зафиксировано, за исключением, как обычно, выступлений маргинальных слоев. Тот период оказался поворотным моментом в современной истории и, конечно же, в истории США, а значит и мировой истории. Со времени американской революции и до того момента Соединенные Штаты занимались решением своей главной задачи, а именно «вырубкой лесов, истреблением индейцев и установлением своих естественных границ», — как говорил о ней один видный историк дипломатии в 1969 году. Одним из благотворных результатов деятельности 1960-х годов является то, что не только известный историк, но и оголтелый шовинист не может сегодня произнести эти слова во всеуслышание. И никто в наше время не осмелился бы их написать. Эти слова могли бы прийти им на ум, но они знали бы, что их нельзя произносить вслух.

Итак, после «вырубки деревьев, истребления индейцев и установления [наших] естественных границ», необходимо было приступить к покорению новых земель. В 1888 г. государственный секретарь Джеймс Блейн объявил о планах следующих завоеваний. Он заявил, что есть три достаточно ценные территории, которые следует захватить в сжатые сроки: Гавайи, Куба и Пуэрто-Рико. Несколько лет спустя американский посланник на Гавайях информировал Вашингтон о том, что «гавайская груша сейчас полностью созрела» и готова к тому, чтобы ее сорвали. США сорвали плод, захватив Гавайи и отстранив гавайский народ от управления страной с помощью намного превосходящей силы и обмана. Это был первый захват. Упоминавшийся выше посланник фактически повторил слова, сказанные Джоном Куинси Адамсом 70 годами раньше о том, что Куба — еще «незрелый плод», но со временем станет спелым, и что когда это произойдет, он упадет в руки США «по законам политического притяжения». Это было произнесено примерно в 1820 г.

Проблемой для США на протяжении всего XIX века была сдерживающая мощь Великобритании, а в 1960-е, 1970-е и 1980-е годы — сдерживание со стороны России. В XIX веке Британия являлась наиболее сильным противником, которого необходимо было вытеснить, как это неоднократно подчеркивали американские лидеры. Вот почему на американских картах Канада и Куба до сих пор окрашены в другой цвет. Сдерживающее влияние Великобритании накладывало ограничения на освободительный порыв американских революционеров и их последователей. Однако Адамс, как Томас Джефферсон и другие американские лидеры, подчеркивал вполне справедливо, что

со временем баланс сил изменится, британское сдерживание не будет столь эффективным и США смогут установить свой контроль над Кубой, что ввиду ее чрезвычайной важности для Соединенных Штатов надо сделать, используя законы политического притяжения, то есть силой. Это произошло в 1898 г. США вторглись на Кубу, чтобы предотвратить главную угрозу, а именно – ее освобождение от Испании. Пуэрто-Рико была захвачена в том же году, тут же подвернулись и Филиппины в качестве дополнительного приобретения. Они не фигурировали в планах, но оказались также «спелым плодом», удобрением для которого послужили многочисленные трупы.

В американских планах прослеживается тесная взаимосвязь всех этих событий. В действительности самым большим плодом, во много раз превосходящим все другие, был Китай. В течение 2 тысяч лет Китай являлся одним из самых влиятельных государств в мире, ведущей торговой и промышленной державой, однако к XIX веку ситуация изменилась. В конце того столетия европейские державы и Япония осуществляли раздел Китая, и Соединенные Штаты, как восходящая держава, хотели вмешаться в этот процесс. Торговля с Китаем являлась раздутым мифом с первых дней существования Новой Англии.ⁱⁱ Коммерсанты из этих штатов намеревались обогатиться на торговле с Китаем. Чтобы извлечь выгоду из этой торговли и занять подобающее место в разделе Китая, необходимо было превратить Карибское море и Тихий океан в «американские озера», выражаясь языком американских стратегов. Это предполагало захват Кубы, установление контроля над Карибским морем, похищение у Колумбии того, что именовалось Панамой (еще одно достижение Теодора Рузвельта), строительство канала, оккупацию Гавайев, завоевание Филиппин, чтобы сделать эту страну еще одним американским плацдармом для торговли с Китаем, превращение Карибского моря и Тихого океана в американские озера, каковыми они остаются и сегодня.

Каждая из этих акций, совершенных в 1898 г., и то, что за ними последовало, были так или иначе, но, как правило, вполне отчетливо связаны с указанной долгосрочной целью. В этом же ряду стоит так называемое «следствие», выведенное Теодором Рузвельтом из «доктрины Монро», которое официально провозглашает право США на власть в регионе Карибского моря. Неоднократная оккупация Никарагуа, кровопролитные вторжения в Доминиканскую республику и на Гаити во время президентства Вудро Вильсона – в последнем случае интервенция носила особенно омерзительный характер, поскольку сопровождалась разгулом оголтелого расизма (Гаити никогда не оп-

равится от него и через два десятилетия может фактически стать непригодным для проживания местом) – как и многие другие акции в этом регионе являлись проявлением нового гуманизма, который сейчас возрождают США.

Крупного успеха США, несомненно, добились в Венесуэле, откуда Вудро Вильсону удалось выбить британскую армию в 1920 г., к тому времени ослабленную Первой мировой войной. Венесуэла имела чрезвычайно важное значение для Соединенных Штатов. В тот период мир переходил к экономике, основанной на нефти. Северная Америка, главным образом США, были крупнейшим производителем нефти и оставались таковым примерно до 1970 г., а Венесуэла обладала значительными запасами нефти – одними из самых больших в мире. Фактически она была крупнейшим мировым экспортером нефти до 1970 г., а для Соединенных Штатов остается таковой до сих пор. Поэтому выбить британцев из этой страны было очень важно для США. Венесуэла обладает запасами других видов сырья, например, железа, за счет чего американские корпорации обогащались десятилетиями и продолжают делать это сейчас; и все это время США поддерживали сменявших друг друга кровавых диктаторов, чтобы держать венесуэльский народ в узде.

«Пленки Кеннеди», секретные магнитофонные записи, касающиеся кубинского ракетного кризиса, предстают вовсе не столь разоблачительными, поскольку почти всё, что в них содержится, так или иначе уже всплывало наружу. Однако они все же проливают свет на некоторые ранее неизвестные страницы истории. Новым открытием является разгадка одной из причин, почему братья Кеннеди, Роберт и Джон, были обеспокоены возможностью появления советских ракет на Кубе. Их тревога была вызвана тем, что ракеты могли бы стать препятствием американскому вторжению в Венесуэлу, необходимость в котором, как они полагали, могла возникнуть, если бы ситуация в этой стране стала выходить из-под контроля. Ракеты на Кубе могли сдерживать американское вмешательство. Отмечая это обстоятельство, Джон Ф. Кеннеди, заявил, что операция в Заливе Свиней была правильным решением: США намерены обеспечить себе гарантии победы и не могут позволить, чтобы такого рода сдерживающая сила препятствовала им вершить благие дела в регионе. После разрешения ракетного кризиса США, вопреки расхожим утверждениям, не дали обязательства не вторгаться на Кубу. Они активизировали террористическую деятельность против нее. К этому времени уже действова-

ло эмбарго, которое стало применяться еще более жестко, и такое положение сохраняется в целом до сих пор.

Угроза Кастро

Как я уже упоминал, до января 1959 г. Куба была фактической колонией Соединенных Штатов; прошло немного времени, прежде чем маховик американской политики вновь пришел в движение. Сейчас мы располагаем многими рассекреченными документами того времени, поэтому имеем достаточно полное представление о тех событиях. К середине 1959 г. администрацией Эйзенхауэра было принято неформальное решение о проведении курса на повторное завоевание Кубы. Уже в октябре 1959 г. базирующиеся во Флориде самолеты бомбили Кубу. США утверждали, что не могут ничего с этим поделать, и оставались «беспомощными», когда против этой страны совершались многие террористические акты последнего времени, следы от которых, как обычно, вели к исполнителям, прошедшим подготовку в ЦРУ.

В марте 1960 г. администрация Эйзенхауэра тайно принимает уже официальное решение о захвате Кубы, которое, однако, должно произойти таким образом, чтобы не была видна причастность к нему США. Вашингтон отдавал себе отчет в том, что если станет очевидной его причастность к захвату Кубы, это взорвет ситуацию в Латинской Америке. К тому же администрация знала о результатах опросов общественного мнения, свидетельствовавших о высоком моральном подъеме народа Кубы и его решительной поддержке кубинской революции. Поэтому США, несомненно, встретили бы мощное сопротивление в случае вторжения. Им надо было сбросить кубинское правительство, но так, чтобы американское участие в этом деле не было заметно.

Вскоре к власти пришла администрация Кеннеди. Она уделяла очень много внимания Латинской Америке; как раз перед своим приходом в Белый дом Кеннеди учредил латиноамериканскую миссию для изучения ситуации на этом континенте. Ее возглавил историк Артур Шлезингер. Представленный им доклад сейчас рассекречен. Он информировал президента Кеннеди о результатах миссии, касающихся Кубы. По его словам, сложность ситуации на Кубе заключается в «популярности идеи Кастро о том, что народ должен взять судьбу в свои руки». Он утверждал, что эта идея нашла большой отклик во

всей Латинской Америке, где «распределение земли и других видов национального богатства имеет огромный перекося в пользу имущих классов, ... [а] обездоленные и неимущие, вдохновленные примером кубинской революции, сейчас требуют обеспечить достойные условия жизни».¹ В этом угроза Кастро. И это – правда. Действительно, знакомство с документами внутреннего планирования за многие годы показывает, что эта угроза существовала всегда. «Холодная война» используется как оправдание в глазах общественности. Взгляните на документы; в них рассматривается ситуация то в одной стране, то в другой, но каждый раз именно Кубу называют «вирусом», который способен заразить других, – тех, кого может вдохновить «идея Кастро взять судьбу в свои руки» и кто считает, что тоже заслуживает достойной жизни.

Речь также шла и о России. Она упоминается в докладе Шлезингера. Во вводной части он говорит, что Россия представляет собой «пример осуществления модернизации страны в течение одного поколения», оказывает помощь другим странам и предоставляет им кредиты на цели развития. И в этом состояла советская угроза. Нас настойчиво убеждают в том, что при рассмотрении «нового гуманизма» нам не следует обращаться к ветхозаветным рассказам о «холодной войне», когда русские не позволяли США творить благие дела. Крайне важно не вспоминать про эти рассказы, потому что институты не реформировались, планирование не изменилось, решения и политика остались прежними. Гораздо лучше, если люди не будут знать этих фактов.

Администрация Кеннеди пришла к власти, и американская политика продолжалась в том же направлении до самого конца «холодной войны». Нельзя утверждать, что ничего не изменилось с окончанием холодной войны; перемены произошли. Главное изменение состояло в том, что перестала существовать сдерживающая сила в лице Советского Союза. Это означало, что США вместе со своим верным псом бойцовой породы, Великобританией, получили гораздо большую свободу маневра, чем раньше. Так, США и Великобритания обладают сейчас гораздо большей свободой применять силу, чем когда им противостояла сдерживающая сила. Этот факт сразу же был признан. Однако понадобились новые оправдания. Отныне США не могут утверждать, что все их действия направлены против России.

Берлинская стена рухнула в ноябре 1989 г. Это событие ознаменовало окончание «холодной войны», что очевидно для любого здравомыслящего человека. За месяц до этого, в октябре 1989 г., админист-

рация Буша издала секретную директиву национальной безопасности, ставшую сейчас достоянием гласности, которая предусматривала оказание поддержки большому другу США Саддаму Хусейну и другим деятелям подобного толка на Ближнем Востоке в целях защиты от России. Шел октябрь 1989 г. Через четыре месяца после падения Берлинской стены, в марте 1990 г., Белый дом должен был представить Конгрессу проект федерального бюджета на следующий финансовый год. В нем предусматривалось выделение огромных средств на оборону, что ничем не отличалось от ситуации всех предыдущих лет, кроме обоснования. Теперь огромный военный бюджет запрашивался не потому, что «русские идут», поскольку было очевидно, что это не так, а под предлогом происходящего, по словам авторов доклада, «технологического совершенствования» в странах «третьего мира». Относительно Ближнего Востока директивы были изменены по сравнению с октябрём – тогда они формулировались в соответствии с угрозой: «русские идут». В марте они гласили: американские экспедиционные войска должны быть нацелены на Ближний Восток как и раньше, а исходящую оттуда угрозу интересам США «не следует приписывать Кремлю», вопреки лжи последних 40 лет. Одна аргументация сменяла другую, выдвигались все новые предлоги для оправдания, но политика оставалась неизменной, правда, теперь у нее не было ограничений.

Со всей очевидностью это вскоре проявилось в Латинской Америке. Спустя месяц после падения Берлинской стены США вторглись в Панаму, убив около двухсот или, возможно, двух тысяч человек и разрушив бедняцкие кварталы, чтобы восстановить режим банкиров и наркодельцов: как вскоре сообщила исследовательская служба Конгресса, торговля наркотиками и отмывание денег резко пошли вверх наряду с другими негативными явлениями в том же духе. Ничего необычного в этой акции нет, мелочь по меркам истории, но ее отличали две особенности: первое отличие – иной предлог служил для нее оправданием. Это первая интервенция с начала «холодной войны», которую предприняли США не для защиты от русских. На этот раз она должна была защитить Соединенные Штаты от наркоторговцев из Латинской Америки. Во-вторых, США сразу же почувствовали, что у них появилось гораздо больше свободы, чтобы осуществлять вторжение, не опасаясь, что кто-то, например, русские, может нанести ответный удар в другом уголке мира, о чем с удовлетворением отметил бывший заместитель государственного секретаря США Абрамс.

То же самое можно сказать в целом и об отношениях США со странами «третьего мира». С «третьим миром» можно теперь не счи-

таться. Больше нет условий для существования движения неприсоединения. Поэтому забудьте о странах «третьего мира» и их интересах; отныне нет необходимости изображать притворную заботу о них. Эти изменения в политике проявились очень наглядно в последующие годы.

Почти все то же самое относится и к Кубе. Сразу после распада Советского Союза американское эмбарго против Кубы было ужесточено, между прочим, с подачи либералов: по инициативе Торричелли-Клинтона. На сей раз оправдание было иным. Раньше оно заключалось в том, что Куба – это щупальца советского зверя, готового вот-вот задушить США; сейчас – это внезапно нахлынувшая на США любовь к демократии, которая заставляет их выступать против Кубы.

США все же поддерживают определенный тип демократии. Эта разновидность демократии была довольно откровенно изложена крупным ученым Томасом Кэротерсом, который участвовал в разработке демократических инициатив администрации Рейгана в 1980-х гг. и писал о них с точки зрения человека, знающего предмет изнутри, поскольку тогда он работал в Государственном департаменте над проектами по «укреплению демократии». Он отмечает, что хотя администрация Рейгана, будучи, по его мнению, искренней в помыслах, своими действиями подрывала устои демократии; тем не менее она была заинтересована в определенном типе демократии, которую Кэротерс называет «вертикальной» формой демократии, оставляющей в неприкосновенности «традиционные структуры власти» – именно тех, с кем США давно поддерживают хорошие отношения. Пока демократия предстает в таком виде, ситуация не вызывает тревоги.

Реальная проблема, создаваемая Кубой для США, остается той же, какой она всегда была. Ее угроза по-прежнему заключается в «идее Кастро, что народ должен сам вершить свою судьбу», продолжающей вести за собой обездоленных и униженных людей, которые не могут вбить себе в голову, что они не имеют права искать пути к достойной жизни. И Куба, к сожалению, все еще зримо несет эту идею, посылая, например, врачей во все уголки мира в масштабах, превосходящих аналогичную деятельность любой другой страны, несмотря на свое очень сложное финансовое положение, и поддерживая – в это трудно поверить – национальную систему здравоохранения, которая служит прямым укором Соединенным Штатам. В силу подобных опасений и фанатизма, уходящего корнями в историю США, американское правительство продолжает истеричные нападки на Кубу, по крайней мере

в настоящий момент, будет и дальше проводить такую политику, пока его не остановит какая-то сдерживающая сила.

Хотя внешние факторы сдерживания и перестали существовать (в свое время они не были уж очень эффективными), решающая сдерживающая сила находится там, где она всегда и была – в самих США. Две трети американского народа без тени сомнения отвергают эмбарго в отношении Кубы. Представьте, что произошло бы, если рассматриваемые проблемы стали бы предметом серьезного и честного обсуждения, – вот реальная перспектива для того, чтобы в полной мере раскрылся сдерживающий потенциал американского народа.

ГЛАВА 7

Усиливающийся нажим: Латинская Америка

В конце Второй мировой войны США создавали мировой порядок, в котором не должно было быть места никаким региональным системам, недоступным для американского проникновения и влияния; исключение составляла лишь одна, которая подлежала отделению от мировой системы, укреплению и централизации под контролем Вашингтона, а именно – Западное полушарие или «наш маленький регион прямо у нас под боком», как называл его военный министр Генри Стимсон.

Итак, что слышно о «нашем маленьком регионе, расположенном прямо у нас под боком»? Недавно он появился на первых страницах печатных изданий в связи с выходом в свет доклада комиссии ООН о военных преступлениях и зверствах в Гватемале. Авторы доклада возлагают вину на правительство этой страны практически за все злодеяния, а носят они чудовищный характер, вплоть до геноцида. Этот правящий режим установили США в результате военного переворота в 1954 года, и с того времени они предпринимают весьма энергичные усилия, чтобы его сохранить, прибегая к самым жестоким злодеяниям со все большим размахом. Эта политика пользуется фактической поддержкой и демократов, и республиканцев.

Американский прессинг

В 1954 г. администрация Эйзенхауэра прервала первый и единственный 10-летний демократический эксперимент Гватемалы, положив начало периоду жестоких репрессий и пыток, который был решительно продолжен администрацией Кеннеди, сформулировавшей основы доктрины национальной безопасности не только для Гватемалы, но и для всего Западного полушария. В результате по странам Центральной и Латинской Америки прокатилась волна репрессий при непосредственном участии США и энергичной поддержке администрация Джонсона. В конце 1960-х гг. масштабы репрессий возросли, и с того времени не прекращались. Творимые злодеяния достигли пика в начале 1980-х гг. при рейгановской администрации, которая публично и

открыто, причем с явным энтузиазмом, оказывала поддержку убийцам, чьи личности теперь установлены комиссией ООН. Факт такой помощи в то время ни для кого не был секретом. Конгресс не раз вынуждал администрацию заявлять, что положение с правами человека улучшается не только в Гватемале, но также в Сальвадоре и Гондурасе — для того, чтобы США могли продолжать оказывать поддержку правящим режимам в этих странах. Американские законодатели знали, что им говорят неправду — сейчас это признанный факт. В докладе комиссии ООН дается мрачная картина нынешней ситуации в Гватемале; столь же пессимистично она выглядит в докладе, посвященном положению в Сальвадоре.

Но это еще не все. Представляя доклад, председатель комиссии ООН подчеркнул, что американское правительство и частные компании «оказывают давление с целью сохранения архаичной и несправедливой социально-экономической структуры этой страны». ¹ Он особо выделил данный факт, поскольку в этом суть проблемы во всех странах, где творятся злодеяния и террор. Эти злодеяния являются отражением социально-экономической структуры, которая представляет собой систему жестокого угнетения подавляющего большинства населения страны. Когда народ пытается завоевать и отстоять некоторые свои права, на него обрушивается железный кулак, получающий поддержку сверхдержавы Западного полушария. Такова история «нашего маленького региона, расположенного прямо у нас под боком».

Вашингтон выразил несогласие, заявив, что эта часть доклада не соответствует действительности. В определенном смысле так оно и есть: ситуация в Гватемале обрисована в слишком дипломатичных и мягких выражениях. Мандат работы комиссии не предполагал подробное изучение данной проблемы, поэтому авторы доклада лишь особо выделили ее, не вдаваясь в анализ.

В тот самый день, когда был обнародован доклад, пришло еще одно сообщение. Корпорация «Phillips-Van Heusen» закрыла свою фабрику в Гватемале, и это было сделано не случайно: из 200 работающих на экспорт швейных фабрик Гватемалы она закрыла единственную, где был профсоюз. ² Право на создание профсоюзной организации на этой фабрике было завоевано в результате шестилетней борьбы при массовой поддержке гватемальцев, объединившихся в группы солидарности и проводивших акции бойкота. Наконец они создали профсоюзную организацию, поэтому фабрику и закрыли. Председатель американского профсоюза работников швейной и текстильной промышленности был прав, заявляя, что корпорация «Phillips-Van

Heusen» посылает гватемальским рабочим следующее предупреждение: «Если вы будете бороться за справедливость, за создание профсоюзов, то мы не будем соблюдать трудовой договор с вами. Мы уйдем».

Это предупреждение адресовано рабочим Гватемалы и фактически всех других стран. Оно служит укреплению архаичной и несправедливой социально-экономической системы, которая лежит в основе проводимой десятилетиями политики террора и насилия, как об этом говорится в докладе комиссии ООН, обнародованном в тот же день. Итак, американское правительство и частные компании продолжают оказывать давление с целью сохранения изжившей себя дискриминационной социально-экономической структуры, которая, между прочим, является нарушением Всеобщей декларации прав человека. Статья 23 этого документа гарантирует право на создание профсоюзов в принципе, но не на практике. «Оказывают давление» – фраза, недостаточно полно отражающая реальное положение вещей. За этим выражением стоят годы и годы массовых убийств, кровавой резни, пыток и истязаний, по сути, акты геноцида; оно характеризует 45-летнюю политику государственного терроризма. Опять-таки, в круг полномочий комиссии ООН не входило расследование того, как сохранение архаичной социально-экономической системы ведет к террору.

Возникает естественный вопрос: почему все это происходит? Он мог бы стать предметом обсуждения среди журналистов и комментаторов, будь у них желание блюсти хотя бы минимальные нормы честности. Почему Соединенные Штаты свергли единственное демократическое капиталистическое правительство Гватемалы и с тех пор оказывают поддержку государственному терроризму? Утверждение, что это была всего лишь ошибка, вызванная перегибами периода «холодной войны», не дает исчерпывающего ответа. Для такого рода действий у США были причины, и докопаться до них не составляет большого труда.

Накоплен большой массив документов о внутренних перипетиях того, как осуществлялось планирование американской стратегии. В начале 1950-х гг. было много разговоров о Советском Союзе и коммунизме. Вот о чем говорили между собой американские стратеги. В 1952 г. американская разведка предупреждала о «коммунистическом влиянии, ... основанном на агрессивной пропаганде социальных реформ и политике национального освобождения, которые ассоциируются с гватемальской революцией 1944 года», положившей начало 10-

летнему периоду демократии, который прервал переворот, совершенный США. «Политика радикальных перемен и защиты национальных интересов», проводимая тем демократическим капиталистическим правительством, включая борьбу с экономическими привилегиями зарубежных компаний, особенно «United Fruit Company», завоевала «поддержку и симпатии почти всех гватемальцев». Правительство создавало «массовую поддержку существующему режиму» путем политической организации рабочего класса и проведения аграрных реформ, «объединяя доселе политически пассивное крестьянство» и подрывая при этом устои власти крупных землевладельцев. Кроме того, «гватемальская официальная пропаганда, делая акцент на конфликте между демократией и диктатурой, между национальной независимостью и 'экономическим империализмом', представляет собой дестабилизирующий фактор в регионе Карибского моря». ³ В основе подобных оценок лежит американская поддержка диктатур и естественный страх США перед демократическими движениями за независимость.

Беспокойство у Соединенных Штатов вызывала также поддержка Гватемалой демократических сил в других странах Карибского моря и их борьбы с местными диктатурами. Имелась в виду происходившая в это время демократическая революция в Коста-Рике, которой, как утверждали США, оказывала поддержку ужасное правительство Гватемалы. Кроме того, американская разведка сообщала, что революция 1944 г. пробудила «мощное национальное движение за освобождение Гватемалы от военной диктатуры, социальной отсталости и 'экономического колониализма', которые были наследием ее прошлого», «всколыхнула чувство преданности», будучи «созвучной личным интересам большинства политически сознательных гватемальцев». Социальные и экономические программы избранного правительства отвечали чаяниям рабочего класса и крестьянства, поэтому «ни землевладельцы, ни «[United] Fruit Company» не могут рассчитывать на симпатии гватемальского общественного мнения». ⁴ Такова предыстория военного переворота 1954 г.

Гватемала становилась тем, что называли «вирусом», который мог заразить других. Она представляла собой угрозу так называемой «стабильности». Посольство США в этой стране вкладывало такой смысл в понятие «стабильность»: Гватемала становится все большей угрозой для стабильности Гондураса и Сальвадора. Проводимые в ней

аграрные реформы являются мощным пропагандистским оружием; ее широкомасштабная социальная программа оказания помощи рабочим и кре-

ствиям в победоносной борьбе с правящими классами и крупными иностранными компаниями вызывает горячий отклик у населения соседних стран Центральной Америки, где преобладают схожие условия.⁵

Такая ситуация нетерпима. Она подрывает стабильность. Переворот, совершенный США, восстановил «стабильность» и вернул традиционный социальный порядок с помощью силы. Он поддерживается путем жесточайшего насилия. Целями переворота и сохранения у власти террористических режимов является именно то, о чем было сказано выше со всей определенностью: это сдерживание угрозы демократии и свертыwanie социальных программ, подрывающих стабильность не только в Гватемале, но и других странах региона своей огромной притягательностью для населения.

Если почитать газеты, в которых говорится о докладе Комиссии ООН, то многое станет понятно. В них признается, что США действительно совершили ошибку. Дело, мол, в перегибах времен холодной войны. США больше не повторяют подобную ошибку. Однако все обстоит не так просто. Эта «ошибка» ошибкой не является. Она была спланирована. Ее планирование, объяснение и обоснование основывались на рациональных доводах, о которых я вкратце говорил выше. Кроме того, поскольку эти доводы – плод холодного ума, одна и та же так называемая «ошибка» с завидным постоянством совершалась в различных странах в разное время, и каждый раз в закрытых документах приводится один и тот же набор аргументов в ее оправдание. К тому же, как видно из вышеизложенного, «холодная война» была здесь совершенно не причем.

В этом легко убедиться, лишь взглянув на соотношение сил в «нашем маленьком регионе прямо у нас под боком», к которому холодная война едва ли имеет какое-либо отношение. Однако связь с холодной войной все же была. Готовясь к тому, чтобы убить «вирус» независимой капиталистической демократии, США свернули военную помощь Гватемале и пригрозили ей нападением. Замысел заключался в том, чтобы вынудить Гватемалу обратиться к другим странам за поддержкой и военной помощью для защиты от нависшей угрозы американского нападения. Другие страны были вполне готовы предоставить такую помощь, но США не позволили это сделать европейским государствам, поэтому Гватемала была вынуждена обратиться к Советскому блоку, чего как раз и хотел Вашингтон.

В это время американское посольство в Гватемале представило свои рекомендации, согласно которым США могли бы теперь принять

меры, чтобы воспрепятствовать «поступлению оружия и прибытию военных инструкторов в Гватемалу», задерживая суда в международных водах – что, конечно же, противозаконно – «до тех пор, пока это не приведет к подрыву гватемальской экономики». Разрушение экономики было следующим шагом, и его цель состояла в том, чтобы «подтолкнуть армию или некоторые другие некоммунистические круги к захвату власти», то есть спровоцировать военный переворот, который сверг бы правительство и уничтожил бы демократический «вирус». В противном же случае «коммунисты воспользуются ситуацией, чтобы расширить свое влияние, что послужило бы оправданием для сообщества латиноамериканских государств или, если они не согласятся, для США [в одиночку] предпринять решительные меры». ⁶

Итак, американская логика состояла в том, что США вынуждают Гватемалу защищаться от угрозы своего нападения, создавая тем самым угрозу собственной безопасности, которую они используют, чтобы, разрушая гватемальскую экономику, спровоцировать военный переворот или фактический захват власти коммунистами. Это позволит тогда Вашингтону оправдать свою ответную силовую акцию необходимостью самообороны. Вот в чем подлинный смысл использования в качестве прикрытия ссылок на самооборону и холодную войну, раскрывшейся во всей своей жестокой наготе – поучительный урок, который преподносится снова и снова.

Надгробие внешнего долга

Давайте обратимся к другим примерам поддержания социально-экономического господства в «нашем маленьком регионе прямо у нас под боком». Недавно в Тегусигальпе, столице Гондураса, прошла встреча 17 государств Латинской Америки, посвященная проблеме внешнего долга. Говоря о задолженности, архиепископ Тегусигальпы, председатель латиноамериканской Конференции епископов заявил, что «это не еще одна из тех проблем, что стоят перед нами, – это и есть *сама* проблема. Внешний долг – это как надгробие». ⁷ Еженедельный бюллетень «Latinamerica Press», издающийся в Перу приверженцами теологии освобождения, поместил на своих страницах материал, который я только что процитировал, однако его следовало опубликовать на первых полосах американской прессы. Внешний долг – проблема, которую создают и существование которой продлевают

США. Однако об упомянутой конференции в американской прессе не было сказано ни слова.

Теперь обратимся к статистическим показателям. Это данные Всемирного банка. Они примерно таковы: в 1970-х гг. внешний долг Латинской Америки составлял около 60 млрд. долл. К 1980 г. он достиг 200 млрд. долл. Это результат вполне очевидной политики Всемирного банка и Международного валютного фонда (МВФ), которые призывали банки выдавать крупные кредиты, а государства – брать эти займы. Проповедуемая ими экономическая теория убеждала всех, что это принесет великолепные результаты.

Такие рекомендации выдавались фактически вплоть до того самого дня, когда Мексика объявила дефолт и финансовая система Латинской Америки рухнула. До этого события Всемирный банк и МВФ настоятельно советовали продолжать практику массированного кредитования. К 1990 г. внешний долг вырос с 200 млрд. долл. примерно до 433 млрд. долл.; по прогнозам, к концу 1999 г. он достигнет почти 700 млрд. долл. Между тем с 1982 г. по 1996 г. около 740 млрд. долл. было выплачено по внешнему долгу банкам промышленно развитых стран и международным финансовым институтам. Лишь в одном 1999 г. расходы по обслуживанию внешнего долга поднялись почти до 120 млрд. долл. Только вдумайтесь в эти цифры. Очевидно, что этот долг никогда не будет выплачен. Его невозможно вернуть. Он все больше возрастает, а утечка капитала из бедных в богатые страны ускоряет свой бег, и эти процессы будут продолжаться и набирать обороты, не суля перемен.⁸

Приведу в заключение пример из газеты «Wall Street Journal», где на первой полосе была опубликована весьма показательная статья.⁹ Речь в ней идет о положении в Мексике после подписания Североамериканского соглашения о свободе торговли (НАФТА).¹ Соглашение НАФТА начало претворяться в жизнь, а затем разразилась катастрофа 1994 года – произошел обвал мексиканской экономики. Статья, как обычно, начинается со слов о том, что с подписанием НАФТА Мексика превратилась в экономическое чудо. Она «имеет образцовую репутацию» и является примером, которому должны следовать другие страны. Причина успеха в том, что Мексика соблюдает все правила и исполняет все предписания МВФ – то есть делает то, что ей велят США, поскольку они решают, какие указания МВФ должен дать Мексике. Она следует всем этим указаниям, макроэкономические показатели выглядят превосходно, зарубежные инвесторы и состоятельные мексиканцы процветают – все очень замечательно.

Но... К своей чести «Wall Street Journal» отмечает, что есть одно «но». У Мексики «образцовая репутация», она представляет собой экономическое чудо, но ее народ нищает. С 1994 г. покупательная способность упала на 40 процентов. Увеличивается доля бедных в структуре населения, она растет быстрыми темпами. Экономическое чудо, как говорят мексиканцы, уничтожило «поколение прогресса»; большинство граждан Мексики стало жить беднее, чем их родители. Согласно другим источникам, импорт из США субсидируемой аграрной продукции разрушает сельское хозяйство страны; произошло реальное снижение занятости в промышленности, оплата труда там сократилась примерно на 20 процентов, а в целом по стране еще больше.¹⁰ В самом деле, НАФТА – поразительное достижение: это первое в истории торговое соглашение, которое преуспело в нанесении ущерба населению всех трех участвующих в нем стран. Это несомненный успех.

Более того, такой результат был предсказуем и предсказан. Например, его предсказало Бюро оценки технологий, собственная исследовательская служба Конгресса, которая проанализировала НАФТА и сделала вывод, что если это соглашение будет реализовано в том виде, как планирует Белый дом, оно принесет вред народам всех трех стран. Эксперты этой службы предложили альтернативные варианты, осуществление которых позволило бы избежать подобного исхода. Американские профсоюзы говорили о том же самом. Однако ни одно из этих предложений не обсуждалось в Соединенных Штатах, поскольку что свободная пресса обошла их молчанием. Итоги анализа, проведенного в Конгрессе его научными экспертами, и позиция профсоюзов не получили трибуны для обнародования. Сейчас последствия НАФТА налицо, и вы можете сами убедиться в них, однако вовсе не обязательно, что все эти разрозненные факты соединятся воедино в нашем сознании. Конечно, если только мы сами не предпримем для этого усилий.

Экономическое чудо разорило население Мексики, и к своей чести «Wall Street Journal» это отмечает. Далее авторы статьи приводят следующее любопытное и примечательное наблюдение: они пишут, что Бразилия сейчас сталкивается с теми же проблемами, что стояли перед Мексикой в 1994 г., однако у той было одно «преимущество», которого нет у Бразилии. Преимущество это состоит в том, что в Мексике правит диктатура. Поэтому она может заставить неимущие слои населения смириться с издержками «правильного» экономического курса. Однако Бразилия не имеет этого «преимущества». Руководство

Бразилии может оказаться неспособным взвалить на плечи бедных слоев населения тяготы и лишения, связанные с исполнением указаний Всемирного банка и МВФ, чтобы на этом наживались местные богатеи и зарубежные инвесторы. Все это так. Возможно, проблема как раз в том, что Бразилия является слишком демократической или, может быть, слишком хаотичной и неуправляемой, чтобы быть способной насильственно переложить издержки экономической политики на обездоленный народ, тогда как мексиканские толстосумы и иностранные инвесторы пользуются привилегиями и получают соответствующие барыши.

Это извечная проблема. Она возникает снова и снова: речь идет именно о насаждении социально-экономических структур, порождающих террор и репрессии. Эта проблема всплыла в 1990 г. на заседании экспертов в Пентагоне, посвященном американской стратегии в Латинской Америке, где обсуждались отношения США с Мексикой. Данная встреча на высоком уровне была частью процесса планирования, предшествовавшего подписанию НАФТА. Ее участники пришли к выводу, что между США и мексиканской диктатурой существуют прекрасные отношения, но есть одна потенциальная проблема: «вступление Мексики на путь демократии» может стать испытанием для особых отношений между ними, если к власти придет правительство, которое будет в большей мере настроено бросить вызов США, исходя из экономических и национальных интересов своей страны».¹¹ Это чем-то напоминает ситуацию в Гватемале в 1950 г. Переход к демократии возможен, и в этом – вся проблема, поэтому для ее решения США должны что-то предпринять. НАФТА – таким был их ответ. Смысл НАФТА заключается в удержании Мексики на пути так называемых реформ с помощью соответствующего договора, чтобы, даже если будет инициирован процесс демократизации, – столь ненавистная для США угроза, – мексиканцы все равно не смогли бы далеко продвинуться вперед, будучи связанными обязательствами по упомянутому договору. Вопрос теперь в том, сможет ли Бразилия, у которой нет преимущества в виде диктатуры, проводить в жизнь такую же программу.

ГЛАВА 8

Юбилейный 2000-й

Призыв списать долги в честь юбилейного 2000 года заслуживает всяческого одобрения и поддержки, однако с рядом оговорок. Сам долг никуда не исчезает. Кто-то должен платить, а исторический опыт обычно подтверждает истину, вытекающую из рационального взгляда на структуру власти: в системе, некорректно называемой «капитализмом свободного рынка», риски и, как правило, расходы имеют тенденцию к социализации.

Будь подход к этому вопросу иным, можно было бы апеллировать к старому капиталистическому идеалу, что ответственность за выплату долга несет тот, кто его берет, а риск берет на себя тот, кто дает в долг. Долги брали не крестьяне, не рабочие сборочных цехов и не обитатели трущоб. Широкие массы населения мало что получили от этих займов; на самом деле они часто жестоко страдали от их последствий. Но, согласно господствующей идеологии, они должны нести на себе бремя выплат, тогда как риски перекладываются на западных налогоплательщиков путем проведения МВФ спасительных мер (спасают кредиторов и инвесторов, а не страны) и использования других механизмов; недавние «спасительные займы МВФ» вполне укладываются в норму, когда «частные кредиторы забирают предоставленные Фондом деньги с собой и уходят, а страны-должники фактически национализуют долги, взятые частным сектором».¹ В соответствии с принятыми на вооружение принципами, под защитой оказываются банки, которые предоставляли невозвратные кредиты, а также экономические и военные элиты, обогатившиеся за счет перевода своих богатств за границу и присвоения ресурсов собственных стран. Долги могут нести с собой «кризис» для бедных, на которых ложится вся тяжесть программ структурных реформ, проводимых для облегчения выплаты долгового бремени – программ, осуществляемых ценой огромных затрат человеческого капитала; в меньшей степени они несут кризис налогоплательщикам стран Северной Америки, на которых перекладывается груз высокодоходных, а значит и рискованных кредитов, если они остаются невыплаченными. Но для богатых и привилегированных такая схема поистине превосходна.

Долг Латинской Америки, который, начиная с 1982 года, достиг кризисного уровня, резко снизился бы – а в некоторых случаях вообще был бы преодолен – если бы удалось вернуть беглые капиталы (хотя многие цифры, относящиеся к этим секретным и часто противозаконным операциям, явно сомнительны). По словам Карин Лиссакерс, исполнительного директора МВФ от США, «банкиры заявляют, что не будет никакого [долгового] кризиса, если беглые капиталы – деньги, которые граждане стран-заемщиков переправляют за границу для инвестиций и безопасного хранения – будут доступны для выплаты долгов», хотя «те же самые банкиры активно способствуют утечке капиталов». По оценке Всемирного банка, утечка капитала из Венесуэлы в 1987 году превысила ее внешний долг на 40 процентов. В 1980-82 гг. – это уже оценка журнала *Business Week* – у восьми ведущих стран-должников утечка капитала достигла 70 процентов суммы их долга.² Это типичное явление, характеризующее ситуацию накануне коллапса – так снова произошло в Мексике в 1994 году. «Пакет спасительных мер» МВФ для Индонезии в 1988 году приблизительно равнялся той сумме, в которую оценивалось состояние семьи Сухарто. Один индонезийский экономист посчитал, что 95 процентов внешнего долга страны, составляющего примерно 80 млрд. долларов, должны были бы платить 50 человек, а не 200 миллионов жителей, которые несут издержки «сталинистского государства, вобравшего в себя необузданные нравы Додж-Сити»¹, как характеризует Индонезию специалист по Азии Ричард Робинсон.³

В последние несколько лет ссудо-сберегательные ассоциации США наметили спасительные меры для 41 бедной страны, которые имеют наибольшую задолженность. Это один из многочисленных случаев социализации рисков и затрат, которая усилилась при «консерваторах»-рейганистах одновременно с ростом государственных расходов и затрат на списание задолженности (исчисляемых по отношению к ВВП). Размер богатства Латинской Америки, находящегося в руках иностранцев, едва ли не на 25 процентов превышает объем спасительных мероприятий ссудо-сберегательных ассоциаций, составив в 1990 году примерно 250 млрд. долл.⁴

Это достаточно общая картина и в ней мало что нового. В одном из исследований по глобальной экономике указывается, что в 90-е годы XIX века «дефолты американских железных дорог по иностранным облигациям имели тот же масштаб, что нынешние долговые проблемы развивающихся стран».⁵ В 30-е годы XX века Великобритания, Франция и Италия отказывались платить по долгам Соединенным

Штатам. После Второй мировой войны сообщалось об огромной утечке капиталов из Европы в США. При наличии скоординированных механизмов контроля деньги можно было удерживать дома для послевоенной реконструкции, но, как утверждают некоторые аналитики, творцы тогдашнего политического курса предпочитали, чтобы состоятельные европейцы отправляли свои капиталы в нью-йоркские банки, а затраты на реконструкцию перекладывались на американских налогоплательщиков. План Маршалла как раз примерно и покрывал то «бегство капитала, которое приобрело характер массового психоза» и которое предсказывали ведущие экономисты.⁶

Есть и другие прецеденты, о которых здесь уместно упомянуть. Когда столетие назад Соединенные Штаты завоевали Кубу, они отменили кубинские долги Испании на том основании, что это бремя было «навязано народу Кубы без его согласия и силой оружия». Подобные долги, которые являются «не обязательствами всего народа», а «долгами той власти, которая их набрала», ученые-юристы впоследствии называли «одиозными долгами». При этом кредиторы, которые «совершили враждебный акт по отношению к народу», не могут рассчитывать ни на какие выплаты со стороны жертв. Отвергая возражение англичан о списании долга Коста-Рики, председатель Верховного суда США Уильям Говард Тафт, который был арбитром в этом деле, вынес заключение, что банк ссужал деньги «не для законного использования», поэтому его требования о выплате долга «должны быть признаны несостоятельными». Подобная логика хорошо применима к большей части сегодняшней задолженности: это «одиозный долг» без какого-либо правового или морального обоснования, навязанный народу без его согласия, зачастую используемый для его подавления и для обогащения его господ. Принцип одиозного долга, «будь он сегодня применен, перечеркнул бы значительную часть задолженности стран третьего мира», комментирует Лиссакерс.

В некоторых случаях у долгового кризиса имеются даже более простые и консервативные решения, чем немыслимая капиталистическая идея или принятый американским правительством принцип одиозного долга. Центральная Америка жестоко страдает от этого кризиса. Самая высокая задолженность на душу населения в регионе у Никарагуа. Общий ее размер – 6,4 млрд. долл., и очевидно, что выплатить ее нельзя. Человеческие издержки от программ МВФ, обеспечивающих кредиторам компенсации, многократно превышающие размер долга, просто невозможно подсчитать. Около 1,5 млрд. долларов долга досталось от времен Сомосы – ясно, что это «одиозный долг», ни-

чем не обоснованный. Еще 3 миллиарда относятся к периоду после 1990 года, когда США восстановили контроль над Никарагуа. Это также одиозный долг. За оставшуюся часть несут прямую ответственность Соединенные Штаты, которые вели против Никарагуа жестокую экономическую войну и разрушали ее, поощряя боевые действия террористов. За это они были осуждены Международным судом, который обязал США выплатить репарации, по разным оценкам порядка 17 млрд. долл. Соответственно, соблюдения в высшей степени консервативного принципа международного права (как это определено высшим международным судебным органом) было бы достаточно, чтобы с лихвой выплатить никарагуанский долг. Даже если просто вообразить, что западная элита с ее культурой способна воспринимать элементарные принципы морали, подобные выводы сразу же, и в гораздо более широких масштабах, были бы сделаны по всей Европе и США – и без всякого вердикта Международного суда. Но до этого дня еще предстоит пройти долгий путь.⁷

С 1971 по 1973 годы ссудная активность банков более чем удвоилась, а затем «в течение следующих двух лет стабилизировалась, несмотря на необычайно возросшую плату по нефтяным счетам» с конца 1973 года, говорится в докладе ОЭСР. Доклад также указывает, что «самый решающий и драматичный рост банковского кредитования был связан с резким ростом цен на потребительские товары в 1972-73 гг. – как раз перед нефтяным шоком». Одним из примеров этого было увеличение втрое экспортных цен на американскую пшеницу.⁸ Впоследствии, по мере того как банки стремились рециклироватьⁱⁱ нефтедоллары, размеры кредитования возрастали. Повышение (временное) нефтяных цен отзывалось трезвыми предложениями о том, чтобы ближневосточная нефть «могла быть интернационализована, и не ради кучки нефтяных компаний, а на благо остального человечества».⁹ Что-то не слышно было подобных призывов к интернационализации американского сельского хозяйства, в высшей степени продуктивного благодаря данным природой преимуществам, а также многолетним исследовательским работам и внедрению научных достижений за счет государственного сектора. Не будем говорить уже о тех мерах, что позволили обеспечить доступность земли – и вряд ли благодаря чудесам рынка.

Банки с готовностью давали в долг и были воодушевлены открывавшимися перспективами. Накануне краха 1982 года директор Citibankⁱⁱⁱ Уолтер Ристон, известный в финансовом мире как «величайший из мастеров рециклирования», говорил, что кредитование

Латинской Америки настолько лишено какого-либо риска, что коммерческие банки могут спокойно утроить размеры займов «третьему миру» (в пропорции к своим активам). После того как случился обвал, *Citibank* заявил, что в Бразилии «мы не чувствуем какой-то особой для себя опасности», между тем как Бразилия в предыдущие четыре года удвоила свой долг банкам, а *Citibank* лишь в этой стране понес потери, превышавшие 100 процентов его капитала. В 1986 году, после того как мировой бум заимствований закончился обвалом, Ристон (а он был одним из главных людей, сделавших возможным этот бум) писал: «Кажется, события последнего десятилетия наводят на мысль, что мы [банкиры] делаем нашу работу [по оценке степени риска] вполне разумно»; и вправду, достаточно разумно, если мы закладываем в наши расчеты будущую социализацию рисков путем государственного вмешательства. Это вмешательство всячески приветствуется Ристон и ему подобными, которые известны своим презрением к государству и преклонением перед свободным рынком.¹⁰

Международные финансовые институты также сыграли свою роль в этой катастрофе (катастрофой она стала для бедных). В 1970-е годы Всемирный банк всячески поощрял предоставление займов. «Такой проблемы, как неспособность развивающихся стран обслуживать долг, в общем, не существует», – авторитетно заявлял Банк в 1978 году. За несколько недель до объявления Мексикой дефолта в 1982 году, который стал спусковым крючком разразившегося кризиса, МВФ и Всемирный банк в совместной публикации заявляли, что «все еще существует значительный резерв для устойчивых дополнительных заимствований, которые послужат росту производственных мощностей» – например, никому не нужного сталелитейного завода *Sicartsa* в Мехико, финансируемого британскими налогоплательщиками и явившегося одним из проявлений тэтчеровского меркантилизма.¹¹

Подобное продолжается и поныне. Мексику превозносили как пример триумфа свободного рынка, как модель для других – вплоть до декабря 1994 года, когда ее экономика потерпела крах, последствия которого для большинства мексиканцев были трагическими. Эти последствия были еще похуже тех страданий, которые им пришлось испытать в период «триумфа». Но сегодня опять раздаются славословия, хотя уровень зарплат, начиная с 1994 года (первого года существования НАФТА), упал на 25 процентов. И это после самого сурового экономического спада с начала 80-х годов, когда были начаты либеральные реформы. Реальный минимум зарплаты с 1981 по 1998 годы упал более чем на 80 процентов.¹² Как только разразился азиатский финан-

совый кризис, Всемирный банк и МВФ опубликовали исследование, восхвалявшее «здравую макроэкономическую политику» и «завидные финансовые показатели» Таиланда и Южной Кореи. В исследовании подчеркивался «особенно большой» прогресс, проявленный «наиболее динамичными развивающимися рынками [капитала], а именно «Кореей, Малайзией и Таиландом, от которых ненамного отстают Индонезия и Филиппины». Эти модели успешного функционирования свободного рынка под руководством МВФ и Всемирного банка «выделяются той глубиной и ликвидностью», которых они сумели достичь, а также многими другими достоинствами. А ОЭСР, уже тогда, когда эти мифы были развеяны, также выступила с докладом (1997 г.), в котором восхвалялись чудеса либерализации. Несмотря на то, что либерализация на протяжении 20 лет сопровождалась резким снижением роста ВВП и ухудшением других макроэкономических показателей, она должна была вскоре раскрыть свои многообещающие перспективы. Это должно было произойти благодаря динамизму «развивающихся экономик в странах, не входящих в ОЭСР», во главе с «большой пятеркой – Бразилией, Китаем, Индией, Индонезией и Россией».¹³

Ошибаться в предсказаниях не грешно; о базовых элементах международной экономики люди «имеют лишь туманное представление» (Джеффри Сакс). Однако трудно пройти мимо замечания, что «плохие идеи процветают, поскольку служат интересам могущественных групп» (Пол Кругман). Доверие ко всему тому, из чего можно извлечь пользу, подкрепляется и слепой «религиозной» верой, что рынок сам все расставит по своим местам (Джозеф Стиглиц).¹⁴ К тому же религия эта в такой же мере лицемерна, в какой и фанатична. На протяжении веков «теория свободного рынка» была обоюдоострой: рыночная дисциплина обязательна для бедных и незащищенных, но богатым и сильным необходимо убежище под крылышком у государства-опекуна.

Еще одним фактором долгового кризиса была либерализация финансовых потоков с начала 1970-х годов. Послевоенная Бреттон-Вудская система была задумана американцами и англичанами, чтобы либерализовать торговлю при фиксированных обменных курсах валют, а также установить регулирование и контроль над движением капиталов. Эти решения основывались на убеждении, что либерализация финансов может прийти в противоречие с развитием торговли и экономическим ростом, и на ясном понимании того, что она подрывает способность правительства принимать решения; а значит пострадает и государство всеобщего благосостояния, которое пользовалось огром-

ной общественной поддержкой. Не только общественный договор^{iv}, завоеванный долгой и упорной борьбой, но даже сущность самой демократии оказалась бы под угрозой из-за утраты контроля над движением капитала.

Бреттон-Вудская система действовала на протяжении всего «золотого века», что характеризовался экономическим ростом и значительным ростом социальных выплат. Она была разрушена администрацией Никсона при поддержке Великобритании и других стран. Это стало одним из ведущих факторов, обусловивших тот взрывной поток капиталов, который начался в последующие годы. Радикально изменился и характер этих потоков. В 1970 году 90 процентов сделок приходилось на реальный сектор экономики (торговля и долгосрочные инвестиции). В 1995 году, согласно оценкам, 95 процентов из них были спекулятивными, большинство из них – краткосрочными (80 процентов с недельным или меньшим сроком возврата). Суммарным эффектом стало отвлечение еще большего объема «ресурсов в финансовую сферу, в то время как условия для формирования реального капитала ухудшились». ¹⁵

Результат, в общем, подтверждает те опасения, из-за которых и была введена Бреттон-Вудская система. Произошло серьезное наступление на общественный договор, стал заметным рост протекционизма и других видов рыночного вмешательства, осуществлявшихся рейганистами. Рынки стали более нестабильными и чаще оказывались во власти кризисов. МВФ фактически сменил свою функцию на прямо противоположную: вместо того, чтобы помогать сдерживать финансовую мобильность, он начал ее подстегивать и служить, по словам Лиссакерс, «исполнителем воли кредитно-финансового сообщества».

Сразу же появились прогнозы, что финансовая либерализация обернется для экономики богатых стран низким экономическим ростом и снижением зарплат. Это предсказание также сбылось. За последние 25 лет существенно снизились темпы роста и производительность труда. В США уровень зарплат и доходов у большинства населения застыл на одном уровне или упал, в то время как несколько процентов людей, находящихся на вершине общества, оказались в колоссальном выигрыше. В настоящее время США находятся в самой худшей позиции среди индустриальных стран по основным социальным показателям. Сразу же за ними следует Англия; сходная ситуация, хотя и не в столь крайних формах, наблюдается во всех других государствах – членах ОЭСР.

Последствия были гораздо более тяжелыми для стран «третьего мира». Сравнение восточноазиатских регионов экономического роста с Латинской Америкой очень красноречиво. В Латинской Америке самая худшая в мире ситуация по части неравенства; в Восточной Азии – одна из лучших. То же в целом касается образования, здравоохранения и социального обеспечения. Импорт в страны Латинской Америки имеет сильный перекос в сторону предметов потребления для богатых; в Восточной Азии же он нацелен на производственные инвестиции. В отличие от Латинской Америки восточноазиатские государства контролировали потоки капиталов. В Латинской Америке состоятельные люди «отказываются платить налоги» и, в общем, освобождены от социальных обязательств.¹⁶ Восточная Азия в этом резко от нее отличается.

Поучительным примером является Чили – страна, которая считалась в Латинской Америке главным исключением из этого печального списка. Эксперимент со свободным рынком, предпринятый пиночетовской диктатурой, к началу 80-х годов потерпел полный крах. С того времени оздоровление экономики проводится путем сочетания государственного вмешательства (включая национализацию медно-рудной компании – главного производителя национального дохода), контроля над притоком краткосрочных капиталов и роста социальных расходов.

В 1990-е годы финансовая либерализация докатилась и до Азии. Это повсеместно рассматривается как один из ключевых факторов последовавшего финансового кризиса, равно как и серьезные провалы в функционировании рынка, коррупция и структурные проблемы.

Внешний долг – это социальное и идеологическое явление, а не просто экономический факт. Больше того, как уже давно стало ясно, либерализация потоков капитала служит мощным оружием в борьбе против социальной справедливости и демократии. Политические решения последнего времени – это выбор, сделанный богатыми с учетом их собственных интересов, а не на основе таинственных «экономических законов», которым «альтернативы нет» (по жесткому выражению Тэтчер). Технические приемы для смягчения самых тяжелых последствий этих решений предложены много лет назад, однако они были торпедированы интересами влиятельных сил, которые не хотят терять свою выгоду. А институты, занятые сегодня построением всевозможных систем на национальном и глобальном уровнях, в такой же степени вынуждены демонстрировать свою легитимность, как и их предшественники, которых поблагодарили за работу и ликвидировали.

«Отвоевываю свои права»

Извилистый путь

В «Суждениях и беседах» Конфуция описывается образцовый человек – сам мастер – «тот, кто все время старается что-то сделать, хотя и понимает, что старается напрасно». Эту мысль трудно отогнать от себя в тот момент, когда отмечается 50-я годовщина подписания Всеобщей декларации прав человека.

Регулярные отчеты о состоянии прав человека содержат убедительные свидетельства той мрачной картины, которая наблюдается и сегодня (как оно всегда и было, в том, числе и в ведущих державах). Упомянем лишь один недавний пример: «побочный ущерб», нанесенный англо-американскими бомбардировками Ирака и не заслуживающий того, чтобы о нем много говорили;¹ он стоит в одном ряду с бессмысленным разрушением большой фармацевтической фабрики в Африке несколькими месяцами ранее и множеством других мелочей.

И вправду – мелочи, если рассматривать их на фоне других подвигов: например, тех, что были совершены на вашингтонском «заднем дворе», где либеральная пресса выставляла «Рейгану и Ко. хорошие оценки» за их поддержку государственного террора в Сальвадоре – как раз тогда, когда он достиг своей наивысшей точки в начале 1980-х. Она настоятельно советовала увеличить военную помощь «латинофашистам ... независимо от того, сколько людей они убьют», ведь у Америки есть более важные приоритеты, чем права человека в Сальвадоре». Она призывала к тому, чтобы вернуть Никарагуа на «центральноамериканский путь», которым идут Сальвадор и Гватемала, и сделать это путем «регионального соглашения, выполнение которого будут гарантировать соседи Никарагуа» – террористические государства, которые были тогда заняты резней собственного населения при американской поддержке.² Приведенные комментарии исходят от леволиберальных кругов; остальные придерживаются еще более жесткой позиции.

Стоит сделать шаг в сторону, и мы увидим уже другую интерпретацию. Темой организованной иезуитами конференции в Сан Сальвадоре была политика государственного террора, который достиг пика в

1980-е годы и получил свое продолжение в виде социально-экономического курса, навязанного победителями. В докладе по итогам конференции отмечалось влияние остающейся «культуры террора», помогающей «приучать большинство к тому, что ему не следует надеяться на какие-то альтернативы, отличные от тех, которые угодны сильным мира сего».³ Самым большим достижением террористических операций стало разрушение зародившихся в 70-е годы надежд, которые вдохновлялись организованным движением народа во всех странах региона, свержением диктатуры Сомосы и тем «выбором в пользу бедных», что сделала Церковь, жестоко наказанная за свое отклонение от норм правильного поведения.

Отчет о работе иезуитской конференции служит обобщающим материалом для большинства стран «третьего мира»; он актуален и во все большей мере в США, по мере того как типичная для «третьего мира» модель двухъярусного общества приобретает международный масштаб. Реальную картину мира хорошо уловил в своих замечаниях генеральный секретарь ЮНКТАД¹, организации, учрежденной «для создания такой системы международной торговли, которая могла бы способствовать прогрессу социально-экономического развития». Представляя ООН на мероприятиях по случаю 50-летия всемирной системы торговли (ГАТТ, ВТО и т. д.), он отметил, что «праздничная атмосфера сегодняшних торжеств не должна никого обманывать. Оглянитесь по сторонам, и вы увидите муки, страх, боязнь потерять работу и все то, что Тороⁱⁱ называл «жизнью в тихом отчаянии».⁴ Упомянутое событие широко освещалось в прессе, но она предпочла увидеть лишь праздничную атмосферу самих торжеств.

Очень живописными были сообщения об опустошительных последствиях урагана «Митч» в октябре 1998 года. Только ничего не говорилось о том, что эти последствия коренятся в «экономическом чуде», которое устроили «латино-фашисты» под руководством американских экспертов. Это модель развития, при которой запрограммирован «высокий уровень бедности и столь же высокий уровень благосклонности к богатому меньшинству, в то время как большинство вынуждено довольствоваться минимумом, необходимым для выживания», отметил один консервативный епископ из Гондураса, осудив новые программы, которые лишь усугубляют катастрофу. Его слова во время одной из редких дискуссий о причинах этой катастрофы привел один журналист, давно занимающийся Центральной Америкой. Он заметил, что надеждам на перемены был положен конец, когда стараниями военных, прошедших обучение в США, «стали исче-

зять самые решительные сторонники раздела земли», равно как и сотни тысяч других людей.⁵

Более полная картина намного ужаснее и поучительнее, но я отложу этот вопрос в сторону.

О непосредственном воздействии урагана пишет исследовательский журнал Иезуитского университета Манагуа. Аналитики задают вопрос: «Был ли у «Митча» классовый уклон?» Ураган имел разрушительные последствия для бедных крестьян, которые «вытеснены в самые экологически неблагоприятные районы, менее всего пригодные для сельского хозяйства», например, город Посолтега, на который обрушился самый смертоносный грязевой поток, ужаснувший мир. Но нефтеперерабатывающий завод в Сан-Антонио, один из самых ярких рыночных символов Никарагуа, расположенный всего в нескольких километрах от зоны бедствия, совсем не пострадал. Это же в целом относится и к агроэкспортным отраслям, для которых дожди, пролившиеся на монополизированные ими плодородные земли, были только благом. Урожай же основных культур (кукурузы и бобовых) погиб, что стало бедствием для фермеров и основной части населения. Восстановление экономики страны лишь усиливает подобные контрасты, характерные для «новой Никарагуа», которую ставят в пример за ее впечатляющие показатели экономического роста, в то время как качество жизни населения скатывается на уровень Гаити. Средства на восстановление предоставлены зарубежными фондами и собственными институтами, переориентировавшимися на выполнение требований международного финансового сообщества. Кредиты, исследовательские работы и вся политика в целом в еще большей степени, чем раньше, направлены на предоставление «услуг исключительно тем, кто способен за них платить», в результате чего разрушаются последние остатки аграрной реформы. «Классовый уклон» урагана и его последствий – это не «воля божья или [какое-то] мифическое проклятие беднякам», а «результат действия вполне конкретных социальных, экономических и экологических факторов».⁶ Из этой истории также можно сделать обобщающие выводы для большинства регионов нашей планеты.

Побочным эффектом урагана стало то, что десятки тысяч наземных мин оказались разбросанными по Никарагуа. Они напоминают о том, что эта страна в 1980-е годы стала для Вашингтона одним из полигонов террористических войн. К счастью, ей на помощь была направлена команда специалистов по разминированию – из Франции. Об этих фактах сообщала пацифистская пресса.⁷ То, что США не вы-

казали озабоченности – ни в этом, ни в более очевидных случаях – нисколько не удивляет, если принять во внимание ту реакцию, которой сопровождаются гораздо более ужасные нарушения прав человека подобного рода, продолжающиеся по сей день. Наверное, самый потрясающий пример – это те человеческие жизни, что унесли противопехотные мины, рассеянные по Долине Кувшинов в Лаосе, где происходили, по всей видимости, самые интенсивные в истории бомбардировки гражданских объектов. Возможно, это и самый жестокий пример: ведь эта остервенелая атака против бедных крестьян имела мало отношения к тем войнам, которые Вашингтон вел в регионе.

Новые права?

Давайте обратимся теперь к общей характеристике той среды, в которой искомые права обретают плоть и кровь.

Всеобщая декларация во многих существенных аспектах совершила прорыв. Она расширила сферу провозглашенных прав и распространила ее на всех людей. Профессор права Гарвардского университета Мэри Энн Глендон в своем большом эссе, посвященном обзору правовых вопросов, отмечает, что Декларация – «это не просто ‘универсализация’ традиционных ‘прав человека’ в понимании XVIII века, а часть нового ‘момента’ в истории человеческих прав ... она принадлежит к семье возникших после Второй мировой войны правовых инструментов, с помощью которых была сделана попытка привить побег социальной справедливости к стволу древа свободы». Особенно это актуально для Статей 22-27, «станового хребта» Декларации, «который придает фундаментальный правовой статус нескольким ‘новым’ правам в экономической, социальной и культурной областях». Было бы справедливым рассматривать Всеобщую декларацию как еще один шаг к «отвоеванию прав», которые были утрачены под натиском «завоевателей и тиранов», как перспективу «новой эры в истории рода человеческого» (если вспомнить те надежды, которые выражал два столетия назад Томас Пейнⁱⁱⁱ).⁸

Глендон далее подчеркивает, что Всеобщая декларация – очень целостный документ: в ней не оставлено ни малейшего шанса тем «релятивистам», которые хотели бы под соусом неких «азиатских ценностей» или под каким-либо другим предлогом низвести отдельные права до уровня второстепенных.

Аналогичные выводы делаются в обзоре ситуации в области прав человека, подготовленном ООН по случаю 50-летия принятия ее Устава, а также в выступлениях ее руководителей на первой Всемирной конференции по правам человека в Вене в июне 1993 года. В своем заявлении на открытии конференции Генеральный секретарь ООН «подчеркнул важность проблемы взаимозависимости всех человеческих прав». Венская конференция, отмечает он в предисловии к докладу, изданному к 50-летию Устава ООН, «акцентировала внимание на том, что содействие прогрессу и защите экономических, социальных и культурных прав так же важно, как защита гражданских и политических прав».⁹

Сходную позицию занял Ватикан, отмечая 50-ю годовщину принятия Всеобщей декларации. В своем послании по случаю нового 1999 года Папа Иоанн Павел II осудил марксизм, нацизм, фашизм и «не менее пагубную идеологию «потребительского материализма», в которой «негативные аспекты, затрагивающие многих людей, считаются совершенно не заслуживающими внимания», а «нации и народы» лишаются «права участия в принятии решений, которые порой радикально меняют их образ жизни». Их чаяния «жестoko попираются» рыночными структурами, в которых «концентрируется политическая и финансовая власти», в то время как финансовые рынки подвержены лихорадочным колебаниям, а «выборами можно манипулировать». Гарантии «общего блага для человечества и осуществления социально-экономических прав», а также «устойчивого развития общества» должны быть стержневым элементом «нового видения глобального прогресса в обстановке солидарности».¹⁰

Такой смягченный вариант «пост-освободительной теологии» Ватикана, как его называют, допускается на свободном рынке идей, в отличие от теологии освобождения, которой он пришел на смену. Ересь, которую представляет последняя, «можно считать практически, если не полностью, угаснувшей»,¹¹ сообщают нам комментаторы. Этой обреченной на угасание ереси со всеми ее характерными чертами отведено должное место в истории – вместе с архиепископом, убийством которого открылось мрачное десятилетие войны Вашингтона против Церкви и других еретиков (равно как и против ведущих иезуитских интеллектуалов, убийство которых теми же поддерживаемыми США «латино-фашистами» завершило это десятилетие). Эти два варианта теологии отличаются друг от друга в одном особенно важном аспекте. Идея «выбора в пользу бедных», которая как-то сошла на нет, давала шанс беднякам участвовать в формировании соб-

ственной социальной среды, а тот сносный вариант, который пришел ей на смену, всего лишь разрешает им просить богатых и сильных, чтобы те поделились с ними крохами с барского стола. В соответствии с этим допустимым вариантом, задача Церкви состоит в том, чтобы «взывать к совести» богатых и сильных, внушая им «католические ценности великодушия и самопожертвования». Это уже не те христианские общины, что предлагали бы людям возможность реализовать свое «право на участие в принятии решений, которые порой радикально меняют их образ жизни». Теперь, когда все это прошло через идеологические фильтры, людям просто предлагают взывать к властям с мольбами, чтобы те правили ими более милосердно.

Глендон отмечает ошибочность высказанного в ходе недавней дискуссии мнения, что социально-экономические и культурные права были включены во Всеобщую декларацию «в качестве уступки Советам»: напротив, эти права пользовались «очень широкой общественной поддержкой». Можно припомнить и то, что подобные идеи были глубоко укоренены среди антифашистских народных движений Европы, в колониальном мире, да и среди населения Соединенных Штатов. Эти факты глубоко беспокоили американскую политико-экономическую элиту, имевшую иное видение того мира, который она намеревалась построить. Она высказывала озабоченность «теми рисками, с которыми могут столкнуться промышленники» у себя в стране в условиях «новообретенного политического могущества масс», а также «новыми притязаниями», что появились у людей за пределами США. Эти люди были убеждены, что «от освоения ресурсов страны выгоду должен получать в первую очередь сам ее народ», а не американские инвесторы. Меры, которые были предприняты для нейтрализации этих рисков, составляют тему для обширных исследований послевоенной истории, и я не буду их здесь касаться несмотря на их очевидную значимость.

Были, конечно, и такие, кто с презрением отмахивался от Всеобщей декларации, называя ее «сборником благих пожеланий» (часто цитируемое замечание советского делегата Андрея Вышинского, чей собственный послужной список таков, что нет необходимости на нем останавливаться) или «письмом к Санта-Клаусу:

... Ни природа, ни опыт, ни элементарное правдоподобие не просматриваются в этом списке «правоустановлений», которые не знают никаких пределов, кроме тех, что обусловлены состоянием ума и аппетитами их авторов.

В последнем случае это уже слова рейгановского представителя в ООН Джин Киркпатрик, высмеивающей социально-экономические и культурные положения Всеобщей декларации. Несколькими годами позже посол Морис Абрам назвал эти идеи «не более чем пустым сосудом, который можно наполнять туманными надеждами и незрелыми ожиданиями», «опасным подстрекательством» и даже «нелепостью». Абрам выступал на заседании Комиссии ООН по правам человека, объясняя, почему Вашингтон отвергает право на развитие, цель которого – гарантировать «право индивидов, групп и народов обеспечивать свое участие, вносить свой вклад и пользоваться плодами стабильного экономического, социального, культурного и политического развития, при котором все человеческие права и фундаментальные свободы могут быть в полной мере реализованы». США были единственной страной, которая наложила вето на обсуждавшееся Комиссией Заявление, подразумевая тем самым и вето на соответствующие статьи Всеобщей декларации прав человека, которые близко к тексту излагались в Заявлении.¹²

Несмотря на наступление, предпринятое релятивистами, Всеобщая декларация несомненно заслуживает того, чтобы ее защищать. Но не питать при этом иллюзий: самое могущественное государство мира всегда было лидером лагеря релятивистов; и даже в той категории прав человека, которую она столь энергично защищает, нарушения приобрели устойчивый и широко распространенный характер», говорится в заключении недавнего отчета правозащитной организации «Международная Амнистия».¹³

Экономический порядок и права человека

Режим защиты прав человека был одним из трех взаимосвязанных опор Нового мирового порядка, установленного победителями после Второй мировой войны. Второй опорой был политический порядок, определенный в Уставе ООН; третьей – экономический порядок, сформулированный в Бреттон-Вудсе. Давайте бросим беглый взор на эти составные части построенной тогда международной системы с точки зрения того, какое место в них занимают права человека.

Бреттон-Вудская система функционировала до начала 70-х годов, и это был период, который иногда называли «золотым веком» послевоенного индустриального капитализма, отмеченным интенсивным ростом экономики и прогрессом в осуществлении социально-

экономических прав, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека. Эти права были предметом особой заботы творцов Бреттон-Вудса, а расширение указанных прав в период «золотого века» стало вкладом в хотя бы частичное превращение Всеобщей декларации из «набора благих пожеланий» и «письма к Санта-Клаусу» в реальность.

Одним из основных принципов Бреттон-Вудской системы было регулирование финансовой сферы, мотивируемое в значительной мере пониманием того, что либерализация может служить мощным оружием против демократии и против государства всеобщего благосостояния. Либерализация позволяла бы финансовому капиталу становиться «виртуальным сенатом», который способен навязывать собственную социальную политику и наказывать уклонистов с помощью оттока капиталов. Бреттон-Вудская система была разрушена администрацией Никсона при поддержке Великобритании и других финансовых центров. Результаты не удивили бы ее создателей.

Для ведущих индустриальных держав последующий период был отмечен замедлением роста и разрушением системы общественного договора, что особенно заметно в США и Великобритании. В Соединенных Штатах экономическое оздоровление 1990-х годов было одним из самых слабых со времен Второй мировой войны. В американской истории оно было также уникально тем, что большинство населения едва сумело восстановить даже тот уровень жизни, который был достигнут на пике предыдущего цикла деловой активности в 1989 году, не говоря уже о том более высоком уровне, что был десятью годами раньше. Типичная американская семья работает в год на 15 недель больше, чем 20 лет назад, однако доходы и благосостояние застыли на одном уровне или даже снизились. 1 процент населения, составляющий верхушку общества, обогатился немислимым образом; для 10 процентов приходящихся на привилегированные слои, это было время получения прибылей, в то время как у второго десятка собственный капитал (имущество и активы минус долги) уменьшился в период оздоровления 1990-х годов. Неравенство, которое неуклонно сглаживалось в годы «золотого века», возвращается к тем показателям, которые были до Нового курса. Оно тесно соотносится с продолжительностью рабочего времени. В 1970 году по неравенству и продолжительности рабочего времени США были сравнимы с Европой, но теперь они лидируют в индустриальном мире по обоим показателям, в большинстве случаев с крупным отрывом. Лишь в США отсутствует узаконенное право на оплачиваемый отпуск. Открытое соучастие государства в корпоративных правонарушениях в рейга-

новские годы (о нем иногда довольно правдиво сообщала деловая пресса), продолжавшееся и впоследствии, сильно подорвало права работающих. Все это вступает в прямое противоречие с Всеобщей декларацией – т. е. с теми ее разделами, которым при господствующем ныне релятивизме отказывают в законном статусе.¹⁴

Пресса регулярно преподносит нам рассказы «об эпохе почти беспримерного процветания» США, за которым Европе еще надо угнаться, и о «выдающихся успехах американской экономики».¹⁵ Эти сообщения базируются преимущественно на данных о «доходности капитала, достигнутой американскими компаниями» (она и впрямь была «впечатляющей», как торжествующе сообщали деловые газеты в клинтоновские годы), и на огромном росте цен на бирже, который дал блестящую возможность для процветания одному проценту семей, контролирующих половину акционерного капитала, и верхним 10 процентам, располагающим большей частью остального богатства; вместе взятые они в этой «сказочной экономике» владеют 85 процентами прибыли от номинальной стоимости активов. Добрые дела не остаются незамеченными. На конференции, организованной Уолл-Стрит в середине января 1999 года, президента Клинтона, как сообщала пресса, «сравнивали с Мартином Лютером Кингом (мл.) и дружно превозносили». Газеты цитируют президента Нью-Йоркской фондовой биржи, который «сказал г-ну Клинтону, что д-р Кинг наверняка улыбается тем, кто собрался там внизу» на ежегодный мемориал его имени, и воздает должное Клинтону за все хорошее, что он принес «моему маленькому уголку в Южном Манхэттене».¹⁶

В других уголках жизнь складывалась несколько по-иному.

Председатель Федеральной резервной системы Алан Гринспен отчасти приписал этот сказочный успех «отказу от твердых гарантий сохранения рабочих мест». Он привел данные, что с 1991 по 1996 годы почти удвоилась доля рабочих, опасаящихся массовых увольнений в крупных отраслях промышленности. Согласно другим исследованиям, 90 процентов рабочих озабочены проблемами своей занятости. Опрос, проведенный в 1994 году среди занятых, выявил следующую картину: 79 процентов респондентов считают, что попытки отстаивать свои права через профсоюзы могут привести к увольнению, а 41 процент рабочих, не состоящих в профсоюзах, заявили, что, по их мнению, они могут потерять работу, если попытаются организовать профсоюзные объединения. Снижение охвата работающих людей профсоюзами повсеместно рассматривается экономистами, иссле-

дующими трудовые отношения, как один из существенных факторов застоя или снижения уровня зарплат и ухудшения условий труда.¹⁷

Проведенные опросы также отмечают «потребительское доверие»; индекс этого доверия, однако, падает из-за того, что у потребителей «снизились ожидания». По мнению директора Центра исследований общественного мнения Мичиганского университета, «человек таким образом как будто хочет сказать: «Моего заработка недостаточно, чтобы прожить, но могло бы быть и хуже», хотя в 60-е годы люди ставили вопрос по-другому: «Насколько хорошо я могу жить?»¹⁸

Для большей части «развивающегося мира» эпоха, наступившая после окончания Бреттон-Вудской, стала бедствием, хотя некоторым, по крайней мере, на время, удалось его избежать, поскольку они, говоря словами ведущего экономиста Всемирного банка, отбросили «религиозную» установку на то, что рынок разберется лучше всех. Экономист указывает, что «восточноазиатское чудо», которое «не имеет прецедентов в истории», было достигнуто в результате значительного отступления от предписанных формул, а восходящая звезда региона – Южная Корея – понесла большой ущерб, когда согласилась в начале 1990-х годов на либерализацию финансов. Это, как считает он (наряду с другими экономистами), сыграло существенную роль в возникновении ее нынешнего кризиса и стало шагом к «латиноамериканизации». Латиноамериканские элиты находятся в условиях гораздо большего неравенства и испытывают «меньшее чувство общности, нежели то, что связывает националистические элиты в странах Восточной Азии»; к тому же они больше «привязаны к зарубежной финансовой аристократии». Все это объясняет, почему они столь «жадно следуют высокому стилю европейского и американского потребления и их верхушечной культуре», замечает специалист по мировой экономике Дэвид Феликс. «Мобильность капиталов также позволила состоятельным латиноамериканцам воспрепятствовать введению прогрессивного налогообложения, ограничить расходы на начальное и среднее образование и в то же время получать от государства щедрые спасительные вливания в случае финансовых трудностей». На протяжении веков это было типичной особенностью доктрины свободного рынка.¹⁹

В своей весьма авторитетной книге по истории международной финансовой системы Барри Эйченгрин выявляет ключевое различие между нынешней фазой «глобализации» и периодом накануне Первой мировой войны, который она отчасти напоминает.²⁰ В то время государство еще не было «политизировано всеобщим избирательным пра-

вом для мужчин, а также растущим тред-юнионизмом и лейбористскими партиями с их парламентским представительством». А значит суровые издержки финансовой дисциплины, навязываемой «виртуальным сенатом», можно было переложить на плечи основной массы населения. Но более демократичная Бреттон-Вудская эпоха сделала невозможной подобную роскошь, ведь «инструментом защиты от рыночных тягот стали ограничения на мобильность капитала вместо ограничений на демократию». Поэтому вполне естественно, что демонтаж послевоенного экономического порядка сопровождался мощным наступлением на демократические основы и принципы Всеобщей декларации прав человека, в первую очередь Соединенными Штатами и Великобританией.

На эти темы можно еще много рассуждать, но в том, что касается прав человека, факты и так достаточно очевидны, и они полностью оправдывают опасения отцов-основателей Бреттон-Вудской системы.

Политический строй и права человека

Третьей опорой послевоенного мирового порядка, стоящей бок о бок с Бреттон-Вудской системой международной экономики и Всеобщей декларацией прав человека, является Устав ООН. Его фундаментальный принцип состоит в запрете на применение силы или угрозы силой. Есть лишь два исключения: когда имеется специальная санкция Совета Безопасности, или когда они применяются в целях самообороны от вооруженной агрессии, пока не будет принята соответствующая резолюция СБ ООН (в соответствии со Статьей 51). Никаких других инструментов принуждения не существует, за исключением великих держав (в решающей степени это США). Но Вашингтон, как уже говорилось, откровенно попирает принципы Устава, как на практике, так и в своих официальных доктринах.

Правовые рамки мирового порядка давно перестали существовать, даже на словах, ведь выдерживать необходимую риторику – слишком большое неудобство. Утвердился принцип главенства силы над правом. Люди, посвященные в тонкости политики, осознают, что призыв к соблюдению правовых обязательств и моральных принципов приемлем в качестве орудия против заранее обозначенных врагов, или полезен, по словам Дина Ачесона, чтобы «освятить наши позиции духом, вытекающим из этих общих моральных принципов». Но не более того. Тот уровень поддержки, которым пользуется такая точка

зрения среди образованных слоев, нельзя воспринимать без тревоги. Какие это может иметь последствия для человеческих прав – думаю, не надо комментировать.

Если говорить кратко, две из трех опор послевоенного мирового порядка – Бреттон-Вудская система и Устав ООН – практически рухнули. Третья опора – Всеобщая декларация прав человека – в огромной мере остается «письмом к Санта-Клаусу», как характеризуют ее предводители релятивистского крестового подхода.

Для кого права?

Как повсеместно отмечалось, одним из главных новаторских элементов Всеобщей декларации было распространение прав на всех лиц, подразумевая всех представителей рода человеческого. В реальном мире положение вещей совсем другое. Так, в США определение понятия «лицо» официально «включает любого индивида, филиал, товарищество, дочернюю организацию, ассоциацию, имущество, трастовую организацию, корпорацию или другую организацию (будь она создана по законам какого-либо штата, или нет), а также любое государственное ведомство».²¹ Такое понимание «лица» стало бы шоком для Джеймса Мэдисона, Адама Смита и других, чьи интеллектуальные корни кроются в традициях Просвещения и классического либерализма. Но именно это понимание сегодня превалирует, придавая Всеобщей декларации оттенок, который далек от идеалов тех людей, что ее формулировали и отстаивали.

Активными усилиями судебной власти были приняты радикальные решения, распространившие права личности на «коллективных юридических субъектов» (как называют их некоторые историки права), а в более узком понимании – на их советы директоров. Своего рода «новый ‘абсолютизм’», дарованный по суду.²² Эти новосотворенные бессмертные субъекты, что защищены от расследования своей деятельности путем дарования им прав личности, распоряжаются отечественными и международными рынками, оперируя по своим внутренним правилам, заключая «стратегические альянсы» с предполагаемыми конкурентами и задействуя другие возможные связи. Они требуют – и получают – необходимую поддержку от могущественных государств, используя которые они, если заимствовать афоризм Джона Дьюи, отбрасывают «тень», называемую «политикой». Это делает небезосновательными высказанные 200 лет назад опасения Джеймса Мэдисона,

что влиятельные частные интересы могут погубить эксперимент с демократическим государством, поскольку они «сразу же становятся его рычагами и его тиранами». Настаивая на том, чтобы стать рычагами могущественных государств, они естественным образом стремятся ограничить простор для публичной активности других субъектов. Это стало главным принципом «неолиберализма». Его основополагающий тезис хорошо выразил Дэвид Рокфеллер, рассматривая тенденцию к «уменьшению роли государства»: «Это такая вещь, к которой деловые люди, скорее всего, отнесутся с одобрением», — заметил он, — «но есть и другая сторона медали: кто-то должен занять место государства, и бизнес представляется мне логическим кандидатом на это место. Я думаю, что слишком многие деловые люди просто не пытались всерьез взглянуть на эту проблему, либо отделиваются фразами типа: 'Это не мое дело, пусть ответственными будут другие'».²³

Самое главное, что ответственным не будет народ. У государства есть один большой недостаток: оно в какой-то мере подотчетно народу и предлагает какие-то возможности для народного представительства. Этот дефект можно исправить, если передать ответственность в руки бессмертных субъектов, обладающих колоссальной мощью, наделенных правами личности и способных планировать и решать, уединившись от назойливой общественности.

Предпринятые в последнее время политические инициативы имеют целью расширение прав «коллективных юридических лиц» далеко за рамки того, чем обладают обычные люди. В этом главная суть таких торговых договоров как НАФТА или Многостороннее соглашение об инвестициях (МСИ) — последнее благодаря общественному нажиму удалось временно торпедировать, но оно, несомненно, будет возрождено в менее явной форме.²⁴ Эти соглашения предоставляют корпоративным тиранам права, соответствующие «национальному статусу», которых лишены лица в традиционном смысле этого слова. Корпорация *General Motors* может претендовать на «национальный статус» в Мексике, но те мексиканцы, что обладают плотью и кровью, заранее знают, что значит добиваться «национального статуса» к северу от границы своей страны. Корпорации могут (и с успехом) предъявлять иски национальным государствам за «экспроприацию» — что интерпретируется как неспособность этих государств удовлетворять требованиям свободного доступа к их ресурсам и рынкам.

Даже не будь этим коллективным субъектам официально предоставлены такие исключительные права (в нарушение классических либеральных принципов), их роль «рычагов и тиранов» государства,

диктующих обществу идеологические доктрины, неизбежно предопределяет подобные явления. Возьмем в качестве иллюстрации Статью 17 Всеобщей декларации, которая гласит, что «никто не должен быть без достаточных оснований лишен своей собственности». В реальном мире, согласно доктрине, сформулированной в те же годы, что и Декларация, именно права коллективных субъектов защищены самым фундаментальным образом. Эта доктрина утверждает право на «немедленную компенсацию» за экспроприируемое имущество по «справедливой рыночной стоимости». Так определено теми, у кого есть силы и возможности принуждать других к исполнению своей воли. В весьма уважаемых трактатах по международному праву эта доктрина, приписываемая Корделлу Хэллу, государственному секретарю при Рузвельте, определена как «минимальный международный стандарт цивилизованности».²⁵

Критерии применения данной доктрины могут на первый взгляд показаться противоречивыми, но это впечатление исчезает, если принять во внимание, что мы живем в реальном мире. На ней основана вся 40-летняя экономическая война Соединенных Штатов против Кубы, которую они оправдывают обвинениями в том, что Куба не удовлетворяет такому «минимальному стандарту цивилизованности». Доктрина, однако, не распространяется на американских инвесторов и американское правительство, которые в начале века захватили собственность Кубы, когда она находилась под военной оккупацией США. Также не применима она к правительству и частным компаниям США, когда те наложили лапу на испанские и британские владения на Кубе, а заодно и на Филиппинах, например, на Манильскую железнодорожную компанию, находившуюся в собственности Испании. После кровавого завоевания Филиппин американцы аннулировали там испанские концессии, потому что эти концессии «были продиктованы империалистическими мотивами испанцев» – в отличие от американской собственности, которую Куба национализировала, когда в 1959 году кубинцы, наконец, вернули себе свою страну.

Нельзя применять эту доктрину и к периоду основания Соединенных Штатов, которые извлекли выгоду из экспроприации британских владений и собственности лоялистов^{iv}, а ведь в гражданской войне и иностранной интервенции, которые теперь именуются Американской революцией, лоялисты, наверное, были не менее многочисленны, чем повстанцы. Один лишь штат Нью-Йорк в результате конфискации собственности лоялистов получил примерно 4 млн. долларов – по тем временам внушительная сумма. И наоборот, к Никарагуа эта доктри-

на, оказывается, применима. США вынудили эту страну отказаться от требований компенсации ущерба, которую постановил выплатить Международный суд; а после того как Никарагуа капитулировала на всех фронтах, сенат 94 голосами против 4 решил запретить оказание ей всякой помощи, пока она не будет удовлетворять минимальным международным стандартам цивилизованности. Это значит, что она должна вернуть отнятое или выплатить адекватную, по определению Вашингтона, компенсацию за собственность американских граждан, захваченную после падения Сомосы, а также имущество тех, кто участвовал в преступлениях этого тирана, многолетнего любимца США (учитывая и состоятельных никарагуанских эмигрантов, задним числом ставших американскими гражданами).

Законы и другие инструменты подобны «паутине», в которой, как писал известный поэт XVII века, «сразу вязнут мушки что поменьше, а большие вновь на волю вырываются».²⁶ Может, что-то и меняется в этом мире, но некоторые вещи остаются неизменными.

Право на информацию

Бессмертным коллективным субъектам не составляет большого труда утвердить свое господство в информационной и идеологической сферах. Их богатство и власть позволяют им устанавливать рамки, в которых функционирует политическая система, но этот контроль становится еще более непосредственным в результате принятых недавно решений Верховного суда, определивших деньги как форму свободы слова. Выборы 1998 года стали наглядной тому иллюстрацией. Около 95 процентов победивших кандидатов обогнали своих соперников по денежным затратам. Бизнес превзошел рабочие организации по сумме предвыборных взносов в соотношении 12:1; индивидуальные пожертвования на этом фоне вообще оказались малозаметными.²⁷ Таким образом, отбор кандидатов фактически осуществляет крохотная часть населения. Подобное положение вещей, конечно же, имеет самое непосредственное отношение к растущему цинизму, с которым люди относятся к государству, и к их нежеланию даже принимать участие в голосовании. Следует отметить, что такая ситуация всячески поощряется и приветствуется бессмертными субъектами, их прессой, другими исполнителями их воли, которые приложили несметные усилия к тому, чтобы внушить людям, что государство это враг, которого надо

ненавидеть и бояться, а вовсе не потенциальный инструмент народного суверенитета.

Претворение в жизнь Всеобщей декларации в решающей степени зависит от прав, сформулированных в Статьях 19 и 21: «получать и распространять информацию и идеи любыми средствами» и принимать участие в «нефальсифицированных выборах», которые служат гарантией того, чтобы «воля народа была основой власти правительства». Важность ограничения прав на свободу самовыражения и демократическое участие хорошо осознали власть имущие. История дает нам множество примеров, но сами проблемы приобрели особую значимость в XX столетии, когда появилась опасная тенденция – «всевластие масс, обещающее стать нашим будущим». Эту тенденцию, как утверждалось, можно повернуть вспять с помощью новых методов пропаганды, которые позволяют «мыслящему меньшинству ... манипулировать сознанием людей... до мельчайших деталей подобно тому, как армия муштрует своих солдат». Здесь мне представилась возможность процитировать основателя современной индустрии формирования общественного мнения, уважаемого либерала времен Нового курса²⁸ Эдварда Бернейза, но вообще это стандартное восприятие, которое ясно выражено ведущими представителями прогрессивной интеллектуальной общественности и учеными, равно как и лидерами деловых кругов.

По этим причинам СМИ и система образования являются постоянной ареной борьбы. Давно уже признано, что государственная власть – не единственная форма вмешательства в фундаментальное право людей «получать и распространять информацию и идеи любыми средствами», а в демократических индустриальных странах – далеко не самая главная из них (рассуждения на эту тему Джона Дьюи и Джорджа Оруэлла – лишь два примечательных примера). В 1946 году авторитетная Комиссия по свободе прессы во главе с Хатчинсом предупреждала, что «частные агентства, контролирующие важнейшие средства информации», представляют фундаментальную угрозу свободе печати. Это происходит благодаря их способности навязывать людям «мнения, отражающие корыстные интересы большого бизнеса» и «предвзятости, определяемой коммерческим уклоном» под воздействием рекламодателей и владельцев СМИ. Европейская комиссия по правам человека признала, что «чрезмерная концентрация прессы в одних руках» является ущемлением прав, гарантированных Статьей 19, и призвала государства не допускать подобных злоупотреблений.

Эту же позицию недавно поддержала и правозащитная организация Human Rights Watch.²⁹

По тем же причинам мир бизнеса стремился к тому, чтобы частные агентства *всегда* контролировали СМИ и таким образом имели возможность ограничивать мышление общества «корыстными интересами крупных собственников». Лидеры бизнеса разъясняют нам, что они намерены и далее «сводить на нет вековые обычаи», создавая взамен «новые критерии индивидуальных достижений и запросов общества», «воспитывая» народ таким образом, чтобы он воспринимал свои интересы с потребительской точки зрения, не думал о качестве жизни и труда и оставил всякие мысли о «праве участия в принятии решений, которые порой радикально меняют его образ жизни» (к чему призывают ватиканские экстремисты). Сосредоточение контроля над СМИ в руках нескольких мегакорпораций служит вкладом в достижение этой цели. Процесс концентрации в этой сфере ускорился, отчасти благодаря недавним мерам по отмене государственного регулирования, которые в равной степени сводят на нет даже те рычаги защиты общественных интересов, которые еще оставались. В обзоре на эту тему Бен Багдикян^{vi} сообщает об уменьшении количества компаний, контролирующих СМИ – с 50 в 1984 году до 10 в настоящее время. Это огромные медиа-империи, такие как Disney и General Electric, хотя их спектр расширился с приходом Руперта Мэрдока.³⁰

Багдикян также рассматривает факты все более беспардонного «манипулирования новостями ради финансовых целей владельцев СМИ» (равно как и рекламодателей), которые таким образом стремятся «утвердить ценности консерватизма и корпоративизма». Ключевым элементом этих ценностей является дух «материального потребления», «негативные аспекты которого, затрагивающие многих людей, считаются совершенно не заслуживающими внимания». Этот процесс также был ускорен резким ростом числа слияний и поглощений, который «сосредоточил доллары, полученные от рекламы, в руках еще более узкого круга рыночных игроков», сообщает *Wall Street Journal* в своей передовой статье. Она описывает, как «рекламодатели играют мускулами», чтобы заставить редакторов «прийти к пониманию» того, что допустимо публиковать, но при этом, как заверил газету исполнительный директор одного из ведущих рекламных агентств, «не пытаюсь посягать на суверенные права редакций».³¹

Особо важной мишенью этой массированной атаки является сознание детей, хотя манипулирование желаниями и поведением распространяется и на все остальные категории населения. Такой контроль

над людьми должен быть распространен по всему миру и включать новые средства информации, создаваемые в значительной мере в рамках огромного государственного сектора индустриальной экономики. Будучи развивающейся страной, США предприняли «широкомасштабные меры предосторожности ... чтобы обеспечить сохранение телекоммуникационной отрасли в американских руках», указывает одно из недавно вышедших академических исследований; однако, достигнув – благодаря решающему государственному участию – искомого глобального доминирования, эта индустрия теперь требует от всех других открытости для «свободной конкуренции», с тем чтобы Статья 19 фактически была аннулирована в мировом масштабе.³²

США донельзя откровенно продемонстрировали верность этому принципу, когда ЮНЕСКО рассматривала предложения о демократизации международной информационной системы, чтобы обеспечить хотя бы какую-то открытость ее формирования для подавляющего большинства человечества. Американское правительство и СМИ резко осудили ЮНЕСКО, обрушив на нее мощные потоки лжи и обмана, причем не желая признавать эту ложь и повторяя без изменений те же заявления уже тогда, когда они были опровергнуты. Редко кто позволял себе такое. «Ирония подобного рода достижений просто ошеломляет», – замечает автор академического труда по истории отношений между США и ЮНЕСКО, – «Соединенные Штаты, доказав, что свободный рынок идей не существует, обрушились на ЮНЕСКО за намерение развалить этот самый рынок». Подробная информация о том, как СМИ и правительство занимались обманом, была детально представлена в публикациях университетской прессы, но и на них никто не обратил внимания. Эта история наглядно демонстрирует, до какой степени укоренились подобные подходы к основополагающим принципам свободы и демократии.³³

«Горячей темой» в нынешнее время стал контроль над Интернетом. Развивавшиеся почти 30 лет в основном в государственном секторе и превращенные в источник прибыли вопреки воле двух третей населения, Интернет и Всемирная паутина рассматриваются деловым миром «как основная арена для ключевых видов деловой активности – расчетов, коммуникаций, торговли», как «самая крупная, самая глубокая, самая оперативная и самая безопасная рыночная площадка в мире», и не только для товаров, но и для «продажи» разного рода идей, представлений и умонастроений. От Интернета и Паутины ожидают огромных прибылей, равно как и новых механизмов в осуществлении поставленной задачи – формирования мировоззрения и убеж-

дений при условии установления над ними корпоративного контроля и коммерческой опеки; т. е. нужно отнять у народа радиоволны и киберпространство – то, что ему по праву принадлежит – и передать их кучке бессмертных и никому не подотчетных коллективных «субъектов», обладающих исключительной мощью в мировом масштабе. Главная цель, как отмечает один журналист, пишущий на темы торговли, – «превратить некогда эклектичную Паутину во всемогущую рыночную машину, работающую 24 часа в сутки». ³⁴

Новые программные продукты и технологии разрабатываются для того, чтобы творческую активность масс направить в сферу рынка, развлечений и других безопасных видов деятельности, подрывая тем самым тот «некогда эклектичный» характер сети, который давал возможность вырваться из доктринальных пут и выстроить какой-то общественный противовес – иногда весьма эффективный – концентрированной власти. В Индонезии, пишет один посетивший ее австралийский ученый, Интернет «оказался божьим даром», став и средством связи, и инструментом «мобилизации культурной и политической активности», причем последствия этого были в равной степени нежелательными и для собственной элиты, и для иностранцев, покровительствовавших режиму и извлекавших из него выгоду (режиму этому тогда грозила опасность, и он отличался необычайным уровнем коррумпированности и жестокости). Другой примечательный пример из недавнего прошлого – успех организаций, отражающих интересы общества и простых людей, в срыве попыток государства и корпораций тайно навязать Многостороннее соглашение об инвестициях (МСИ). Это достижение повергло последних в состояние, близкое к панике, и у них даже появились опасения (как предупреждали дипломаты, ведущие торговые переговоры), что теперь может стать «труднее проделывать свои дела за закрытыми дверями и представлять парламенту готовые решения для проштамповывания». Нейтрализация этих рисков становится для лидеров деловых кругов одним из высших приоритетов. ³⁵

Можно только ожидать, что частный капитал и его «орудия и тираны» примут любые меры для того, чтобы основная масса людей если «что-то и пыталась делать, то понимала, что старается напрасно». Но рассуждения Конфуция конечно слишком мрачны. Трудно вымолвить необходимые слова на исходе страшного XX столетия. Но во многих аспектах человеческой жизни и человеческого сознания произошли значительные улучшения, и благодаря этому история прогресса продолжается как и раньше – пусть мучительно медленно, час-

то в попятных движениях, но все же прогресс реален. Особенно это заметно в более привилегированных обществах, завоевавших высокую степень свободы. Там есть широкий выбор, включая возможность фундаментальных изменений в общественных институтах – если, конечно, выбранный путь правилен. Мы не обязаны покорно мириться со страданиями и несправедливостями, окружающими нас, с перспективами страшных катастроф (а ими не следует пренебрегать), грозящих человеческому обществу, если оно будет продолжать следовать нынешним курсом.

США и «вызов относительности»

Принятие Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 1948 года явилось шагом вперед по пути медленного прогресса в защите этих прав. Всеобъемлющим принципом Декларации является универсальность. Ее положения одинаковы для всех. Она не дает никаких моральных оснований для корыстного «релятивизма», который ради чьей-то выгоды открывает дорогу избирательному подходу. Еще меньше оснований для того, чтобы превращать Декларацию в орудие избирательного действия против заранее обозначенных врагов. Эта разновидность релятивизма особенно уродлива.

50-я годовщина Всеобщей декларации представляется хорошим поводом поразмышлять на эту тему, а также подумать о тех шагах, которые можно было бы предпринять для претворения в жизнь принципов, принятых (по крайней мере, риторически) всеми народами мира. Пропасть, которая лежит здесь между словами и делами, не требует комментариев; в ежегодных докладах ведущих правозащитных организаций приведено предостаточно тому свидетельств. Нет недостатка и в широковещательных заявлениях. С большим трудом можно найти такую страну, правительство и интеллектуальные круги которой не заявляли бы во всеуслышание о поддержке принципов Декларации и не выступали бы с суровым осуждением тех, кто их нарушает – явно делая при этом исключение для себя, а также своих союзников и клиентов.

Сфокусирую здесь свое внимание только на одном случае – на самом могущественном государстве мира, которое также имеет самые стабильные и самые долговечные демократические институты, беспрецедентные возможности в любой сфере, включая экономику и обеспечение собственной безопасности. Его глобальному влиянию не было равных в течение всего полувекового периода после вступления в силу (во всяком случае, в теории) Всеобщей декларации. Это государство долгое время служило самой что ни на есть прекрасной моделью социально-политического устройства, где обеспечиваются основные права человека. Наконец, ему повсеместно – и внутри страны, и за рубежом – воздают хвалу как лидеру в борьбе за права человека, демократию, свободу и справедливость. Правда, в данной области

политики остаются большие разногласия. На одном фланге «вильсо-нианцы-идеалисты», которые призывают и впредь сохранять верность традиционной задаче защиты прав и свобод человека во всем мире; «реалисты» возражают им, что у США может не оказаться достаточно средств на эти крестовые походы за «благо человечества»; так что, служа интересам других, они не должны забывать о собственных. «Позволив идеализму почти безраздельно овладеть нашей внешней политикой», мы зайдем слишком далеко, — предупреждают высокопоставленные лица из правительства, в чем с ними согласны многие ученые и политические аналитики.¹ Между двумя этими крайними позициями и следует искать путь к лучшему будущему для мира.

Чтобы выявить истинный смысл провозглашаемых принципов, необходимо, конечно, отрешиться от красочной риторики и публичных заявлений, и рассмотреть реальное положение дел. Дабы картина соответствовала действительности, необходимо тщательно отбирать примеры. Полезным в этом отношении подходом является выбор таких примеров, которые можно рассматривать как «самые убедительные случаи» и проследить, как они выдерживает проверку. Другой подход заключается в изучении событий, где влияние основного фактора превалирует, а постороннее вмешательство минимально; таким образом, мы увидим действующие принципы в самом чистом их виде. Если мы хотим определить, что Кремль подразумевал под правами человека и демократией, не следует обращать серьезное внимание на статьи в «Правде», разоблачающие расизм в США или государственный террор в странах, являющихся американскими клиентами. Еще меньше внимания заслуживают высокопарные заявления, диктуемые благородными мотивами. Гораздо поучительнее в этом смысле состояние дел в восточноевропейских странах «народной демократии». Такая логика элементарна и применима в большинстве случаев. Для США очевидным испытательным полигоном представляется Западное полушарие, особенно регион Центральной Америки и Карибского бассейна, где Вашингтон в течение почти целого столетия редко сталкивался с внешним вмешательством. Довольно интересно, что исследования подобного рода предпринимаются нечасто, а когда они и проводятся, то их резко критикуют, изображая как экстремистские или того хуже.

Прежде чем обратиться к анализу практического смысла Всеобщей декларации, было бы полезно припомнить некоторые наблюдения Джорджа Оруэлла. В предисловии к сатирической повести «Скотный двор» он привлек внимание к обществам, которые относительно сво-

бодны от государственного контроля, в отличие от высмеиваемого им тоталитарного монстра. «Есть такой зловещий факт» — пишет он, — «и заключается он в том, что литературная цензура в Англии в основном добровольная. Непопулярные идеи можно замолчать, а неудобные факты скрыть без малейшей нужды в каких-то официальных запретах». Он не вдавался глубоко в причины этого явления, отметив всего лишь контроль над прессой «состоятельными людьми, у которых есть все основания быть нечестными, когда речь идет о вполне определенных важных вопросах». Такой контроль подкрепляется «всеобщей негласной договоренностью» (которая исподволь внушается этим людям правильным воспитанием), «что такой-то конкретный факт *не следует* упоминать». В результате «любой, кто бросит вызов господствующей ортодоксии, обнаружит, что он окружен заговором молчания, причем с поразительной эффективностью».

Как бы иллюстрируя слова Оруэлла, заметим: данное предисловие оставалось неопубликованным в течение 30 лет.²

По отношению к рассматриваемой здесь ситуации эту «господствующую ортодоксию» хорошо обобщил выдающийся историк, профессор Оксфордского и Йельского университетов Майкл Ховард: «На протяжении 200 лет Соединенные Штаты сохранили почти незапятнанными изначальные идеалы Просвещения ... и в первую очередь универсальность этих ценностей», хотя «и не получили того места в мире, что они заслуживали своими достижениями, своей щедростью и своей доброй волей, которые они демонстрировали после Второй мировой войны».³ На эти достижения не могли бросить тень ни жестокое обращение с «несчастливым племенем коренных американцев, которых истребляли столь безжалостно и с таким жестоким вероломством» (по словам Джона Куинси Адамса)⁴; ни судьба рабов, обеспечивавших дешевый хлопок для того, чтобы промышленная революция смогла набрать силу (отнюдь не обязательно через посредство рыночных механизмов); ни ужасающие жестокости, которые США снова и снова демонстрировали на своем «заднем дворе», получая при этом все новые похвалы; ни участь филиппинцев, гаитян, вьетнамцев и ряда других народов, у которых, возможно, было несколько иное восприятие происходящего.

Излюбленной иллюстрацией «щедрости и доброй воли» служит план Маршалла. Он заслуживает рассмотрения по принципу «самого убедительного случая». Опять же, расследование быстро выводит на факты, «которые не следует упоминать». Например, на тот факт, что «когда план Маршалла заработал в полную силу, суммы американ-

ских долларов, вливаемых в экономику Франции и Нидерландов, примерно сравнялись с объемом средств, выкачиваемых из казны этих стран для финансирования их экспедиционных войск в Юго-Восточной Азии», запятнавших себя тяжчайшими преступлениями.⁵ Равно как и на тот факт, что под влиянием США реконструкция Европы проходила специфическим образом – не так, как об этом мечтало антифашистское сопротивление; те же, кто ранее сотрудничал с фашистами и нацистами, в целом подобным развитием событий были удовлетворены.

Ни к чему упоминать и о том, что щедростью американских налогоплательщиков воспользовался в основном корпоративный сектор, спустя годы выразивший свою признательность за то, что план Маршалла «заложил основы для широкомасштабных прямых частных инвестиций США в Европе»⁶ и создал базу для современных транснациональных корпораций. Эти корпорации «благодаря заказам из-за океана стали процветать и расширяться, ... получив первоначальную долларовую подпитку по плану Маршалла» и прикрытые от «негативного развития событий» под зонтиком американской мощи.⁷ Кроме того, «помощь по плану Маршалла сыграла ключевую роль в том, чтобы компенсировать бегство капитала из Европы в США» – утверждает специалист по политической экономии Эрик Хеллейнер. По его мнению, это «хорошо осознавали лица, определяющие политику США», которые предпочитали, чтобы «состоятельные европейцы» хранили свои деньги в нью-йоркских банках, поскольку коллективный контроль за движением капитала доказал свою неприемлемость для американского банковского сообщества». «Таким образом, внушительные размеры помощи в соответствии с планом Маршалла отражали не столько объем ресурсов для восстановления Европы, ... сколько объем средств для компенсации «лихорадочного вывоза капитала», предсказанного ведущими экономистами; этот поток, несомненно, *превысил* помощь по плану Маршалла, которую американские налогоплательщики на деле предоставили «состоятельным европейцам» и нью-йоркским банкам.⁸

Иногда «господствующую ортодоксию» приходилось испытывать в открытую, и полигон для этого испытания был очевидным. Ларс Шульц, известный ученый, специалист по правам человека в Латинской Америке, выявил «тенденцию, что непропорционально большая доля американской помощи направляется тем латиноамериканским правительствам, которые подвергают своих граждан пыткам ... тем, кто даже на фоне общей ситуации в Западной полушарии считаются

отъявленными нарушителями фундаментальных прав человека». Сюда входит военная помощь, которая оказывается независимо от реальных нужд; ее предоставление характерно для всего периода президентства Картера.⁹ Более обстоятельные исследования экономиста Эдварда Германа выявили сходную тенденцию уже в глобальном масштабе. И здесь напрашивается вполне оправданный довод: помощь прямо связана с благоприятным инвестиционным климатом, который часто создается путем убийств священников и профсоюзных лидеров, кровавых расправ с пытающимися самоорганизоваться крестьянами, уничтожения независимой прессы и далее в том же духе. В результате связь между оказываемой помощью и вопиющим нарушением прав человека становится фактором вторичным. Не то, чтобы американским руководителям нравились пытки; просто эти пытки слишком мало значат в сравнении с более важными ценностями. Упомянутые исследования предшествовали периоду президентства Рейгана, когда подобные вопросы вообще не считались заслуживающими внимания.¹⁰

В соответствии с «всеобщей негласной договоренностью» эти темы также «остаются во мраке забвения», а «неудобные факты» вытравляются из памяти людей.

«Универсальные» права человека

В любой работе, исследующей, как Вашингтон отстаивает «универсальность ценностей [Просвещения]», естественной точкой отсчета становится Всеобщая декларация прав человека. Она повсеместно признана как стандарт для определения этих прав. Более того, американские суды до сих пор основывали свои вердикты на «обычном международном праве, как оно представлено и определено Всеобщей декларацией».¹¹

Декларация оказалась в фокусе общественного внимания в июне 1993 года во время проведения Всемирной конференции по правам человека в Вене. Заголовок передовицы *New York Times* гласил: «На венских переговорах США настаивают, что права человека должны иметь универсальный характер». Вашингтон предупреждал, что «он будет противиться любым попыткам использовать религиозные и культурные традиции с целью ослабить идею универсальности прав человека» – говорилось в репортаже Элайн Циолино. Делегацию США возглавлял государственный секретарь Уоррен Кристофер, ко-

торый «способствовал прогрессу прав человека будучи заместителем госсекретаря в администрации Картера». «Основная цель» его речи, которая «рассматривалась как первое важное политическое заявление администрации Клинтона по правам человека», состояла в том, чтобы отвергнуть претензии тех, кто отстаивает «культурный релятивизм». Кристофер заявил, что «самыми злостными нарушителями являются те, кто угрожает миру агрессией и поощряет распространение оружия». Он также подчеркнул, что «универсальный характер прав человека устанавливает единый стандарт приемлемого поведения во всем мире, стандарт, который Вашингтон будет применять ко всем странам». По его словам, «Соединенные Штаты никогда не будут заодно с теми, кто торпедирует принципы Всеобщей декларации», и собираются защищать ее универсальность от тех, кто считает, что «права человека в регионах с незападной культурой следует трактовать по-иному». Особенно это касается той «грязной дюжины» стран, что отвергает не устраивающие их элементы Всеобщей декларации.¹²

Благодаря своей решительности Вашингтон одержал верх. Западные страны «почувствовали облегчение от того, что их худшие опасения не оправдались – отхода от основополагающих принципов Всеобщей декларации прав человека не произошло». «Вызов относительности» удалось отразить, а конференция констатировала, что «эти права и свободы, вне сомнения, имеют «всеобщий характер».¹³

Но несколько вопросов осталось без ответа. Так, если «самыми злостными нарушителями являются те, кто угрожает миру агрессией и поощряет распространение оружия», то что прикажете нам говорить о крупнейшем в мире торговце вооружениями, гордившемся тогда тем, что на него приходится более половины продаж оружия странам «третьего мира», в основном с жестокими диктаторскими режимами? Такой курс значительно активизировался в период пребывания Кристофера во главе Государственного департамента и сопровождался энергичными усилиями по наращиванию субсидируемых государством продаж оружия вопреки оппозиции 96 процентов населения страны, зато при сильнейшей поддержке высокотехнологичных отраслей промышленности.¹⁴ А как квалифицировать его коллег – Великобританию и Францию – которые прославились тем, что среди прочих, снабжали военной техникой массовых убийц в Индонезии и Руанде?¹⁵

Субсидии предназначены не только «торговцам смертью». В упоении от новых перспектив продаж вооружений в связи с расширением НАТО, представитель Ассоциации аэрокосмической промышленности США заметил, что новые рынки (по его оценкам, только на истре-

бители придется 10 млрд. долл.) включают электронное оборудование, системы связи и другую продукцию, которая принесет «реальные деньги» передовым отраслям промышленности в целом. Американское правительство оказывает содействие экспорту путем предоставления субсидий, льготных займов и других механизмов, призванных облегчить преобразование государственных средств в прибыли частных корпораций в США. При этом страны с «переходной экономикой» в бывшей советской империи отвлекаются на путь увеличения военных расходов в ущерб ассигнованиям на социальные нужды, за которые, как сообщает Информационное агентство США (ЮСИА), выступает их население. Такая же ситуация наблюдается и в других странах.¹⁶

Если же агрессоры являются «самыми злостными нарушителями» прав человека, что тогда говорить о стране, против которой в Международном суде выдвинуто обвинение в «незаконном использовании силы» в ее террористической войне против Никарагуа;¹⁷ стране, которая с презрением накладывает вето на резолюцию Совета Безопасности ООН, призывающую все государства соблюдать международное право, и которая отвергает все новые обращения Генеральной Ассамблеи аналогичного содержания?¹⁸ Применимы ли все эти суровые приговоры к стране, которая после окончания холодной войны открыла новую эпоху вторжением в Панаму (спустя четыре года Комиссия по правам человека при марионеточном панамском правительстве заявила, что право на самоопределение и суверенитет до сих пор остается нарушенным в результате «оккупации Панамы иностранной армией», которую Комиссия осудила за продолжающиеся нарушения прав человека)?¹⁹ Я опускаю здесь еще более драматичные примеры, как, например, нападение США на Южный Вьетнам в 1961-62 гг., когда администрация Кеннеди перешла от поддержки создания террористического государства латиноамериканского типа к открытой агрессии. Эти факты и поныне «не следует» делать достоянием истории.²⁰

Еще ряд вопросов возникает из-за оговорок Вашингтона (о которых не сообщалось) в связи с Венской Декларацией. США обеспокоило то, что Декларация «рассматривала любую иностранную оккупацию как нарушение прав человека».²¹ Этот принцип США отвергают, равно как и отвергают – на пару со своим клиентом Израилем – право народов, «насилованно лишенных [самоопределения, свободы и независимости], ... особенно народов, находящихся под гнетом колониальных и расистских режимов, под иностранной оккупацией или

другими формами колониального господства ... вести борьбу [за восстановление этих прав], добиваться поддержки и получать эту поддержку [в соответствии с Уставом ООН и другими принципами международного права]». И эти факты остаются неизвестными общественности, хотя они могли бы помочь прояснить тот смысл, который придается борьбе за права человека.²²

Также никто не интересовался, каким именно образом Кристофер «способствовал прогрессу в защите прав человека в период администрации Картера». Один из характерных в этом отношении случаев имел место в 1978 году, когда Индонезия, представляя в Вене интересы «грязной дюжины», обнаружила, что у нее кончается оружие, необходимое для войны в Восточном Тиморе, которая приобретала тогда характер геноцида. В результате администрации Картера пришлось спешно производить новые поставки военной техники своему кровожадному другу.²³ Другой случай произошел годом позже, когда администрация Картера отчаянно пыталась сохранить у власти Сомосу с его «национальной гвардией», после того как та уничтожила около 40 тысяч мирных граждан. Дело кончилось эвакуацией ее командиров самолетами, замаскированными символикой Красного креста (а это военное преступление), в Гондурас, где она была воссоздана как террористическое формирование под руководством аргентинских неонацистов. В других странах региона, как утверждают, дело обстояло еще хуже.²⁴

И эти дела относятся к числу тех, которые *«не следует упоминать»*.

Возвышенная риторика, звучавшая на Венской конференции или окружавшая ее, ничуть не была омрачена расследованием того, как соблюдают Всеобщую декларацию ее ведущие защитники.²⁵ Эти вопросы, однако, были затронуты на проходивших в Вене публичных слушаниях, организованных неправительственными организациями. В выступлениях активистов, ученых, юристов и других представителей из многих стран обсуждались «тревожные свидетельства массовых нарушений прав человека во всех частях земного шара, ставших результатом политики международных финансовых институтов» и следствием «Вашингтонского консенсуса»¹, принятого лидерами свободного мира. Этот «неолиберальный» консенсус маскирует то, что можно было бы назвать «реально существующей доктриной свободного рынка»: рыночная дисциплина крайне полезна слабым и беззащитным, тогда как богатые и могучие должны искать защиту под крылышком государства-опекуна. Им также должны быть позволены «по-

стоянные нападки на принцип [свободы торговли]». Этот принцип был подвергнут порицанию в научном обзоре, охватывавшем «неолиберальный» период после окончания 70-х годов. По оценкам автора обзора Патрика Лоу, экономиста из секретариата ГАТТⁱⁱ (ныне директора отдела экономических исследований Всемирной торговой организации), ограничительный эффект от предпринятых Рейганом мер в три раза превышал таковой в других ведущих индустриальных странах. Все это имело место в период, когда эти страны «председательствовали при самом масштабном с 1930-х годов повороте в сторону протекционизма», в результате которого США превратились «из крупнейшего в мире поборника многосторонней свободной торговли в одного из ведущих ее гонителей» – таков был комментарий журнала Совета по международным отношениям в обзоре, посвященном итогам десятилетия.²⁶

Необходимо добавить, что подобные аналитические выкладки упускают из виду важнейшие формы рыночного вмешательства, проводимого ради выгоды богатых: в частности, перекачку государственных средств в передовые отрасли промышленности (зачастую под прикрытием ‘оборонных’ расходов), что лежит в основе фактически любого динамично развивающегося сектора экономики США. Эти меры получили дальнейшую раскрутку опять-таки благодаря рейганистам, которым не было равных в прославлении добродетелей свободного рынка – правда, для бедных, будь то в собственной стране или за рубежом. Общие принципы такой практики были впервые опробованы в XVIII веке англичанами, и с тех пор она выступает доминирующей чертой экономической истории, во многом являясь причиной того разрыва, который существует сегодня между странами первого и третьего мира (этот разрыв растет уже много лет, одновременно с увеличивающейся пропастью между богатыми и бедными слоями населения по всему миру).²⁷

Публичные слушания в Вене, насколько мне известно, не упоминались в господствующей американской прессе. Однако о том, насколько подавляющее большинство людей в мире озабочено состоянием своих прав, граждане свободного мира могли узнать из отчета об этих слушаниях, опубликованного в Непале тиражом в 2 тыс. экземпляров.²⁸

Гражданские и политические права

Нельзя сказать, что положения Всеобщей декларации хорошо известны в США, но с некоторыми ее граждане все же знакомы. Самое известное из них – Статья 13(2), которая гласит: «Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную». Ежегодно, в День прав человека 10 декабря об этом принципе произносилось много страстных речей. Они сопровождались демонстрациями и гневными осуждениями в адрес Советского Союза за его отказ разрешить евреям эмигрировать. Точнее говоря, при этом цитировались именно упомянутые выше слова, но умалчивалась фраза, которая идет следом за ними: «...и возвращаться в свою страну». Значимость пропущенных слов зримо проявилась уже 11 декабря 1948 года, на следующий день после утверждения Декларации, когда Генеральная ассамблея единогласно приняла резолюцию 194, подтвердившую право палестинцев на возвращение в свои дома или на получение компенсации, если они решат не возвращаться. С тех пор этот принцип подтверждался регулярно. Однако существовала «всеобщая негласная договоренность» о том, что опущенные слова упоминать *«не следует»*. Я уже не говорю о таком вызывающе очевидном факте, что те, кто под всеобщие аплодисменты требовали от советских тиранов соблюдения Статьи 13, сами выступали ее самыми непримиримыми противниками.

Справедливости ради надо добавить, что с таким циничным подходом в конце концов было покончено. На сессии ООН в декабре 1993 года администрация Клинтона изменила свою официальную политику, поддержав Израиль в его неприятии резолюции 194, которая была подтверждена 127 голосами против двух. Никаких сообщений и комментариев по этому поводу не было – такое молчание уже вошло в норму. Но по крайней мере в одном непоследовательность преодолеть удалось: первая часть Статьи 13 (2) потеряла свою актуальность, а вторую ее половину Вашингтон теперь официально отвергает.²⁹

Перейдем теперь к Статье 14, которая гласит, что «каждый человек имеет право искать в других странах убежище от преследования и получать это убежище». Это, например, гаитяне, в том числе 87 новых жертв, застигнутых клинтоновской блокадой и возвращенных обратно в свой мертвый дом. Это событие почти не упоминалось в прессе, а ведь в те дни в Вене открывалась Всемирная конференция по правам человека.³⁰ Официальное объяснение состояло в том, что гаитяне бежали от бедности, а вовсе не от свирепствующего террора военной

хунты, как они то утверждали. Доводы в пользу подобной проницательности приведены не были.

В своем репортаже с Венской конференции несколькими днями ранее Циолино сообщала, что «некоторые правозащитные организации резко критиковали администрацию за неспособность выполнить предвыборные обещания Клинтона, касающиеся прав человека». «Наиболее драматичным примером» она называет решение Вашингтона силой вернуть на родину гаитян, бежавших на лодках в США в поисках политического убежища». Если посмотреть на проблему другими глазами, то данные события служат иллюстрацией того, что приверженность Вашингтона идее «универсальности прав человека» носит в основном риторический характер, за исключением тех случаев, когда она используется в качестве орудия против других стран.

Именно в таком ключе США поддерживают Статью 14 с тех пор как Картер (а также Кристофер) занялся «содействием прогрессу прав человека», отправляя несчастных людей в лодках обратно, чтобы снова начались их муки в объятиях диктатуры Дювалье – уважаемого союзника, помогающего превратить Гаити в экспортный плацдарм для американских корпораций, которым нужна сверхдешевая и жестоко эксплуатируемая рабочая сила, или (если пользоваться терминологией Агентства международного развития США) переустроить страну в «карибский Тайвань». Нарушение Статьи 14 было официально закреплено соглашением Рейгана-Дювалье. Когда в сентябре 1991 года в результате военного переворота был свергнут первый демократически избранный президент Гаити и после короткого перерыва началась новая волна террора, администрация Буша ввела блокаду этой страны, заворачивая назад потоки беженцев и направляя их обратно в камеру пыток.³¹

«Достойная порицания ... незаконная и безответственная политика по отношению к беженцам»³², проводимая Бушем, была резко осуждена кандидатом в президенты Биллом Клинтон, который, однако, своим первым президентским указом еще больше ужесточил незаконную блокаду, а также предпринял ряд новых мер по поддержке хунты, о чем мы еще будем говорить далее.

Опять-таки справедливости ради надо признать, что в случае с Гаити Вашингтон на короткое время отошел от своей политики игнорирования Статьи 14. За несколько месяцев демократии (февраль-сентябрь 1991 года) администрация Буша проявила внезапное, хотя и недолго сохранявшееся чувство симпатии к этой статье. Как раз в этот период поток беженцев упал и превратился в тонкую струйку – фак-

тически он пошел вспять, ведь гаитяне в тот момент надежды начали возвращаться в свою страну. Из более чем 24 тысяч гаитян, задержанных американскими вооруженными силами с 1981 по 1990 гг., Вашингтон рассмотрел 28 прошений об убежище от тех, кого он считал жертвами политических преследований, и удовлетворил 11 из них (для сравнения: из 75 тысяч бежавших кубинцев убежище получили все 75 тысяч). Во время семимесячной демократической интерлюдии при президенте Аристиде, когда насилие и репрессии резко пошли на убыль, было рассмотрено 20 просьб – одна пятидесятая от общего числа беженцев. Возвращение к нормальной практике произошло после военного переворота и возобновления террора.³³

Озабоченная тем, что протесты против блокады могут затруднить ее осуществление, администрация Клинтона обратилась с настоятельной просьбой к другим странам облегчить для США бремя приема беженцев. Опасения, что страну может захлестнуть поток беженцев, были основным доводом в поддержку военной интервенции, оправдываемой интересами «национальной безопасности». В то же время этот довод выявил немалые противоречия. Участники дебатов не заметили очевидную кандидатуру страны-спасителя – Танзанию, которая сумела разместить у себя сотни тысяч руандийцев и наверняка была бы способна прийти на помощь осажденным Соединенным Штатам, приняв еще немного чернокожих лиц.

Презрение к Статье 14 абсолютно не скрывается. Статья, опубликованная на первой странице *New York Times* и посвященная новым драконовским законам об иммиграции, походя отмечает этот факт и объясняет причины сложившейся ситуации:

Поскольку Соединенные Штаты вооружали и финансировали армию, чья жестокость вынуждала сальвадорцев бежать из страны, мало кому из них удавалось получить статус беженца, в разные годы предоставлявшийся кубинцам, вьетнамцам, кувейтцам и гражданам других стран. Новый закон просто относит большинство сальвадорцев к категории лиц, подлежащих депортации, [хотя на деле они спасались] от конфликта, продолжавшегося с 1979 по 1992 годы, когда в Сальвадоре было убито более 70 тысяч человек. Большая их часть была уничтожена поддерживаемой американцами армией и эскадронами смерти, которым эта армия в свою очередь оказывала содействие. [Это заставляло] многих людей бежать оттуда в Соединенные Штаты.³⁴

Тем же самым объяснялось обращение и с другими беженцами, которые покидали свои страны, спасаясь от террора и войн, развязанных при поддержке Вашингтона.

Таким образом, толкование Статьи 14 выглядит вполне принципиальным: «достойные жертвы» подпадают под ее действие, а «недостойные» исключаются. Кого включать в ту категорию, а кого в другую – определяется характером отношений США с теми, кто проводит политику террора, а также преобладающими интересами власти. Но все эти факты ни в коей мере не умаляют роль Вашингтона как крестоносца, защищающего универсальность Всеобщей декларации от посягательств релятивистов.

Это лишь одна из многочисленных иллюстраций того явления, которое Оруэлл в своем анализе упустил, а именно: легкость, с которой допускается непоследовательность в политике, когда это удобно.

Экономические, социальные и культурные права

Статьи 13 и 14 относятся к категории «Гражданских и политических прав». Всеобщая декларация также признает и другую категорию: «Экономические, социальные и культурные права». На Западе к ним как правило относятся с пренебрежением. Посол США в ООН Джин Киркпатрик характеризовала эти положения Декларации как «письмо Санта Клаусу ... Ни природа, ни опыт, ни элементарное правдоподобие не просматриваются в этом списке 'правоустановлений', которые не знают никаких пределов, кроме тех, что обусловлены состоянием ума и аппетитами их авторов». Более сдержанным в своем пренебрежении к данной категории прав был представитель США в Комиссии ООН по правам человека Моррис Абрам. В 1990 году в нарушение принципа универсальности Всеобщей декларации он утверждал, что гражданские и политические права должны иметь здесь «приоритет».³⁵

Абрам развил этот тезис, объясняя, почему Вашингтон отвергает выводы доклада глобальных консультативных совещаний о «Праве на развитие», где таковое определяется как «право отдельных людей, их групп и народов участвовать, вносить вклад и пользоваться плодами непрерывного экономического, социального, культурного и политического развития, при котором все человеческие права и фундаментальные свободы могут быть в полной мере реализованы». «Развитие не является правом», – проинформировал Комиссию Абрам. Действи-

тельно, выводы доклада «кажутся нелепыми» – например, о том, чтобы Всемирный банк обязался «простить долг или предоставить средства на строительство туннеля, железной дороги или школы». Подобные идеи – «не более чем пустой сосуд, который можно наполнить туманными надеждами и незрелыми ожиданиями», – продолжал Абрам, дойдя до того, что назвал их «опасным подстрекательством».³⁶

Близко перефразируя тезис Абрама, можно понять фундаментальную ошибку утверждаемого «права на развитие». Она заключается в негласном признании принципа, что

каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, как и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам.

Если отсутствует право на развитие, как оно определено выше, то приведенное положение также можно считать «пустым сосудом» и даже «опасным подстрекательством». Соответственно, и у этого принципа нет никакого статуса: тех прав, которые записаны в только что процитированной Статье 25 Всеобщей декларации, попросту не существует.

США были единственными, кто проголосовал против Декларации о праве на развитие, тем самым косвенно наложив вето и на Статью 25 Всеобщей декларации прав человека.³⁷

Нет необходимости подробно останавливаться на ситуации с соблюдением Статьи 25 в богатейшей стране мира, где уровень бедности вдвое выше, чем в любой другой индустриальной стране. Особенно остро это ощущается детьми. К 1995 году после четырех лет оздоровления экономики почти каждый четвертый ребенок младше шести лет жил ниже черты бедности – показатель более высокий, чем в других промышленно развитых странах.³⁸ Однако и Великобритания делает успехи на этом поприще: «один из трех британских младенцев рождается в нищете», – сообщает пресса, – а «со времени избрания Маргарет Тэтчер в три раза возросло число детей, живущих в бедности»; «до двух миллионов детей в Великобритании страдают от болезней и отстают в росте из-за недоедания». Тэтчеровские программы обратили вспять наблюдавшуюся тенденцию к улучшению здоровья детей и привели к вспышке детских болезней, которые ранее удава-

лось сдерживать. В то же время государственные средства используются, например, для незаконных проектов в Турции и Малайзии, с целью поощрить субсидируемую государством промышленность к продаже оружия.³⁹ В полном соответствии с «реально существующей доктриной свободного рынка» после 17 лет следования тэтчеровской стратегии расходы на общественные нужды находились на том же уровне, что и в момент прихода Тэтчер к власти.⁴⁰

В результате проведения аналогичной политики в США, в 1990 году 30 миллионов человек страдали там от голода, что на 50 процентов больше в сравнении с уровнем 1985 года. В это число входили и 12 миллионов детей, лишенных достаточного питания для поддержания нормального роста и развития (это перед спадом 1991 года). В самом богатом городе мира 40 процентов детей жили ниже черты бедности. По таким основным социальным показателям, как детская смертность, США находятся намного ниже любой другой индустриальной страны – на одном уровне с Кубой, у которой ВВП на душу населения составляет меньше 5 процентов американского и которая при этом много лет несет ущерб от террористической агрессии и все более беспощадной экономической войны со стороны единственной сверхдержавы Западного полушария.⁴¹

При всех тех исключительных преимуществах, что имеют США, они находятся в первых рядах релятивистов, отвергающих универсальность Всеобщей декларации – даже если брать только ее 25-ю Статью.

Теми же ценностями руководствуются международные финансовые институты, которые в основном находятся под контролем США. МВФ и Всемирный банк «питают исключительную неприязнь к правам человека» – заметил (хотя и с тактичными недомолвками) председательствующий в Комитете ООН по экономическим, социальным и культурным правам Филипп Элстон в своем докладе, представленном альтернативному Венскому форуму. «То, что нам с таким драматизмом рассказали на этих публичных слушаниях», – добавил Нури Абдул Раззак из Организации солидарности народов Азии и Африки, – «свидетельствует о том, что политика международных финансовых институтов способствует обнищанию народов мира, деградации окружающей среды на планете и нарушению самых фундаментальных прав человека».

Перед лицом столь откровенного попрания принципов Всеобщей декларации, наверное, излишне упоминать об отказе США пойти хотя бы на малейшие шаги по их отстаиванию. По оценке ЮНИСЕФ, каж-

дый час одна тысяча детей умирает от болезней, которые можно легко предотвратить; почти вдвое больше женщин умирают или становятся инвалидами при беременности и деторождении из-за недостатка элементарных лекарств и медицинской помощи. Для того чтобы обеспечить общедоступность основных социальных услуг, считает ЮНИСЕФ, необходимо затратить четверть нынешнего годового уровня военных расходов «развивающихся стран» или около 10 процентов военных расходов США.⁴² Как было отмечено, США активно поощряют рост военных расходов в «развивающихся странах»; их же собственные остаются на уровне времен холодной войны и продолжают увеличиваться, в то время как затраты на социальные нужды нещадно урезаются. Также резко сократилась в 90-е годы и помощь США иностранным государствам. Она была и без того мизерной в сравнении с другими развитыми странами, а если исключить одну богатую страну (главного клиента Вашингтона – Израиль), являющуюся ее главным получателем, то помощь эту фактически можно считать несуществующей.⁴³

В своем заключительном отчете Комиссии ООН по правам человека Специальный докладчик Леандро Депуа приводит данные Всемирной организацией здравоохранения, которая охарактеризовала «крайнюю нищету» как «самого безжалостного убийцу в мире и главную причину страданий на земле»: «Ни одно другое бедствие нельзя сравнить с катастрофой, вызванной голодом; за два предыдущих года он унес больше жизней, чем погибло людей в обеих мировых войнах, вместе взятых». Право на достойный уровень жизни, необходимый для поддержания здоровья и благосостояния, отмечает докладчик, подтверждено в Статье 25 Всеобщей декларации и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, «в котором подчеркивается особая важность ‘фундаментального права каждого человека жить не голодая’».⁴⁴ Но с точки зрения Запада, в высшей степени релятивистской, эти принципы соглашений по правам человека не имеют статуса, несмотря на их официальное признание.

Существуют и другие различия в интерпретации Статьи 25. В Комиссию ООН по правам человека обратились страны «третьего мира», которые пытаются найти способ «остановить огромный поток опасных веществ», идущий в бедные страны, и которые озабочены тем, что «сброс токсичных продуктов и отходов угрожает основным правам человека на жизнь и здоровье», гарантированным Всеобщей декларацией. Эксперт ООН провела расследование, которое выявило, что богатые страны отправляют «массу токсичных отходов» в страны

«третьего мира», а теперь и в страны бывшей советской зоны влияния. «Она утверждает, что собранные ею сведения говорят о ‘серьезных нарушениях прав человека на жизнь и здоровье’, – сообщала пресса, – «а в некоторых случаях это повлекло за собой заболевания, отклонения в развитии, физическую и умственную инвалидность и даже смерть’». Ее информация, однако, была ограниченной, поскольку «развитые страны или корпорации неохотно с ней сотрудничали», а со стороны США, которые предпринимают действия к тому, чтобы вообще свернуть ее миссию, такого сотрудничества не наблюдалось вообще.⁴⁵

Статья 23 Всеобщей декларации гласит, что «каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы». Также он имеет право на «заработную плату, обеспечивающую достойное существование для него самого и его семьи и дополняемую, при необходимости, различными средствами социального обеспечения». (Ожидать от Вашингтона уважения этого принципа не приходится.) И далее: «каждый человек имеет право создавать или вступать в профессиональные союзы для защиты своих интересов».

Последнее из вышеозначенных прав обеспечивается в США в техническом отношении, хотя законодательные и административные рычаги пробивают все больше брешей в механизмах его соблюдения. К тому времени, как рейганисты завершили свое дело, США уже достаточно далеко вышли за допустимые рамки, что заставило Международную организацию труда (редко критикующую сильных мира сего) выступить с рекомендацией, чтобы США придерживались международных стандартов. Это было ответом на жалобу АФТ/КППⁱⁱⁱ, которая указывала, что работодатели используют штрейкбрехерство, прибегая к помощи «тех, кто постоянно замещает бастующих работников».⁴⁶ За исключением Южной Африки, ни одна другая индустриальная страна не терпела у себя подобных методов, ведущих к превращению Статьи 23 в набор пустых слов; учитывая же последующее развитие событий в ЮАР, США могут в этом конкретном вопросе оказаться в блистательной изоляции, хотя им надо еще дорасти до британских стандартов, которые, например, позволяют работодателям выборочно увеличивать зарплату с целью склонить рабочих к отказу от членства в профсоюзе и отстаивания своих прав в рамках коллективного договора.⁴⁷

Останавливаясь на некоторых механизмах, которые используются для того, чтобы сделать Статью 23 бездействующей, журнал *Business*

Week сообщал, что с первых рейгановских лет «американские промышленники вели одну из самых успешных в истории антипрофсоюзных войн, незаконно уволив тысячи рабочих, которые пытались реализовать свое право на организацию профсоюза». «В конце 1980-х годов незаконные увольнения имели место в каждом третьем случае выборов рабочих представительств, в то время как в конце 1960-х таких увольнений было 8 процентов». Рабочим не к кому обращаться за помощью, в то время как рейгановская администрация превратила взлелеянное ею мощное государство в 'государство всеобщего благосостояния' для богатых, бросая вызов американским законам, равно как и положениям международного права, зафиксированным во Всеобщей декларации. Основная цель предпринимателей, разъясняет журнал, состояла в том, чтобы отменить права, «гарантированные Законом Вагнера^{iv} 1935 года», которым США были поставлены в один ряд со всем индустриальным миром.⁴⁸ Эта цель была главной с того момента, как Новый Курс начал осуществляться, и хотя замысел свести на нет победу демократии и трудящегося народа удалось во время войны придержать, к нему снова вернулись, как только наступил мир, и он начал осуществляться с удвоенной энергией и весьма успешно.⁴⁹ О том, насколько успешно, можно судить по тому, как ратифицировались конвенции МОТ о гарантиях прав рабочих. США имеют здесь едва ли не худший показатель среди стран Западного полушария и Европы, за исключением Сальвадора и Литвы. Они не признали даже типовые конвенции о детском труде и праве объединяться в профсоюзы.⁵⁰

«Соединенные Штаты задолжали МОТ сумму в 92,6 миллиона долларов», — отмечает Комитет юристов за права человека. Подобного рода неплатежи «ставят под серьезную угрозу деятельность МОТ»; планы Вашингтона и дальше сокращать взносы в МОТ «в первую очередь скажутся на ее способности оказывать техническое содействие на местах», что еще больше подорвет действенность Статьи 23, теперь уже во всемирном масштабе.⁵¹ Это лишь часть той огромной долга международным организациям, который США (в нарушение своих договорных обязательств) отказываются выплачивать. Просроченные платежи в ООН оцениваются в 1,3 миллиарда долларов. «Наши двери только потому остаются открытыми», — пишет Генеральный секретарь Кофи Аннан, — «что другие страны по сути предоставляют беспроцентные ссуды для покрытия в большинстве своем американских долгов — и это не только союзники по НАТО ... но и развивающиеся страны, как, например, Пакистан, и даже Фиджи».⁵² Несколь-

кими неделями позже, по-прежнему отказываясь платить, Сенат 90 голосами против 10 проголосовал за то, чтобы ООН «поблагодарила Соединенные Штаты за их вклад», снизила размер их финансовых обязательств «и публично известила все страны-члены, как много Соединенные Штаты затратили на поддержку резолюций Совета Безопасности начиная с 1 января 1990 года».⁵³

Незаконное наступление на профсоюзы в нарушение Статьи 23 чревато многими последствиями. Оно способствует ухудшению стандартов охраны труда и техники безопасности на рабочих местах. Правительство не желает делать эти стандарты обязательными, что в годы правления Рейгана привело к резкому росту числа несчастных случаев на производстве.⁵⁴ Это также затрудняет действие демократии, ибо люди с ограниченными средствами лишаются механизмов, с помощью которых они могут присутствовать на политической арене. Это ведет и к приватизации человеческих устремлений, ведь в результате разрушаются чувства солидарности и взаимопонимания, равно как и другие ценности, составляющие сердцевину классической либеральной мысли, но несовместимые, однако, с господствующей идеологией привилегий и власти. Вот более частный пример: министерство труда США считает, что ослабление профсоюзов является одной из главных причин сдерживания роста реальной зарплаты в рейгановские времена – «благоприятной тенденцией, имеющей необычайную важность». Именно так газета *Wall Street Journal* характеризовала уменьшение затрат на рабочую силу начиная с 1985 года, в результате чего эти затраты оказались на самом низком уровне в индустриальном мире, не считая Великобритании.⁵⁵

Выступая с отчетом перед Банковским комитетом Сената в феврале 1997 года, глава Федеральной резервной системы Алан Гринспен был в высшей степени оптимистичен по поводу «устойчивого экономического роста». Этот рост, по его мнению, достигается благодаря «нетипичному ограничению на рост компенсационных выплат, которое, по-видимому, является следствием отказа от твердых гарантий сохранения рабочих мест». Вот этого-то нам и не хватало для создания прекрасного общества, о чем здесь откровенно и говорится, а заодно приводится еще один довод в пользу западных релятивистов, отвергающих Статью 25 Всеобщей декларации с ее «правом на обеспечение». «*Экономический доклад президента*», обнародованный в феврале 1997 года и полный гордости за экономические достижения администрации Клинтона, косвенным образом говорит о «переменах на рынке труда, в его институтах и способах функционирования» как

об одном из факторов «существенного ограничения зарплат», которое в свою очередь работает на оздоровление экономики.⁵⁶

«Соглашения о свободной торговле», как их обычно по ошибке называют (они включают в себя существенные протекционистские моменты и являются «соглашениями» только если делать скидку на стереотипы массового сознания), способствуют этим благоприятным переменам. Некоторые из этих механизмов подробно разбираются в исследовании, проведенном по заказу Секретариата по трудовым отношениям Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) и посвященном «последствиям внезапного закрытия предприятий, диктуемого принципом свободы ассоциаций, и праву рабочих во всех трех странах на объединение в профсоюзы». Исследование выполнено по правилам НАФТА в ответ на обращение работников телекоммуникационной отрасли с жалобой на незаконную практику организации труда в компании Sprint. Жалоба была поддержана Национальным управлением по трудовым отношениям США, которое после многолетних проволочек определила в качестве наказания обычные штрафные санкции. Это стандартная процедура. Исследование НАФТА, проведенное экономистом и экспертом по вопросам труда из Корнельского университета Кейт Бронфенбреннер, было утверждено к публикации Канадой и Мексикой, однако администрация Клинтона стала чинить ему препятствия. Это исследование раскрывает существенную роль НАФТА в практике штрейкбрехерства. Около половины мероприятий, организуемых профсоюзами, срывается из-за угроз работодателей перевести производство за границу. Например, перед заводом, где идет кампания по организации в профсоюз, помещается вывеска «Производство переводится в Мексику». Это не пустые угрозы. Если такие профсоюзные кампании все же добиваются успеха, то работодатели полностью или частично могут закрыть предприятие, причем теперь это делается втрое чаще, чем до образования НАФТА (с соответствующим показателем примерно в 15 процентов рабочего времени). В более мобильных отраслях угроза закрытия предприятий почти вдвое выше (например, в обрабатывающей промышленности, контрастирующей в этом смысле со строительной индустрией).⁵⁷

Подобная практика, а также другие действия, о которых сообщается в исследовании НАФТА, являются незаконными, но это, как ясно давала понять администрация Рейгана, лишь технические детали, которые перевешиваются более важными вещами: возможностью еще больше подрывать право на организацию в профсоюзы, закрепленное

Статьей 23, а если выражаться более тактично – поощрением «переман на рынке труда, в его институтах и способах функционирования», которые способствуют «существенному ограничению зарплат» благодаря «отказу от твердых гарантий сохранения рабочих мест». Такая экономическая модель с большой гордостью предлагается остальным странам и высоко почитается привилегированными слоями.

Немало других приемов используется для того, чтобы свести на нет обязательство «никогда не быть заодно с теми, кто торпедирует Всеобщую декларацию» (Кристофер), когда речь идет о Статье 23. Дальнейший демонтаж системы всеобщего благосостояния, резко сокращенной по сравнению с 1970-ми годами, толкает многих женщин из семей с низкими доходами на рынок труда, где они соглашаются на работу с минимальной (или ниже минимальной) оплатой и с ограниченным набором льгот, причем правительство предлагает массу всевозможных субсидий, чтобы предприниматели именно таким женщинам оказывали предпочтение перед низкооплачиваемыми рабочими. Наиболее очевидным эффектом от таких мер становится снижение минимального порога заработной платы, не говоря уже о косвенных последствиях в других областях. Схожий с этим прием – использование – при непрерывно расширяющейся системе общественного контроля – тюремного труда. Так, «Боинг», монополизировавший производство гражданских самолетов в США (с помощью массированных государственных субсидий, предоставляемых в течение 60 лет), переводит производственные мощности не только в Китай, но и в тюремные учреждения в нескольких милях от своих офисов в Сиэтле. Это лишь один из примеров.⁵⁸ Труд заключенных дает немало преимуществ. Он подкреплен дисциплиной, дотируется государством, в нем нет льгот, он достаточно «гибок» – т. е. доступен, когда в нем есть необходимость, а когда такой необходимости нет, то его поддержка перекладывается на плечи правительства.

Опора на тюремный труд берет начало от традиции, заложенной богачами. Быстрое промышленное развитие в юго-восточном регионе столетие назад основывалось в очень большой степени на труде заключенных (чернокожих), которых отдавали в наем тем, кто предлагал за них наибольшую цену. Такие мероприятия возродили многие существенные черты плантационной системы после отмены рабства, но теперь уже для целей индустриального развития. Такая практика продолжалась до 20-х годов XX века, а в Миссисипи – до Второй мировой войны. Промышленники южных штатов США подчеркивали, что труд заключенных «более надежен и производителен, чем свобод-

ный труд», и что он снимает проблему оборота рабочей силы и нестабильности на рынке труда. Он также «устраняет все опасности и затраты, связанные с забастовками». В то время это было серьезной проблемой, решаемой лишь путем применения государственного насилия, что в сущности разрушало рабочее движение. Далее, труд заключенных способствует снижению зарплаты среди «свободных работников», во многом как и в случае с «системой всеобщего благосостояния». По сообщению Бюро труда США, «владельцы шахт [в Алабаме] заявляли, что не могут работать с прибылью, если у них не будет возможности снижать заработную плату, единственно что позволит им выдержать конкуренцию с трудом заключенных».⁵⁹

Поскольку лишних людей стали сажать в тюрьмы в беспрецедентных доселе масштабах, то возврат к подобным механизмам выглядит вполне естественным.

Наступление на Статью 23 не ограничивается одними лишь Соединенными Штатами. Международная конфедерация свободных профсоюзов сообщает, что «профсоюзы подвергаются преследованиям по всему миру, и эти преследования охватили большее число стран, чем когда-либо прежде». В то же время «наблюдается увеличение бедности и неравенства в развивающихся странах, которые глобализация втягивает в движение по нисходящей спирали, когда ради привлечения инвестиций и удовлетворения запросов предпринимателей, стремящихся к быстрому извлечению прибылей», стандарты условий труда постоянно снижаются. При этом правительства, в полном соответствии с «Вашингтонским консенсусом», «уступают скорее давлению финансовых рынков, нежели давлению собственных избирателей».⁶⁰ «Это не вытекает ни из «экономических законов», ни из «вердиктов свободного рынка в его бесконечной, но непостижимой мудрости»,⁶¹ как то обычно утверждают. Скорее это результат осознанного политического выбора при реально действующей доктрине свободного рынка, и этот выбор делается в период, когда, по словам деловой прессы, «капитал откровенно подчиняет себе труд».⁶²

Презрение к социально-экономическим положениям Всеобщей декларации настолько глубоко укоренилось, что уже не чувствуешь отсутствия объективности, когда читаешь передовицу газеты, восхваляющую новое британское лейбористское правительство за перенос налогового бремени с «большого бизнеса» на трудящихся и на «средний класс» — за шаги, «еще больше отдаляющие Великобританию от таких стран, как Германия и Франция, которые до сих пор борются с драчливыми профсоюзами, ограничительным инвестиционным кли-

матом и непомерными социальными льготами». ⁶³ Индустриальные «страны» никогда не борются с детским недоеданием, с огромными прибылями или со стремительным ростом зарплат высоких должностных лиц (при Тэтчер этот рост был вдвое выше, чем в США, оказавшихся на втором месте). ⁶⁴ И это – разумная позиция, согласно «всеобщей негласной договоренности», по которой понятие «страна» отождествляется с «большим бизнесом», а также в соответствии с доктринальными конвенциями о здоровой экономике. Последнее же выражение используется лишь как технический термин, имеющий весьма отдаленное отношение к здоровью населения (экономическому, социальному и даже медицинскому).

Хотя нарушения Вашингтоном экономических, социальных и культурных прав, гарантированных Всеобщей декларацией, иногда и устаиваются упоминания, ⁶⁵ этот факт, как правило, тонет в потоке самовосхвалений, а если и обсуждается, то встречается в основном непонимание.

Чтобы взять наиболее типичные примеры, процитируем статью корреспондента *New York Times* Барбары Кроссетт. Она сообщает, что мировое сообщество, устроив в 1993 году конференцию по правам человека в Вене, набралось смелости и решило придать ореол святости некоторым универсальным концепциям, однако «панически испугавшиеся страны «третьего мира»» блокировали это начинание. Американские дипломаты оказались «в смятении из-за нежелания многих стран занять твердую позицию по правам человека», даже несмотря на то, что, «по словам дипломатов, в настоящее время легче выработать объективный подход к нарушителям этих прав, рассматривая каждый случай в отдельности», – ведь теперь «холодная война» окончена и «развивающиеся страны, ранее пользовавшиеся поддержкой советского блока», больше не могут «проводить рутинные резолюции с осуждением Соединенных Штатов, Запада в целом или бить по таким мишеням как Израиль и апартеид в Южной Африке». Тем не менее дело продвигается с трудом, поскольку «многие люди лишь на словах поддерживают идею прав человека в целом, хотя эти права зафиксированы в Уставе ООН, Всеобщей декларации и всех аналогичных документах», – заметила (ограничившись только этим перечислением) в то время посол США в ООН, а затем госсекретарь Мадлен Олбрайт. ⁶⁶ В День прав человека редакционная статья *New York Times* осудила азиатские страны, которые отвергают Всеобщую декларацию и вместо этого призывают «заняться более насущными нуждами людей – обеспечением их продовольствием, крышей над голо-

вой, медицинским обслуживанием и образованием»,⁶⁷ между прочим, в полном соответствии с Всеобщей декларацией.

Аргументы откровенны донельзя. США отвергают эти принципы Всеобщей декларации, а значит они оказываются недейственными. Поддерживая же указанные принципы, азиатские страны, выходит, отвергают Декларацию.

Ломая голову над тем, «распространять ли ‘права человека’ на продовольствие и крышу над головой», Сет Фейсон пишет о том, как этот вопрос все время становился «камнем преткновения в американо-китайской дипломатии, высвечивая контраст между американцами, делающими упор на свободу личности, и китайцами, настаивающими на том, что общее благо выше прав личности». Китай призывает к соблюдению прав на «обеспечение продовольствием, одеждой, жильем, образованием, правом на труд, отдых и достойную оплату труда» и критикует США за пренебрежение этими правами – а ведь они заявлены во Всеобщей декларации и являются «правами личности», которые США тем не менее отвергают.⁶⁸

Здесь, как и ранее, аргументация достаточно откровенна, коль ключевые принципы приспособлены к субъективным нуждам.

Права человека как условие

Под влиянием массовых движений 1960-х годов конгресс США постановил, что соблюдение прав человека является условием для предоставления военной помощи и торговых привилегий. Белый дом был вынужден искать всевозможные пути обхода этого постановления. В рейгановские годы ситуация превратилась в фарс, сопровождаемый торжественными заявлениями об «улучшении» поведения убийц и мучителей в государствах-клиентах. Правозащитные организации едко высмеивали подобные заявления, однако никаких изменений в официальной политике это не влекло. Самые вопиющие примеры – их даже не стоит особенно обсуждать – являют американские клиенты в Центральной Америке. Есть случаи не столь громкие – начиная с главных получателей американской помощи и далее вниз по списку. Ведущие правозащитные организации регулярно осуждали Израиль за «систематические пытки и жестокое обращение с палестинцами во время допросов»,⁶⁹ отмечали неопровержимые случаи внесудебных казней, легализацию пыток, заключение под стражу без предъявления обвинений (некоторые из похищенных на территории Ливана содер-

жались таким образом в тюрьмах до девяти лет), ныне объявленные Верховным судом «законными» – с целью использования заключенных в качестве «разменной монеты» при обмене заложниками,⁷⁰ а также целый ряд других злоупотреблений. Стало быть, как неоднократно настаивали международные правозащитные организации *Human Rights Watch* и «Международная Амнистия», американская помощь Израилю открыто противоречит законам США (так же, как и помощь Египту, Турции, Колумбии и другим приоритетным получателям).⁷¹ В ежегодном докладе «Международной Амнистии» об американской военной помощи и правах человека отмечено – уже который раз – что «не бывает такого дня, когда какому-либо мужчине, женщине или ребенку в результате действий государства или вооруженных политических группировок не грозила бы опасность быть изгнанным с насиженных мест, подвергнуться пыткам, стать жертвой убийц или ‘исчезнуть’ – и так по всему миру. Очень часто США несут за это свою долю вины». Такая практика «делает посмешищем принятые конгрессом законы, увязывающие предоставление американской военной помощи с соблюдением соответствующей страной прав человека».⁷²

Подобные разногласия не вызывают в обществе ни интереса, ни какой-либо реакции – ведь действует «всеобщая негласная договоренность», что законы надо соблюдать только тогда, когда это диктуется интересами власти.

США также регулярно прибегают к санкциям, якобы с целью наказать нарушителей прав человека, а также по соображениям «национальной безопасности». Из 116 случаев введения санкций после Второй мировой войны, 80 процентов были инициированы Соединенными Штатами. Эти шаги часто подвергались осуждению международным сообществом, особенно – введенные после 1961 года санкции против Кубы, которые безусловно являются самыми жестокими.⁷³ Программы содействия правам человека, осуществлявшиеся общественными организациями и конгрессом с начала 1970-х годов, также иногда содержали призывы к санкциям против тех, кто грубо нарушает эти права; главным их объектом за пределами советской сферы влияния была Южная Африка. Кампания давления, которая приобрела всемирный размах, имела определенный эффект. В 1976 году Генеральная Ассамблея призвала МВФ «незамедлительно воздержаться от предоставления кредитов Южной Африке». Однако уже на следующий день по инициативе США и Великобритании МВФ предоставил ЮАР помощь в большем объеме, чем всей остальной Черной Африке

– фактически больше, чем любой стране мира, за исключением Великобритании и Мексики. После прихода к власти администрация Картера пыталась (безуспешно) блокировать усилия конгресса, имевшие целью обусловить предоставление ЮАР займов МВФ соблюдением в стране прав человека (утверждая, что выступает против «внеэкономических факторов», которые она сама, однако, использовала как обманный предлог, чтобы отказать в займах Вьетнаму).⁷⁴ После длительных проволочек и уверток санкции были наконец применены в 1985, а также (вопреки вето Рейгана) в 1986 году, но администрации удалось «оставить в них такие откровенные лазейки», что они позволили США увеличить экспорт с 1985 по 1988 годы на 40 процентов, тогда как американский импорт в 1988 году после первоначального спада возрос на 14 процентов. «Основным экономическим эффектом от санкций оказалось снижение инвестиционного капитала и уменьшение количества работающих в ЮАР иностранных фирм».⁷⁵

Драматической иллюстрацией той роли, которую играют санкции, является Индонезия, выступавшая глашатаем тех, кого называют «грязной дюжиной». После провала в 1958 году широкомасштабной операции ЦРУ по раздуванию восстания против правительства Сукарно США перешли к другим методам его свержения. Вся помощь, за исключением поставок вооружения и подготовки военных кадров, была прекращена. Это стандартный порядок действий для провоцирования военного переворота, который и произошел в 1965 году. В то время как новый режим Сухарто за несколько месяцев уничтожил, по некоторым подсчетам, до полумиллиона человек (в основном безземельных крестьян), США оказывали ему поддержку во все возрастающих размерах. Ни слова осуждения не раздалось с трибуны конгресса, ни от одной из ведущих американских гуманитарных организаций не поступило хоть какой-нибудь помощи жертвам. Напротив, массовые убийства (которые ЦРУ сравнило с деяниями Сталина, Гитлера и Мао) вызвали нескрываемую – и весьма симптоматичную – эйфорию. Ныне эти события полностью преданы забвению.⁷⁶ Всемирный банк быстро сделал Индонезию своим третьим по объему займов клиентом. США, другие западные правительства и корпорации решили не отставать.

О том, чтобы ввести против Индонезии санкции, никто не мог и помыслить: ни тогда, когда ее новое правительство зарекомендовало себя едва ли не самым злостным в мире нарушителем прав человека, ни во время его кровавой агрессии в Восточном Тиморе. После резни в Дили в 1991 году конгресс все же ввел запрет на обучение в США

индонезийских военных. Последующее развитие событий развивалось по знакомому сценарию. Деликатно вспомнив о годовщине индонезийского вторжения, клинтоновский Госдепартамент заявил, что «решение конгресса не запрещало подготовку военных кадров для Индонезии, если она оплачивает ее из собственных фондов»; стало быть, несмотря на запрет, эта подготовка может продолжаться и дальше, только Вашингтон, возможно, будет платить за нее из какого-нибудь другого кармана. Это заявление едва удостоилось упоминания в прессе.⁷⁷ Под обычным «покровом секретности» конгресс (комитет по асигнованиям палаты представителей) выразил свое «негодование», снова повторив, что «и ранее, и теперь конгресс полон решимости запретить подготовку военных кадров для Индонезии в США»: «мы не хотим, чтобы работники американских правительственных учреждений обучали индонезийцев» – настойчиво повторял сотрудник аппарата конгресса. Но результатов такие заявления не принесли.⁷⁸ Вместо того чтобы вводить санкции или даже просто ограничить военную помощь, США, Великобритания и другие державы стремились обогатиться через соучастие в творимых Индонезией преступлениях.

Индонезийский террор и агрессия беспрепятственно продолжают-ся. Им сопутствуют жестокие репрессии против рабочего движения внутри страны, где зарплата рабочих вдвое ниже, чем в Китае. При поддержке демократов в сенате Клинтону удалось не допустить увязки помощи, оказываемой Индонезии с соблюдением прав трудящихся и другими гуманитарными вопросами. Объявляя о том, что США приостанавливают наблюдение за состоянием дел в области трудовых отношений в Индонезии, торговый представитель Мики Кантор похвалил эту страну за «приведение ее трудового законодательства и трудовой практики в большее соответствие с международными стандартами». Подобные шутки – показатель особенно дурного вкуса.⁷⁹

Столь же поучительна и история санкций против Гаити, введенных после военного переворота в сентябре 1991 года, в результате которого первое демократически избранное правительство этой страны после семи месяцев пребывания у власти было свергнуто. США с тревогой отреагировали на избрание Аристида президентом, ведь они были уверены в победе своего кандидата – чиновника Всемирного банка Марка Базена, набравшего всего 14 процентов голосов. Реакция Вашингтона выразилась в переключении программ помощи на противников Аристида, а также в том (как уже отмечалось), что он впервые стал удовлетворять просьбы о предоставлении убежища. Однако после того как военная хунта развязала волну террора, уничтожив тыся-

чи человек, он вернулся к нормальной для себя политике – игнорированию Статьи 14 Всеобщей декларации. Организация Американских Государств (ОАГ) ввела эмбарго, которое администрация Буша сразу же начала подрывать своими действиями. Она освободила от него ряд американских фирм, что, как объясняла пресса, было «тонкой настройкой» санкций, «последней попыткой» найти «более эффективные способы ускорить падение того, что администрация называет незаконным правительством Гаити».⁸⁰ В 1992 году торговля США с Гаити оставалась на высоком уровне, а при Клинтоне возросла почти на половину – после того, как он еще больше активизировал действия в нарушение эмбарго. Они заключались среди прочего в проведении закупок американским правительством, которое сохраняло тесные связи с истязателями и убийцами, захватившими власть. Насколько тесны эти отношения, неизвестно, поскольку, как утверждает правозащитная организация *Human Rights Watch*, администрация Клинтона отказалась вернуть Гаити 160 тысяч страниц документов, захваченных американскими экспедиционными силами – «чтобы никого не смущать откровениями» об участии правительства США в поддержке террористического режима.⁸¹ Президенту Аристиду было позволено вернуться после того как общественные организации, приведшие его к власти, три года подвергались террору, и после его обязательства следовать крайне неолиберальной программе проигравшего выборы ставленника Вашингтона.

Официальные лица министерства юстиции США откровенно дали понять, что администрации Буша и Клинтона фактически сделали санкции бессмысленными, разрешив незаконные поставки нефти военной хунте и ее богатым покровителям, информировав компанию *Техасо Oil Company*, что она не подвергнется наказаниям за нарушение президентской директивы от октября 1991 года, запрещавшей такие поставки. Информации об этом, которая была опубликована за день до того, как американские войска высадились в 1994 году на Гаити ради «восстановления демократии», еще предстоит найти путь к широкой общественности; у нее мало шансов попасть в анналы истории.⁸² Это лишь малая толика инструментов, применяемых для того, чтобы народные движения, принесшие демократию на Гаити, имели при любом будущем «демократическом» устройстве как можно меньшее право голоса. Администрация Клинтона рекламирует происходящее как грандиозное мероприятие по «восстановлению демократии», самый выдающийся пример доктрины Клинтона.⁸³ Это одобряют все за исключением тех, кто считает, что мы пожертвовали слиш-

ком многим ради «блага человечества». Людей, у которых не выработался иммунитет против «неудобных фактов», это удивлять не должно.

О реальной значимости санкций откровенно поведала газета *Wall Street Journal*, когда сообщала о призывах к введению мер экономического воздействия в отношении Нигерии. «Большинство согласно, что санкции против Нигерии не сработают», – гласил заголовок. – «В отличие от Южной Африки эмбарго может ударить по Западу».⁸⁴ Короче говоря, забота о правах человека является своего рода орудием. Когда обслуживаются чьи-то интересы, эти права важны, и даже о великих идеалах можно поговорить; в противном случае господствует прагматический подход. И это никого не должно удивлять. Государства не являются носителями морали; таковыми выступают только люди, и люди могут заставлять властные институты следовать определенным моральным стандартам. Если они этого не делают, то красивые слова обречены выполнять роль орудия.

К тому же орудие это может нести смерть. Экономическая война США против Кубы, которая ведется в течение 40 лет, является яркой тому иллюстрацией. Одностороннее эмбарго, введенное США против Кубы в 1961 году, самое длительное в истории, также уникально тем, что оно запретило поставки продовольствия и медикаментов. Когда с развалом СССР отпали традиционные военно-политические аргументы, а помощь от советского блока поступать перестала, США ответили на это еще большим ужесточением эмбарго, теперь уже под новым предлогом, который заставил бы содрогнуться даже Оруэлла: то был принятый в 1992 году «Закон о демократии на Кубе», инициированный либеральными демократами и решительно поддержанный президентом Клинтоном, который в то же самое время пытался свести на нет санкции против массовых убийц на Гаити. Продолжавшееся в течение года расследование Американской ассоциации «Здоровье мира» выявило, что эскалация экономической войны США обернулась «масштабной человеческой трагедией», вызвав «серьезную нехватку продуктов питания» и «ужасающую вспышку нервных заболеваний, исчисляемых десятками тысяч». Она также привела к резкому сокращению количества лекарств, поставок медицинских товаров и медицинской информации, заставив детей переживать «мучительные страдания» из-за недостатка медикаментов. Наряду с прочим эмбарго свело на нет достигнутый Кубой прогресс в обеспечении населения водой и подорвало ее развитую биотехнологическую промышленность. Последствия этого намного усугубились после введения в действие

«Закона о демократии на Кубе», который в течение года урезал на 90 процентов лицензированные поставки, пожертвования в виде продовольственной и медицинской помощи. «Гуманитарную катастрофу удалось предотвратить только благодаря тому, что кубинское правительство сумело сохранить» систему здравоохранения, которая «неизменно считается образцовой для стран третьего мира».⁸⁵

Ничто из этого не считается поправлением прав человека; более того, общественность уверена, что цель санкций как раз заключается в том, чтобы покончить с нарушениями человеческих прав на Кубе.

Эмбарго неоднократно осуждалось ООН. Межамериканская комиссия по правам человека при ОАГ осудила введенные США ограничения на поставки продовольствия и лекарств на Кубу как нарушение международного права. Дальнейшее расширение эмбарго (Закон Хелмса-Бэртона, официально именующийся Законом о защите свободы на Кубе и демократической солидарности с народом Кубы) было единодушно осуждено ОАГ. В августе 1996 года ее судебная палата единогласно решила, что этот закон нарушает международное право.

Администрация Клинтона отреагировала на это утверждениями, что поставки медикаментов формально не запрещены; но обставлены они такими обременительными и угрожающими условиями, что даже крупнейшие корпорации не хотят сталкиваться с возможными неприятностями (а это огромные финансовые штрафы и тюремное заключение за нарушение определяемых Вашингтоном принципов «сообразного распределения»; запрет на предоставление морских судов и самолетов, инспирирование кампаний в СМИ и т. д.). И хотя поставки продовольствия действительно запрещены, администрация утверждает, что есть другие «поставщики, готовые продавать товары в больших количествах» (и по гораздо более высоким ценам) – стало быть прямое нарушение международного права уже и не является нарушением. Поставки товаров на Кубу «повредили бы американским внешнеполитическим интересам», – заявляла администрация. Когда Европейский Союз подал жалобу во Всемирную торговую организацию, что Закон Хелмса-Бэртона с его далеко идущими санкциями против третьих стран нарушает существующие торговые соглашения, администрация Клинтона отвергла юрисдикцию ВТО, так же, как это делали ее предшественники, когда Международный суд обратился к рассмотрению жалобы Никарагуа на поддерживаемый США международный терроризм и незаконную экономическую войну (Суд эту жалобу неуместным образом поддержал). Побив все рекорды цинизма, Клинтон осудил Кубу за неблагодарность, которую она проявила «в

ответ на Закон о демократии на Кубе» – ведь этот закон мыслился как еще один доброжелательный жест для улучшения американско-кубинских отношений.⁸⁶

Официальная позиция администрации Клинтона заключается в том, что Куба представляет угрозу национальной безопасности США, поэтому ВТО – неподходящий форум: «двухпартийная политика с начала 1960-х годов базируется на том, что в 90 милях от наших границ находится враждебный и недружественный режим. Любые действия по усилению этого режима не только укрепят его враждебность к нам, но и подтолкнут к тому, чтобы большую часть времени тратить на дестабилизацию других крупных регионов Латинской Америки».⁸⁷ Эта точка зрения была раскритикована историком Артуром Шлезингером, как компетентным «человеком, участвовавшим в разработке политики администрации Кеннеди по отношению к Кубе». Администрация Клинтона, утверждает он, неправильно понимает причины санкций. Озабоченность правительства Кеннеди была вызвана тем, что Куба «сеет смуту в Западном полушарии», а также тем, что здесь ощущалась «рука Советов», но теперь все это позади, и поэтому соответствующая политика стала анахронизмом.⁸⁸

По секрету Шлезингер некогда объяснял значение фразы о «смуте в Западном полушарии» именно в клинтоновском понимании (как попытку «дестабилизировать» Латинскую Америку). Докладывая в начале 1961 года только что вступившему в должность президенту Кеннеди о результатах латиноамериканской миссии, он утверждал, что угроза, исходящая от Кубы, заключается в «распространении идеи Кастро о том, что народы должны взять дела в свои руки». Это серьезная проблема, добавлял он впоследствии, ведь по всей Латинской Америке «имущие классы имеют огромные привилегии при распределении земли и других форм национального богатства», а «теперь бедные и лишенные привилегий люди, вдохновляемые примером кубинской революции, начинают требовать для себя возможностей достойной жизни». Шлезингер также объяснил, какую опасность представляет «рука Советов»: «Тем временем на нами нависает Советский Союз, заманчиво обещая большие займы на развитие и рекламируя себя как образец проведения модернизации экономики за одно поколение».⁸⁹

США официально признают, что «умышленное воспрепятствование поставкам продовольствия и медикаментов» гражданскому населению представляет собой «нарушение международного гуманитарного права» и подтверждают, что те, кто совершают или санкциони-

руют совершение подобных актов, будут нести индивидуальную ответственность».⁹⁰ Здесь имеется в виду Босния и Герцеговина. Президент Соединенных Штатов прямо несет «индивидуальную ответственность» именно за такие «нарушения международного гуманитарного права». Или нес бы, если бы не «всеобщая негласная договоренность» об избирательном соблюдении тех или иных норм. Она настолько неукоснительно соблюдается западными релятивистами, что самые элементарные факты фактически невозможно выявить.

В отличие от описанных выше злодеяний, регулярная словесная эквилибристика администрации по поводу прав человека в Китае — это та тема, по которой действительно можно подискутировать. Стоит, однако, заметить, что многие критически важные вопросы едва даже затрагиваются: например, такая острейшая проблема, как ужасающие условия труда рабочих. Сотни людей, в основном женщин, погибают при пожарах, будучи запертыми внутри своих фабрик. Только в 1995 году, по официальным данным китайского правительства, 18 тыс. человек погибло от несчастных случаев на производстве; есть и множество других грубых нарушений международных конвенций.⁹¹ Практика трудовых отношений в Китае подвергалась осуждению, но в узком смысле: речь шла об использовании труда заключенных при производстве товаров, экспортируемых в США. На пике американо-китайской конфронтации по поводу прав человека газетные передовицы сообщали, что правозащитные выступления Вашингтона возымели определенный успех: Китай «согласился с требованием разрешить большому количеству американских таможенных инспекторов посещать китайские тюремные предприятия, чтобы они могли убедиться, что там не производятся товары для экспорта в Соединенные Штаты». Также были приняты американские требования к «либерализации» и принятию законов, являющихся «критически важными составляющими рыночной экономики», т. е. все те шаги, которые необходимы для того, чтобы тебя включили в «добродетельный круг».⁹²

Условия «свободного труда» в данном контексте не затрагиваются. Они, однако, порождают другие проблемы: «китайские официальные лица и аналитики» утверждают, что двукратное увеличение в 1992 году количества смертей из-за несчастных случаев на производстве и «ужасающие условия труда», «вкуче с большой продолжительностью рабочего дня и даже применением физического насилия к работникам, возбуждают беспрецедентное недовольство рабочих, занятых на совместных предприятиях с участием иностранного капитала, число которых в Китае растет бурными темпами». Эта «напряженность вы-

являет огромный разрыв между, с одной стороны, конкурирующими иностранными капиталистами, привлекаемыми дешевой китайской рабочей силой, а с другой стороны, рабочими, привыкшими к гарантированной занятости и к системе пожизненного социального обеспечения, которые свойственны социализму». Рабочие до сих пор не понимают, что поскольку они вступают в свободный мир, «их будут наказывать за производство низкокачественной продукции, увольнять, если они во время своего длинного рабочего дня посмеют задремать на рабочем месте» или совершат какой-нибудь подобный проступок. Их будут запирают на фабрике, где они могут сгореть во время пожара. Но Запад, несомненно, все это понимает, однако не будет призывать Китай к ответу за нарушение прав рабочих; отвечать придется только за экспорт в США товаров, произведенных заключенными.

Почему проводится такое разграничение – объяснить нетрудно. Тюремные предприятия находятся в государственной собственности, и экспорт их продукции в США негативно влияет на прибыли капиталистов. Но этим прибылям не мешают ни избиения, ни убийства рабочих, ни другие приемы, которые позволяют улучшить балансовые показатели. Действующие принципы становятся ясными, если принять во внимание факт, что буква закона позволяет Соединенным Штатам экспортировать тюремную продукцию. В то время как Китай подчинился правилам, регулирующим ввоз в США товаров, произведенных в местах заключения, Калифорния и Орегон экспортировали в Азию одежду, произведенную на тюремных предприятиях, включая особый ассортимент джинсов, рубашек и партию шортов под чудным названием «одежда синяя тюремная». Заключенные зарабатывают гораздо меньше принятого минимального уровня и работают, как утверждают активисты движения за права заключенных, в условиях «рабского труда». Однако производство, которым они заняты, не затрагивает права тех, с кем положено считаться (фактически, как огмечалось, даже расширяет эти права во многих аспектах). Поэтому всякие возражения будут неуместны.⁹³

Будучи самым могущественным государством, США устанавливают свои собственные законы, используя силу и развязывая экономические войны, когда им то заблагорассудится. Они также угрожают санкциями тем странам, которые не подчиняются идеям «свободной торговли» в их удобной для США гибкой трактовке. Вашингтон очень эффективно (и с одобрения ГАТТ) пускал в действие эти угрозы с целью заставить открыть азиатские рынки для американского табач-

ного экспорта и его рекламы, нацеленной прежде всего на растущие группы потребителей среди женщин и детей. Министерство сельского хозяйства США предусмотрело субсидии для табачных фирм, чтобы они пропагандировали курение в других странах. Азиатские страны пытались провести антитабачную просветительскую кампанию среди населения, однако чудеса рынка, подкрепленные угрозами введения санкций от американской государственной машины, оказались все равно сильнее. Компания Philip Morris, чей бюджет на нужды рекламы и маркетинга в 1992 году составил почти 9 млрд. долл., стала крупнейшим рекламодателем в Китае. Результатом рейгановских угроз применить санкции стала активизация рекламной деятельности и более активная пропаганда курения, особенно сигарет американских марок (наиболее резко она усилилась в Японии, Тайване и Южной Корее), равно как и увеличение числа потребителей этих опасных для жизни веществ. Например, в Южной Корее рост количества курильщиков ускорился более чем в три раза, после того как в 1988 году ее вынудили открыть рынок для смертельно опасных наркотических веществ, производимых в США. Администрация Буша в 1989 году распространила угрозу санкций на Таиланд – причем именно в тот момент, когда она громогласно объявила «войну наркотикам»; средства массовой информации оказались достаточно великодушными, чтобы не заметить это совпадение, проигнорировав даже гневные заявления весьма консервативного в своих взглядах главного врача государственной службы здравоохранения США Эверетта Купа. По оценке эпидемиолога из Оксфордского университета Ричарда Пето, из тех юных китайцев, которым сегодня нет еще двадцати, 50 миллионов умрут от болезней, связанных с курением – впечатляющее достижение даже по меркам XX века.⁹⁴

В то время как государственная машина в интересах агробизнеса энергично поощряет употребление вредных веществ, в других случаях она предпринимает весьма избирательные меры. В рамках своей «войны против наркотиков» США сыграли активную роль в организации тех массовых убийств, которые были совершены силами безопасности и их подручными из полувоенных организаций в Колумбии, являющейся самым злостным нарушителем прав человека в Латинской Америке и одновременно главным получателем американской помощи и услуг в подготовке кадров. Эта помощь еще больше возросла при Клинтоне, что вполне согласуется с описанной выше традиционной практикой. Война против наркотиков – это «миф», заявляет «Международная Амнистия», в чем с ней согласны и другие иссле-

дователи этого вопроса. В стране, где протестные выступления сильно криминализованы, силы безопасности действуют в тесном контакте с контрабандистами наркотиков и наркобаронами, выбирая себе в жертвы обычных людей, в том числе лидеров местного самоуправления, правозащитников и работников здравоохранения, профсоюзных активистов, студентов и деятелей политической оппозиции, но в первую очередь крестьян. Международная Амнистия сообщает, что «почти все колумбийские военные подразделения, которых она считает виновными в убийствах мирных людей два года назад, совершали эти преступления с помощью оружия, поставленного США». И они продолжают получать это оружие, равно как и проходить в США военную подготовку.⁹⁵

Другие международные договоры

Всеобщая декларация прав человека призывает все государства способствовать распространению провозглашенных прав и свобод, «обеспечивать их всеобщее и эффективное признание и соблюдение» различными путями, включая ратификацию договоров и принятие законов во исполнение этих договоров. Есть целый ряд таких международных пактов, имеющих во многом столь же высокий статус, как Всеобщая декларация. Конвенция о правах ребенка, принятая ООН в декабре 1989 года, была ратифицирована всеми странами, кроме США и Сомали (у которой вообще нет правительства). После долгих проволочек США присоединились к Международному пакту о гражданских и политических правах (МПГПП) – «ведущему договору о защите» той категории прав, которую Запад, по его утверждению, особенно поддерживает, отмечают Human Rights Watch (HRW) и Американский союз гражданских свобод (ACLU) в своем докладе, посвященном продолжающемуся несоблюдению Соединенными Штатами положений этого пакта. Администрация Буша сделала все, чтобы договор был неработоспособным, во-первых, с помощью «ряда оговорок, заявлений и взаимных договоренностей» о том, чтобы убрать те положения, которые ведут к расширению прав; а во-вторых, декларативно заявляя о том, что США полностью соблюдают остальные положения. Этот договор не является «документом, предполагающим автоматическое исполнение», и не сопровождается принятием соответствующего внутреннего законодательства, поэтому в американских

судах к нему нельзя апеллировать. Его ратификация – «ничего не значащее действие для американцев» – заключает доклад.⁹⁶

Сделанные исключения приобретают решающий смысл, поскольку США, говорится далее в докладе, нарушают договор «во многих существенных аспектах».⁹⁷ Взять хотя бы один пример: США сделали специальную оговорку относительно Статьи 7 МПГПП, которая гласит, что «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращению или наказанию». Причина оговорки заключается в том, что условия в американских тюрьмах, по всеобщему признанию, нарушают эти положения. Так же грубо нарушают США и отвергаемую ими Статью 10 о гуманном обращении с заключенными и об их праве на «исправление и социальное перевоспитание». Другая оговорка касается смертной казни, которая не только применяется в США слишком свободно и сверх всякой нормы, но и имеет «дискриминационный в расовом отношении характер» – говорится в заключение упомянутого выше доклада HRW/ACLU. Эту точку зрения разделяют и другие исследования. Более того, «в США несовершеннолетних правонарушителей, ожидающих смертной казни, больше, чем в любой другой стране мира», отмечается в докладе Human Rights Watch.⁹⁸ Проведенное ООН исследование состояния прав человека выявило, что США в нарушение Пакта применяют смертную казнь к малолетним (к тем, кто совершил преступление до наступления возраста 18 лет); подобную практику разделяют с ними Иран, Пакистан, Саудовская Аравия и Йемен. Этот вид наказания стал редкостью в индустриальных демократических странах, он все меньше используется в мире, но при этом в США данная практика применяется все чаще, даже по отношению к несовершеннолетним, умственно неполноценным людям и женщинам, отмечается в отчете ООН.⁹⁹

США подписали Конвенцию ООН по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, но сенат внес в нее ограничивающие поправки – отчасти для того, чтобы взять под защиту вердикт Верховного суда, разрешающий телесные наказания в школах.¹⁰⁰

Human Rights Watch также считает «несоразмерной» и «чрезмерно жесткой» практику назначения наказаний, рассматривая ее как нарушение Статьи 5 Всеобщей декларации, которая запрещает «жестокое, бесчеловечное и унижающее обращение или наказание». Особо обращается внимание на законы, которые трактуют «хранение унции кокаина или «уличную продажу» наркотика на сумму 20 долл. как

более опасное и серьезное преступление, чем изнасилование 10-летнего ребенка, поджог дома, в котором находятся люди или преднамеренное нанесение увечья другому человеку, повлекшее за собой его смерть» (цитата из выступления федерального судьи). С начала осуществления рейгановского «неолиберализма» число заключенных в тюрьмах, которое весь послевоенный период было относительно стабильным, достигло невиданных высот. За период правления Рейгана оно возросло почти в три раза и с тех пор резко увеличивается, в результате чего США по этому показателю давно оставили позади другие индустриальные страны. 84 процента прироста числа преступников приходится на ненасильственные правонарушения, в основном связанные с наркотиками (включая их хранение). В 1980 году правонарушители, обвиненные в преступлениях, связанных с наркотиками, составляли 22 процента заключенных федеральных тюрем, в 1990 – 42 процента, а в 1992 уже 58 процентов. США явно лидируют в мире по доле тюремного населения (возможно, разделяя это лидерство с Россией или Китаем, о которых нет достоверных данных). К концу 1996 года число заключенных в тюрьмах достигло рекордного показателя 1,2 млн., что на 5 процентов больше по сравнению с предыдущим годом. Заполненность федеральных тюрем превышает норму на 25 процентов; почти такое же положение в тюрьмах штатов. Между тем уровень преступности в этот период продолжал снижаться.¹⁰¹

К 1998 году примерно 1,7 млн. заключенных находилось в федеральных, штатных или местных тюрьмах. Средний срок заключения по приговорам за убийства и другие насильственные преступления заметно снизился, зато сроки за правонарушения, относящиеся к наркотикам, взлетели просто на астрономическую высоту, что затрагивало в первую очередь афроамериканцев. Это дало двум криминологам основание говорить о возникновении «нового американского *апартеида*».¹⁰²

Хотя уровень преступности в США и остается высоким, он все же не выделяется на общем фоне индустриальных стран, если не считать убийств из огнестрельного оружия, что отражает общий характер американской культуры обращения с оружием. Страх перед преступностью, однако, очень высок, и он все усиливается, являясь большей частью «порождением ряда факторов, которые если и имели отношение к самой преступности, то очень незначительное», делает вывод Национальная комиссия по уголовному судопроизводству (равно как и ряд других исследований). Эти факторы включают пропаганду, которую ведут СМИ, а также «роль правительства и частнопредприни-

матерельских структур в нагнетании обывательских страхов». Удар направлен по вполне конкретному адресу: скажем, по потребителям наркотиков в гетто, но не по преступникам в высоких кабинетах, хотя, по оценке министерства юстиции, денежный ущерб от корпоративных преступлений от 7 до 25 раз выше, чем ущерб от уличной преступности. Несчастных случаев со смертельным исходом на производстве в 6 раз больше, чем умышленных убийств, да и загрязнение окружающей среды отнимает намного больше жизней, чем убийства.¹⁰³

Экспертные исследования регулярно приходят к выводу, что «между уровнем преступности и количеством людей, находящихся в заключении, нет прямого соотношения» (заключение Комиссии Совета Европы). Далее многие криминологи указывают, что хотя «контроль за преступностью» имеет мало отношения к уровню преступности, он в значительной степени касается контроля за «классами, представляющими опасность»; сегодня это те, кто отброшен на обочину в результате проведения в жизнь социально-экономической модели, направленной на то, чтобы жесткая двухъярусная структура, свойственная обществам в странах третьего мира, приобрела глобальный характер. Как было сразу же замечено, последняя «война против наркотиков» была направлена в основном против чернокожих мужчин – для демонстрации этого достаточно было опубликовать данные о выявленных тенденциях в употреблении наркотических веществ. Пойдя на такие меры, отмечал сенатор Дэниэл Патрик Мойнихэн, «мы делаем выбор в пользу того, чтобы сконцентрировать всю огромную проблему преступности в среде меньшинств». «Военные стратеги точно знали, что делали», – комментирует криминолог Майкл Тонри. Он подробно останавливается на имеющихся деталях, включая расистские приемы, которые пронизывают всю систему правосудия – от ареста до вынесения приговора – и которые частично (но не целиком) можно объяснить тесной взаимосвязью между расовой и классовой принадлежностью.¹⁰⁴

Широко признано, что «война с наркотиками» оказывает незначительное воздействие на масштабы их употребления или на их уличную цену. Она куда менее эффективна, чем образовательные или медицинские программы. Но из этого вовсе не следует, что она настолько уж беспочвенна. Ее можно считать разновидностью «социальных чисток» – операций по устранению или уничтожению «ненужных людей», проводимых государственными террористическими формированиями в Колумбии и в других государствах, где властвует террор. Она также служит средством запугивания остального населения – ведь это

стандартный прием для того, чтобы держать народ в послушании. Подобная политика имеет прямой смысл, если она является частью программы, которая радикальным образом концентрирует богатство на одном полюсе, в то время как для большинства населения условия жизни и доходы либо удерживаются на том же уровне, либо просто падают. Соответственно, конгресс действует вполне естественно, когда требует, чтобы впредь в судебной практике и политике любые попытки принять во внимание такие факторы, как бедность, лишения или социальные взаимоотношения, отвергались как «неуместные». Эти требования в точности противоположны той политике, которую проводят в борьбе с преступностью европейцы, отмечает криминолог Нильс Кристи, однако выдвигаются они вполне осознанно, если допустить, что «под прикрытием риторики о равенстве» конгресс «настроится на использование криминальной юстиции как мощного инструмента контроля над обществом» (цитата из высказывания бывшего председателя Федерального апелляционного суда Бейзелона).¹⁰⁵

Огромные масштабы распространения этой «индустрии контроля над преступностью» привлекли внимание финансистов и промышленников, которые приветствуют ее как еще одну форму государственного вмешательства в экономику, как стимул кейнсианского характера. С такими стимулами можно, по некоторым оценкам, скоро добраться и до таких высот, как Пентагон со всей его системой. «Бизнес считает прибыли», сообщает *Wall Street Journal*, включая в свой список фаворитов строительную отрасль, адвокатские фирмы, процветающую индустрию частных тюрем, а также «самые громкие имена в финансовом мире» (Goldman Sachs, Prudential и др.), «конкурирующие друг с другом за право финансировать строительство тюрем путем выпуска частных, не облагаемых налогами облигаций». А в очереди уже стоит и «оборонный истэблизм .., почувавший новые направления в бизнесе», например, в создании высокотехнологичных систем наблюдения и управления, которым позавидовал бы сам Большой Брат. Подобная индустрия, как уже отмечалось, открывает дополнительные возможности для использования корпорациями тюремного труда.¹⁰⁶

Другие международные конвенции, представленные в конгресс, также были снабжены ограничительными поправками – как документы, «не предполагающие автоматического исполнения». Это означает, что они имеют в основном символический смысл. Тот факт, что эти конвенции, даже будучи ратифицированными, объявляются не обязательными для американской судебной практики, вызвал «серьезную озабоченность» Комиссии ООН по правам человека, равно как и пра-

возащитных организаций. Комиссия также выразила обеспокоенность тем, что «бедность и недоступность образования отрицательно сказываются на людях, принадлежащих к соответствующим группам населения, лишают их возможности пользоваться правами в соответствии с [МПГПП] на основе принципа равенства». Это касается даже того подраздела Всеобщей декларации, о котором США клятвенно заботятся. И справедливо отдавая должное США за их верность свободе слова, Комиссия в то же время поставила под сомнение заявляемый Вашингтоном принцип, что «деньги – это форма самовыражения» – такого принципа и придерживались суды в последние годы, что обрачивалось самыми разнообразными последствиями для избирательной системы.¹⁰⁷

США являются мировым лидером в защите свободы слова, возможно, единственным в своем роде, начиная с 1960-х годов.¹⁰⁸ Что касается гражданских и политических прав, то эти показатели внутри страны выглядят сравнительно неплохо, хотя, если оценивать вещи серьезно, нужно принимать во внимание условия, необходимые для того, чтобы каждый мог пользоваться этими правами, а также «стремительное размывание элементарных процессуальных основ для соблюдения прав человека и механизмов защиты этих прав в Соединенных Штатах». К тому же «власти в США как на федеральном уровне, так и на уровне штатов поставили под удар права уязвимых групп населения, что сделало прошедший [1996] год годом, когда состояние прав человека стало вызывать обеспокоенность»; президент же не только не смог «защитить те права, которые оказались под ударом», но порой и сам «задавал тон в ликвидации тех механизмов, которые обеспечивают защиту этих прав».¹⁰⁹ Социально-экономические положения Всеобщей декларации прав человека и других конвенций действительны лишь в той мере, в какой многолетняя борьба народа придает им реальное содержание. Если брать более ранний период, то послужной список США на их собственной территории представляет собой постыдную картину, а за рубежом – вообще форменный скандал. Обвинения в «релятивизме», адресованные другим, хотя и абсолютно верны, но тем не менее отдают лицемерием.

При этом окружающая людей реальность по большей части «остается неведомой, так что нет ни малейшей нужды налагать на нее какие-то официальные запреты».

Наследие войны

Сакрализация войны

Восемь столетий назад один испанский паломник на своем пути в Мекку заметил, что «пока войны заняты своими битвами, люди отдыхают»; они продолжают обычный образ жизни, в то время как военная каста блюдет свои многовековые ритуалы – калечить и убивать. Происхождение этих ритуалов не вполне ясно. Некоторые антропологи утверждают, что они восходят к временам зарождения сельского хозяйства, когда упадок охотничьего промысла заставил людей искать какой-то новый общественный статус с соответствующими новыми символами и средствами, необходимыми для того, чтобы «сохранить былую славу и чувство товарищества, которые когда-то сопутствовали охотничьим экспедициям». Ограничения, которыми была связана военная элита (по крайней мере в Европе) и которые описывает испанский паломник, можно отнести к тому, что иногда называют «сакрализацией войны», т. е. слиянию милитаризма с Церковью. В церковных хрониках примерно того же периода описываются попытки самой Церкви выторговать какой-то особый статус для себя и в общем для невоенного сословия. Один из эдиктов, относящийся к 1045 году, объявляет, что «не должны подвергаться нападениям священнослужители, монахи, монахини, женщины, паломники, купцы, крестьяне, посетители муниципальных учреждений, церкви и окружающие их земельные участки, кладбища, монастыри, земельные владения духовенства, пастухи с их стадами, скот, сельскохозяйственные повозки на полях и оливковые деревья».

Насколько точно этот эдикт церковного собора Нарбона соблюдался за пределами церковных владений, можно узнать из арабских источников, относящихся к «франкским завоеваниям», которые на Западе именуются Крестовыми походами. Люди, бежавшие в Багдад после завоевания Иерусалима в 1099 году, т. е. спустя полвека, рассказывали, как захватчики грабили и разрушали все города и поселения на своем пути, убивали крестьян и горожан; придя в Святой Град – цитирую по хроникальным свидетельствам современников – «белокурые воины, вооруженные до зубов, хлынули с мечами в руках на

улицы, вырезая мужчин, женщин и детей, грабя дома, опустошая мечети и не оставляя в живых внутри городских стен ни одного мусульманина». Когда спустя несколько дней резня прекратилась, тысячи людей лежали в лужах крови у порога своих домов или рядом с мечетями. Была в Иерусалиме и еврейская община – ее участь оказалась такой же. В конце концов ее члены нашли убежище в главной синагоге, которую франкские завоеватели сожгли дотла; те же, кому удалось бежать, были выслежены и убиты, остальные сожжены заживо. Так, в потоках крови, стекавших вниз по улицам, закончился Первый крестовый поход; а рыцари тем временем, «плача от переполнявшей их радости» (по их же словам), прибыли к Храму Гроба Господня и «воздели в молитве обгаренные кровью руки» – цитирую западных современников, описывавших историю тех событий. Франкские летописцы тогда не скрывали этих фактов. Они описывали, как воины Церкви «бросали взрослых язычников в котел с кипящей водой», «нанизывали детей на вертел и пожирали их зажаренными». Автор одной из франкских хроник чувствовал, что крестоносцы несколько переборщили. «Наша рать не только не стеснялась поедать мертвых турок и сарацинов, она ела даже собак». Должен же быть какой-то предел, в самом деле.

Впоследствии Ричард Львиное Сердце перенял эту практику. Он связывал друг с другом пленников, представлявших обузу, (а это захваченные солдаты вместе с женами и детьми) и отдавал их на растерзание воинам Креста, которые «яростно набрасывались на них с саблями, пиками и камнями, до тех пор пока вопли несчастных не затихали». Так описывает события арабский летописец. Зверства достигли своего пика с завоеванием Константинополя в 1204 году, которое сопровождалось страшной резней, грабежами, убийствами и разрушением многого того, что осталось от греческой и византийской цивилизаций. Массовому уничтожению подвергались мирные граждане, священники, монахи и другие. Чуть позже монгольские завоеватели во главе с Чингисханом действовали во многом аналогичным образом и в тех же краях.

Все это для христиан входило в понятие «сакрализации войны» и было частью того, что современные историки называют «духовным преображением воинов-мирян», попыткой придать духовный аспект зверствам и жестокостям в то рыцарское время. Прочитируем современного британского историка:

Рыцарь, отправлявшийся в крестовый поход, мог получить то, чего так страстно желала духовная сторона его натуры – спасения своей души и

отпущения грехов. Он мог продолжать свою бойню целый день, пока не оказывался по щиколотки в крови, а потом, с наступлением ночи, плача от радости [как говорили сами рыцари, «плача от переполнявшей их радости»], преклонял колени перед алтарем Гроба Господня, ведь разве не был красный цвет его рук цветом Крови Христа?

«Можно понять, почему Крестовые походы были так популярны», продолжает тот же историк, демонстрируя отнюдь не первую, и конечно, не последнюю попытку придать ореол благородства отвратительным и позорным делам.

Все это, а также многие другие явления, следует иметь в виду, когда сталкиваешься сегодня с эффектной риторикой на тему о грядущем столкновении цивилизаций. Это именно та парадигма наступающей эпохи, на которую устремлены сегодня все взоры. И конечно, то, о чем я упомянул, лишь капля в море.

Давайте вернемся к эдикту нарбонского собора 1045 года. Вспомним перечисленные в нем исключения: не должны подвергаться нападениям священнослужители, монахи, монахини, женщины и т. д. Этот список исключений дает определенные указания на то, каковы цели войны (если рассуждать другими словами – кого в ней нельзя трогать), и на ее последствия. То, что описывал испанский паломник, вне всякого сомнения правда, однако это был все же очень необычный момент. Деяния Рыцарей Креста и Чингисхана представляют много более типичную картину.

Наверное, крайние проявления жестокости – по крайней мере из тех, что зафиксированы в письменных источниках, – встречаются в наиболее ранних исторических записях. Я имею в виду Библию. Полагаю, что во всей канонической литературе нет ничего, что бы прославляло геноцид с такой страстью, убежденностью и энтузиазмом, как заповеди Бога-воина своему избранному народу – например, те, что были вручены царю Саулу пророком Самуилом, который был одним из самых справедливых судей и который наказал Саулу поразить Амалика и не давать пощады ему, предать смерти от мужа до жены, от отрока до грудного младенца, от вола до овцы, от верблюда до осла. И все из-за того, что амаликиты много веков назад противостояли израильтянам, завоевывавшим свою Святую землю. Саул, как вы, вероятно, помните, пощадил одного человека – царя Амаликитского – и кое-какой скот. Самуил, когда узнал об этом, разгневался и разрубил захваченного пленника пред Господом в Галгале. И далее история продолжается в том же духе.

Эти уроки были, конечно, восприняты близко к сердцу франкскими воинами, о чем мы узнаем из их собственных свидетельств. Так же близко их приняли и весьма благочестивые англичане, которые завоевали Америку. Они видели себя наследниками израильтян, найдя свою землю обетованную и избавив страну от «этого несчастного племени коренных американцев, которых мы истребляем столь безжалостно и с таким жестоким вероломством». Именно такими словами Джон Куинси Адамс позже описал эти деяния. Он сделал это через много лет после того, как сам внес в них очень крупный и значительный вклад – фактически тогда, когда они входили в новую фазу, продвигаясь дальше на запад.

Только в самые недавние годы этот первородный грех нашей собственной истории начал наконец признаваться. Это одно из самых позитивных последствий бурных событий 1960-х годов, которые имели значительное и, как я надеюсь, долгосрочное влияние на подъем морального и культурного уровня общества.

Европейские завоевания

История Европы была особенно жестокой, в том числе и завоевание ею большей части мира. Как замечают ведущие военные историки, эти завоевания в основной своей части, с точки зрения европейцев, представляли собой небольшие войны. Т. е. они совершенно не были похожи на те войны, которые европейцы вели между собой. Возьмем в качестве примера американскую революцию. Эта революция была одним из второстепенных событий, если рассматривать ее с точки зрения англичан. В те же самые годы они проводили сравнимую по масштабам кампанию в Индии – Маратхскую войну. Американская революция сама по себе была периферийной зоной глобальных войн, которые велись между ведущими европейскими державами. Революция там увенчалась успехом в основном потому, что в тот самый момент англичане имели несчастье противостоять всем остальным крупным европейским странам и не могли уделить достаточно внимания происходившей там малой войне, которая разворачивалась в одно время с малой войной в Индии и большой войной с Францией, Испанией и другими. Крупнейшие державы, в основном Франция и Англия, вели на этой земле давнишнюю борьбу друг с другом, в которой различные группы местного населения поддерживали кто одну, кто другую сторону. Те, кого мы называем лоялистами, поддерживали

англичан; те, кто именуется патриотами, пользовались поддержкой французов. В основном же борьба шла между могущественными державами – Францией и Англией – при содействии местных поселенцев. Я думаю, что подобное описание Революционной войны было бы более точным.

Обратимся теперь к другой части мира: в решающем сражении (1757 г.), которое открыло путь завоеванию Бенгалии Ост-Индской компанией¹ и создало условия для британского завоевания всей Индии, силы под командованием Роберта Клайва уступали противнику по численности в 10 раз. Бенгалия была богатейшей землей, настолько богатой, что даже британские купцы – искатели приключений и завоеватели – были этим поражены. Сама Индия в XVIII веке была торговым и промышленным центром мира. Она, например, производила больше железа, чем вся Европа. Поразительно, как за прошедшие века такие исключительно богатые и высокопроизводительные земли стали настоящим символом безнадежности и отчаяния – возьмем хотя бы Бангладеш и Калькутту. Это типичная черта европейских завоеваний, которая многое говорит о последствиях таких, как в этом случае, малых войн (если судить с позиции завоевателей).

Другой пример – Гаити. Это была, наверное, богатейшая колония в мире, источник значительной части богатства Франции. Сейчас же она в таком состоянии, что ей в течение нескольких десятилетий, возможно, грозит исчезновение. Еще один случай представляет собой Ост-Индия, нынешняя Индонезия, которая до Второй мировой войны обеспечивала около 20 процентов национального дохода очень состоятельным Нидерландам. Небольшое примечание: следовало бы иметь в виду, что помощь Франции и Голландии, двум главным имперским державам, предоставленная по плану Маршалла, как раз покрывала их расходы на кровавые войны, которые они вели ради удержания своих колоний в Юго-Восточной Азии.

Возможно, среди главных факторов в европейских завоеваниях было и небольшое превосходство в технологии ведения войны, но в первую очередь, я думаю, своего рода культура жестокости – «всеразрушающее неистовство, с которым европейцы вели свои войны» и которое, по словам британского военного историка Джеффри Паркера, «наводило ужас» на завоеванное население от Ост-Индии до Нового Света. «Война в Индии была еще чем-то вроде спорта, в то время как в Европе она уже тогда стала наукой», – говорится в недавно вышедшем труде по истории Ост-Индской компании. Впрочем, Адам Смит в то время пришел к схожим заключениям, осуждая то, что он

называл «жестокой несправедливостью европейцев». Он имел в виду англичан, которые, собственно, занимали его в первую очередь. Английские поселенцы, которые прибывали в Америку, приносили с собой крайне жестокие традиции индийских войн и стремление к расширению своей национальной территории. К примеру, завоевание Эндрю Джексонем испанской Флориды – важное во многих отношениях событие и первый пример в американской истории, когда войну развязала исполнительная власть.

Именно эти традиции стали доминирующими. Действительно, надо очень постараться, чтобы найти в новой истории пример войны, объявленной не исполнительной властью и соответствующей конституционным принципам, согласно которым войну объявляет конгресс. Джексон руководил военными действиями против тех, кого называли семиноламиⁱⁱ. Их изображали как «беспорядочную орду необузданных индейцев и негров». Необузданные индейцы и беглые рабы – вот кем они были для завоевателей. Тактика Джексона стала уроком «благотворной силы» террора, отметил государственный секретарь Джон Куинси Адамс в своем знаменитом докладе, оправдывавшем массовые зверства, военные вторжения и агрессивные действия, которыми характеризовалась эта война, развязанная исполнительной властью. Упомянутым государственным документом очень восхищались и Джефферсон, и ведущие ученые-историки XX века.

Необходимо добавить, что эти самые войны, в которых целые народы подвергались истреблению, оказались очень живучими в национальном самосознании. Недавно на первой странице *Wall Street Journal* была опубликована история о том, какие изменения претерпели за долгие годы кулинарные традиции в Соединенных Штатах. Она начиналась – и при этом без тени смущения – с рассказа о «семинольском супе». Семинолы также служат талисманом одной из университетских футбольных команд, которая регулярно участвует в национальном чемпионате. Если бы нацисты победили во Второй мировой войне, то, возможно, евреи и цыгане были бы талисманом для Мюнхенского университета. В общем, победители и побежденные рассматривают наследие войны совсем по-разному.

Эти традиции были продолжены и после завоевания территории США. В начале этого века американские войска освобождали Филиппины – освобождали несколько сот тысяч душ от горестей и забот жизни. Пресса находилась под сильным впечатлением от этих героических и благородных деяний и описывала их довольно точно. Войну вели старые солдаты, прославившиеся в боях с индейцами, а теперь

убивавшие еще и «черномазых» (по ее словам); все это хорошо знакомо. Газеты с нескрываемым одобрением писали, что американские войска «вырезают туземцев в английской манере», «чтобы заблуждающиеся существа, оказывающие нам сопротивление, хотя бы уважали мощь нашего оружия», а со временем и пришли к пониманию наших добрых намерений. Заблуждающиеся существа – те, что остались живы, – действительно соглашались с тем, что их уничтожат, объяснял один ведущий американский социолог. Он развивал тезис, который назвал «согласием без согласия». Это как ситуация с ребенком, о котором можно сказать, что он молчаливо соглашается, когда родители запрещают ему выбегать на оживленную улицу. Позднее ребенок поймет, что это было ему только на пользу, – другими словами, что он и в самом деле соглашался. Так же и с теми заблуждающимися существами, которые сопротивляются нам.

Аргументы подобного рода без существенных изменений дошли и до наших дней, ведь фактически это эхо, которым сегодня отзываются войны против индейцев. Вновь эта философия возродилась в военной и популярной литературе в период войн в Индокитае. Во время террористических войн Соединенных Штатов в Центральной Америке в 1980-е годы ведущий либерально-интеллектуальный журнал объяснял, что мы должны продолжать свои действия «независимо от того, сколько человек будет убито», потому что мы выполняем свою миссию, так же, как и самонареченные святые, которые вырезали индейцев Новой Англии, оправдывая свои действия Священным Писанием; так же, как и их предшественники; так же, как и многие другие, например, монгольские орды Чингисхана, или гуннское воинство Аттилы, или римляне, или ассирийцы, или израильтяне, покоряющие землю Ханаана. Это лишь отдельные примеры из очень длинного списка.

Особая жестокость европейских завоеваний служит отражением кровавой истории самой Европы. Сотни лет в главных центрах западной цивилизации – Франции и Германии – высшим долгом и благороднейшим призванием считалось убивать друг друга. Эта высокая миссия закончилась в 1945 году, но только потому, что наука войны, созданная европейской цивилизацией, достигла такого гротескного уровня, что следующий эпизод стал бы последним, не оставив от этой войны никакого наследия, по крайней мере не оставив в живых никого, кто мог бы занести ее в летопись или запечатлеть художественными средствами.

XX век

Какое наследие оставили в мире завоевательные войны, ясно само по себе. В качестве наиболее очевидной иллюстрации отметим, что единственные неевропейские регионы на земном шаре, которые сумели обеспечить себе развитие, это те из них, кого не коснулась хватка Европы. Это Соединенные Штаты, сами присоединившиеся к участию в войнах после освобождения от Англии, и Япония с некоторыми находившимися у нее на попечении колониями. Стоит отметить, что Япония, будучи весьма жестокой империалистической державой, все же обращалась со своими колониями не так, как другие. Она не грабила и не разоряла их. Они избежали такого конца, как Бангладеш или Гаити. Наоборот, им давали развиваться почти такими же темпами, как и самой метрополии. После Второй мировой войны и преодоления ее последствий эти страны снова вступили в период подъема, став центром восточноазиатской зоны экономического роста.

В XX веке гражданское население опять стало главной мишенью, как и в библейские времена, в период франкских войн и в другие эпохи, отличавшиеся необычайной кровожадностью. Нацисты вышли на новые рубежи, поставив геноцид на индустриальную основу, — вспомним, что это происходило в самой передовой в промышленном и техническом отношении стране мира, считавшейся к тому же культурным центром Запада. Применение военной силы, нацеленное специально против мирных жителей, достигло своего пика в ходе бомбардировок Германии и Японии силами союзников. Самым ужасающим примером — еще до Хиросимы и Нагасаки — были бомбардировки зажигательными бомбами Токио в марте 1945 года, во время которых погибло от 80 до 200 тысяч человек. В то время было не до подсчета числа убитых, поэтому оценки сильно разнятся. Более миллиона человек в незащищенном городе остались без крова. Главный смысл применения зажигательных бомб состоял в том, что город был деревянным, а значит после бомбардировки он будет охвачен огненным смерчем, превращающим его в чудовищное и страшное зрелище. Так оно и произошло. Это привело также к тому, что Токио был исключен из списка мишеней атомных бомбардировок. Было признано, что дальнейшие разрушения не произведут должного впечатления, — нет смысла нагромождать новые развалины на уже имеющиеся и засыпать новыми трупами старые. После войны в отчете Управления стратегических бомбардировок США было сделано заключение, что, «по всей вероятности, в течение шести часов от огня в Токио погибло больше

людей, чем за любой аналогичный период в истории человечества». 50-я годовщина этой зверской бомбардировки была отмечена ярким и одновременно страшным рассказом, опубликованным в гонконгском журнале *Far Eastern Economic Review*, ведущем деловом журнале Азии, весьма консервативном по своей направленности. Здесь же, в Соединенных Штатах, эта дата прошла практически незамеченной. Какая-то реакция на нее все же была, и смысл ее можно более или менее обобщить комментарием, процитированным в *Washington Post*: «Если это было необходимо для победы, это нужно было сделать».

Все это потонуло в потоках самых суровых осуждений в адрес Японии за то, что она не пожелала должным образом признать свою вину за бомбардировку военной базы в американской колонии, отнятой силой и обманом у ее обитателей за полвека до того. Да, атака на Перл-Харбор была злодеянием, но среди всего множества совершенных преступлений его трудно признать самым тяжким. Процитируем извинения Японии, официально выступившей с «искренним покаянием за наше прошлое, включая агрессию и колониальное правление, которые принесли невыносимые страдания и горе» Китаю и другим странам Азии. Это официальное заявление Японии было резко осуждено Соединенными Штатами. Одновременно в прессе появились статьи, которые рассуждали о странностях и недостатках национального характера японцев, мешающих им признать свою вину. Причина состояла в следующем: извинения сопровождалось упоминанием того факта, что преступления в Азии совершали и другие империалистические державы; подразумевалось, что действия Голландии, Англии, Франции и США, может быть, тоже были далеко не безупречными. Такие заявления возмутительны, и из них делался вывод, что японцы опять пытаются уйти от признания своей вины. Если азиаты смотрели на происходящее по-другому, фактически даже на первых порах приветствуя японцев, то это лишний раз говорит о них как о «заблуждающихся существах».

У бомбардировки Токио зажигательными бомбами был свой близкий аналог в Европе – бомбежка Дрездена, которая происходила примерно в то же время. Американские и британские ВВС разрушили город, уничтожив десятки тысяч людей и превратив в руины множество великих достижений западной цивилизации. 50-я годовщина этого события пришлась на то же время, что и годовщина бомбардировки Токио. В Англии она дала сильный толчок размышлениям и самокритичному анализу тех действий; однако здесь, в Америке, мне не удалось найти даже упоминания о ней. Вспомним, что Великобритания

во время той войны подверглась мощному нападению, какого Соединенные Штаты не испытывали со времени войны 1812 года. Англичане ощущали наследие войны непосредственно на себе. У США после 1812 года не было подобного опыта, за исключением их собственной кровавой Гражданской войны. Длинная история победоносных завоевательных войн, как мне кажется, плохо сказывается на национальном характере, и я думаю, что история склонна подтверждать мое суждение. Возьмем не столь уж давний пример: Гитлер был, наверное, самым популярным лидером в истории Германии – до Сталинграда.

И после Второй мировой войны гражданское население сознательно продолжали делать мишенью, но теперь уже заботясь о том, чтобы оно было беззащитным и неспособным к возмездию. Самым вопиющим примером служит война в Индокитае. Напомню вам об основных фактах: с помощью США – фактически с помощью американского Плана Маршалла – Франция после Второй мировой войны попыталась отвоевать свою бывшую колонию. В результате около полумиллиона вьетнамцев было убито. В 1954 году французы ушли, и было достигнуто дипломатическое урегулирование, которое призывало к объединению страны за двухлетний период и проведению выборов. Предполагалось создание временной демилитаризованной зоны, разъединяющей воюющие стороны в течение двух лет, затем объединение с проведением выборов. Мы знаем, какова была реакция США; материалы на этот счет рассекречены. Вообще-то сначала благодаря Дэниэлу Эллсбергу они появились в «Документах Пентагона», но потом с них был снят гриф «секретно». США резко выступили против женевского урегулирования. В их узком кругу – речь идет об одном из важнейших докладов по проблемам национальной безопасности – оно было названо «катастрофой». В течение нескольких дней после Женевы Соединенные Штаты приняли внутреннее решение, что независимо от того, как будут развиваться события, они не позволят дипломатическому урегулированию воплотиться в жизнь. Здесь была использована интересная формулировка. Она гласила, что в случае «подрывной деятельности местных коммунистов или бунтов, не представляющих собой вооруженных атак», – вот ключевая фраза – Соединенные Штаты ответят серией мер, вплоть до возможного применения силы против Китая, если это будет сочтено необходимым.

И фразеология, и сами планы достаточно интересны. Формулировки специально составлены так, чтобы ясно и недвусмысленно дать понять: США готовы сознательно нарушить фундаментальный принцип международного права, Устав ООН, который гласит, что приме-

нение силы всегда незаконно, за исключением случая вооруженного нападения и в качестве немедленной реакции, пока Совет Безопасности не примет меры. Но заявление звучало именно так: в случае «подрывной деятельности местных коммунистов [мы сами решим, что это означает] или бунтов, не представляющих собой вооруженных атак», мы предпримем военные меры, включая перевооружение Японии, нападение на Китай, превращение Таиланда в «центр проведения» американских диверсионных операций по всему региону и т. д. Такое явное и сознательное нарушение фундаментальных принципов международного права повторялось потом из года в год с теми же формулировками. Я имею в виду «Документы Пентагона», вернее, одно из немногих интересных откровений, встречающихся в этих «Документах». Большинство из того, что появилось в печати, было абсолютно очевидным, но все же это были новые материалы. Им еще предстоит долгий путь, прежде чем они войдут хотя бы в большинство академических исследований. Видимо, их считают «слишком горячими, чтобы за них взяться», хотя прошло уже 25 лет после их обнародования и они имеют большую важность. В них заключаются истоки эскалации войны после того, как США сорвали Женевские соглашения.

Эскалация войны Соединенными Штатами

США все же добились срыва соглашений, достигнутых в Женеве. Они создали на Юге Вьетнама террористическое государство вполне латиноамериканского типа и уже к 1960 году уничтожили около 70 тысяч вьетнамцев. Однако жестокие репрессии натолкнулись на сопротивление. Режим, созданный американцами, был настолько непрочным, что как только развязанные им репрессии встретили противодействие, он моментально начал рушиться. Перед Джоном Кеннеди встала серьезная проблема, ведь клиентское государство оказалось на грани краха. Он должен был делать выбор: либо уходить, либо встать на путь эскалации войны. Кеннеди выбрал эскалацию. В 1961 и 1962 годах США открыто атаковали Южный Вьетнам. Для проведения бомбардировок туда были направлены самолеты американских военно-воздушных сил. В 1962 году пилоты ВВС США, находившиеся за штурвалами самолетов ВВС США, уже выполняли до трети всех боевых задач. Правда, самолеты были замаскированы южновьетнамскими опознавательными знаками, но это было известно и фактически не скрывалось. В 1961-62 гг. администрация Кеннеди также санкциони-

ровала уничтожение посевов сельскохозяйственных культур (в нарушение Женевских конвенций). В 1963 г, двумя годами позже, установленный США клиентский режим Южного Вьетнама вновь оказался перед угрозой крушения; хуже того, он пытался начать переговоры о мирном урегулировании. Генри Кэбот Лодж, посол администрации Кеннеди, в секретном письме жаловался, что данный режим «не является по-настоящему сильным полицейским государством ... поскольку в отличие от гитлеровской Германии он не эффективен» и не способен подавить «крупномасштабное и хорошо организованное подполье, движимое жгучей ненавистью» к этому режиму, к иностранным интервентам, которые его навязали, «и черпающее свежие силы в этой ненависти». Между прочим, как показывает данная терминология и как свидетельствуют другие документальные источники, никто внутри США всерьез не сомневался, что они находятся в состоянии войны с Южным Вьетнамом, хотя кое-кто и пытался притвориться, что ее нет. Что бы вы ни думали о легитимности участия Северного Вьетнама в войне, факт состоит в том, что напрямую он не вмешивался в нее еще несколько лет (и даже подозрений на этот счет не было), до тех пор пока США не распространили войну на территорию Северного Вьетнама, начав бомбить уже его территорию.

Ввиду этих изъянов – т. е. неспособности по-гитлеровски эффективно подавить противников и пресечь поползновения к дипломатическому урегулированию – клиентский режим в Южном Вьетнаме был свергнут в результате военного переворота при существенной поддержке администрации Кеннеди. Эта поддержка шла в русле той политики, на которой Кеннеди фактически настаивал до самого конца, (в своей администрации он был одним из настоящих ястребов) – военная победа в Южном Вьетнаме должна быть гарантирована до того, как начнутся переговоры либо о дипломатическом урегулировании, либо о выводе направленных туда интервенционистских сил. В США об этом было много кривотолков, связанных с различными версиями убийства Кеннеди, но документальная база на этот счет достаточно богата и раскрывает правду с необычайной ясностью и последовательностью.

В феврале 1965 года США приступили к радикальной эскалации войны против Южного Вьетнама, а также попутно начали регулярные бомбардировки Северного Вьетнама, но в значительно меньших масштабах. В США встал вопрос большой общественной значимости: должны ли мы бомбить Северный Вьетнам? Бомбардировки Юга при этом игнорировались. Та же самая проблема всплывала и в процессе

внутреннего планирования, о чем существует исключительно богатая документация – не только «Документы Пентагона», но и тонны рассекреченных бумаг, которые стали достоянием общественности в последние годы. Выясняется – и опять одно из столь немногих интересных откровений, содержащихся в «Документах Пентагона», – что никакой эскалации бомбардировок Юга не планировалось. Что касается бомбежек Севера, то планы выстраивались очень скрупулезно. Они тщательно выверялись, устанавливались сроки – когда и что нужно делать – и видно было, что при этом прилагались значительные усилия. Бомбардировки же Юга, втрое более интенсивные по масштабу, чем бомбардировки Севера, практически не обсуждаются. Только несколько случайных решений, принятых то здесь, то там. Такая же картина открывается и в недавних мемуарах Макнамары. Он много и подробно пишет о бомбардировках Севера. О том, что бомбили Юг, он просто не упоминает. Он говорит о том, что он делал 21 января 1965 года, – действительно, важный день. Тогда шла большая дискуссия, нужно ли бомбить Северный Вьетнам. Макнамара не пишет то, о чем мы узнаем из других документов – что в тот самый день он впервые дал указание использовать реактивные самолеты для эскалации бомбардировок Южного Вьетнама в дополнение к тем массированным бомбежкам, которые шли уже несколько лет. Об этом, повторяю, он даже не упоминает.

Думаю, что причина этого явления, проявляющегося и в общественном сознании, и во внутреннем планировании, достаточно очевидна в своей неприглядности. И все же стоит обратить на нее внимание, если людям хочется взглянуть на себя в зеркало. Причина в том, что бомбардировки Северного Вьетнама несли для Соединенных Штатов немалые издержки. С одной стороны, это были издержки перед лицом мирового общественного мнения, ведь бомбили то, что тогда считалось государством, а оно имело посольства в других странах и т. д. Кроме того, существовала опасность ответных ударов. США бомбили проходящую по территории Вьетнама китайскую железную дорогу, которая шла с юго-запада на юго-восток Китая. Она пролежала через северные районы Вьетнама, поскольку так ее построили французы. США подвергали бомбардировкам российские суда; они бомбили российские посольства. Китай и Россия могли ответить, а значит существовала опасность. Так что бомбардировки Северного Вьетнама были чреваты потенциальными издержками. С другой стороны, бомбежки Южного Вьетнама, и в гораздо более широких масштабах, обходились США без каких-либо последствий. Южновьетнамцы ничего

с этим сделать не могли. Поэтому в то время это не являлось проблемой. Никаких протестов не было. Фактически ни одного. Протестовали почти исключительно против бомбардировок Севера, и из истории этот вопрос по сути дела исчез. Вот почему не было необходимости упоминать об этом в воспоминаниях Макнамары или других работах. Как я уже говорил, бомбежки Южного Вьетнама даже не планировались. Просто случайно приняли решение: поскольку это нам ничего не стоит, почему бы не убить побольше народу? Это интересный момент, который немало говорит об образе мышления, существовавшем с незапамятных дней и сохранившемся до дня сегодняшнего. Мы ведь рассуждаем о древней истории совсем не так, как она предстает из рассказов об Амалике, о Франкских войнах или Чингисхане.

Вьетнамская война тогда, конечно, стала распространяться на другие страны. США расширили ее на Лаос и Камбоджу. И здесь, так же как во Вьетнаме, били в основном по гражданским целям. Однако главной мишенью всегда был Южный Вьетнам. Сюда входили массированные бомбардировки густонаселенной дельты Меконга и воздушные рейды к югу от Сайгона, нацеленные на конкретные деревни и города. Принимались решения типа «давайте направим на этот город бомбардировщик В-52». Массированные операции устрашения, такие как «Скоростной экспресс», «Храбрый моряк» или другие, были специально направлены на уничтожение гражданской базы сопротивления.

Вы, может быть, скажете, что резня в Май Лай составила лишь маленькую сноску в истории одной из этих операций, малозначительную на общем фоне. Недалеко оттуда у квакеров была клиника, и они сразу же узнали об этом событии, поскольку к ним прибывали раненые жители с рассказами о происшедшем. Квакеры даже не старались сообщить об этом миру, ведь подобное происходило все время и становилось уже обычным. В истории с Май Лай не было ничего особенного. Позднее, после долгого замалчивания, она все же получила громкую огласку, и причина, я думаю, ясна: можно было свалить вину на полубезумных и неотесанных американских солдат на поле боя, не знавших, кто выстрелит в них следующим, а заодно отвлечь внимание от их военачальников, издавала направлявших все эти преступления, в частности, рейды В-52 против деревень. Таким же образом можно было отвести взоры от апологетов войны в собственной стране, которые всему этому содействовали и выступали в защиту этого. Всем им, конечно, должен быть предоставлен иммунитет против любой критики, зато никто не будет возражать, если свалить такие ужасы на кучку

полубезумных солдат. Когда история с Май Лай стала достоянием гласности, меня попросили написать об этом статью в *New York Review of Books*, и я согласился, но лишь краем упомянул само событие. Я говорил об общем контексте, что, по-моему, является правильным.

К началу 1970-х годов было достаточно ясно, что США войну в основном выиграли. Они достигли основных целей этой войны, которые, как явствует из документальных источников, заключались в следующем: гарантировать, чтобы успешное, независимое развитие Вьетнама не стало тем, что можно назвать «вирусом», который бы заражал всех вокруг, служил бы стимулом к тому, чтобы взять тот же курс, и, может быть, даже Японию заставил бы в конечном счете примириться с независимостью Азии. Возможно, в таком случае она бы стала индустриальным сердцем некоего нового азиатского порядка, неподконтрольного США. Именно для того, чтобы предотвратить подобный исход, США в основном и воевали на Тихом океане во время Второй мировой войны, да и непосредственно в послевоенный период не желали мириться с таким развитием событий. Спустя годы Макджордж Банди, помощник по национальной безопасности у Кеннеди и Джонсона, размышлял о желательности ухода США из Вьетнама в 1966 г., после резни в Индонезии. Это очень напоминает то, что произошло в Руанде. Армия либо своими силами, либо инспирировав других, уничтожила в течение нескольких месяцев от полумиллиона до миллиона людей при непосредственной поддержке и одобрении Соединенных Штатов. Самое существенное – она разрушила единственную массовую политическую партию в стране. Жертвами бойни стали в основном безземельные крестьяне. По описаниям ЦРУ, эта бойня была сравнима с тем, что творили Сталин, Гитлер и Мао. В США она была встречена с нескрываемой радостью всем политическим спектром, да и в значительной мере общественным мнением. Чтобы в это поверить, об этом надо прочитать. Наверняка история постарается умолчать о данных фактах. Они способны вызвать слишком большое замешательство, хотя общественности они доступны. Главный довод Банди состоял в том, что, поскольку Вьетнам тогда, в 1966 году, был в основном разрушен, а соседние территории получили прививку в индонезийском духе, то серьезной опасности заражения «вирусом» больше не было, и для Соединенных Штатов война потеряла свой основной смысл.

После войны

Война все-таки продолжалась. США оставили ужасное наследие: в Индокитае погибли, наверное, 4 миллиона человек, многие миллионы остались сиротами, калеками и превратились в беженцев. Три страны – не только Вьетнам – были разорены. В Лаосе и по сей день люди умирают от не разорвавшихся в свое время снарядов – снарядов, которые остались от самых интенсивных в истории бомбардировок территорий, где проживало гражданское население (Камбоджу впоследствии американцы бомбили еще сильнее).

Во Вьетнаме одним из последствий военной кампании и по сей день остается воздействие на людей беспрецедентной химической атаки, которая была начата при администрации Кеннеди. Применение химических веществ в этой войне получило-таки в США широкую огласку. Причина в том, что их воздействию подверглись американские ветераны. Вы ведь слышали о дефолианте «Эйджент орандж», о диоксине, о том, как их применение сказалось на американских солдатах. Об этом и вправду много писали. Но конечно, как бы сильно ни пострадали американцы, это лишь ничтожная доля того, что досталось вьетнамцам, а эта сторона практически не удостоивается внимания, хотя иногда встречаются и исключения. Мне попало очень немного статей на данную тему. *Wall Street Journal* в феврале 1997 года посвятила этой теме передовую статью. В ней сообщалось, что у полумиллиона детей были обнаружены врожденные дефекты, которые, возможно, связаны с воздействием диоксина. Это результат использования миллионов тонн химических веществ, которыми американцы еще с времен Кеннеди залили Южный Вьетнам с целью уничтожения урожая и растительного покрова. В статье также говорилось, что японские ученые, работавшие вместе с вьетнамскими коллегами, обнаружили четырехкратное превышение врожденных дефектов в деревнях юга страны по сравнению с севером, который избежал применения этого страшного оружия. И это если не считать тех штабелей из сосудов с выкидышами, мертворожденными младенцами – пораженными порой редкими формами рака – которыми переполнены помещения южновьетнамских больниц (об этом то и дело сообщается в иностранной прессе, а в США лишь иногда в технических изданиях); или репродуктивных нарушений, уровень которых по-прежнему очень высок на юге, в отличие от севера. В статье *Wall Street Journal* все-таки признается ответственность США за описанные преступления, которые продолжают приносить бедствия Южному Вьетнаму. В

ней также сообщается, что Вьетнам получил определенную помощь от Европы и Японии для борьбы с этим бедствием, но «Соединенные Штаты, эмоционально подавленные после проигрыша в войне, не обратили на это никакого внимания». «Проигрыш в войне» означает, что не была реализована главная задача – тотальное завоевание, а достигнуты лишь общие военные цели, заключающиеся в уничтожении вируса и иммунизации региона. Но главное – США настолько пострадали от разрушения Индокитая и настолько эмоционально этим подавлены, что пусть никто не ждет от них помощи в преодолении последствий их агрессии, не говоря уже об элементарном раскаянии в содеянном.¹

Последняя статья на эту тему, которая попала мне до того, как я прочел только что упомянутый материал, была опубликована за несколько лет до того, в 1992 году, в научном разделе *New York Times* корреспондентом по Юго-Восточной Азии Барбарой Кроссетт.² Она сообщала о существовавшем среди ученых мнении, что нежелание участвовать в работе по этому конкретному аспекту последствий войны не самый лучший ход с нашей стороны. Наш отказ от изучения последствий химической войны, писала она, является ошибкой, ведь Вьетнам «представляет собой обширную контрольную группу для исследования». Суть в том, что значительному воздействию химических веществ подверглись только жители южных районов, где проводилось распыление, в то время как на севере эти вещества не распылялись; а вы знаете, что гены у тех и других жителей одни и те же. И далее идут рассуждения в том же духе. Так что это своего рода контролируемый эксперимент, и если бы мы только приняли предложение вьетнамцев о сотрудничестве, из этого интересного эксперимента можно было бы намного больше узнать о воздействии диоксида на людей, и результаты были бы для нас полезны. Жаль, что мы не использовали такую возможность. Но вины за нами никакой нет, и никакие мысли такого рода в голову не приходят; мы слишком эмоционально истощены, чтобы предлагать какую-то помощь.

Я бы сказал, что подобный уровень морального падения и малодушия во многом можно считать рекордом, но если брать всю историю целиком, то она поражает еще больше. США добились самого, должно быть, поразительного в истории пропагандистского достижения, переложив свою вину на вьетнамцев. Выходит, что когда мы на них нападали и подвергали разрушениям, мы были невинными жертвами. Мало того, мы такие святые, что не требуем возмездия за совершенные против нас преступления, а всего лишь просим, чтобы они

признали вину и извинились – это из речи Джорджа Буша, которая была опубликована на самом видном месте первой полосы *New York Times*. И прямо рядом с ней – другая колонка, еще один из многочисленных рассказов, осуждающий японцев и выражающий удивление глубокой неадекватностью их культурного уровня, а может быть, и генетическим дефектом, который не дает им признаться в совершенных преступлениях.

Этот спектакль повторяется из года в год, не вызывая никаких комментариев. Он продолжается фактически и сегодня, непрерывно поднимаясь на новые и почти невообразимые высоты. Оказывается, недавно вьетнамцы согласились-таки признать хотя бы часть своей вины и выплатить нам компенсацию за свои злодеяния против нас. На первой странице *New York Times* появилась статья о том, что вьетнамцы согласны вернуть долги, которые сделал марионеточный режим, установленный США в Южном Вьетнаме для прикрытия американской агрессии. Значит, пишет газета, мы теперь можем «праздновать завершение неоконченной главы американской истории». Наконец-то преступники начали каяться в своих грехах, а мы, стало быть, великодушно простим их, ведь теперь они хотя бы расплачиваются за то, что совершили, и признают совершенное ими, хотя мы, как сурово напомнил Джордж Буш и другие, никогда не забудем того, что они с нами сделали.³

Может быть, когда-нибудь новое правительство Афганистана выплатит России долги, взятые просоветским марионеточным режимом в Кабуле, который служил прикрытием для российского вторжения в Афганистан в 1979 году. Таким образом, Россия сможет отпраздновать завершение неоконченной главы своей истории и возможно даже перебороть свое столь сильное моральное истощение; а может быть и афганцы в конце концов признают свою вину за сопротивление российской интервенции, которая стоила, наверное, миллиона жизней и оставила страну в руинах (теперь, когда поддерживаемые США террористические силы опустошают то, что осталось от страны, положение стало еще хуже). Однако этого не случится. Причина заключается в том, что Россия проиграла войну и вскоре после этого развалилась – отчасти в результате данного проигрыша. В октябре 1989 года правительство Горбачева официально признало, что его нападение на Афганистан было незаконным и аморальным, что 13 тысяч русских погибло, что многие, кто остались после этого сидеть в афганских тюрьмах, виновны в нарушении международных норм поведения и права. Это признание, сделанное в 1989 году, попало в заголовки пер-

вых страниц американских газет. Много было фарисейских рассуждений о злых и безбожных коммунистах, которые наконец начинают возвращаться в западную цивилизацию, хотя – скажем откровенно – им надо пройти еще долгий путь.

Совершенно невозможно, чтобы США могли последовать такому примеру, если иметь в виду их куда более вопиющие действия в Индокитае. Насколько это невозможно, вновь продемонстрировал фурор вокруг воспоминаний Макнамары, ставших бестселлером. Вспомните, что его либо клеймили как предателя, либо воздавали хвалу за смелость, с которой он признал допущенные США ошибки, столь дорого нам стоившие. Его осуждали или восхваляли (либо то, либо другое) за его извинения, но не за извинения перед пострадавшими жителями Индокитая – таковые у Макнамары вообще отсутствуют – а за то, что он извинился перед американцами. Он задавался вопросом, насколько оправданы «высокие издержки», имея в виду гибель американских граждан, а также ущерб, нанесенный американской экономике и «политическому единству» Соединенных Штатов. И не было никакого покаяния перед жертвами войны и, разумеется, даже мысли о том, чтобы помочь тем, кто по-прежнему продолжает страдать и умирать. Напротив, это их обязанность платить нам компенсации за ущерб и каяться в своей вине. Потрясает то, что среди перевозносивших Макнамару за его позицию оказались во многом те же моральные лидеры, которые резко выступали против вьетнамской войны. Они хвалили Макнамару за то, что он в конечном счете пришел к той же позиции, что и они. Если они думают, что говорят, – а у меня есть подозрения в обратном – то эта позиция заключается в следующем: ничего плохого нет в том, чтобы напасть на другую страну, разорить ее, пока это обходится нам не слишком дорого (неважно, каковы будут последствия войны), а затем заставить ее взять на себя вину и фактически платить нам компенсации за те затраты, которые мы понесли, разрушая ее. Сомневаюсь, что кто-нибудь согласится выдать такое за свои собственные взгляды, но здесь приведена именно та позиция, которую эти люди своими высказываниями подразумевают.

В общем и целом уроки истории достаточно ясны. Последствия войны должны расхлебывать проигравшие. За тысячи лет мы получили этому множество убедительных доказательств. Те, на чьей стороне сила, обычно испытывают слишком сильное моральное истощение или слишком переполнены самодовольством, чтобы брать на себя какую-то роль или ответственность, хотя для них изображать из себя страдающих жертв – беспримерная форма морального падения. При

этом они делают большой шаг к тому, чтобы приподняться над «сакрализацией войны» и теми ее новыми формами, которые она приобрела вместе с появлением светских религий современной эпохи, включая и нашу собственную религию.

Есть у истории еще один урок: легко изобличать чужие преступления, выражая по этому поводу искреннюю боль и возмущение. Такая реакция может быть вполне оправданной – возможно, даже облегчит участь жертв – и это уже к лучшему, как например, произошло тогда, когда советская тирания помогала жертвам американских преступлений (а это действительно было так). Однако если брать элементарные нормы морали, то такое поведение не впечатляет. Если соблюдать хотя бы минимальные нормы приличия, то нужно беспристрастно и честно посмотреть в первую очередь на себя. Это минимум. Если же не ограничиваться этим скудным минимумом, то элементарная благопристойность требует оказать помощь нынешним жертвам во имя жертв грядущих, которые несомненно будут появляться и впредь, если искренне и эффективно не взяться за искоренение причин преступлений. Среди этих причин – институциональные структуры, которые остаются в неизменном виде и от которых исходят политические установки, а также культурные стереотипы и доктринальные системы, поддерживающие эти институты и приводящие к тем явлениям, о которых я говорил. Все это те вещи, которые, по моему мнению, должны вызывать у нас глубокую озабоченность. В свободном обществе на них должна быть сосредоточена образовательная программа – с раннего детства и на протяжении всей жизни.

Приветствуя новое тысячелетие

2000 год начался со знакомых песен, которые зазвучали еще громче, когда на помощь были призваны приемы нумерологии. Это и дружное самовосхваление, и пережевывание все той же надоевшей жвачки о наших врагах, чье злодейство поистине непостижимо, и обычное в таких случаях избирательное беспамятство, помогающее сгладить ненужные шероховатости. Приведем несколько примеров, которые могут дать ясное представление о том, как оценивалась бы окружающая нас реальность, если бы в нашей интеллектуальной культуре первенствовали другие ценности.

Давайте начнем со столь знакомых и надоевших историй о чудовищах, с которыми мы на протяжении всего века боролись и которых в конце концов разгромили. Этот ритуал по крайней мере подкреплён фактами из реальной действительности. Ужасающие преступления, совершенные этими чудовищами, описаны в не так давно переведенной «Черной книге коммунизма» французского ученого Стефана Куртуа и в других работах, которым после наступления нового тысячелетия посвятили свои обзоры шокированные комментаторы. Одна из наиболее серьезных рецензий, по крайней мере из тех, что я видел, принадлежит Алану Райану, видному ученому, философу, политологу и приверженцу социал-демократических идей, которая появилась в первом за 2000 год номере *New York Times Book Review*.¹

«Черная книга» наконец разрушает «заговор молчания вокруг ужасов коммунизма», пишет Райан, – «молчания людей, которые просто сбиты с толку этим зрелищем, где так много абсолютно напрасных, бессмысленных и необъяснимых страданий». Откровения, содержащиеся в книге, несомненно, станут неожиданностью для тех, кто каким-то образом умудрялся оставаться в неведении и не знал о том потоке беспощадных разоблачений «ужасов коммунизма», знакомых мне с детства, особенно из литературы левого толка, издававшейся в последние 80 лет. Я уже не говорю о непрекращающейся лавине газетных и журнальных статей, о библиотечных полках, ломящихся от книг, начиная с художественных и кончая научными – ни одна из них так и не способна была поднять завесу молчания. Но давайте отложим этот вопрос в сторону.

«Черная книга», говорит Райан, написана в стиле «ангела-протоколиста». Это безжалостный «обвинительный акт», констатирующий уничтожение 100 миллионов человек, «подсчет трупов, оставшихся после колоссального, полностью провалившегося эксперимента – социального, экономического, политического и психологического». Абсолютное зло, не искупленное даже намеком на какое-нибудь достижение хотя бы в одной области, превращает в насмешку «замечание о том, что нельзя сделать омлет, не разбив яиц».

Идея нашей фундаментальной правоты (хотя и она, как признано, иногда дает сбой) в противоположность не постижимой уму чудовищности врага – с его «всепроникающим и жестоким заговором» (Джон Кеннеди), который подчинен идее «полностью изничтожить» любые остатки порядочности в мире (Роберт Макнамара) – с точностью повторяет образы прошедшего полувекового периода (и даже заходит дальше того, хотя друзья и враги по сей день меняются, и очень быстро). Помимо большого количества опубликованной литературы и статей в коммерческих СМИ суть этой идеи очень живо ухвачена в директиве Совета национальной безопасности № 68, изданной в 1950 году. Эта директива для внутреннего пользования повсеместно признана основополагающим документом холодной войны, хотя его и редко цитируют, возможно, чтобы не смущать людей яростной и истеричной риторикой, идущей из уст уважаемых государственных деятелей – Дина Ачесона и Пола Нитце.²

Представленная подобным образом картина всегда оказывалась исключительно полезной. Представ сегодня уже в который раз в обновленном виде, она позволяет вымарать из истории те ужасные злодеяния, которые в прошлом совершала «наша сторона». В конце концов эти грехи – суший пустяк на фоне того абсолютного зла, которое представляет собой враг. Каким бы страшным ни было преступление, оно было «необходимо», чтобы противостоять силам тьмы, которые теперь, наконец, полностью разоблачены. Ограничившись самыми невинными сожалениями о содеянном, мы, стало быть, можем следовать нашим предначертанным историей путем. А может быть, нам даже удастся взойти и на новые высоты того, что без тени иронии называют «американской миссией», хотя, как напомнил в момент завершения торжеств по поводу триумфа гуманитарного похода США в Косово корреспондент *New York Times* Майкл Уайнс, от нашего внимания не должны ускользать некоторые «в высшей степени отрезвляющие уроки»: «глубокая идеологическая пропасть между идеалистическим Новым Светом, стремящимся покончить с любыми прояв-

лениями бесчеловечности, и Старым Светом, столь же фаталистически настаивающим на том, что конфликт нескончаем».³ Враг был воплощением абсолютного зла, но даже нашим друзьям надо пройти еще долгий путь, чтобы подняться до наших головокружительных высот. И тем не менее мы можем продолжать наш победный марш, «с чистыми руками, с открытыми сердцами», как подобает ведомой Богом нации. А самое главное – мы можем с презрением отметить любые дурацкие попытки устраивать какие-то расследования изначальных корней преступлений нашей государственно-корпоративной системы. Все это – мелочи, не способные опорочить наш образ Добра, противостоящего Злу, и заставить нас извлечь какие-то там уроки (будь они сколь угодно «отрезвляющими») на будущее. Такая позиция очень удобна по понятным причинам, и мы не будем на этом подробно останавливаться.

«Обвинительные акты» и самолюбование

Как и другие авторы, Райан резонно выбирает в качестве Вещественного доказательства №1 голод в Китае 1958-61 годов, который, как он сообщает, унес жизни от 25 до 40 миллионов человек. Из общего числа 100 миллионов смертей, которые «ангелы-протоколисты» приписывают коммунизму (чем бы на самом деле ни было это явление; впрочем, давайте использовать общепринятый термин), это внушительная доля. Факт этого шокирующего преступления был снова затронут в том же самом журнале несколько недель спустя, и его подали как непреложное доказательство абсолютного зла, исходящего от врага. Это преступление останется непостижимым для нас, пишет Джон Бернс, если мы будем рассматривать Мао «через призму наших собственных ценностей»; нам тогда останется лишь ужасаться и изумляться тому, что Мао, устроив голодомор и совершив множество других преступлений, «уничтожил больше собственных сограждан, чем любой другой государственный лидер в истории». Действительно ужасно, но автор не смог подступить к объяснению этого столь невообразимого презрения к лелеемым нами ценностям.⁴

Все эти дикие зверства вполне заслуживают того сурового осуждения, которому они многие годы подвергались и которое здесь повторено в очередной раз. Более того, связывать голод с коммунизмом будет вполне правомерным. Этот вывод наиболее авторитетным образом был обоснован в работе экономиста Амартии Сена, чье сравни-

тельное исследование голода в Китае и соответствующего опыта демократической Индии удостоилось особого внимания, когда он несколько лет назад получил Нобелевскую премию.⁵

В своих трудах начала 1980-х годов Сен отмечал, что Индия после освобождения от британского правления не переживала подобных случаев голода. Он объясняет различие между Индией и Китаем в период после Второй мировой войны преимуществами индийской «политической системы с ее культурой оппозиции и традициями состязательности в журналистике». В противоположность ей китайский политический режим страдал от «искаженной информации», из-за чего было невозможно предпринимать сколько-нибудь серьезные меры для предотвращения голода; оппозиционные группы и информированные круги общественности имели лишь «незначительное политическое влияние».⁶

Приведенный пример вполне способен послужить «обвинительным актом» в адрес тоталитарного коммунизма, так же как мнения Райана, Бэрнса, авторов «Черной книги» и множества других работ, вышедших ранее. Но прежде чем мы закроем обвинительный том, у нас может возникнуть желание обратиться ко второй части индийско-китайских сравнений, приводимых Сеном, а об этой части почему-то никогда не было слышно, несмотря на ту центральную роль, которую она играет в аргументации автора, и вопреки тому четкому акценту, который он на ней делает.

Когда 50 лет назад началось планирование экономического развития, Индия и Китай имели «разительно схожие черты», в том числе и уровень смертности, отмечают Сен и его соавтор Жан Дрез, «но сейчас нет сомнений, что в Китае по сравнению с Индией показатели заболеваемости и смертности значительно ниже, а продолжительность жизни, уровень образования и другие социальные показатели существенно выше». С 1949 по 1979 годы «Китай ... достиг поразительно высокого уровня развития здравоохранения и обеспечения населения продовольствием», в то время как «в Индии никаких сопоставимых изменений не произошло». В результате к 1979 году «среднестатистический китаец, как правило, был более уверен в своей жизни, чем средний индиец».⁷ Если бы Индия приняла такие же социальные программы, как Китай, то «в середине 1980-х годов там регистрировалось бы в год примерно на 3,8 миллионов смертей меньше». «Это указывает на то, что примерно каждые восемь лет в Индии дополнительно умирает больше людей – в сравнении с китайскими показателями смертности – чем общее количество жертв гигантского голода в Китае

(даже при том, что это был самый массовый голодомор столетия в мире)». «Индия, судя по всему, умудряется каждые восемь лет складировать в свои шкафы больше скелетов, чем Китай в его самые позорные годы» (1958-61).⁸

И в том и в другом случае получающиеся результаты приходится рассматривать в связи с «идеологической предрасположенностью» политических систем, отмечают Дрез и Сен: в Китае это более или менее справедливое пользование ресурсами здравоохранения, включая медицинскую помощь жителям в сельской местности, государственное распределение продовольствия и другие программы, ориентированные на нужды подавляющего большинства населения; жители Индии всего этого лишены. «Выдающиеся достижения Китая в сферах, относящихся к жизни и смерти, ни в коей мере не могут быть объяснены стратегией «обеспечения стабильности посредством роста»; темпы экономического роста там сопоставимы с индийскими. Скорее именно в сфере обеспечения «стабильности путем поддержки», т. е. в проведении различных социальных программ, «усилия Китая наиболее впечатляющи». Соответствующей является и отдача от этих усилий. Давайте вспомним, что все это – программы, относящиеся к «колоссальному, полностью провалившемуся эксперименту – социальному, экономическому, политическому», эксперименту, который ничем нельзя оправдать, если рассматривать его «через призму наших собственных ценностей».

Достигнутые Китаем «выдающиеся успехи в повышении продолжительности жизни и ее качества, которые были весьма необычны для бедных стран», исчерпали себя в 1979 году, когда «тенденция к снижению смертности [в Китае] была по крайней мере остановлена, а может быть, даже повернута вспять».⁹ Легко проследить, что этот поворот, наметившийся в 1979 году, непосредственно связан с начавшимися в том же году рыночными реформами.¹⁰ Это привело к «общему кризису здравоохранения». Стандартные неолиберальные формулы требовали «жесткой финансовой политики», которая наносила удар по здравоохранению и медицинскому обслуживанию в сельской местности – важным компонентам системы сельскохозяйственных коммун. Разрушение этой «опоры, которую представляла собой новаторская и обширная система сельского здравоохранения в Китае», имела «особенно тяжелые последствия для женского населения – как взрослых, так и детей». С 1979 года наблюдалось «устойчивое снижение доли женщин по отношению к мужчинам в общей численности населения», а также сокращение на два года средней продолжитель-

ности жизни первых, которое сменило устойчивый их рост в дореформенный период.¹¹

Сен делает вывод, что «страны обычно пожинают то, что посеяли, когда инвестируют в здравоохранение и качество жизни».¹² Часть этого очевидного для всех тезиса проходит через фильтры западной идеологии. Имеется в виду та его часть, которую эксплуатируют привилегированные слои (в том числе интеллектуалы), чтобы подтвердить незыблемость своего типичного и не менявшегося веками взгляда на мир: они-де в ужасе и в шоке от того непостижимого уму злодейства наших официально обозначенных врагов, и в то же время любуются самими собой и своими собственными добродетелями.

Предположим теперь, что мы, излечившись от беспамятства, начнем применять методологию «Черной книги» и ее рецензентов ко всей истории, а не только к той ее части, которая приемлема с доктринальной точки зрения. В результате мы обнаружим, что в Индии проводившийся с 1947 года демократический капиталистический «эксперимент» повлек за собой больше смертей, чем вся история «колоссального, полностью провалившегося ... эксперимента» коммунистического (повсюду, где он проводился, начиная с 1917 года): в одной только Индии к 1979 году умерло более 100 млн. человек, и еще десятки миллионов в последующие годы.

«Обвинительный акт» против «демократического капиталистического эксперимента» зазвучит еще беспощаднее, если мы обратимся к последствиям этого эксперимента после падения коммунизма: еще больше стало «скелетов в шкафу», особенно женских скелетов в Китае – результат неолиберальных реформ. Миллионами смертей заплатила Россия, следуя самонадеянным предписаниям Всемирного банка. Эти предписания черпались из убеждения, что «страны, которые проводят стремительную и широкую либерализацию, быстрее добиваются поворота к лучшему [нежели те, что этого не делают]»;¹³ в результате страна возвращается к некому подобию того, чем она была до Первой мировой войны, являя собой картину, хорошо знакомую по «третьему миру». Но «нельзя же сделать омлет, не разбив яиц», как сказал бы Сталин и как напоминают нам наблюдатели, которые пребывают в ужасе и в шоке от ими же выбранных исторических фактов.¹⁴

Обвинение станет намного жестче, если мы бросим взгляд на те огромные территории, которые остались под опекой Запада и которые дают нам поистине «колоссальное» число скелетов и картину «абсолютно напрасных, бессмысленных и необъяснимых страданий».¹⁵ И

уж предельно беспощадным будет обвинительный акт, если рассмотреть последствия неолиберальных реформ, навязанных условиями «Вашингтонского консенсуса» и проводимых во имя борьбы с «долговым бременем» (это уже чисто идеологическая конструкция, а не факт из обычной экономической жизни).¹⁶ Один лишь пример: три специалиста по Африке указывают, что эти реформы «помогли ускорить катастрофу, в которой практически все достижения 1960-70-х годов в области экономики, социальной сферы, образования и здравоохранения, были стерты в пыль»;¹⁷ человеческие же потери бесчисленны – по крайней мере никто не пытался их подсчитать.

Обвинение приобретет особую силу, когда мы включим в подсчет разрушительные последствия, вызванные в те же годы агрессивными действиями Запада и его клиентов. Нет необходимости пересказывать здесь историю этого вопроса, хотя, как кажется, respectable общественное мнение находится в таком же неведении о нем, как и о преступлениях коммунизма, до тех пор пока не вышла «Черная книга».

Авторы «Черной книги», замечает Райан, не стали уклоняться от «большого вопроса»: «как соотносятся между собой коммунизм и нацизм по части аморальности». Хотя «по количеству трупов баланс складывается не в пользу коммунизма», Райан делает вывод, что несмотря на это, аморальность нацизма достигла больших глубин. Незаданным остался еще один «большой вопрос»: каким образом «считать трупы», когда пелена беспамятства, столь хорошо служащего идеологическим целям, наконец спадет?

Внесу ясность: не собственные суждения я здесь высказываю, а, скорее, те, что прямо и недвусмысленно вытекают из определенных принципов (используемых, однако, для навязывания собственных предпочтений) – либо вытекали бы, если бы правда не пропусклась через идеологические фильтры.

Говоря о том приливе самолюбования, что прямо-таки накрыл нас в последний год уходящего тысячелетия,¹⁸ достаточно, наверно, вспомнить замечание Марка Твена об одном из великих военачальников прошлого – герое кровавой филиппинской кампании, открывшей то славное столетие, которое мы только что оставили позади: он – «воплощенная сатира»; никакое сатирическое изображение не может «достичь совершенства», ибо он «сам занимает эту вершину». Данная ссылка напоминает нам еще об одном аспекте нашего величия (помимо достижений в искусстве массовых убийств и разрушений и помимо способности к прославлению самих себя, которая любого сатирика

повергнет в отчаяние): это наша готовность честно примириться с собственными преступлениями. Такова наша дань процветанию свободного рынка идей. У нас ведь в отличие от тоталитарных государств не запрещались резкие антиимпериалистические очерки одного из ведущих американских писателей; они оказались вполне доступны широкой общественности – правда, с опозданием на каких-то 90 лет.

Справедливости ради надо отметить, что в тот хор самовосхваления, который стал заключительным аккордом тысячелетия, ворвались отдельные нотки несогласия. Вопросы возникали в связи с тем, насколько мы последовательны в своей приверженности декларируемым принципам, а именно «новой доктрине», согласно которой «универсальные стандарты прав человека налагают по крайней мере некоторые ограничения на суверенитет». Ее иллюстрацией являются события в Косово и Восточном Тиморе. Последний случай особенно интересен, потому что здесь вопрос о суверенитете не стоял. Он мог возникнуть разве что у тех, кто согласился с правом Индонезии на захват этой территории – тем самым правом, что санкционировано стражем международной морали.

Эта тематика была выдвинута на передний план в большом аналитическом материале, опубликованном в *New York Times Week in Review* (речь идет о статье Крэйга Уитни на первой полосе¹⁹). Автор делает вывод, что «новая доктрина», смысл которой состоит в «возникновении нового типа мышления» – мышления мировыми категориями, – провалила наверное свое самое «суровое испытание». Этим испытанием стал жестокий штурм Грозного российскими войсками.²⁰

Уитни явно не убедили объяснения, данные четырьмя днями ранее президентом Клинтоном и заключавшиеся в том, что у нас связаны руки, поскольку «режим санкций должен быть установлен ООН», а там Россия его заблокирует своим вето.²¹ Дилемма Клинтона получила хорошую иллюстрацию незадолго до этих событий, когда ООН 155 голосами против 2 (США и Израиль) вновь призвала к отмене санкций Вашингтона против Кубы.²² Санкции против Кубы – не единственное, что так или иначе ускользает от внимания Клинтона в стоящей перед ним дилемме. Более половины человечества подвергается таким односторонним принудительным санкциям со стороны США. Это данные, предоставленные недавно комиссией ООН, которая была учреждена в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи 1997 года. В ней осуждаются «односторонние принудительные экономические меры против развивающихся стран, которые не санкционирова-

ны соответствующими органами ООН или несовместимы с принципами международного права ... и которые противоречат основным принципам многосторонней системы торговли». ²³ Комиссия ООН по правам человека в апреле 1999 года также осудила подобные шаги. Аналогичным образом и Европейский Союз выступил с осуждением «односторонних принудительных экономических мер, нарушающих международное право». В ответ США согласились, что многосторонние санкции более предпочтительны, однако они оставляют за собой право «действовать в одностороннем порядке, если затронуты важные национальные интересы или основные ценности», например, когда они подвергают наказанию кубинский народ за отказ подчиниться воле Вашингтона. ²⁴

Санкции против Кубы – самые жестокие в мире. Они вступили в силу в 1960 году, однако стали еще более суровыми (а человеческие потери – еще более тяжелыми), когда «всепроникающий и жестокий заговор» наконец отжил свой век и было уже невозможно апеллировать к той страшной угрозе нашей национальной безопасности, которую представляет Куба (а эта угроза куда менее значительна, нежели та, что Дания или Люксембург представляли для СССР). Однако эти односторонние принудительные меры не считаются «режимом санкций». Они представляют собой «проблему сугубо двусторонней торговой политики и не являются вопросом, который подпадает под рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН». Именно таким было объяснение США в ответ на голосование в ООН (его дал заместитель представителя США в ООН Питер Бэрлей, выступая на Генеральной Ассамблее; впоследствии эта точка зрения была вновь подтверждена Государственным департаментом). Повторяя почти дословно реакцию Вашингтона на те резолюции, что принимались в предыдущие семь лет, представитель Госдепартамента Филипп Рикер сказал, что «торговое эмбарго является законом США, который мы будем проводить в жизнь». Что при этом подумает мир и что он решит, значения не имеет. ²⁵

Таким образом, нет никакого противоречия между позициями по Чечне и по Кубе, и нечем опровергнуть твердую приверженность Клинтона международному праву и действующей практике, когда речь заходит об уместности «режима санкций». К тому же последнее голосование в ООН по этому вопросу и реакция на него Вашингтона стали всего лишь еще одним «событием, которого не было», по крайней мере для тех, кто черпает информацию из общенациональной прессы – а она о нем даже не сообщила.

Давайте удовлетворимся двумя столь убедительными иллюстрациями «новой доктрины» и обратим взоры к другим примерам, которые бы подтверждали нашу преданность провозглашаемому высоким идеалам. Нужно, чтобы они были более поучительными, чем российское наступление в Чечне, которое не представляет «сурового испытания» для «новой доктрины» (и вообще здесь нет никакого испытания). Возможно, в этом причина того, почему его постоянно приводят в качестве примера, предпочитая его более значимым и поучительным тестам. Сколь бы возмутительными ни были российские преступления в Чечне, все понимают, что здесь ничего особенно не поделаешь. Так же мало возможностей было и для того, чтобы остановить террористические войны, которые США вели в Центральной Америке в 1980-е годы, или разрушение ими Южного Вьетнама (а затем и всего Индокитаю) в более ранний период. Когда военная сверхдержава приходит в ярость, цена возможного вмешательства слишком высока, чтобы всерьез о нем задумываться, так что сопротивление войне в основном должно идти изнутри. Подобные усилия имели некоторый успех применительно к Индокитаю и Центральной Америке, хотя успех этот был очень ограниченным. Участь жертв этих войн наглядно демонстрирует данную ограниченность – а может быть, продемонстрировала бы с гораздо большей наглядностью, если бы была возможность честно оценить последствия и сделать необходимые выводы.

Более серьезные испытания

Обратимся теперь к более серьезным испытаниям, через которые проходит «новая доктрина». Речь идет о случаях, когда реакция на преступления, которым легко положить конец, выражалась бы не во вмешательстве, а в простом неучастии. Очевидно, что эти случаи дают возможность проверить «новую доктрину» (так же как и старую) самым что ни на есть ясным и наглядным образом. Конец 1999 года предоставил нам несколько возможностей для подобного рода испытаний. Одно из них, требующее особого рассмотрения – это эскалация поддерживаемого США террора в Колумбии, перспективы которой достаточно зловещи (см. гл. 5). Несколько других примеров с достаточной ясностью иллюстрируют содержание «новой доктрины», вернее, то, как она интерпретируется на практике.

В декабре 1999 года вышло много статей по поводу смерти хорватского президента Франьо Туджмана – двойника Милошевича, ко-

тому оказывали в общем теплый прием на Западе, несмотря на то, что его авторитарный стиль и коррумпированность «заставляли американских и западноевропейских официальных лиц выступать с жесткой критикой в его адрес». И все же он запомнится как «отец независимой Хорватии», «коронным достижением которого стали военные операции в мае и августе 1995 года». Тогда его вооруженные силы успешно восстановили контроль над хорватскими территориями, которые удерживались сербами, что «дало толчок массовому исходу хорватских сербов на территорию Сербии».²⁶ Это «коронное достижение» Туджмана удостоилось нескольких слов в пространной статье в *New York Times*, написанной Дэвидом Байндером, который много лет и в очень индивидуальном стиле освещал события в регионе: Туджман, по его словам, весьма неохотно согласился принять участие в спонсируемых США дейтонских переговорах в конце 1995 года и сделал он это после того, как «уже почти осуществил поставленную им цель – изгнать этнических сербов из области, которую он считал чисто хорватской [Краины]».²⁷

Августовская фаза военной кампании (операция «Шторм») была крупнейшей операцией в череде кампаний этнических чисток, совершенных в ходе войн, которые бывшие югославские республики вели за возможность отделения. ООН сообщает, что «примерно 200 тысяч сербов покинули свои дома в Хорватии во время боев или сразу же по их окончании», а «те немногие, что остались, подверглись насилию». Спустя несколько недель Ричард Холбрук, руководившей клинтоновской дипломатией во время конфликта, «сказал Туджману, что [хорватское] наступление имело большое значение для судьбы переговоров», и «призвал Туджмана» расширить его масштабы (как пишет сам Холбрук в своих мемуарах под названием «Закончить войну»), что привело к изгнанию еще 90 тысяч сербов. Как разъяснял государственный секретарь Уоррен Кристофер, «мы никогда не думали, что подобного рода наступления способны породить что-либо, кроме потоков беженцев и гуманитарных проблем. С другой стороны, благодаря им всегда возникала перспектива упростить суть вопроса», как это и произошло при подготовке к Дейтону. По замечанию Клинтона, этнические чистки, проводимые Хорватией, могли бы сослужить хорошую службу разрешению балканского конфликта, хотя здесь есть и проблемы, связанные с риском возмездия со стороны сербов. В то время писали, что Клинтон дал Туджману «желтый свет», или «желтый с оттенком зеленого», который хорватский президент воспринял как молчаливую поддержку своего «коронного достижения». Массо-

вая этническая чистка не вызвала трудностей; если и были проблемы (помимо риска ответной реакции), то они носили чисто «гуманитарный характер».²⁸

В своем обзоре хорватских боевых операций, опубликованном в одном научном журнале, Байндер отмечает: «Что меня вновь и вновь поражало ... так это почти полное отсутствие интереса в американской печати и в конгрессе» к характеру участия США в этих делах. «Никто, кажется, не стремился получить даже частичный отчет» о роли наемников из MPRJⁱ (организации отставных американских генералов, направленных в качестве инструкторов и советников хорватской армии по контракту с Госдепартаментом) или об «участии американских военных и разведывательных структур в этих операциях».²⁹ Прямое их участие включало в себя бомбардировки авиацией ВМС США мест расположения ракетных установок «земля-воздух», принадлежавших крайним сербам, с целью устранения любой угрозы хорватским боевым самолетам и вертолетам (Байндер сообщает об этом со ссылкой на американские военные журналы); поставку хорватам передовых военных технологий и снабжение их разведывательной информацией; «ключевую роль» в организации передачи Хорватии 30 процентов иранских вооружений, тайно направленных в Боснию, а также, несомненно, планирование операции в целом.

Международный трибунал по военным преступлениям все-таки устроил расследование наступательной операции хорватов. Оно увенчалось 150-страничным отчетом, один из разделов которого озаглавлен: «Обвинительное заключение. Операция «Шторм»: наличие достаточных доказательств для возбуждения судебного дела».³⁰ Трибунал пришел к заключению, что «хорватская армия осуществляла массовые казни, неприцельные бомбардировки гражданского населения и «этнические чистки», но Вашингтон «своим отказом предоставлять необходимые свидетельства, запрашиваемые трибуналом», препятствовал расследованию, из-за чего оно, по всей видимости, заглохло. «Почти полное отсутствие интереса» к этническим чисткам и другим преступлениям, совершенным нашими подручными, сохраняется и поныне, что было вновь продемонстрировано по случаю смерти Туджмана; а мы тем временем размышляем над тем, насколько мы последовательны в отстаивании «новой доктрины», которую вытащили на свет божий в связи с трудностями в определении своего подхода к Чечне.

Одним из тех, кто, как утверждалось, находится под следствием Международного трибунала по военным преступлениям (по делу о

преступлениях, совершенных во время операции «Шторм»), является Агим Чеку, «бывший бригадный генерал хорватской армии, который во время натовских бомбардировок объявился в роли командующего Освободительной армии Косово (ОАК)», а затем был поставлен оккупационными силами (KFORⁱⁱ) на должность «командующего Силами защиты Косово (СЗК)», учрежденными в сентябре 1999 года «для помощи в наведении порядка в разоренной войной провинции». Источники в ООН и на Западе подтверждали, что Чеку находится под следствием и «ему могут быть предъявлены обвинения в военных преступлениях, якобы совершенных хорватскими военнослужащими в ходе этнических чисток в отношении сербов». «Круги, информированные о ходе расследования дела Чеку, утверждали, что самые серьезные преступления, с которыми связывалось его имя, были совершены» в Краине в 1993 году, когда он «командовал едва появившейся на свет 9-й бригадой хорватской армии». «Усиленная наемниками, уже получившими дурную славу, бригада наводила на людей ужас, став одним из рекордсменов по жестокости в масштабах этого края, где хорватский национализм существовал бок о бок с бандитизмом и коррупцией мафиозных структур». Чеку также был «одним из командиров, подготовленных американскими военными специалистами перед печально известной операцией «Шторм» в августе 1995 года, которая выдавила большинство мятежного сербского населения Хорватии на территорию собственно Сербии». В ходе этой операции «около 300 тысяч сербов было «вычищено», число погибших в ней неизвестно, а сотни людей «все еще считаются пропавшими без вести». Американские дипломаты, которые больше всего поддерживали идею создания СЗК, высказали предположение, что любое обвинение в адрес Чеку скорее всего будет «положено под сукно» и таким образом скрыто от внимания общественности». ³¹

Чеку также «стал объектом суровой критики» в конфиденциальном отчете ООН, охватывающем период с 21 января по 29 февраля 2000 года. Авторы отчета обвиняют силы, находящиеся под его командованием, в «криминальной деятельности – убийствах, бесчеловечном обращении и пытках, незаконных полицейских операциях, злоупотреблениях властью, запугиваниях, нарушении политического нейтралитета и выступлениях, возбуждающих ненависть». Созданные усилиями НАТО в качестве «службы для реагирования на чрезвычайные ситуации» и пополняемые в основном из рядов ОАК, СЗК вместо выполнения поставленной задачи осуществляют «убийства и истязания людей», в результате чего ООН «во многих случаях платит жало-

вание обыкновенным гангстерам». Они также «занимается рэкетом, навязывая свое покровительство владельцам магазинов, бизнесменам и подрядчикам», вымогая у них «дань»; таким же рэкетом они, по видимому, занимаются и в сфере проституции. СЗК прибегают к террору, угрожая смертью и требуя освобождения арестованных преступников.³²

Вероятно, что роль Чеку в этих делах также останется «под сукном». «Если мы его потеряем, это будет катастрофой», – говорил один дипломат, близкий к спецпредставителю ООН Бернарду Кушнеру. «Стоит вам спуститься на второй уровень в иерархии СЗК, и вы просто попадете в компанию местных бандитов».³³

Еще более «суровым испытанием» новой доктрины стала реакция, последовавшая в ответ на согласие в декабре 1999 года предоставить Турции статус кандидата на членство в Европейском Союзе. Пресса, подробно освещавшая это событие, преуспела в замалчивании очевидной проблемы: широкомасштабного террора (включая массовые этнические чистки), проводимого при решающей поддержке США и при их участии в подготовке турецких военных. Эта поддержка усилилась при Клинтоне, в то время как военные преступления достигли уровня, намного превосходящего тот, что якобы заставил НАТО бомбить Сербию. Правда, некоторые вопросы все же были подняты. Так, заголовок *New York Times* гласил: «Главный вопрос для Европы: действительно ли Турция – европейская страна?»³⁴ Совершаемые при поддержке США преступления удостаиваются фразы, что «война Турции против курдских повстанцев пошла на убыль» – для сравнения представим, как гораздо менее масштабная «война против албанских повстанцев», которую вела Сербия накануне бомбардировок, «пошла бы на убыль», а США бы при этом широким потоком направляли в Белград самую современную военную технику, оказывали ему дипломатическую поддержку, а пресса и интеллектуальное сообщество смотрели бы на положение вещей по-иному. Незадолго до того Стивен Кинзер писал, что «Клинтон в Турции был само обаяние» (так звучал заголовок статьи), когда навещал жертвы землетрясения. Нежно держа на руках ребенка, он задушевно смотрел ему в глаза, и продемонстрировал множество других свидетельств своего «легендарного умения общаться с народом» – умения, столь наглядно проявившегося в ходе грандиозных операций устрашения, которые по-прежнему «не вызывают почти никакого интереса»; а мы тем временем восхищаемся своей верностью правам человека, которая не знает себе равных в истории.³⁵

Упомянем о небольшой пояснительной сноске, которая, не вызвав особого внимания, появилась в середине декабря 1999 года: военно-морские силы Турции и Израиля в сопровождении военного корабля США устроили маневры в Восточном Средиземноморье. То было предупреждение «Сирии, чтобы подтолкнуть ее к переговорам с Израилем» под эгидой США,³⁶ и предупреждение отнюдь не самое деликатное.

Соответственно, президент Турции оказался одним из немногих глав государств, которые присутствовали на похоронах Туджмана. Другие решили не приезжать ввиду своего неприятия «авторитарного правления г-на Туджмана и его нежелания сотрудничать» с трибуналами ООН по военным преступлениям;³⁷ однако этнические чистки и другие злодеяния, совершенные Туджманом и его турецкими друзьями, не попадают в поле зрения общественности. В этом есть определенный смысл, когда события воспринимаются «через призму наших собственных ценностей», если еще и учесть, что преступления турецкого и хорватского правительств спонсировались администрацией Клинтона.

Еще одно испытание выпало «новой доктрине» в середине ноября 1999 года, в 10-ю годовщину убийства шести самых видных латиноамериканских интеллектуалов (наряду со многими другими), включая ректора ведущего сальвадорского университета. Это убийство, ставшее венцом кровавого десятилетия, было совершено в очередном приступе неистовства элитным батальоном террористических формирований, управляемых из США (их называют «сальвадорской армией») и только что закончивших очередной курс подготовки под руководством «зеленых беретов»ⁱⁱⁱ. Имена уничтоженных иезуитских интеллектуалов не удостоились упоминания в американской прессе. Многие смогут даже припомнить эти имена или похвастаться тем, что прочитали хоть слово из того, что эти люди написали. Все это резко контрастирует с положением диссидентов в тех странах, что находились под господством нашего смертельного врага. Да, они пострадали от жестоких репрессий, но в послесталинскую эпоху ничего даже отдаленно похожего на то, что было описано выше и регулярно повторялось под контролем США, на их долю не выпадало. И сами события, и только что отмеченные контрасты порождают немаловажные вопросы, но и их никто не спешит включать в повестку дня.

Те два примера, что были предложены для демонстрации нашей преданности высоким принципам, – Восточный Тимор и Косово – не требуют особых комментариев. Что касается территории Восточного

Тимора, находившегося под управлением Португалии, то здесь не было никакой «интервенции»; скорее была отправка возглавляемых Австралией сил ООН, после того как Вашингтон наконец согласился дать сигнал индонезийским генералам, что игра окончена. До этого он 24 года поддерживал проводившиеся ими массовые убийства и репрессии, продолжением которых стал жестокий террор в 1999 году, опять-таки намного превзошедший тот, что приписывали Милошевичу в Косово перед натовскими бомбардировками. В конце концов, прекратив под растущим давлением внутри страны и из-за рубежа (в основном со стороны Австралии) поддерживать зверские преступления индонезийцев – а Восточный Тимор к тому времени был уже в основном разрушен, почти 85 процентов населения изгнаны из своих домов, а количество погибших до сих пор неизвестно – администрация Клинтона продолжала держаться в стороне. Никто не сбрасывал с самолетов мешки с продовольствием для сотен тысяч голодающих, скопившихся в горных районах; дело ограничивалось лишь эпизодическими упреками в адрес индонезийских военных, по-прежнему продолжавших держать сотни тысяч людей в плену на территории Индонезии, где многие из них остаются и поныне. Клинтон также отказался предоставлять сколько-нибудь существенную помощь, не говоря уже о возмещении огромного ущерба, которое можно бы востребовать, если бы возвышенные принципы принимались всерьез.³⁸

Этот спектакль теперь изображается как одно из величайших достижений Клинтона и как самый главный пример столь возбудившей умы «новой доктрины», санкционирующей вмешательство во имя защиты прав человека и игнорирующей суверенитеты (которых и не существовало). Здесь беспамятство даже не назовешь избирательным: правильнее будет назвать его «тотальным».

По поводу Косово господствующая ныне версия, которой придерживаются СМИ и большинство исследователей, состоит в том, что НАТО «реагировала на депортацию более чем миллиона косоваров из родных мест» и с этой целью проводила бомбардировки, чтобы спасти людей «от ужасающих страданий и от смерти».³⁹ Здесь последовательность событий переиначена с точностью до наоборот – подобный прием с самого начала был вполне обычным. В подробном обзоре по итогам года *Wall Street Journal* опровергает рассказы о «местах массовых убийств», изобретенные для того, чтобы «изнуренные представители журналистского корпуса не начали склоняться к противоположной версии – о том, что гражданское население гибло под бомбами НАТО»; и тем не менее в обзоре сделан вывод, что изгнание

людей и другие зверства, действительно имевшие место, «возможно, являются достаточным поводом для оправдания [натовской] кампании бомбардировок», которая на самом деле форсировала эти преступления, равно как и предвосхитила их.⁴⁰

Аргументы в пользу действий США и их союзников стали уже стандартными: они-де вынуждены были отказаться от вариантов, остававшихся в их распоряжении (на которые они сделали ставку позднее), и начинать бомбить. Были ожидания – сразу же подтвердившиеся, – что результатом станет крупномасштабная гуманитарная катастрофа, которая, однако, задним числом служит оправданием бомбардировок. Более того, для ЦРУ было необходимо прийти на помощь партизанам ОАК в их открыто провозглашаемом стремлении спровоцировать сербов на суровые и жестокие меры в ответ на убийства сербских полицейских и гражданских лиц и тем самым заставить западное общественное мнение поддержать планировавшиеся бомбардировки; ЦРУ, как представляется, использовало здесь в качестве прикрытия международных наблюдателей, тем самым срывая выполнение их миссии – как и в случае с инспекциями иракских вооружений, проходившими в тот же период.⁴¹ Еще один оправдательный аргумент заключается в том, что если бы НАТО не начала бомбардировки, что-нибудь подобное все равно могло бы случиться.⁴² Такова «новая доктрина» в самой своей излюбленной форме; к тому же это, наверное, самый экзотическое оправдание государственного насилия из тех, что известны истории – даже если отложить в сторону другие последствия, в том числе результаты бомбардировок гражданских объектов в Сербии, «чистку» Косово под бдительным взором оккупационных сил НАТО и отказ США помогать в разминировании более 25 тысяч неразорвавшихся кассетных бомб, что остались на территории Косово и продолжают убивать тех, кто выжил⁴³; и весьма возможно, что худшее еще впереди.

История вопроса, как и можно было ожидать, действительно демонстрирует поразительную политическую последовательность. Да и зачем нам искать какую-то непоследовательность, когда институциональные факторы, которые эту политику скрепляют, – если уж поднять этот запретный вопрос – остаются неприкосновенными и неизменными? Разговоры о «двойных стандартах» – это просто попытка уйти от сути проблемы, и попытка достаточно трусливая, если принять во внимание то, о чем люди, руководствуясь принципом избирательного беспамятства, обычно умалчивают.

Кому принадлежит власть в стране

Чрезмерное внимание, уделяемое Соединенным Штатам, создает искаженную картину мира, и этот перекос надо исправить: США могущественны, но не всесильны. Они – самая богатая страна в мире, обладают преимуществами, которых нет у других, и пользуются ими в течение нескольких столетий. Однако уже почти 30 лет мировая экономика является, как ее называют, трехполюсной, в ней действуют хитросплетенные коалиции, ее раздирают конфликты – кроме США здесь есть и другие силовые центры.

В 1945 г. расстановка сил в мире имела необычайно четкую по историческим меркам конфигурацию. За полвека до этого США стали крупнейшей экономической державой мира, но на мировой политической сцене они были сравнительно незначительным игроком. В силу очевидных причин ситуация резко изменилась к 1945 г.: промышленные державы понесли огромный урон или были разрушены, тогда как американская экономика процветала в годы войны. США в буквальном смысле сосредоточили в своих руках половину мировых богатств, несоизмеримую военную мощь и обеспечили себе невиданный уровень безопасности; они были в состоянии диктовать свою волю большей части мира и делали это с помощью своего «младшего партнера», как с горечью охарактеризовал эту новую реальность наступившей эпохи британский Форин Офис.

Суть перемен была в целом достаточно точно подмечена видным историком дипломатии Джеральдом Хейнсом (он также является старшим историографом ЦРУ) в его недавно вышедшей книге.¹ Он отмечает, что после Второй мировой войны Соединенные Штаты «исходя из своих эгоистичных интересов взяли на себя ответственность за благополучие мировой капиталистической системы», – вполне допустимая формулировка, но, чтобы ее понять, необходимо дать некоторые пояснения. Первое уточнение состоит в том, что слово «капиталистическая» в данном случае имеет иной, отличный от обычного смысл. Оно подразумевает субсидируемые и защищаемые государством частные центры власти, обозначаемые историками-правоведами термином «коллективные юридические субъекты», которые по своему внутреннему устройству являются тираниями, неподотчетны общест-

ву и решениями американских судов наделены исключительными правами, что является грубым попранием идеалов классического либерализма. Вот почему в начале этого века истинные приверженцы консерватизма, от которых в дальнейшем осталось лишь одно название, подвергли жесткой критике явление, получившее название корпоратизация Америки. Они осуждали корпоратизацию как «разновидность коммунизма», возврат к «феодальным» структурам, и для этого у них были основания. Интеллектуалы, придерживавшиеся передовых взглядов и в целом одобрявшие данное явление, в их числе Вудро Вильсон, высказывали схожие оценки.² Он писал, что корпорации, «помимо того, что обладают властью и контролем над богатством и предпринимательским потенциалом страны», начинают «соперничать с самим правительством». Говоря более точно, корпорации отбрасывали на общество тень, которую мы называем политикой, – это высказывание Джона Дьюи появилось чуть позднее. Он привел убедительные доказательства того, что демократия очень сильно урезана, когда «жизнью страны» – производственными, информационными и другими структурами всего общества – управляют частные тирании в рамках системы, названной им промышленным «феодализмом», той системы, что существует до настоящего времени.³

Процесс корпоратизации был в значительной мере реакцией на значительные сбои в функционировании рынка в конце XIX века. Он знаменовал собой переход от того, что можно было бы назвать частнособственническим капитализмом, к управлению рынками коллективными юридическими субъектами (объединениями корпораций, картелями, корпоративными альянсами) вместе с влиятельными государствами и добавившейся к ним сегодня международной бюрократией. Эти структуры выполняют регулирующие функции и поддерживают власть, узурпированную узкой группой людей. Основная задача государства сводится по существу к социализации рисков и затрат, а также приватизации власти и доходов. Следует иметь в виду, что, несмотря на все разговоры о минимизации роли государства, его удельный вес в ВВП стран ОЭСР¹ продолжает расти, что было особенно заметно в 1980-1990-е гг. Эти тенденции получили развитие в период практического осуществления доктрин рейганизма, тэтчеризма и «новых демократов».

Возвращаясь к формулировке Хейнса, следует сказать, что она соответствует реальности, но под словом «капитализм» в ней следует понимать такой социальный механизм, который вызвал бы возмущение у Адама Смита, Рикардо или Джеймса Мэдисона, а в середине

XIX века – даже у Республиканской партии США. Сейчас это трудно вспомнить, но в то время Республиканская партия выступала против наемного труда, не находя в нем больших различий в сравнении с системой рабского труда, которая тогда была только что низложена в результате Гражданской войны.⁴ Эти идеи укоренились в американской традиции, не принеся сомнительных выгод, которые сулили интеллектуалы, придерживающиеся радикальных взглядов. Нам необходимо также разобраться в выражении «эгоистические [интересы]», которое присутствует в формулировке Хейнса. Оно не имеет отношения к интересам населения, кроме разве что лишь самого косвенного – это является аксиомой еще со времен Адама Смита.

Держа в уме сделанные уточнения, мы можем согласиться с общепринятым мнением, что после Второй мировой войны Соединенные Штаты «исходя из своих эгоистичных интересов взяли на себя ответственность за благополучие мировой капиталистической системы». Эта ответственность вылилась в принятие нескольких взаимосвязанных программ: первая и самая важная из них не могла не быть посвящена американскому обществу.

Существует общепринятая точка зрения на нынешнюю ситуацию в США и на то, что она означает для остального мира, которому еще предстоит вкусить прелести так называемых «ценностей деловой предприимчивости и непреклонного индивидуализма» Америки. Типичную картину состояния дел в стране рисует, например, недавняя передовица в «New York Times». Заголовок статьи гласит: «Процветающая и самодовольная Америка»; пожалуй, в нем есть некоторый перехлест. Далее в статье говорится, что американцы испытывают «безграничную уверенность» и выражают «надежды на нескончаемое экономическое процветание» в благословенном «кореоле американского бума», «продолжающегося с 1991 г. сказочного экономического роста», «выдающегося экономического успеха», достигнутого под руководством «святого [Алана] Гринспена».⁵ Другая передовица в «New York Times», помещенная на первой полосе, описывает то, что она называет «сытой и счастливой Америкой», переживающей нынешний экономический бум, «один из самых продолжительных и мощных в американской истории».⁶ Для некоторых это была действительно сказка. В обеих статьях, которые я процитировал, приводится один и тот же пример, а именно – ситуация на американском фондовом рынке. Стоимость акций на нем взлетела, что, несомненно, является сказкой для одного процента семей, которым принадлежит половина всех акций, и для десяти процентов тех, кто владеет большей

частью остальных акций. Экономический бум был сказкой и для корпораций; деловая пресса взахлеб рассказывала о росте доходов за последние несколько лет. Этот рост называли «необыкновенным», «ошеломляющим», «головокружительным», «колоссальным», — я думаю, что авторы этих статей исчерпали весь запас эпитетов.

Однако ситуация вовсе не такая безоблачная. «Business Week» все же заметил проблему; он опубликовал статью под заголовком «Проблема сегодняшнего дня: что делать со всеми этими деньгами?», — а именно в ситуации, когда «всплеск доходов» переполняет казну американских корпораций. Вскоре ситуация еще больше ухудшилась: «Ликвидные активы нефинансовых корпораций достигли головокружительной отметки в 679 млрд. долл.», создав «мучительные проблемы» для «Боинга», «Интел», «Дженерал Моторз» и других им подобных.⁷ К счастью, есть выход из этого положения, и с ним согласны как республиканцы, так и демократы: он заключается в том, чтобы сократить налоги на прибыль. Данная мера направлена на благо всех, а не только одного процента самых богатых, у которых эти налоги забирают половину прибыли. Ее смысл состоит в том, чтобы высвободить средства для инвестирования, поскольку «головокружительной» суммы в две трети триллиона долларов, вызывающей столь мучительные проблемы, не хватает на инвестиции. Я должен признаться, что требуется недюжинные знания, чтобы во всем этом досконально разобраться.

Что еще можно сказать о сказочном экономическом росте, начавшемся в 1991 г.? Да, он действительно бьет все рекорды: начать с того, что это первый экономический подъем в американской истории, который не сопровождается повышением благосостояния и доходов населения за исключением нескольких процентов самых богатых граждан. Этот рост является также одним из самых вялых в послевоенный период, напоминая собой слабый экономический подъем 1970-1980-х годов. В течение 1997 г. темпы роста американской экономики в пересчете на душу населения фактически соответствовали приближительному среднему значению этого показателя для стран ОЭСР; они были явно ниже уровня 50-60-х годов. Это был также период замедлившегося роста производительности труда, что служит предвестником изменения ситуации в будущем.

Итак, возникает несколько вопросов. Как можно иметь «впечатляющий» рост доходов, если «сказочный» подъем экономики является одним из самых слабых после Второй мировой войны? Есть простой ответ на этот вопрос: экономический подъем никак не отразился на благосостоянии большинства населения. Поэтому средний размер

дохода у двух третей работающих ниже уровня конца 1970-х гг. В период экономического роста конца 1980-х годов количество жителей США, не имевших достаточного питания, увеличилось на 50 процентов и достигло почти 30 миллионов человек. На рубеже 1980 г. США мало чем отличались от других промышленно развитых стран мира по так называемым показателям качества жизни – таким, как бедность, недоедание среди детей, смертность, доля заключенных от общей численности населения, неравенство и т. д., – сейчас же они намного опережают остальных. Увеличилась продолжительность рабочего времени, – очевидно, что американцы работают в году на один месяц больше, чем 25 лет назад, оплата труда не растет, размер пособий по социальному обеспечению уменьшился, условия труда ухудшились. Снижение стоимости американской рабочей силы до самого низкого после Великобритании уровня среди промышленно развитых стран мира приветствовалось газетой «Wall Street Journal» как «долгожданное событие чрезвычайной важности», которое неотделимо от нынешнего состояния счастья и удовлетворенности, в котором пребывают США.

В 1980-е гг. в три раза выросло количество неправомерных увольнений профсоюзных активистов наряду с другими нарушениями законности, и эта практика была продолжена в период президентства Клинтона. Администрация Рейгана по существу уведомила предпринимательские круги, что не намерена добиваться исполнения трудового законодательства, о чем довольно достоверно сообщалось в деловой прессе.⁸ Несоблюдение законов является существенным фактором в увеличении неравенства, наступлении на заработную плату и доходы трудящихся. Обратившись к разделу газеты «New York Times», посвященному бизнесу, можно ознакомиться с вполне откровенными материалами по этой проблеме: например, со статьей, озаглавленной «Американская экономика: бег на месте» – это экономика, в которой большинство людей «идет быстро в никуда», имея не очень радужные перспективы.⁹ Давайте вернемся к газетному заголовку «Прцветающая и самодовольная Америка» и прочим ему подобным. Он приобретает смысл лишь при условии, что мы правильно понимаем значение слова «Америка»: в данном случае под ним подразумеваются не рядовые американцы, а малочисленное привилегированное меньшинство, фактически составляющее круг подписчиков «New York Times», – это люди, которых вы встречаете в фешенебельных ресторанах, в правлении компаний и т. д. Они действительно преуспевают, довольны собой, счастливы и уверены в своих силах.

Давайте более подробно остановимся на Алане Гринспене, который «руководил» экономическим чудом в 1990-х годах. В своем недавнем выступлении в сенатском комитете по банковской деятельности он назвал «снижение социальной защищенности наемного работника» одной из причин сказочного подъема экономики.¹⁰ Наемные работники запуганы; они боятся требовать зарплату, позволяющую поддерживать достойный уровень жизни, и социальные льготы, – и это хорошо. Такая боязнь действительно делает американцев уверенными в себе и самодовольными – если вы правильно понимаете значение слова «американцы». В последнем экономическом докладе президента США с большой гордостью говорится о сказочной экономике, достижения которой этот документ приписывает «существенному ограничению оплаты труда», являющемуся результатом «изменений в институтах и механизмах рынка рабочей силы».¹¹ В переводе на простой язык это означает такие явления, как неисполнение законодательства о несанкционированном штрейкбрехерстве, когда рабочие места бастующих безвозвратно передаются новым работникам – МОТ¹² неоднократно упоминала США в связи с применением подобной практики, однако этот факт остается без внимания. Есть и другие факторы, объясняющие экономическую «сказку». Компания «Caterpillar», производитель строительной техники, выиграла крупную забастовку в Иллинойсе, нанеся большой урон одному из самых многочисленных американских профсоюзов – Объединению рабочих автомобильной, авиакосмической промышленности и сельскохозяйственного машиностроения. Как ей это удалось? Она добилась своего, наняв на постоянную работу новых людей взамен бастующих, что считается противоправной практикой в большинстве стран мира, а также используя «головокружительные» доходы, которыми поделилась со своими компаньонами для создания избыточных производственных мощностей за рубежом, откуда могла поставлять свою продукцию на рынок даже тогда, когда заводы компании «Caterpillar» в Иллинойсе бастовали. Заметим, что использование прибылей для размещения дополнительного производства за рубежом осуществляется не с целью увеличения доходов и повышения эффективности, а в интересах классовой войны: это один из способов наступления на права американских рабочих, и именно в таком качестве он был применен. Капитал мобилен, а рабочая сила нет, и связи между трудящимися разных стран являются, к сожалению, довольно слабыми.

Гринспен выступил недавно с речью перед редакторами американских газет. Он страстно говорил о чудодейственных свойствах рынка,

об удивительных вещах, которые стали возможны благодаря тому, что потребитель проголосовал за них своим кошельком и т. д. Он привел несколько примеров: Интернет, компьютеры, информационные технологии, лазеры, спутники, транзисторы.¹² Любопытный список: в нем приведены классические примеры творческого потенциала и производственных возможностей государственного сектора экономики. Что касается Интернета, эта система в течение 30 лет разрабатывалась, развивалась и финансировалась главным образом в рамках госсектора, в основном Пентагоном, затем Национальным научным фондом: это относится к большей части аппаратных средств, программного обеспечения, новаторских идей, технологий и т. д. Только в последние два года она была передана таким людям, как Бил Гейтс, который заслуживает восхищения, по крайней мере, за свою честность: он объясняет достигнутый им успех способностью «присваивать и развивать» идеи других, а эти «другие», как правило, работают в госсекторе.¹³ В случае с Интернетом предпочтения потребителя не играли почти никакой роли; и то же самое можно сказать применительно к ключевым этапам разработки компьютеров, информационных технологий и всего остального – если под словом «потребитель» не подразумевается американское правительство, то есть государственные субсидии.

Из всех примеров, приведенных Гринспеном, пожалуй, лишь транзисторы не вызывают усмешки: они представляют собой любопытный случай. Транзисторы были созданы в частной лаборатории «Bell Telephone Laboratories», принадлежащей корпорации «AT&T», которая также внесла большой вклад в разработку солнечных батарей, радиоастрономию, теорию информации и многие другие важные изобретения. Но какова в этом роль рынка и потребительского выбора? И снова она оказывается ничтожной. «AT&T» являлась монополистом, получавшим поддержку государства, поэтому у потребителя не было выбора. В качестве монополиста она могла устанавливать высокие цены, фактически налог на общество, который использовала для создания таких институтов, как «Bell Laboratories», где могла осуществлять все эти разработки. И опять-таки, это есть ничто иное как государственное субсидирование. Как бы в подтверждение этого тезиса «Bell Labs» прекратила свое существование как только государственное регулирование в этой отрасли было упразднено и общество перестало платить за нее; преемники ее работают в основном над краткосрочными прикладными проектами. Но это только начало истории. Действительно «Bell Labs» изобрела транзисторы, но она использовала технологии времен Второй мировой войны, разработка которых,

опять же, велась по инициативе государства и при его финансовом участии. К тому же в то время некому было покупать транзисторы, потому что их производство было очень дорогостоящим. Поэтому в течение 10 лет государство было основным их покупателем, особенно это касается транзисторов с высокими техническими характеристиками. В 1958 г. компания «Western Electric», поставщик «Bell Telephone», производила в год сотни тысяч транзисторных элементов, но исключительно для военных нужд. Государственные закупки служили стимулом деловой предприимчивости и задавали направления в разработке этой технологии, которые затем могли быть внедрены в промышленности.¹⁴ Лишь в данном случае можно без усмешки говорить о «потребительском выборе» и «рыночном чуде». Рассказанная история позволяет сделать некоторые обобщения. Динамично развивающиеся сектора экономики в решающей степени зависят от масштабного участия государства в финансировании и осуществлении инновационных разработок и изобретательской деятельности. Большинство примеров, приведенных Гринспеном, являются одними из наиболее ярких подтверждений этому. Перечень отобранных им примеров показателен сам по себе. Многие из них проходят по разделу «оборона», но не все, — аналогичная ситуация наблюдается также в биотехнологии, фармацевтике и других областях.

Естественно, все это не может не радовать деловые круги: общество оплачивает затраты и берет на себя риски (нечто вроде «социализма для богатых»), а доходы и власть присваивает себе узкая группа лиц, — так в реальности работает теория рынка. Этот механизм уходит корнями вглубь веков, но сегодня он проявляется весьма наглядно. Конкретные примеры высвечивают его еще более отчетливо. Взять хотя бы бывшего лидера «консервативной революции» в Конгрессе Ньюта Гингрича. Он не перестает выступать с очень эмоциональными речами о трудовой этике и необходимости вырваться из круговой зависимости — о том, как семилетние дети должны учиться ответственности, и по другим подобным вопросам. Однако из года в год он удерживает пальму первенства в выбивании средств из государственного бюджета для своих богатых избирателей, для того сектора экономики Джорджии, который еще больше зависит от федеральных субсидий, чем большинство других районов США.¹⁵ Из числа «денежных мешков» он больше других покровительствовал корпорации «Lockheed-Martin». Ежегодно каждый американский гражданин платит 200 долларов из своих налогов в пользу «Lockheed-Martin». Но даже при такой поддержке «Lockheed-Martin» иногда испытывает значительные

трудности; когда подобное случается, на помощь приходит правительство с несколькими сотнями миллионов долларов гарантированных кредитов, как это было в период президентства Никсона. Именно под влиянием подобной практики сенатору Проксмайеру пришло на ум выражение «государственные пособия корпорациям». Таким предстает консерватизм в палате представителей. Подобных взглядов придерживается и лидер сенатского большинства Трент Лотт. Газета «Financial Times» называет его «наиболее успешным производителем свинины в 1997 г.», что вполне соответствует действительности. Таков консерватизм в Сенате.¹⁶

И ситуация не меняется. Приведу лишь один последний пример – статью на первой полосе «New York Times» об «экономическом чуде в Соединенных Штатах». Она рассказывает о «процветающей новой экономике» в «самом республиканском штате страны», где «глубоко укоренилось недоверие к Федеральному правительству» и существует «традиция полагаться только на себя» – это, стало быть, Айдахо.¹⁷ В статье отмечается, что у экономического чуда, как это часто бывает, есть негативная сторона: Айдахо бьет национальные рекорды по количеству случаев жестокого обращения с детьми и численности заключенных в тюрьмах, профсоюзные организации разогнаны, успеваемость в школах падает и т. д. Однако это процветающая новая экономика, самый республиканский штат и все в таком же духе. В статье ничего не говорится об экономическом чуде, и чтобы узнать что-то о нем, нужно посмотреть другие издания. Например, можно обратиться к публикациям Национальной технической и экологической лаборатории в Айдахо. Это национальная лаборатория, которая находится в совместном ведении Министерства энергетики США и корпорации «Lockheed-Martin» – в ее лице представлен частный капитал, что должно символизировать опору на собственные силы и недоверие к Федеральному правительству. Публикация начинается со слов: «Американцы вложили огромные средства в Национальную лабораторию Айдахо» с момента ее основания в 1949 г., чтобы дать США ядерную энергию и атомный флот. В прошлом году Министерство энергетики вложило 850 млн. долл. в один только этот объект, являющийся «ведущей инженерно-конструкторской лабораторией в системе национальных лабораторий Минэнерго». Ее задача состоит в том, чтобы «переносить в частный сектор промышленности и научное сообщество технологии, разработанные на средства федерального бюджета».¹⁸ В колледжах и университетах научно-исследовательские работы также финансируются из федерального бюджета и в очень больших раз-

мерах. Этот механизм финансирования является своего рода шлангом для перекачивания государственных средств в карман частных лиц. Обратите внимание на фразу: «переносить в частный сектор промышленности технологии, разработанные федеральными ведомствами». В этом состоит роль правительства в экономике свободного предпринимательства. Лаборатория Минэнерго в Айдахо – это не только ядерная энергетика, но и захоронение радиоактивных отходов, переработка химических веществ, «самые передовые в мире материалы и испытательный комплекс», суперкомпьютерный центр, призванный сохранить лидерство Соединенных Штатов в разработке компьютеров, лаборатория по созданию «высокопроизводительного оборудования», которая должна «произвести революции в производстве автомобилей и других машин» после того, как средства из кармана налогоплательщиков будут безвозмездно переданы частному сектору. Чтобы помочь достижению этих целей, администрация Клинтона недавно вдруг объявила о введении огромных пошлин на японские суперкомпьютеры, которые сбивали цены на аналогичную продукцию США – замечательный вклад в свободную торговлю. Подобные меры администрации Клинтона – тарифные интервенции – охватывают широкий круг товаров от суперкомпьютеров до мексиканских помидоров, которые стали недоступными с введением пошлин; эти пошлины были установлены потому, что американские потребители отдавали предпочтение зарубежным товарам.¹⁹ На этот счет существуют законы, но они писаны не для толстосумов и власть имущих, а для таких стран, как Гаити. В той же публикации американского Минэнерго далее говорится, что одна из целей этой Национальной лаборатории состоит в том, чтобы «оказывать содействие только что учрежденным компаниям в привлечении и обеспечении грантов и кредитных линий, предоставляемых штатами и федеральными ведомствами» – это то, что имеется предпринимательской инициативой и непреклонным индивидуализмом. Говоря в двух словах, общество в течение 50 лет инвестирует огромные средства и полученные результаты дарует частным лицам, сосредоточившим в своих руках власть и капитал; и теперь мы восхищаемся этой процветающей новой экономикой в самом республиканском штате страны с глубоко укоренившимися у его населения недоверием к Федеральному правительству и традицией полагаться только на самих себя.

Опять же, необходимо хорошее образование, чтобы во всем этом разобраться, но именно так на самом деле работает экономика в соответствии с реально действующей теорией рынка. И, конечно, вышеиз-

ложенное наблюдается не только в США; это – азбучные истины экономической истории начиная с XVIII века, когда Англия первой вступила на путь рыночной экономики. И все тонкости этого экономического механизма хорошо понимают если не идеологи, то представители мира бизнеса, ведь именно они являются его создателями. Депрессия 1930-х годов похоронила последние надежды на то, что настоящий капитализм может быть жизнеспособным; меры, предпринятые в рамках «Нового курса», имели очень ограниченный эффект, и лишь Вторая мировая война позволила выйти из затянувшейся депрессии. В экономическом аспекте Вторая мировая война явилась большим успехом: то было время наполовину командной экономики, которой управляли руководители корпораций, сбежавшиеся в Вашингтон, чтобы взять в свои руки бразды правления над нею, и они хорошо усвоили полученный опыт. Все заинтересованные лица с уверенностью предсказывали, что США снова сползут в депрессию после окончания войны, поэтому было необходимо что-то предпринять. Деловая пресса была откровенна на этот счет. Журналы «Fortune» и «Business Week» писали, что наукоёмкая промышленность не сможет выжить в условиях «неограниченной, конкурентной, несубсидируемой экономики ‘свободного предпринимательства’» (речь шла конкретно об авиационной промышленности, хотя смысл этих публикаций был более широким), и что «правительство является единственным возможным ее спасителем». ²⁰

Был лишь один вопрос – как избежать новой депрессии. Предпринимательские круги прекрасно понимали, что нужно делать. В конце 1940-х гг. на страницах деловой прессы развернулась любопытная дискуссия. Ее участники сознавали, что социальные расходы могут служить стимулом для экономики и поддерживать ее устойчивость, но они явно предпочитали иной вариант и вскоре придумали его, а именно создали Министерство энергетики, НАСА, Комиссию по атомной энергии – всю эту систему Пентагона. И для такого выбора у них были веские причины – не экономические, а более важные. Социальные расходы имеют свою отрицательную сторону: они обладают эффектом демократизации. Ведь у людей есть свое мнение о том, где следует построить больницу, школу, дорогу или что-то другое в этом роде. Но они не в состоянии судить, какой тип реактивного самолета надо создавать или какие лазеры конструировать. Поэтому, если государственные расходы направить на финансирование Пентагоновской системы, то ослабеет их демократизирующий эффект. Кроме того, социальные расходы, как правило, предполагают перераспределение

средств, тогда как финансирование Пентагона и связанных с ним федеральных структур – это направление денежных потоков непосредственно в карман обладающих властью частных лиц без каких-либо негативных побочных эффектов. К тому же весь этот процесс окутан завесой секретности. Необходимость военных расходов легко обосновать в глазах общества: людей можно заставить дрожать от страха, и тогда они будут готовы раскошелиться на требуемую сумму, а тем временем Алан Гринспен и ему подобные могут сочинять небылицы для общественности.

Возвращаясь к сегодняшнему дню, можно утверждать, что роль государства не сводится только к созданию и защите высокотехнологичной промышленности: оно должно также вмешиваться, чтобы исправить сбои в управлении экономикой – это очень наглядно проявилось в 1970-х годах. В то время большое беспокойство вызывали низкий уровень производительности труда, слабые темпы роста инвестиций и неспособность американского управленческого аппарата идти в ногу с более совершенными методами японцев. Общество потребовало осуществить то, что получило название реиндустриализация США. И Пентагон ответил на этот призыв принятием программы под названием «Мантек» («Производственные технологии»). По словам представителей Министерства обороны, цели программы состояли в том, чтобы создать проект «завода будущего», интегрировать компьютерную технику и автоматизацию в процесс производства и проектирования, разработать гибкие производственные технологии и эффективные методы управления.²¹ Эти меры были направлены на то, чтобы увеличить долю США на мировом рынке и укрепить лидерство американской промышленности традиционным способом – с помощью инициативы государства и финансирования из кармана налогоплательщика. Однако у программы Пентагона было еще одно дополнительное преимущество: завод будущего мог сократить потребность в рабочей силе и обеспечить ее управляемость. Это давняя история – взять, к примеру, автоматизацию. Автоматизация являлась столь неэффективной, что долгое время ее разработку приходилось вести в государственном секторе, и лишь потом она была передана наконец в частный сектор промышленности. Проводившиеся в госсекторе работы отличались своеобразной спецификой, которая не была обусловлена природой данного вида технологии; этот вопрос довольно хорошо исследован.²² Система автоматических станков, управляемых компьютером, могла бы быть разработана таким образом, чтобы наделить необходимыми функциями машины и убрать ненужные управленче-

ские звенья. Однако было сделано все наоборот – так, чтобы увеличить количество уровней управления и сократить потребность в квалифицированной рабочей силе. Опять же, это не вопрос технологии или экономики, а решение власть имущих – по существу это часть классовой войны. То же самое может быть сделано и с «заводом будущего» на стадии его разработки в госсекторе – этот процесс никто не контролирует кроме, конечно, деловых кругов, которых вполне устраивает данное обстоятельство.

Масштабы программы «Мантек» быстро расширились в период правления администрации Рейгана, которая вышла за все мыслимые рамки, нарушая принципы рынка в пользу богатых, но при этом не жалела возвышенных слов, обращаясь к неимущим. При Рейгане главная исследовательская структура Пентагона, ДАРПАⁱⁱⁱ активно занималась внедрением в различных областях новых технологий, таких, как сверхмощные ЭВМ, основанные на архитектуре множественных параллельных вычислений – основное направление в разработке суперкомпьютеров и информационных технологий; завершение работы над Интернетом, инициатором создания чего она, собственно, и была, и т. д. Это Управление занималось также учреждением внедренческих компаний. Журнал «Science», являющийся изданием Американской академии развития науки, поместил статью, в которой отмечается, что при Рейгане и Буше «ДАРПА стало основной рыночной силой» в передаче новых технологий «нарождающимся отраслям промышленности» – оно является главным поставщиком для Силиконовой Долины.²³ Администрация Рейгана, кроме того, в два раза увеличила защитные барьеры; она побила все послевоенные рекорды в области протекционизма. Цель принятых ею мер состояла в том, чтобы не пустить японские товары, превосходящие американские, на рынок США – это касалось сталелитейной и автомобильной отраслей промышленности, полупроводников, компьютеров. Смысл рейгановского протекционизма заключался не только в том, чтобы спасти эти отрасли промышленности, но и обеспечить им, как это называлось в 1990-х годах, доминирующее положение для завоевания рынка в значительной мере с помощью крупных государственных субсидий, инновационных и перспективных разработок в госсекторе, протекционизма, мер экстренной финансовой помощи, как в случае с банком «Континентальный Иллинойс»,^{iv} и т. д. Забавно наблюдать, как вышеописанные события пытаются преподнести читателю и слушателю в политически корректных выражениях.

Социально-экономический суверенитет

Контекстом для многих глобальных проблем выступало в прошлом году понятие суверенитета, то есть право политических субъектов следовать собственным курсом, который может нести добро или зло, и делать свой выбор без постороннего вмешательства. В реальном мире под этим подразумевается вмешательство силы, сосредоточившей в себе огромный потенциал, главный центр которой находится в Соединенных Штатах. Эту аккумулированную глобальную силу называют по-разному в зависимости от того, какой аспект суверенитета и свободы имеется в виду. Иногда ее называют Вашингтонским консенсусом или комплексом Уолл-стрит–Министерство финансов, или НАТО, или международной экономической бюрократией (Всемирная торговая организация, Всемирный банк и МВФ), или «большой семеркой» (богатые, промышленно развитые государства Запада), или «большой тройкой» (G-3), или, как правило, – что ближе к истине – «большой единицей» (G-1). Более обобщенно ее можно было бы охарактеризовать как конгломерат мегакорпораций, зачастую связанных друг с другом стратегическими союзами и управляющих мировой экономикой, что на практике является разновидностью корпоративного меркантилизма, который имеет тенденцию к олигополии¹ в большинстве секторов экономики и опирается в значительной степени на способность государства социализировать риски и затраты и умирять непокорных.

В прошлом году проблемы суверенитета проявились в двух сферах. Одна из них имеет самое непосредственное отношение к суверенному праву на защиту от военной интервенции. Здесь возникают вопросы применительно к мировому порядку, который основывается на суверенитете государств. Во втором случае это – проблема защиты суверенных прав от посягательств в социально-экономической сфере. Здесь вопросы суверенитета встают в контексте миропорядка, где доминируют многонациональные корпорации, прежде всего финансовые институты, и та целостная структура, что создана для обслуживания их интересов, – например, это проблемы, столь драматично давшие о себе знать во время акций протеста против ВТО в Сиэтле в ноябре 1999 года.

Позвольте перейти к этому второму пункту, и далее я буду рассматривать именно его – это вопросы суверенитета, свободы и прав человека в социально-экономической области. Вначале общее замечание: суверенитет не является самоценным. Он представляет ценность лишь в той мере, в какой имеет отношение к свободе и правам – либо укрепляя, либо урезая их. Я также принимаю как данность то, что может показаться очевидным, но в действительности является спорным, а именно: говоря о свободе и правах, мы имеем в виду человеческие существа – т. е. людей из крови и плоти, а не абстрактные политические и юридические конструкции, такие, как корпорации, государства или капитал. Если у этих субъектов есть вообще какие-либо права, что спорно, то они должны рассматриваться как производные от прав людей. В этом суть доктрины классического либерализма. В течение веков данный постулат служит также руководящим принципом в борьбе народных масс, но он встречает ожесточенное сопротивление. Ему противостоит официальная идеология. С ним борются обладатели богатств и привилегий, и эта борьба идет как в политической, так и социально-экономической сфере.

Политическая сфера

В политической области расхожим является лозунг: «суверенитет народа – это власть народа и для народа», однако реализуемая на практике модель очень далека от этого. В соответствии с ней народ рассматривается как опасный враг. Его необходимо держать под контролем для его же блага. Эти проблемы уходят корнями вглубь веков, к первым демократическим революциям Нового времени – в Англии в XVII веке и североамериканских колониях столетие спустя. В обоих случаях демократы потерпели поражение – не полностью и, конечно же, не навсегда. Основная часть населения Англии XVII века не хотела над собой ни власти короля, ни власти парламента. Напомню, что это были две противоборствующие стороны в классическом варианте гражданской войны, однако, как и в большинстве гражданских войн, значительная часть населения не поддерживала ни одну из них. Как сказано в одном из народных памфлетов, простые люди хотели, чтобы ими правили «такие же сограждане, как они сами, которым знакомы их чаяния», а не «рыцари и дворяне, подчиняющие нас своим законам и вознесенные к власти на страхе, которые лишь притесняют нас и не знают бед народа».¹

Эти же идеи вдохновляли восставших фермеров в североамериканских колониях столетие спустя, однако конституционная система была разработана совершенно иначе. Она была построена так, чтобы не допустить этой ереси. Ее цель в том, чтобы «защитить меньшинство, которое составляют богатые, от большинства» и обеспечить, чтобы «страной управляли те, кому она принадлежит». Эти слова были сказаны одним из главных разработчиков конституции Джеймсом Мэдисономⁱⁱ и президентом Континентального конгрессаⁱⁱⁱ, первым председателем Верховного Суда США Джоном Джеем. Их концепция победила, однако конфликты не утихли. Они постоянно вспыхивают в новой форме и не угасят до сих пор. Тем не менее доктрина правящей элиты в своей основе не претерпела изменений.²

Быстро перелистывая страницы истории до XX века (здесь я буду излагать взгляды либеральной, прогрессивной части американского политического спектра – представители другого фланга этого спектра еще более резки в своих оценках), можно заметить, что народ рассматривается как «кто-то посторонний, невежественный и сующий свой нос в чужие дела», чей удел быть «зрителем», а не «участником», за исключением периодической возможности отдать свой голос за того или иного представителя власти частного капитала.³ Это – то, что называют выборами. На выборах с общественным мнением, по сути, не считаются, если оно вступает в конфликт с требованиями богатого меньшинства, которому принадлежит страна. Мы наблюдаем это сейчас в реальной жизни.

Один поразительный пример (а их много) касается международного экономического порядка – того, что называют торговыми соглашениями. Рядовые граждане, как вполне определенно показывают опросы общественного мнения, решительно выступают против большей части того, что творится вокруг, однако злободневные проблемы не поднимаются на выборах. Эти вопросы не выносятся на выборы, потому что центры власти – богатое меньшинство – едины в своей поддержке установлению определенного социально-экономического порядка. На выборах обсуждается лишь то, что центры власти особенно не волнует – наподобие вопросов о характере реформ и связанных с этим аспектах, хотя они прекрасно знают, что реформы и не предполагается осуществлять. Эта ситуация весьма типична, и она не лишена смысла, если исходить из того, что роль простых граждан, т. е. невежественных и надоедливых посторонних – быть всего лишь зрителями. Если рядовые граждане, как это часто бывает, стремятся самоорганизоваться и выйти на политическую сцену, чтобы участвовать в

политической жизни и добиваться решения своих проблем, то это создает проблемы. Тогда это – не демократия; это – «кризис демократии», который должен быть преодолен.

Приведенные выше высказывания принадлежат представителям либерального, прогрессивного фланга современного политического спектра, но этих принципов придерживаются довольно многие. Последняя четверть века – очередной этап, на протяжении которого ведется массированная кампания в попытке преодолеть якобы существующий кризис демократии и свести роль рядовых граждан собственно до положения апатичных, пассивных и послушных зрителей. Такая ситуация в политической сфере.

Социально-экономическая сфера

В социально-экономической сфере – схожая ситуация. В течение очень долгого времени здесь параллельно развивались тесно связанные между собой конфликты. На заре промышленной революции в Соединенных Штатах – 150 лет тому назад в Новой Англии – широкое распространение получили независимые издания трудящихся, которые печатались молодыми сельскими жителями и городскими рабочими. В них осуждались «деградация и подчинение», к которым вела нарождающаяся индустриальная система, вынуждавшая людей продавать свою рабочую силу, чтобы выжить. Стоит вспомнить, – но сделать это, пожалуй, не очень легко, – что в то время не только фабричные рабочие, но и большая часть общества не делала больших различий между наемным и рабским трудом: подобных взглядов придерживались, например, Авраам Линкольн, члены Республиканской партии и даже авторы редакционных статей в «New York Times» (они, возможно, хотели бы забыть, что писали об этом). Трудящиеся выступали против возврата к тому, что они называли «монархическими принципами» в промышленной системе, и требовали, чтобы фабрики и заводы принадлежали тем, кто на них работает – в соответствии с республиканскими идеями. Они осуждали то, что называли «новым веянием эпохи – наживай богатство, забывая обо всем, кроме самого себя». Внедрение в сознание людей этого унижающего и ведущего к деградации взгляда на человеческую жизнь требует огромных усилий, что фактически и делалось на протяжении веков.⁴

В XX веке литература об индустрии массовых коммуникаций является кладезем обширной и поучительной информации о том, как

внедрять «новый дух времени», создавая искусственные потребности или «формируя общественное сознание точно также, как армия муштрует своих солдат» (Эдвард Бернейз), а также насаждая «философию тщетности бытия» и мысль о бесцельности жизни, концентрируя внимание человека на «более поверхностных вещах, которые составляют основу моды потребления». ⁵ Если это удастся сделать, то люди покорно смиряются с бессмысленностью уготованной им жизни и забудут о крамольной идее взять судьбу в свои руки.

Это – большой проект социальной инженерии. Он осуществляется в течение уже многих веков, но в последнее столетие его интенсивность и масштабы значительно возросли. Есть много способов его реализации. На некоторые из них я уже указал; они слишком узнаваемы, чтобы на них подробно останавливаться. Другие направлены на подрыв основ социальной защищенности, для чего существует тоже несколько способов. Одним из них является провоцирование угрозы замены людей на рабочих местах. Следует признать, что повышение действенности этой угрозы – одно из наиболее существенных последствий и (если исходить из здравого смысла) одна из основных целей того, что ошибочно называют «торговыми соглашениями» (подчеркиваю, «торговые соглашения» – неправильное название, потому что речь в них не идет о свободной торговле; они содержат различного рода сильные антирыночные элементы и, конечно же, вовсе не являются соглашениями, по крайней мере, если мнение народа что-то значит, поскольку большинство людей выступают против них). Этой угрозе не обязательно становиться реальностью, достаточно оставаться лишь угрозой, чтобы служить эффективным способом насаждения дисциплины за счет ослабления социальной защищенности.

Другой механизм – это способствовать тому, что зовется «гибкостью рынка трудовых ресурсов». Позвольте процитировать представителей Всемирного банка, которые очень откровенно изложили суть вопроса. Они заявили: «Увеличение гибкости рынка рабочей силы необходимо во всех регионах мира, хотя это неудачная формулировка, ставшая эвфемизмом снижения заработной платы и увольнения рабочих [а это так и есть]... Наиболее важные реформы предполагают устранение ограничений на мобильность трудовых ресурсов и гибкость оплаты труда, так же как и разрыв взаимосвязи между социальным обеспечением и трудовым соглашением». ⁶ Это означает сокращение социальных льгот и прав, которые были завоеваны поколениями в тяжелой борьбе.

Когда представители Всемирного банка говорят о снятии ограничений на гибкость оплаты труда, то имеют в виду гибкость в ее понижении, а не повышении. Их высказывания о мобильности трудовых ресурсов подразумевают не право людей переезжать туда, куда они пожелают, как того требует теория свободного рынка со времен Адама Смита, а право увольнять наемных работников по своему усмотрению. Согласно нынешней версии глобализации, в основу которой положены права инвесторов, свободу перемещения должны иметь капитал и корпорации, а вовсе не граждане, потому что их права вторичны и не существенны.

Эти «судьбоносные реформы», как их называет Всемирный банк, навязывают большей части мира в качестве необходимого условия для получения поддержки этого банка и МВФ. В богатых, промышленно развитых странах для проведения этих реформ используются другие средства, и – весьма эффективно. По словам Алана Гринспена, которые он произнес на слушаниях в Конгрессе, «меньшая социальная защищенность работника» является важным фактором в создании того, что именуется «сказочной экономикой». Отсутствие социальной защищенности у наемных работников удерживает инфляцию на низком уровне, потому что они боятся требовать повышения заработной платы и социальных льгот. Они социально беззащитны. И этот факт красноречиво отражает статистика. В последние 25 лет, в период снижения социальной защищенности и кризиса демократии в США, произошло замораживание или снижение уровня оплаты труда основной массы рабочей силы и рядовых работников, а продолжительность рабочего времени значительно возросла – она стала одной из самых больших среди промышленно развитых стран мира. Конечно, данный факт не остался незамеченным деловой прессой, которая охарактеризовала его как «долгожданное явление огромной важности», вынуждающее трудящихся отказываться от «роскошного образа жизни», и это в то время, когда прибыли корпораций «поразительны» и «колоссальны».

Альтернативы нет

В зависимых странах применяются не столь утонченные методы воздействия. Один из них – так называемый «долговой кризис», который уходит своими корнями преимущественно к программам экономической политики Всемирного банка и МВФ 1970-х годов и к тому факту,

что богатые в странах «третьего мира» большей частью не несут социальных обязательств. Особенно сильно он поразил Латинскую Америку, где является одной из ее основных проблем. «Долговой кризис» не просто лишь факт экономической жизни. Он является в значительной степени продуктом идеологии. То, что называется «долгом», могло бы быть урегулировано по большей части несколькими элементарными способами.⁷

Однако этому не суждено сбыться. Долг – очень мощное средство контроля, и от него нельзя отказаться. Сейчас национальной экономической политикой, определяющей жизнь почти половины населения мира, на практике управляют бюрократы в Вашингтоне. Половина населения земли (не та же самая, но частично с ней совпадающая) подвергается односторонним санкциям со стороны Соединенных Штатов, а это – одна из форм экономического принуждения, серьезно подрывающая суверенитет и не раз подвергавшаяся осуждению как неприемлемая, в том числе совсем недавно – Организацией Объединенных Наций, но это не изменило ситуацию.

В богатых странах применяются другие способы достижения схожих целей. Прежде чем перейти к этому вопросу, несколько слов о том, что нам никогда не следует забывать: механизмы, которые используются в зависимых странах, могут быть очень жестокими. Несколько лет назад в Сальвадоре проходила конференция, организованная иезуитами, на которой рассматривался ход реализации плана государственного терроризма в 1980-х годах и его последующее продолжение с помощью социально-экономической политики, навязанной победителями. Особое внимание на конференции было обращено на то, что ее участники называли остаточной «культурой террора», продолжающей существовать после того, как сам террор сходит на нет, которая ведет к «уक्रощению ожиданий большинства», заставляя его отбросить всякую мысль об «альтернативах, отличающихся от требований сильных мира сего». Они усвоили урок, что «Альтернативы Нет», пользуясь жестоким выражением Мэгги Тэтчер, или «АН», как его сокращенно называют. Идея состоит в том, что альтернативы не существует – сейчас это является расхожим лозунгом той версии глобализации, которую навязывают корпорации. В зависимых странах Центральной и Латинской Америки главным достижением террористических операций стало уничтожение надежд, возникших там в 1970-е годы на волне движения самоорганизации народных масс и «предпочтительного выбора в поддержку бедных», сделанного Цер-

ковью, которая жестоко поплатилась за подобное отклонение от правильной линии поведения.

Иногда из случившегося делаются довольно точные и взвешенные выводы. Сейчас идет поток самообольщения относительно успехов США в инициировании волны демократии в зависимых от них странах Латинской Америки. Однако в несколько ином свете и более достоверно вопрос освещается в солидном научном обзоре ведущего специалиста в этой области Томаса Кэротерса, который, по его собственным словам, пишет «с точки зрения непосредственного участника событий», поскольку был задействован в «программах укрепления демократии» – как они тогда назывались – осуществлявшихся Государственным департаментом в период президентства Рейгана. Он считает, что у Вашингтона были хорошие намерения, но признает, что на деле администрация Рейгана стремилась сохранить «основы порядка... довольно недемократических обществ» и избегать «изменений на основе популистских требований». Как и ее предшественники, она взяла на вооружение «продемократическую политику в качестве средства умиротворения требований более радикальных перемен, но всякий раз пыталась осуществить лишь ограниченные, «вертикальные» формы демократических преобразований, которые не ставили под угрозу ниспровержения традиционные структуры власти, с которыми Соединенные Штаты давно поддерживают союзнические отношения». Более точно было бы сказать – «традиционные структуры власти в этих странах, с которыми традиционные структуры власти Соединенных Штатов давно являются союзниками».

Сам Кэротерс не удовлетворен достигнутым результатом, однако как порочное в своей основе, он характеризует то, что, по его выражению, является «либеральной критикой». Он говорит, что эта критика из-за «своего извечного изъяна» оставляет «без решения» давние споры. Этот извечный изъян заключается в том, что «либеральная критика» не предлагает никаких альтернатив политике реставрации традиционных структур власти, в данном случае осуществляемой с помощью кровавого террора, который в 1980-х годах оставил после себя двести тысяч трупов и миллионы беженцев, калек и сирот в разоренных странах Латинской Америки. Итак, опять «АН» – «Альтернативы Нет».⁸

Существование той же дилеммы признает представитель другого фланга американского политического спектра, главный эксперт по Латинской Америке президента Картера Роберт Пастор. Он явно принадлежит к «голубиной», прогрессивной части рассматриваемого спектра. В своей увлекательной книге Роберт Пастор объясняет, по-

чему администрация Картера должна была поддерживать кровавый и коррумпированный режим Сомосы вплоть до самого его печального конца, а затем, когда даже традиционные структуры власти повернулись против диктатора, США не могли отказаться от попыток сохранить созданную и обученную ими Национальную гвардию, совершавшую насилие над мирным населением, по его выражению, «с жестокостью, которую нация обычно приберегает для своих врагов». Все это делалось с благими намерениями в соответствии с принципом «АН – альтернативы нет». Он выдвигает такой аргумент: «Соединенные Штаты не желали устанавливать контроль над Никарагуа или другими государствами региона, но они также не хотели, чтобы события вышли из-под контроля. Они желали, чтобы никарагуанцы действовали самостоятельно *за исключением* [выделено им] случаев, когда такие действия могли бы нанести ущерб американским интересам».⁹ Итак, говоря другими словами, латиноамериканцы должны иметь свободу – свободу поступать в соответствии с желаниями США. Мы хотим, чтобы они могли свободно выбирать свой собственный путь до тех пор, пока их выбор не перестанет устраивать нас; а в этом случае мы должны восстановить традиционные структуры власти – если потребуется, то и с помощью насилия. Такова точка зрения более либеральной и прогрессивной части американского политического спектра.

Я не хочу отрицать того, что мнения не ограничиваются рамками этого политического спектра. Например, существует идея, что люди должны иметь право «участвовать в принятии решений, которые нередко основательно меняют их образ жизни», и не допускать того, чтобы их надежды были «жестоко растоптаны» глобальным миропорядком, где «происходит концентрация политической и финансовой власти», в то время как стихийные колебания на финансовых рынках ведут к обнищанию бедных слоев населения, и где «выборами можно манипулировать», а сильные мира сего «совершенно безразличны к тому, как эти негативные явления отражаются на других». Эти высказывания принадлежат одному радикал-экстремисту из Ватикана, чье ежегодное новогоднее послание едва ли можно встретить на страницах американской прессы, и, конечно, это – одна из тех альтернатив, что не входят в круг обсуждаемых вопросов.¹⁰

Почему существует столь широко распространенное согласие в том, что латиноамериканцам, а по существу и всему миру, нельзя позволять осуществлять суверенитет, т. е. распоряжаться своей жизнью? Это – проецируемая на весь мир боязнь демократии, которая существует в США. В действительности данный вопрос часто рассматрива-

ется, что весьма знаменательно, главным образом в материалах для внутреннего пользования, и они имеются в нашем распоряжении (США довольно свободная страна – здесь есть обширный архив рассекреченных документов, и они весьма любопытны). Их объединяет общая тема, яркой иллюстрацией которой является одно из наиболее знаменательных событий – Межамериканская конференция, созванная Соединенными Штатами в феврале 1945 г., чтобы навязать принятие того, что именовалось Экономической Хартией для Северной и Южной Америки. Эта Хартия была одним из краеугольных камней послевоенного мира и до сих пор нисколько не утратила своего значения. Она призывает положить конец «экономическому национализму [подразумевается – суверенитету] во всех его формах». Латиноамериканцы должны были избегать того, что именовалось «чрезмерным» развитием промышленности, которое могло составить конкуренцию американским интересам, правда, им позволялось осуществлять «дополняющее развитие». Так, Бразилии разрешалось производить по низкой цене сталь, в которой не были заинтересованы американские корпорации. Самое главное, по словам Джорджа Кеннана, – необходимо было защитить американские ресурсы, даже если для этого нужны «полицейские государства».

Однако Вашингтон, пытаясь навязать Хартию, столкнулся с проблемой. В Государственном департаменте этому давали тогда следующее недвусмысленное объяснение: латиноамериканцы делают неправильный выбор. Они требуют «проведения политики, направленной на более широкое распределение богатства и поднятие жизненного уровня народных масс». По их убеждению, «от освоения ресурсов страны выгоду должен получать в первую очередь сам ее народ», а не американские инвесторы. Это неприемлемо, следовательно – суверенитет не позволителен. Они могут иметь свободу, но свободу делать правильный выбор.¹¹

Эти же опасения лежат в подоплеке соглашений о торговле, – например, НАФТА. Во время заключения НАФТА, вспомните, пропаганда утверждала, что это соглашение будет чудотворным благом для трудящихся всех трех стран – Канады, Соединенных Штатов и Мексики. Вскоре, когда вскрылись факты, об этом перестали говорить, и то, что было очевидно с самого начала, наконец-то публично признали. Цель состояла в том, чтобы «удержать Мексику в рамках реформ» 1980-х годов, тех реформ, что привели к резкому сокращению уровня оплаты труда и обогащению узкой группы местного населения и иностранных инвесторов. Глубокие опасения прозвучали в Вашингтоне в

1990 году на конференции, посвященной стратегии развития Латинской Америки. На ней было высказано предостережение, что «вступление Мексики на путь демократии может подвергнуть испытанию особые американо-мексиканские отношения, приведя к власти правительство, которое будет в большей мере настроено бросить вызов США, исходя из экономических и национальных интересов своей страны». Заметим, что такая угроза в данном случае нейтрализуется так же, как в 1945 г. и в последующие годы – путем опутывания Мексики договорными обязательствами. Те же самые доводы неизменно стояли за полувековой практикой пыток и террора – и не только в Западном полушарии. Они также лежат в основе тех соглашений о правах инвесторов, которые стремятся навязать под видом особой формы глобализации, создаваемой взаимопереплетением власти государства и корпораций.¹²

Корпоратизация

Давайте вернемся к нашему исходному пункту: к вопросам, вокруг которых кипят споры – свободе, правам и, следовательно, суверенитету – чтобы попытаться понять их подлинное значение. Являются ли они врожденными качествами всех людей из плоти и крови или только узкой группы привилегированных лиц и богачей? Или даже таких абстрактных вещей, как корпорации, капитал или государства? Идея о том, что эти субъекты обладают особыми правами, возвышающими их над людьми, весьма решительно отстаивалась в прошлом веке. Наиболее известные примеры – большевизм, фашизм и частный корпоратизм, являющийся формой приватизированной тирании. Две из этих систем рухнули. Третья жива и процветает под знаменем «АН» – «альтернативы нет» нарождающейся системе государственно-корпоративного меркантилизма, прикрывающейся различными «заклинаниями» вроде глобализации и свободной торговли.

Столетие назад, на ранней стадии корпоратизации Соединенных Штатов, обсуждение этих проблем носило открытый характер. В то время консерваторы осуждали корпоратизацию, характеризуя этот процесс как «возврат к феодализму» и «разновидность коммунизма», что является не столь уж неправомомерной аналогией. Схожие интеллектуальные корни имели идеи неогегельянцев о правах живых существ, как и вера в необходимость централизованного управления хаотичными системами – типа рынков, которые оставались вне кон-

троля. Следует иметь в виду, что в сегодняшней экономике – так называемой «экономике свободной торговли» – очень большая доля трансграничных сделок (которые ошибочно называются торговыми), вероятно, около 70 процентов из них, на самом деле совершаются в рамках централизованно управляемых институтов, корпораций или корпоративных альянсов, если принять в расчет также систему внешнего контрактирования и другие механизмы управления. При этом еще не учитываются другие радикальные искажения сути рынка.

В начале XX века консервативная критика (замечу, что я использую определение «консервативная» в традиционном смысле, какой едва ли применим к сегодняшней ситуации) нашла отклик у представителей либеральной, прогрессивной части политического спектра и, пожалуй, особенно заметно – в трудах известного американского социального философа Джона Дьюи, посвященных преимущественно проблемам демократии. Он утверждал, что демократические формы оказываются малозначимыми, когда «жизнью страны» – производством, торговлей, СМИ – правят тирании частного капитала в рамках системы, названной им «промышленным феодализмом», в которой трудящиеся подчинены контролю управленческого аппарата и где политика становится «тенью, отбрасываемой большим бизнесом на общество». ¹³ Замечу, что он высказывал идеи, которые получили широкое распространение среди трудящихся задолго до него. Это относится и к его призыву заменить индустриальный феодализм самоуправляемой промышленной демократией.

Любопытно, что прогрессивно мыслящие интеллектуалы, одобрявшие процесс корпоратизации, более или менее согласны с такой его характеристикой. Вудро Вильсон, например, писал, что «большинство людей работает на корпорации», охватывающие «большую часть бизнеса в стране», – в «Америке, очень непохожей на ту, какой она была в давние времена, ... более не являющейся местом для индивидуального предпринимательства, ... реализации возможностей индивидуума и достижений отдельной личности»; это – уже новая Америка, где «узкие группы людей, управляющие большими корпорациями, держат в своих руках власть и контролируют богатство и деловой потенциал страны», вступая «в соперничество с самим правительством» и подрывая суверенитет народа, осуществляемый через демократическую политическую систему. ¹⁴ Замечу, что это было написано в поддержку процесса корпоратизации. Вудро Вильсон характеризует этот процесс как источник возможных негативных последствий, но и как необходимость, соглашаясь в этом с деловыми кругами, особенно по-

сле того, как деструктивные сбои в функционировании рыночного механизма в предыдущие годы убедили мир бизнеса и прогрессивных интеллектуалов в том, что рынки просто нуждаются в управлении, а финансовые операции – в регулировании.

Похожие вопросы весьма злободневны во всем мире и сегодня: речь идет о реформировании структуры финансовых институтов и других проблемах подобного рода. Сто лет назад судебная власть своими радикальными решениями наделила корпорации правами людей – вопиющее нарушение исконных принципов либерализма. Корпорации освободили от прежних обязательств заниматься определенными видами деятельности, для осуществления которой они и были учреждены. Важным шагом стало также то, что судебные решения переместили власть наверх – от рядовых акционеров к центральному управленческому аппарату, который стал олицетворять собой бессмертный облик корпораций. Те из вас, кто знаком с историей коммунизма, признают, что это очень похоже на происходивший в то же время процесс, который во многом был предсказан левыми марксистами и анархистами, критиковавшими большевизм. Такие люди, как Роза Люксембург, предупреждали с самого начала, что идеология централизации приведет к перераспределению власти от трудящихся к партии, к ее центральному комитету, а затем и к одному единственному лидеру – это очень быстро и произошло после захвата государственной власти в 1917 году, в результате которого сразу же были уничтожены малейшие остатки социалистических форм и принципов. Идеологи с обеих сторон предпочитают давать собственную трактовку событиям сообразно своим эгоистическим интересам, но я полагаю, что вышеизложенная версия ближе к истине.

В последние годы корпорации получили права, которые намного превосходят те, какими обладают люди. Согласно правилам Всемирной торговой организации, корпорации могут потребовать для себя право на так называемое «национальное обращение». Это право означает, что «General Motors», если она осуществляет свою деятельность в Мексике, вправе потребовать, чтобы к ней относились как к мексиканской фирме. Сейчас этим правом наделены лишь бессмертные субъекты, но не люди из плоти и крови. Мексиканец, приехав в Нью-Йорк, не может потребовать, чтобы к нему относились как к местному жителю и добиться этого, а корпорации могут.

Согласно другим установлениям, правам инвесторов, кредиторов и биржевых спекулянтов в большинстве случаев должно даваться предпочтение перед правами простых смертных, что подрывает суверени-

тет народа и урезает демократические права. Корпорации могут различными путями предъявить иски и возбудить судебные дела против суверенных государств, и этому уже есть любопытные прецеденты. Например, несколько лет назад Гватемала попыталась сократить детскую смертность, введя регулирование сбыта детских молочных смесей транснациональными корпорациями. Меры, которые предложила Гватемала, соответствовали директивам Всемирной организации здравоохранения и не расходились с международными правилами, однако компания «Gerber Corporation» заявила об ущемлении своих прав, и ее угрозы направить жалобу во Всемирную торговую организацию оказалось достаточно, чтобы Гватемала отступила, опасаясь ответных санкций со стороны Соединенных Штатов.

Первая такая жалоба после введения новых правил Всемирной торговой организации была подана против США Венесуэлой и Бразилией, утверждавших, что нормы, установленные американским Агентством по охране окружающей среды для нефтепродуктов, нарушают их права как экспортеров. На этот раз Вашингтон отступил якобы также из-за опасения санкций, но я сомневаюсь в достоверности этой версии. Я не думаю, что США боятся торговых санкций Венесуэлы и Бразилии. Более вероятно, что администрация Клинтона просто не видела побудительных причин для того, чтобы защищать окружающую среду и оберегать здоровье населения.

Сейчас острота этих проблем значительно возрастает, и они действительно становятся весьма злободневными. Десятки миллионов людей во всем мире умирают от поддающихся лечению болезней из-за протекционистских положений, записанных в правилах Всемирной торговой организации и наделяющих частные мегакорпорации монопольным правом устанавливать цены. Так, например, Таиланд и ЮАР, имеющие фармацевтическую промышленность, могут производить спасающие жизнь лекарства по цене гораздо ниже той, что диктуют монополии, но они опасаются это делать из-за угрозы торговых санкций. Действительно, в 1998 году Соединенные Штаты даже пригрозили прекратить выплачивать свой взнос в бюджет Всемирной организации здравоохранения, если она будет отслеживать хотя бы то, как условия торговли отражаются на состоянии здоровья людей.¹⁵ Сегодня подобные угрозы весьма реальны.

Все это называется «торговыми правами», но они не имеют ничего общего с торговлей. Это порождение практики монополистического регулирования цен, осуществляемого с помощью протекционистских мер, которые вписаны в так называемые соглашения о свободной тор-

говле. Данные меры призваны обеспечить права корпораций. Они ведут также к снижению темпов экономического роста и объемов инноваций. Эти меры лишь часть многочисленных регулирующих норм, включенных в соглашения о свободной торговле, которые препятствуют экономическому развитию и росту. На кону в них – права инвесторов, а не торговля. Конечно, торговля не представляет ценности сама по себе. Ее ценность только в том, что она может способствовать повышению благосостояния людей.

Вообще, принцип Всемирной торговой организации, ее основной принцип, как и тех договоров, которые заключены под ее эгидой, гласит: суверенитет и демократические права должны быть подчинены правам инвесторов. На практике это означает верховенство прав гигантских бессмертных субъектов, тираний частного капитала, которым люди должны подчиняться. Такое положение вещей является одной из причин, приведших к памятным событиям в Сиэтле. В некоторых, но весьма существенных аспектах конфликт между суверенитетом народа и властью частного капитала более резко проявился два месяца спустя после событий в Сиэтле, а именно в Монреале, где было выработано расплывчатое соглашение по так называемому «Протоколу о биобезопасности». Там эта проблема проступила весьма отчетливо. По сообщению «New York Times», компромисс был достигнут «после интенсивных переговоров, в ходе которых Соединенные Штаты часто оказывались в противостоянии почти со всеми остальными их участниками» по вопросу, получившему название «принцип предосторожности». О чем идет речь? Глава делегации Европейского Союза на этих переговорах изложил суть проблемы следующим образом: «Государства должны иметь свободу, суверенное право принимать меры предосторожности в отношении» генетически измененных посевных культур, микробов, животных, зерна, которые, как они опасаются, могут причинить вред. Однако Соединенные Штаты настаивали на правилах Всемирной торговой организации. Согласно этим правилам, импорт может быть запрещен только на основании научных данных.¹⁶

Обратите внимание на то, из-за чего идет борьба. На карту поставлено право людей отказаться от того, чтобы их использовали в качестве подопытных объектов. Возьмем конкретный пример. Предположим, что к вам приходят с биологического факультета университета и говорят: «Вы должны стать подопытными объектами в эксперименте, который мы проводим; мы намерены вставить в ваш мозг электроды и посмотреть, что получится. Вы можете отказаться, но если только

представите научные данные, что это причинит вам вред». Как правило, вы не можете представить научные данные. Вопрос в том, есть ли у вас право отказаться? Согласно правилам Всемирной торговой организации, его у вас нет. Вы должны стать подопытным объектом. Эта одна из форм, которую Эдвард Герман назвал «суверенитетом производителя».¹⁷ Производитель правит, а участь потребителей – каким-то образом защищать себя. Э.Герман подчеркивал, что этот принцип действует и внутри США. Производители, например, химической продукции и пестицидов не обязаны доказывать, что выбросы их предприятий в окружающую среду безопасны. Это общество должно представить научные доказательства того, что эти выбросы не представляют опасности, и ему надлежит делать это с помощью государственных ведомств, не имеющих достаточного финансирования и подверженных влиянию, которое оказывает на них промышленность посредством лоббирования и других механизмов воздействия.

Данная проблема обсуждалась в Монреале, где было достигнуто некоторое расплывчатое соглашение. Замечу, чтобы быть понятным – это не был вопрос принципа. Вы можете в этом убедиться, взглянув на расстановку сил. На одной стороне были Соединенные Штаты, к которым присоединились в итоге несколько государств, имеющих большие интересы в биотехнологии и экспорте высокотехнологичных видов сельхозпродукции. На другой стороне – все остальные страны – те, кто не рассчитывает извлечь выгоду из этого эксперимента. Таким был расклад сил, и он точно говорит вам, в какой мере это был вопрос принципа. По схожим причинам Европейский Союз ратует за высокие тарифы на сельхозпродукцию, как это делали Соединенные Штаты 40 лет назад, правда, затем отказавшиеся от такой позиции – и не потому, что изменились принципы, просто власть поменялась.

Существует основополагающий принцип. Он состоит в том, что власть имущие должны иметь возможность делать то, что захотят (конечно, прикрываясь высокими мотивами). Отсюда следует, что суверенитет и демократические права людей должны отойти на второй план, как и то, что придает данной ситуации такой драматизм – их нежелание быть подопытными в экспериментах, из которых американские корпорации могут извлечь прибыль. Апелляция США к правилам Всемирной торговой организации вполне естественна, поскольку в них кодифицирован данный принцип – в этом суть дела.

Эти проблемы, хотя они весьма злободневны и затрагивают жизнь огромного количества людей в мире, на самом деле являются второстепенными по сравнению с другими методами ограничения сувере-

нитета в пользу власти частного капитала. Наиболее важным событием в этом отношении, по моему мнению, стала ликвидация Бреттон-Вудской системы, осуществленная в начале 1970-х годов Соединенными Штатами, Британией и другими государствами. Эту систему создали США и Великобритания в 1940-х годах. То было время, когда программы социального обеспечения и радикальные демократические шаги пользовались огромной поддержкой в обществе. В том числе и по этим причинам Бреттон-Вудская система середины 40-х годов регулировала валютные курсы и позволяла контролировать движение капитала. Идея заключалась в том, чтобы уменьшить разорительные и пагубные биржевые спекуляции и ограничить утечку капитала. Имелось ясное понимание причин этих явлений, и они были четко сформулированы – свободное движение капитала создает то, что иногда называют «виртуальным парламентом» мирового капитала, который может применить право вето в отношении политики правительства, если сочтет ее иррациональной. Жертвами этого вето оказываются трудовые права, образовательные программы, здравоохранение и меры по стимулированию экономики, – практически все, что могло бы помочь людям, а не получению доходов (и поэтому иррационально в технократическом смысле).

Бреттон-Вудская система худо-бедно функционировала в течение почти 25 лет. То время многие экономисты называют «золотым веком» современного капитализма (точнее, современного государственного капитализма). Это был период беспрецедентного в истории роста экономики, торговли, производительности труда, капиталовложений, расширения мер государственного соцобеспечения – «золотой век». Он продолжался приблизительно до 1970 года. В начале 70-х годов намечилось движение вспять. Бреттон-Вудская система была ликвидирована, ей на смену пришли либерализация финансовых рынков и плавающие курсы валют.

Наступивший затем период часто характеризуют как «свинцовый век». Произошел бурный рост краткосрочного, спекулятивного капитала, который стал полностью доминировать над производственным сектором экономики. Заметно ухудшились почти все показатели – существенно замедлился экономический рост, упали темпы роста производительности труда, капиталовложений, существенно поднялись учетные ставки (что замедлило экономический рост), возросла нестабильность рынка, разразились финансовые кризисы. Все эти явления весьма пагубно сказались на положении людей даже в богатых странах: заработная плата застыла на одном уровне или снижалась,

продолжительность рабочего времени увеличилась, особенно заметно – в Соединенных Штатах, социальные льготы были урезаны. Приведу лишь один пример сегодняшнего состояния «великой» экономики, о котором все говорят: средний показатель дохода семей (равнодействующая между верхней и нижней половинами) сейчас отброшен к уровню 1989 года, что ниже показателя 1970-х годов. Это – период свертывания социал-демократических мер, что некогда привели к существенному улучшению благосостояния людей. Вообще, насаждаемый международный порядок наделяет «виртуальный парламент» частного капитала инвесторов правом вето в гораздо большей степени, чем раньше, что ведет к значительному ослаблению демократии и усечению суверенных прав, существенному ухудшению социального положения населения.

Если даже в богатых обществах эти явления весьма ощутимы, то в бедных странах они являются уже катастрофой. Указанные проблемы пронизывают все общества, поэтому речь не идет о том, что одно общество богатеет, а другое беднеет. Более весомыми являются показатели, в которых учитывается население всей земли. Так, например, согласно недавним выкладкам Всемирного банка, если взять «верхние» 5 процентов населения земного шара и сравнить их доход и уровень благосостояния с 5 «нижними» процентами, то в 1988 г. такое соотношение равнялось 78:1; в 1993 г. оно составило 114:1 (это последний год, по которому имеются данные) и, несомненно, стало еще более разительным сейчас. Эти же показатели свидетельствуют, что «верхний» 1 процент населения мира имеет такой же размер дохода, что и 57 процентов «внизу», т. е. 2,7 миллиарда человек.¹⁸

Вполне естественно, что ликвидация послевоенного экономического порядка должна сопровождаться мощным наступлением на основы демократии – свободу, суверенитет народа и права человека – под лозунгом «АН» («альтернативы нет»). Это своего рода фарсовая мимикрия вульгарного марксизма. Нет необходимости говорить, что данный лозунг является сознательным обманом. Тот социально-экономический порядок, который сейчас насаждается – результат решений, которые принимаются людьми в институтах, ими созданных. Эти решения можно пересмотреть; институты – изменить. Если необходимо, то их можно ликвидировать и заменить другими, что и делали честные и мужественные люди на протяжении всей истории человечества.

Примечания

К гл. 1 (Rogues' Gallery: Who Qualifies?):

В сокращенном варианте эта статья была опубликована в *Harvard International Review*, Summer 2000. [Пер. с англ. В. Войткевич]

- ¹ *American Society of International Law (ASIL) Newsletter* (March-April 1999). Detlev Vagts, «Taking Treaties Less Seriously», «Editorial Comments», *American Journal of International Law* 92:458 (1998).
- ² *Proceedings of the American Society of International Law* 13, 14 (1963), cited by Louis Henkin, *How Nations Behave* (Council on Foreign Relations, Columbia Univ., 1979), 333-34; 1961 Acheson Report (Kennedy Library), cited by Marc Trachtenberg, «Intervention in Historical Perspective» in Laura Reed and Carl Kaysen, eds., *Emerging Norms of Justified Intervention* (American Academy of Arts and Sciences, 1993).
- ³ «American Republics», vol. XII of *Foreign Relations of the United States* (US Dept. of State, 1961-63), 13f., 33. См. гл. 6 в этой книге.
- ⁴ Daniel Patrick Moynihan, *A Dangerous Place* (Little, Brown, 1978).
- ⁵ См. гл. 4 в этой книге и более подробные версии в «'Green Light' for War Crimes» in R. Tanter, M. Selden, and S. Shalom, eds., *East Timor, Indonesia, and the World Community* (Rowman & Littlefield, 2000), а также мою книгу *A New Generation Draws the Line*.
- ⁶ George Shultz, «Moral Principles and Strategic Interests», выступление в университете штата Канзас, April 14, 1986, reprinted in US Dept. of State, Bureau of Public Affairs, *Current Policy* 820; Sofaer, «The United States and the World Court» (отчет перед Комитетом Сената по иностранным делам, Dec. 1985), reprinted in *Current Policy* 769. См. мою книгу «'Consent Without Consent': Reflections on the Theory and Practice of Democracy», *Cleveland State Law Review* 44.4 (1996).
- ⁷ О решении Международного суда, реакции на это решение и его последствиях см. мою книгу *Necessary Illusions*, гл. 4.
- ⁸ Выступление Билла Клинтона перед Генеральной Ассамблеей ООН, Sept. 27, 1993; William Cohen, *Ежегодный отчет президенту и Конгрессу*: 1999 (US Dept. of Defense, 1999), cited by Jonathan Bach and Robert Borosage, in Martha Honey and Tom Barry, eds., *Global Focus* (St. Martin's, 2000), 180, 10. Заявление Мадлен Олбрайт о том, что США будут действовать «много-сторонне, когда это возможно, и односторонне, когда необходимо» в тех сферах, которые «мы считаем... жизненно важными для национальных интересов США», cited by Jules Kagian, *Middle East International*, Oct. 21, 1994.
- ⁹ Подробности см. в моей книге *Deterring Democracy*, гл. 11 и цитируемые источники.
- ¹⁰ О Ливане см. мою книгу *Fateful Triangle*. О Турции см. мою книгу *The New Military Humanism*, главы 3 и 5.

- ¹¹ См. мою книгу *World Orders Old and New*, гл. 1; и мою книгу *Rethinking Camelot*.
- ¹² Audrey Kahin and George Kahin, *Subversion as Foreign Policy* (New Press, 1995).
- ¹³ Michael Glennon, «The New Interventionism»? *Foreign Affairs* (May-June 1999).
- ¹⁴ *The Second World War*, vol. 5 (Houghton Mifflin, 1951), 382.
- ¹⁵ Источники и более подробные цитаты см. в моей книге *The New Military Humanism*, гл. 6; см. также *Defense Monitor* (Washington, DC: Center for Defense Information), XXIX.3, 2000.
- ¹⁶ См. мою книгу *Powers and Prospects*, гл. 7.
- ¹⁷ Один из нескольких сюрпризов этого исследования из обзора «документов Пентагона» см. в моей книге *For Reasons of State*.
- ¹⁸ Более подробное обсуждение см. в моей книге *World Orders Old and New*, гл. 1.
- ¹⁹ Более подробные цитаты из официального документа см. в моих книгах *Necessary Illusions*, 263-64, и *Deterring Democracy*, 262-63.
- ²⁰ Cited by Piero Gleijeses, *Shattered Hope* (Princeton, 1991), 365.
- ²¹ См. мои книги *Year 501*, гл. 8 и *Profit Over People*, гл. 4; а также цитируемые источники.
- ²² О Ливане см. мою статью в книге «International Terrorism: Image and Reality» A. George, ed., *Western State Terrorism* (Polity-Blackwell, 1991). О Судане см. Colum Lynch, *BG*, Sept. 24, 1998; Patrick Wintour, *London Observer*, Dec. 20, 1998; *ATT*, Aug. 28, 1998.
- ²³ Anthony Lewis, *NYT*, April 21 and 24, 1975; Dec. 27, 1979. О мемуарах Р.Макнамары *In Retrospect* и отклики на них см. мои статьи «Memories», *Z magazine*, July-Aug. 1995; и «Hamlet Without the Prince», *Diplomatic History* 20:3 (1996).
- ²⁴ Glennon, «New Interventionism»; Sebastian Mallaby, *NYT Book Review*, Sept. 21, 1997; David Fromkin, *Kosovo Crossing* (Free Press, 1999), 196.
- i Копассус (Korassus) – отряды численностью порядка 2 500 служащих. Обучены вести диверсионные действия в тылу противника, десантироваться с воздуха и с моря, собирать разведанные, устраивать акты саботажа. – *Прим. перев.*
- ii государство-клиент – страна, которая зависит от поддержки и защиты другой более крупной и мощной страны. – *Прим. перев.*
- iii PKI (Partai Komunis Indonesi) – коммунистическая партия Индонезии. – *Прим. перев.*
- iv Бейпин – прежнее название Пекина. – *Прим. перев.*

К гл. 2 (Rogue States):

Первоначально статья опубликована в *Z Magazine*, April 1998. [Пер. с англ. П. Смирнова]

¹ Mark Curtis, *The Ambiguities of Power* (Zed, 1995), 146.

² Jules Kagian, *Middle East International*, Oct. 21, 1994; Kagian, *FT*, Feb. 19, 1998; Steven Erlanger and Philip Shenon, *NYT*, Feb. 23, 1998; пресс-

конференция Клинтона: *NYT*, Feb. 24, 1998; R.W. Apple, *NYT*, Feb. 24, 1998; Aaron Zitner, *BG*, Feb. 21, 1998.

- ³ Colum Lynch, *BG*, March 3, 1998; Weston, Costa Rica, *BG*, March 3, 1998; *WSJ*, March 3, 1998; Barbara Crossette, *NYT*, March 3, 1998; Laura Silber and David Buchan, *FT*, March 4, 1998; Steven Lee Myers, *NYT*, March 4, 1998; R.W. Apple, *NYT*, Feb. 24, 1998 (Lott); Steven Erlanger and Philip Shenon, *NYT*, Feb. 23, 1998 (McCain, Kerry); Aaron Zitner, «A Visible Kerry Turns Tough on Crisis», *BG*, Feb. 21, 1998.

- ⁴ Editorial, *BG*, Feb. 27, 1998; William Pfaff, *BG*, Feb. 23, 1998; Ronald Steel, *NYT*, March 1, 1998.

- ⁵ Nov. 29, 1990.

- ⁶ Aug. 2, 1990.

- ⁷ Editorial, *FT*, March 2, 1998.

- ⁸ См. гл. 1, п. 4 данной книги.

- ⁹ См. мои книги *Culture of Terrorism*, 67f. и *Necessary Illusions*, 82f., 94f., 270.

- ¹⁰ National Security Council 5429/2; выделено мной.

- ¹¹ См. мои книги *For Reasons of State*, 100 ff.; *Pirates and Emperors*, 140; Заявления представителя в ООН Томаса Пикеринга и министерства юстиции приводятся в моей книге *Deterring Democracy*, 147; а также *World Orders Old and New*, 16f; George Kahin, *Intervention* (Knopf, 1986), 74.

- ¹² Steven Donziger, ed., *The Real War on Crime: The Report of the National Criminal Justice Commission* (HarperCollins, 1996); Nils Christie, *Crime Control as Industry* (Routledge, 1993); Michael Tonry, *Malign Neglect: Race, Crime and Punishment in America* (Oxford, 1995); Randall Shelden and William Brown, *Criminal Justice* (Wadsworth, готовится к изд.). См. гл. 5.

- ¹³ «Irrationality Suggested to Intimidate US Enemies», *AP*, *BG*, March 2, 1998. Для детального рассмотрения см. гл. 1, 7 и 8 наст. изд. Об этой израильской теории см. мою книгу *Fateful Triangle*, 464 ff.

- ¹⁴ George Bush, *National Security Strategy of the United States*, White House, March 1990; более обширные цитирования в моей книге *Deterring Democracy*, гл. 1.

- ¹⁵ Об этом и о том, что за этим последовало, см. мои статьи в журнале *Z* в 1990-91 гг.; *Deterring Democracy* (гл. 4-6, послесловие); *Powers and Prospects*, гл. 6; моя статья в: Cynthia Peters, ed., *Collateral Damage: The «New World Order» at Home and Abroad* (South End, 1992). Также: Dilip Hiro, *Desert Shield to Desert Storm* (Routledge, 1992); Douglas Kellner, *The Persian Gulf TV War* (Westview, 1992); Miron Rezun, *Saddam Hussein's Gulf Wars* (Praeger, 1992); а также ряд интересных сборников. Есть также получившая много хвалебных (само)оценок «академическая история», написанная Лоренсом Фридмэном и Эфраимом Каршем, которая содержит полезную информацию, но не свободна от серьезных пропусков и ошибок: Lawrence Freedman and Efraim Karsh *The Gulf Conflict 1990-1991: Diplomacy and War in the New World Order* (Princeton, 1992). См. мою книгу *World Orders Old and New*, гл. 1, прим. 18; а также мою статью «World Order and Its Rules», *Journal of Law and Society* (Cardiff, Wales), Summer 1993.

- ¹⁶ Ronald Steel, *NYT*, March 1, 1998.
- ¹⁷ Цит. По: Charles Glass, *Prospect* (London), March 1998.
- ¹⁸ См. гл. 1 и 4 наст. изд.
- ¹⁹ См. мои статьи в журнале *Z* периода от Мадридской конференции 1991 г. до конференции в Осло 1993 г., а также последующих лет. Также в *Detering Democracy*, гл. 6 и послесловие; *Powers and Prospects*, гл. 6; *World Orders Old and New*, гл. 3 и эпилог; а также цитируемые источники. Обновленная информация содержится в моем выступлении «The 'Peace Process' in US Global Strategy» на конференции в Университете Бен-Гуриона в июне 1997 г.; в: Haim Gordon, ed., *Looking Back at the June 1967 War* (Praeger, 1999); а также в моей кн. *Fateful Triangle*.
- ²⁰ Serge Schmemmann and Douglas Jehl, *NYT*, Feb. 27, 1998.
- ²¹ См. ранее цит. источники. Albright, Cohen, CNN live report, Ohio State Univ., Feb. 18, 1998; сокращенный отчет (отсутствует процитированный обмен репликами) см.: *NYT*, Feb 19, 1998. Trent Lott, *BG*, Feb. 26, 1998. Charles Glass, *New Statesman*, Feb. 20, 1998. Bill Blum, *Consortium*, March 2, 1990. William Broad and Judith Miller, *NYT*, Feb. 26, 1998. Scott Inquiry Report, Feb. 1996. Gerald James, *In the Public Interest* (London: Little Brown, 1996). Alan Friedman, *Spider's Web: The Secret History of How the White House Illegally Armed Iraq* (Bantam, 1993). Mark Phythian, *Arming Iraq: How the US and Britain Secretly Built Saddam's War Machine* (Northeastern Univ. Press, 1997).
- ²² David Korn, ed., *Human Rights in Iraq* (Human Rights Watch, Yale, 1989); CARDRI (Комитет против репрессий и за демократические права в Ираке), *Saddam's Iraq* (Zed, 1986, 1989), 236f., Dilip Hiro, *The Longest War* (Routledge, 1991), 53; Rezun, *Saddam Hussein's Gulf Wars*, 43f; Darwish and Gregory Alexander, *Unholy Babylon* (St. Martin's, 1991), 78f.; John Gittings, «How West Propped Up Saddam's Rule», *GW*, March 10, 1991.
- ²³ Andy Thomas, *Effects of Chemical Warfare* (Stockholm International Peace Research Institute [SIPRI], Taylor & Francis, 1985), chap. 2. См. мои кн.: *Turning the Tide*, 126; и *Detering Democracy*, 181f.
- ²⁴ О Вьетнаме см. мою кн. *Necessary Illusions*, 38f. О Кубе см.: Chomsky and Edward Herman, *Political Economy of Human Rights*, vol. I, 69, а также большое количество последующих материалов, в т.ч. Alexander Cockburn, *Nation*, March 9, 1998.
- ²⁵ *The Struggle* (New Haven), Feb. 21, 1998; Maggie O'Kane, *Guardian*, Feb. 19, 1998; Scott Peterson, *CSM*, Feb. 17, 1998; Roula Khalaf, *FT*, March 2, 1998. Последствия бомбардировок и санкций стали ясны сразу; см.: Jean Drèze and Haris Gazdar, *Hunger and Poverty in Iraq 1991*, London School of Economics, Sept. 1991. Более подробно об этой проблеме см.: Geoff Simons, *The Scorning of Iraq* (London: Macmillan, 1996).
- ²⁶ Hiro, *The Longest War*, 239f.
- ²⁷ AP, *NYT*, May 26, 1993.
- ²⁸ *NYT*, July 7, 1991; June 28, 1993. О Куббе и Чалаби см. мои статьи в: Peters, *Collateral Damage*.
- ²⁹ David Marcus, *BG*, Feb. 18, 1998; Roula Khalaf, Mark Suzman, David Gardner, *FT*, Feb. 23, 1998; *FT*, Feb. 9, 1998; Robin Allen, *FT*, March 3, 1998;

- Steven Lee Myers, *NYT*, Feb. 9, 1998; Douglas Jehl, *NYT*, Feb. 9, 1998; Charles Sennott, *BG*, Feb. 18, 1998, Feb. 19, 1998; Daniel Pearl, *WSJ*, Feb. 25, 1998.
- ³⁰ David Fairhall and Ian Black, *GW*, Feb. 8, 1998; Reuters, *BG*, March 3, 1998; Douglas Jehl, *NYT*, Feb. 22, 1998; Jimmy Burns, *FT*, Feb. 15, 1998.
- ³¹ Peterson, *CSM*, Feb. 17, 1998.
- ³² David Gardner, *FT*, Feb. 28, 1998; Robin Allen, *FT*, March 3, 1998.
- ⁱ «Документы Пентагона» (Pentagon Papers) – сверхсекретное исследование предыстории участия США в войне во Вьетнаме общим объемом около 7 тыс. страниц, проведенное по поручению президента Л.Джонсона. – *Прим. перев.*
- ⁱⁱ Закон о свободе информации (Freedom of Information Act – FOIA) вступил в силу в 1967 г. Согласно закону все федеральные ведомства США обязаны обеспечивать свободный доступ граждан ко всей информации, которой они располагают. Ограничения касаются лишь материалов, имеющих отношение к национальной обороне, личным и финансовым документам и материалам правоохранительных органов. – *Прим. перев.*
- ⁱⁱⁱ «Великий мастер общения» (Great Communicator) – прозвище президента Р.Рейгана, отметившее его мастерство общения с аудиторией. – *Прим. перев.*
- ^{iv} Бантустаны (bantustans) – государственные образования, сформированные властями ЮАР в 1960-х гг. по племенному признаку. Провозглашалось, что цель создания бантустанов – предоставление самостоятельности чернокожему населению. – *Прим. перев.*
- ^v Билл Блум (William Blum) оставил работу в Госдепартаменте в 1967 г. из-за несогласия с войной США во Вьетнаме. В 1972-1973 гг. он находился в Чили, описывая «социалистический эксперимент» правительства Альенде, которое было свергнуто в результате подготовленного ЦРУ переворота. Он является автором книги «Убивая надежду: интервенции вооруженных сил и ЦРУ Соединенных Штатов после Второй мировой войны». – *Прим. перев.*
- ^{vi} Комиссия Скотта (Scott Inquiry) расследовала в 1996 году факты экспорта в Ирак оборудования военного и двойного назначения и связанных с этим обвинений. – *Прим. перев.*
- ^{vii} Мечеть «Купол скалы» – самая древняя (688-692 гг.) из сохранившихся мусульманских построек в мире, расположенная на Храмовой горе. – *Прим. перев.*

К гл. 3 (Crisis in the Balkans):

Эта статья впервые появилась в *Z Magazine*, May 1999. См. также мои книги: *The New Military Humanism; A New Generation Draws the Line*. [Пер. с англ. О. Приходько]

¹ Ann Scales and Louise Palmer, Kevin Gullen, *BG*, March 25, 1999; Bill Clinton, *NYT*, May 23, 1999.

- ² «Overview», *NYT*, March 27, 1999. Также *Sunday Times* (London), March 28, 1999: «Верховный главнокомандующий вооруженными силами НАТО Уэсли Кларк не был удивлен всплеском ответных действий. 'Это было полностью предсказуемо на данном этапе', — заявил он, говоря об «ужасных» последствиях натовских бомбардировок для мирного населения.
- ³ *BG*, April 4, 1999.
- ⁴ James Hooper, «Kosovo: America's Balkan Problem», *Current History*, April 1999. Хупер — убежденный сторонник военной акции НАТО. Он является исполнительным директором вашингтонской организации «Balkan Action Council», до этого работал в Государственном департаменте в должности заместителя директора подразделения, отвечающего за Балканский регион, затем — заместителем главы дипломатической миссии в Варшаве.
- ⁵ Hooper, «Kosovo: America's Balkan Problem».
- ⁶ Colum Lynch, *BG*, Oct. 8, 1998; Susan Milligan, *BG*, Oct. 9, 1998.
- ⁷ Jane Perlez, «Trickiest Divides Are Among Big Powers at Kosovo Talks», *NYT*, Feb. 11, 1999. Kevin Cullen, «US, Europeans in Discord over Kosovo», *BG*, Feb. 22, 1999.
- ⁸ См. гл. 2, сноска 15 в этой книге.
- ⁹ Serge Schmemmann, «The Critics Now Ask: After Missiles, What?», *NYT*, Dec. 18, 1998.
- ¹⁰ Steven Erlanger, «Belgrade 'Targets' Find Unity 'From Heaven'», *NYT*, March 30, 1999; Veran Matic, op-ed, *NYT*, April 3, 1999; Randolph Ryan, «NATO Bombs Raze Dreams of Democracy», *BG*, April 4, 1999.
- ¹¹ Barton Gellman, William Drozdiak, *WP Weekly*, March 29, 1999.
- ¹² William Glaberson, *NYT*, March 27, 1999.
- ¹³ См. мою книгу *World Orders Old and New* и другие цитируемые источники, в частности, международные правозащитные организации «Amnesty International», «Human Rights Watch», а также Вашингтонское Бюро по делам Латинской Америки. См. гл. 5 в этой книге.
- ¹⁴ См. мою книгу *The New Military Humanism*, гл. 3.
- ¹⁵ Ibid.
- ¹⁶ Kevin Cullen and Anne Kornblut, *BG*, April 4, 1999; речь Клинтона 1 апреля 1999 года на авиабазе в Норфолке: *NYT*, April 2, 1999.
- ¹⁷ Colum Lynch, «US Seen Leaving Africa to Solve Its Own Crises», *BG*, Feb. 19, 1999.
- ¹⁸ Интервью Лесли Сталь с Мадлен Олбрайт в программе «60 Minutes» 12 мая 1996 года.
- ¹⁹ Этан Броннер приводит это высказывание профессора превентивной дипломатии из Колумбийского университета Дэвида Филлипса в статье: «The Scholars: Historians Note Flaws in President's Speech», *NYT*, March 26, 1999.
- ²⁰ Sean Murphy, *Humanitarian Intervention: The United Nations in an Evolving World Order* (Univ. of Pennsylvania Press, 1996). Цитаты взяты из его докторской диссертации под тем же названием (1994 г.). В качестве обзора см. *American Journal of International Law*, vol. 92 (1998), 583f. См. сравнительный анализ действий и пропаганды Японии в Маньчжурии, а США — во Вьетнаме в моей работе «Revolutionary Pacifism of A.J. Muste», пере-

чатанной в книге *American Power and the New Mandarins: Historical and Political Essays* (Pantheon, 1969), 323-366.

²¹ Gaddis, «The Old World Order», *NYT Book Review*, March 21, 1999.

²² См. гл. 1 в этой книге.

²³ Samuel Huntington, *Foreign Affairs*, March-April 1999.

²⁴ Kevin Done, *FT*, March 27 and 28, 1999.

²⁵ Подробности документальной хроники событий и их освещения в прессе см. мою книгу *The New Military Humanism*, гл. 5.

²⁶ Henry Kissinger, «Commentary», *BG*, March 1, 1999.

²⁷ Tony Judt, «Tyrannized by Weaklings», op-ed, *NYT*, April 5, 1999.

²⁸ Serge Schmemmann, «A New Collision of East and West», *NYT*, April 4, 1999.

²⁹ Cohen, Federal News Service, April 1, 1999.

³⁰ Adam Clymer, *NYT*, March 29, 1999.

³¹ Clinton speech, *NYT*, April 2, 1999; Bob Hohler, *BG*, April 3, 1999.

³² Jane Perlez, *NYT*, March 28, 1999 и многие другие.

³³ Hedley Bull, «Justice in International Relations», Hagey Lectures, University of Waterloo, Ontario, 1983, 1-35. Louis Henkin, *How Nations Behave* (Council on Foreign Relations, Columbia Univ., 1979), 144-45; эта работа, как имеющая особое значение, цитируется также в: Murphy, *Humanitarian Intervention*.

Норман Шварцкопф – американский генерал, командовавший операцией «Буря в пустыне», приведшей к разгрому Ирака войсками многонациональной коалиции в 1991 г. – *Прим. перев.*

К гл. 4 (East Timor Retrospective):

Фрагменты этой статьи впервые появились в «ZNet commentaries», Oct. 4, 1999 and Oct. 23, 1999 и в «Western 'Green Light' for Massacres», *Le Monde diplomatique*, Oct. 1999. Дополнительные подробности, новые добавления и источники см.: примечания к гл. 1, сноска 5 в этой книге. [Пер. с англ.

О. Приходько]

¹ Report of the Security Council Mission to Jakarta and Dili, Sept. 8-12, 1999.

² *NYT*, op-ed, Sept. 15, 1999.

³ *BG*, Sept. 15, 1999. Согласно оценкам, которые ООН обнародовала позднее, насильственно было изгнано 85 процентов населения.

⁴ Benedict Anderson, statement before the Fourth Committee of the UN General Assembly, Oct. 20, 1980. Более развернутое цитирование и подоплеку событий см. в моей книге *Towards a New Cold War*.

⁵ David Briscoe, AP online, Sept. 8, 1999.

⁶ Обзор событий и источники см. в моей книге *Year 501*.

⁷ Alan Nairn, *The Nation*, Sept. 27, 1999.

⁸ Elizabeth Becker, *NYT*, Sept. 14, 1999.

⁹ Sander Thoenes, *FT*, London, Sept. 8, 1999; *CSM*, Sept. 14, 1999.

¹⁰ Guy Alcorn, *Sydney Morning Herald*, Aug. 25, 1999 – цитируется представитель американского Госдепартамента Джеймс Фоули. Defense Secretary William Cohen, press briefing, Sept. 8, 1999.

- ¹¹ Elizabeth Becker and Philip Shenon, *NYT*, Sept. 9, 1999. Steven Mufson, Sept. 9, 1999.
- ¹² Peter Hartcher, *Australian Financial Review* (Sydney), Sept. 13, 1999.
- ¹³ Daniel Patrick Moynihan, *A Dangerous Place* (Little, Brown, 1978).
- ¹⁴ Arnold Kohen, *WP*, Sept. 5, 1999.
- ¹⁵ Philip Shenon, *NYT*, Sept. 13, 1999.
- ¹⁶ *The Observer* (London), Sept. 13, 1999.
- ¹⁷ Becker and Shenon, *NYT*, Sept. 9, 1999.
- ¹⁸ Jenkins, *Sydney Morning Herald*, July 8, 1999. Anderson, *New Left Review* 235, May/June 1999.
- ¹⁹ Brian Toohey, *Australian Financial Review*, Aug. 14, 1999. Он ссылается на радиоинтервью, которое было дано «ранее в этом году».
- ²⁰ *The Observer*, Sept. 13, 1999.
- ²¹ Mark Dodd, *Sydney Morning Herald*, July 26, 1999.
- ²² Сноски к нижеследующим цитатам см. в моей работе *A New Generation Draws the Line*.

К гл. 5 («Plan Colombia»):

Эта статья была впервые опубликована в: *Z Magazine*, June 2000. [Пер. с англ. О. Приходько]

- ¹ См. о поставках вооружений: Adam Isacson and Joy Olson, *Just the Facts: A Citizen's Guide to US Defense and Security Assistance to Latin America and the Caribbean* (Latin America Working Group and Center for International Policy, Washington DC, 1999). Предысторию вопроса и источники, которые не приведены в данной работе, см. в моих книгах: *Deterring Democracy*, гл. 4 и 5; *World Orders Old and New*, гл.1 и 2. См. также: Javier Giraldo, S.J., *Colombia: The Genocidal Democracy* (Common Courage, 1996). О взаимосвязи этих явлений см.: Lars Schoultz, гл.10, с.127 в этой книге. Более подробную информацию и исследования, которые помогают объяснить эти мотивы, см.: Noam Chomsky and Edward Herman, *Political Economy of Human Rights*, т.1, гл. 2.1.1; Herman, *The Real Terror Network* (South End, 1982), 126ff. Существует обширная литература, посвященная изучению этого вопроса на примере отдельных стран.
- ² Martin Hodgson, «The coca leaf war», *Bulletin of the Atomic Scientists*, May/June 2000. Согласно официальным заявлениям колумбийских властей, «суммарная стоимость «Плана Колумбия» составит 7,3 млрд. долл., из которых 4,2 млрд. долл. будут профинансированы колумбийским правительством, а 3,1 млрд. долл. поступит от международного сообщества», в том числе 1,08 млрд. долл. на цели «стратегии борьбы с наркотиками». Press release, Colombian Embassy, Washington, DC, June 2, 2000. «Сознательная неосведомленность» – выражение, которое употребили активисты движения в защиту прав человека Дональд Фокс и Майкл Гленнон, комментируя решение Вашингтона «не замечать» террор, который он насаждает в Центральной Америке с помощью своих марионеток. «Report to the International Human Rights Law Group and the Washington Office on Latin America», Washington DC, April 1985, p. 21. См. также: Glennon, «Terrorism

and 'intentional ignorance'», *CSM*, March 20, 1986. См. мою книгу *Necessary Illusions*, p. 78.

- ³ Речь идет о финансовых годах. О поставках американского оружия Турции см.: Tamar Gabelnick, William Hartung, and Jennifer Washburn, *Arming Repression: US Arms Sales to Turkey During the Clinton Administration* (World Policy Institute and Federation of American Scientists, Oct. 1999). См. обзор американо-турецких программ борьбы с повстанцами в моей книге *The New Military Humanism*.
- ⁴ Judith Miller, *NYT*, April 30, 2000. Другими триумфаторами в войне с терроризмом являются Испания (по крайней мере, те члены испанского правительства, которые еще не посажены в тюрьму за пытки и зверства, совершенные во время их контртеррористической деятельности) и Алжир, упоминание которого не требует комментариев. Этот доклад и обзор Государственного департамента заслуживают более подробного рассмотрения.
- ⁵ Reuters, May 9, 2000 (datelined Ankara); *AFP*, May 26, 2000. AP, *BG*, Chicago Tribune, *WP* (краткие выдержки), May 27, 2000. Anne Kornblut, «Congress sees differences on China, Cuba», *BG*, May 27, 2000. Kinzer, «Turkey Reviews the Darkest Hours in Its Painful Past», *NYT*, May 28, 2000. Kinzer, «Turkish Study Finds Torture of Prisoners Is Widespread», *NYT*, June 4, 2000. В этой статье Кинцер отмечает, что в юго-восточных районах Турции «большинство курдского населения давно жаловалось на неправомерные действия полиции»; но это далеко еще не вся правда. О том, как Кинцер описывает массовые этнические чистки и террористические операции в Турции в 1990-е гг., роль в них администрации Клинтона см. мою книгу *The New Military Humanism*. О мастерских приемах Кинцера по замалчиванию американских злодеяний и торпедированию дипломатических усилий во время его пребывания в прежней должности в Никарагуа см. мою книгу *Necessary Illusions*.
- ⁶ В качестве одной лишь иллюстрации: когда в апреле турецкие войска готовились к проведению наступательных операций, редакторам восьми газет, выходящих в одном из курдских районов, грозило вынесение приговора, предусматривающего три года тюремного заключения, если их признают виновными в написании названия курдского праздника *Newroz* вместо *Nevroz*, как того требует орфография турецкого языка (*AP Worldstream*, March 25, 2000).
- ⁷ Ferit Demer, Reuters, datelined Tunceli, Turkey, April 1, 2000. Chris Morris, *Guardian* (London), April 3, 2000. «Arab League Denounces Turkish Incursion into Iraq», *Mena* (Cairo), April 4, 2000; *Kurdish News Bulletin*, April 1-16, 2000. Поиск в американской базе данных дал только следующее: AP, *Los Angeles Times*, April 2, 2000, 326 words. Rubin, US Dept. Of State daily press briefing, April 4, 2000; M2 Presswire.
- ⁸ Federal News Service, Defense Dept. Briefing, Secretary of Defense William Cohen, «Turkey's Importance to 21st Century International Security», Grand Hyatt Hotel, Washington, DC, March 31, 2000; Charles Aldinger, «US Praises Key NATO Ally Turkey», Reuters, March 31, 2000.

- ⁹ Human Rights Watch, *The Ties That Bind: Colombia and Military-Paramilitary Links*, Feb. 2000. Martin Hodgson, *CSM*, April 26, 2000 (UN Report). State Dept. *Country Reports on Human Rights Practices*, 1999 and 1998. Доклад Госдепартаментa о состоянии прав человека в различных странах мира в 1999 г. цитирует Ходжсон в своей статье «Coca Leaf War». Шведского дипломата, директора колумбийского представительства Комиссара ООН по правам человека, цитирует Ана Карригэн в своей статье «Dogs of war are loose in Colombia», *Irish Times*, May 6, 2000.
- ¹⁰ Winifred Tate, Washington Office on Latin America (WOLA), Oct. 6, 1999. Comisiyn Colombiana de Juristas, «Panorama de los derechos humanos y del derecho humanitario en Colombia: 1999», Sept. 1999; см. *Colombia Update* 11:3-4 (Winter/Spring 2000). Bland, «Colombia: Don't forget the lesson of Salvador», *LAT*, April 10, 2000. Данные ЮНИСЕФ и CODHES приводит Морис Лемуан в: «The Endless Undeclared Civil War», *Le Monde diplomatique*, May 2000.
- ¹¹ Federal News Service, May 1, 2000, State Dept. Briefing.
- ¹² Lindsay Murdoch, *The Age* (Australia), April 8, 2000; Barry Wain, Asia editor, *WSJ* (Asia edition), April 17, 2000. О событиях в Восточном Тиморе и Косово см. мои статьи «In Retrospect» и «'Green Light' for War Crimes», опубликованные на нескольких языках и в нескольких вариантах в 1999-2000 гг., их последняя версия – в моей работе *A New Generation Draws the Line*.
- ¹³ Ibid. См. подробности и источники в книге *The New Humanism*.
- ¹⁴ AFL-CIO, «Statement on the Situation of Labor in Colombia and US Policy», Feb. 17, 2000, distributed by WOLA. Human Rights Watch, *World Report 2000* (Human Rights Watch, Dec. 1999).
- ¹⁵ В апреле 2000 г. РВСК объявили о формировании новой политической партии – «Боливарское Движение за Новую Колумбию», призвав к созданию «новых политических, социальных и экономических условий, ... которые сделали бы ненужным использование оружия». AP, April 30, 2000, *Miami Herald* Web site, and Reuters, *El Nuevo Herald* (Miami), цитируются в: *Weekly News Update on the Americas* 535 (April 30, 2000). Однако новая партия «на время останется в подполье, чтобы не допустить убийства ее лидеров, – заявили командиры РВСК». Vivian Sequera, AP, *BG*, April 30, 2000.
- ¹⁶ Steven Greenhouse, *NYT*, March 15, 1994. См. последующие цитаты и комментарии в моей книге *World Orders Old and New*.
- ¹⁷ Арлен Тикнер, генеральный координатор Центра международных исследований Андского университета (Богота): «Colombia: Chronicle of a Crisis Foretold», *Current History*, Feb. 1998.
- ¹⁸ Lars Schoultz, *Human Rights and United States Policy toward Latin America* (Princeton, 1981), p. 7. Vázquez Carrizosa, а также другие труды по истории вопроса см.: ссылки в сноске 1.
- ¹⁹ Michael McClintock, «American Doctrine and Counterinsurgent State Terror», в книге: A. George, ed., *Western State Terrorism* (Polity-Blackwell, 1991), p. 139; McClintock, *Instruments of Statecraft* (Pantheon, 1992), p. 222.
- ²⁰ Ibid., p. 227.

- ²¹ О программах колумбийских партизан см.: Andrés Cala, «The Enigmatic Guerrilla: FARC's Manuel Marulanda», *Current History*, Feb. 2000; Karen De Young, «Colombia's Non-Drug Rebellion», *WP National Weekly*, April 17, 2000. См. также «повестку дня для переговоров» PBCK в: Adam Isacson, «The Colombian Dilemma», *International Policy Report* (Washington, DC: Center for International Policy), Feb. 2000.
- ²² James Wilson, «Rebels tax plan outrages Colombia», *FT*, April 28, 2000. См. также Carrigan, *op. cit.*
- ²³ Larry Rohter, «Colombia Agrees to Turn Over Territory to Another Rebel Group», *NYT*, April 26, 2000; Alma Guillermoprieto, *New York Review*, May 11, 2000. Для более глубокого анализа см. Lemoine, *op. cit.*, где рассматривается обращение PBCK к широким слоям крестьянства и трудящихся, которые видят в них «армию бедноты», и в частности – к женщинам, составляющим сейчас одну треть численности их рядов. Это обращение связано с отказом PBCK от ранее проводившейся политики притеснения и разорения, которая особенно больно была по самым бедным и обездоленным слоям населения.
- ²⁴ James Wilson, «Colombia's citizens get the chance to confront rebels», *FT*, April 26, 2000.
- ²⁵ *La Prensa Gráfica* (San Salvador), April 28, 2000; цитируется в: *Weekly News Update on the Americas* 535, April 30, 2000; там цитируются также более ранние номера этого издания. Kintto Lucas, Interpress Service (Quito, Ecuador), March 23, 2000.
- ²⁶ Предысторию и анализ проблемы см., в частности, в: Arnold Chien, Margaret Connors, and Kenneth Fox, «The Drug War in Perspective», in J.Y. Kim, J. Millen, A. Irwin, and J. Gershman, eds., *Dying for Growth* (Institute for Health and Social Justice/Partners in Health, Cambridge MA [Common Courage, 2000]).
- ²⁷ General Accounting Office, *Drug Control: Narcotics Threat from Colombia Continues to Grow*, June 1999.
- ²⁸ Alan Feuer, «US Colonel Is Implicated in Drug Case», *NYT*, April 4, 2000.
- ²⁹ John Donnelly, *BG*, March 9, 2000. См.: «Paramilitary Leader Goes Public», *Latinamerica Press* (Peru), March 20, 2000.
- ³⁰ DeYoung, «Colombia's Non-Drug Rebellion».
- ³¹ Cala, «Enigmatic Guerrilla». Ricardo Vargas Meza, *The Revolutionary Armed Forces of Colombia (FARC) and the Illicit Drug Trade* (Acción Andina [Bolivia], TNI [Netherlands], WOLA [Washington, DC]), June 1999.
- ³² Ibid. См. также: Vargas, «Drug Cultivation, Fumigation, and the Conflict in Colombia» (TNI and Acción Andina, Colombia), Oct. 1999; Hodgson, «coca leaf war». См. также Larry Rohter, «Colombia Tries, Yet Cocaine Thrives», *NYT*, Nov. 20, 1999, где говорится о том, что правительство и фермеры Колумбии выступают против требований США, настаивающих на осуществлении программ уничтожения посевов, а не замещения посевных культур, которым они отдают предпочтение. О нынешних планах использования биологического оружия в дополнение к обычно применяемым химическим средствам уничтожения см. «UN to Unleash Biowar Against Colombian Cocaine Plants», *AFF*, March 8, 2000, где говорится о статье в

британском журнале *New Scientist* (March 9, 2000). Эта статья рассказывает о финансируемом США и ООН плане провести опытные посадки на открытом грунте гриба (*Fusarium oxysporum*), с которым до того экспериментировали только в американских государственных теплицах. «Возможность использования приемов биологической войны стала рассматриваться из-за неспособности борцов с преступностью искоренить посевы коки», – сообщает *AFP*. Фермеры в Перу утверждают, что этот вид грибов, резко сокративший производство коки в их стране, «также подвергся мутации и сейчас убивает многие традиционные сельскохозяйственные культуры, включая бананы, какао, кофе, кукурузу, лимонную траву, папайю и юкку», однако «американские официальные лица настаивают на том, что обвинения, проводящие подобные параллели, беспочвенны». Eric Lyman, «US Accused of Creating Blight Coca Plants and Harming Other Crops», *San Francisco Chronicle*, Nov. 4, 1999.

- ³³ Walter LaFeber, «The Alliances in Retrospect», in A. Maguire and J. W. Brown, eds., *Bordering on Trouble: Resources and Politics in Latin America* (Adler & Adler, 1986). Joseph Treaster, «Coffee Impasse Imperils Colombia's Drug Fight», *NYT*, Sept. 24, 1988. О программе «Продовольствие во имя мира», последствиях «субсидирования экспорта» Соединенными Штатами и использовании финансовых средств в аналогичных целях см.: William Borden, *The Pacific Alliance: United States Foreign Economic Policy and Japanese Trade Recovery, 1947-1955* (Univ. of Wisconsin Press, 1984), 182f. Более обширную информацию см.: Tim Barry and Deb Preusch, *The Soft War* (Grove, 1988). О предыстории вопроса см. также Chien et al., «The Drug War in Perspective», в книге *Dying for Growth*.
- ³⁴ Susan Strange, *Mad Money: When Markets Outgrow Governments* (Univ. of Michigan, 1998), p. 127.
- ³⁵ См. гл. 10 в этой книге.
- ³⁶ Tim Weiner, «Congress Agrees to \$7.1 Billion in Farm Aid», *NYT*, April 14, 2000; Nicolas Kristof, «As Life for Family Farmers Worsens, the Toughest Withers», *NYT*, April 2, 2000; Laurent Belsie, «Collapse of Free-Market Farm Economy?», *CSM*, March 23, 2000. См. подробности и содержательный анализ в: National Farmers Union (Saskatoon, SK, Canada), *The Farm Crisis, EU Subsidies, and Agribusiness Market Power* – доклад, представленный постоянному комитету по сельскому хозяйству и лесоводству Сената канадского парламента. Оттава, 17 февраля, 2000 г.
- ³⁷ Одной из свежих иллюстраций этого является реакция на Декларацию саммита лидеров стран Юга, принятую в Гаване в апреле 2000 г. Этот документ осуждает навязываемые Западом формы «глобализации» и призывает к созданию «международной экономической системы, которая была бы справедливой и демократичной», подчеркивая значимость «права на развитие», отвергаемого США, и критикуя «так называемое 'право' на гуманитарную интервенцию», а также любое военное или экономическое вмешательство с целью не позволить странам развивать свои собственные «политические, экономические, социальные и культурные системы». В нем содержатся многие конкретные обвинения и предложения. По обык-

новению декларация стран, в которых проживает 80 процентов населения мира, была обойдена вниманием, и о ней ничего не сообщалось.

- ³⁸ Adam Isacson, «Getting in Deeper», Center for International Policy, *International Policy Report* (Feb. 2000); Linda Robinson, *World Policy Journal* (Winter 1999-2000); Cala, «Enigmatic Guerrilla». Larry Rohter, *NYT*, Nov. 20, 1999: говорится о «замешательстве» колумбийских официальных лиц, чьи распоряжения были отменены; Rohter, «To Colombians, Drug War Is Toxic Foe», *NYT*, May 1, 2000: сообщается о последствиях распыления химических веществ в нарушение правил (применяемых в США) и последовавших опровержениях американского посольства. См. сноски 32.
- ³⁹ Gwen Robinson and James Wilson, *FT*, March 30, 2000; Michael Isikoff, Gregory Vistica, Steven Ambrus, «The Other Drug War», *Newsweek*, April 3, 2000.
- ⁴⁰ AP, *NYT*, April 10, 2000; Peter McFarren, AP, *BG*, April 10, 2000; Reuters, AP, April 18, 2000; Richard Lapper, «Anger in the Andes», *FT*, April 26, 2000; Francis McDonagh, *National Catholic Reporter*, April 28, 2000.
- ⁴¹ Jim Schultz, The Democracy Center, Bogotá, April 9, 2000; *San Jose Mercury News*, April 8, 2000; Democracy Center, April 13, 2000; Pacific News Service, April 13, 2000; *San Francisco Examiner*, April 19, 2000; *In These Times*, May 15, 2000.
- ⁴² Kirk Semple, «Antidrug Efforts Sowing Fear in Colombia», *BG*, April 10, 2000.
- ⁴³ Alvin Winder, Ted Chen, and William Mfuko, «Influence of American Tobacco Imports on Smoking Rates Among Women and Youth in Asia», *International Quarterly of Community Health Education* 14:4 (1993-94), 345-59; Chen and Winder, «APACT: Its Organization and Impact on Resistance to US Tobacco Imperialism», *International Quarterly of Community Health Education* 12:1 (1991-92), 59-67. См. также гл. 10, с. 150 в этой книге. О слушаниях по вопросу американских торговых санкций, угроза которых заставила азиатские страны открыть двери для американских смертоносных химикатов, и агрессивной рекламной кампании, проводившейся как раз в то время, когда Джордж Буш объявил о новой «войне с наркотиками», и о поразительной реакции средств массовой информации на эти два происходивших одновременно события см. мою книгу *Detering Democracy*, гл. 4. О соотношении умерших в Колумбии и США см. Peter Bourne, *World Development Forum* 6 (June 1988); на него ссылаются Joyce Millen and Timothy Holtz в: «Transnational Corporations and the Health of the Poor», in Kim et al., *Dying for Growth*.
- ⁴⁴ Stephen Bezručka, «Is globalization dangerous to our health?», *Western Journal of Medicine* 172:332-334, May 2000.
- ⁴⁵ Colin Nickerson, «A Northern Border Menace», *BG*, April 26, 2000. Международная программа ООН по контролю над наркотиками, *World Drug Report* (Oxford, 1997). Некоторые любопытные данные об участии американских банков и химических корпораций в незаконном обороте наркотиков и о реакции на это Вашингтона см. в моей книге *Detering Democracy*.
- ⁴⁶ Linda Greenhouse, «Excerpts From [Supreme Court] Opinions», *NYT*, March 22, 2000. Peto, см. гл. 10, сноску 94 в этой книге.

- ⁴⁷ John Donnelly, *BG*, March 22, 2000.
- ⁴⁸ Dissenting Views of Hon. Nancy Pelosi and Hon. David Obey in House Committee Report 106-521 on H.R. 3908, March 14, 2000, distributed by WOLA.
- ⁴⁹ John Donnelly, *BG*, Feb. 21, 2000.
- ⁵⁰ Michael Tonry, *Malign Neglect: Race, Crime, and Punishment in America* (Oxford, 1995). См.: Juan Pablo Ordoñez, *No Human Being Is Disposable* (Columbia Human Rights Committee, Washington, DC, 1995). Ордоньес является еще одним правозащитником, который был вынужден бежать из страны под угрозой смерти. О последствиях этой политики для населения США см.: Marc and Marque-Luisa Miringoff, *The Social Health of the Nation* (Oxford, 1999) – последний номер доклада «Социальное здоровье» Института Фордхэма по инновациям в социальной политике, в котором отслеживаются социальные индикаторы (то, что делают правительственные ведомства в других промышленно развитых странах). Наиболее поразительный их вывод состоит в том, что кривые, показывающие изменение социальных параметров и ВВП, были очень схожи до середины 1970-х годов, но затем первая кривая пошла вниз, оставив США ниже уровня 1959 г. – это падение они называют «социальной рецессией». Данный сдвиг совпадает с началом официальной «глобализации» и осуществления в США своего варианта выборочных «неолиберальных реформ».
- ⁵¹ Chien et al., «The Drug War in Perspective», in Kim et al., *Dying for Growth*. О настоящем и прошлом судебно-исправительной системы см.: Randall Shelden, *Controlling the Dangerous Classes: A Critical Introduction to the History of Criminal Justice* (Allyn and Bacon, forthcoming).
- ⁱ «F-35» (Joint Strike Fighter) – ударный истребитель, создаваемый по технологии «стелс» американской фирмой Lockheed Martin Aeronautics для американских ВВС. Предполагаемый срок принятия на вооружение – 2008 г. – *Прим. перев.*
- ⁱⁱ АФТ-КПП – Американская федерация труда – Конгресс производственных профсоюзов – общенациональная федерация американских профсоюзов.
- ⁱⁱⁱ Должность военного министра существовала в США до 1947 г., когда вместо нее был учрежден пост министра обороны. – *Прим. перев.*
- ^{iv} Наступательная операция Тет (Tet offensive) была начата в канун нового года, который во Вьетнаме отмечается по лунному календарю, – Тет Нгуен Дан или сокращенно Тет. – *Прим. перев.*
- ^v TINA (There is no alternative) – аббревиатура излюбленного оборота, который Маргарет Тэтчер в бытность премьер-министром Великобритании использовала, доказывая, что у ее экономической программы нет реальной альтернативы.
- ^{vi} «Структурные изменения» – жесткие, непопулярные социально-экономические меры в бедных странах, осуществление которых МВФ и Всемирный банк ставит в качестве условия предоставления своих кредитов.

Эта глава является отредактированным вариантом моего выступления в «Старой южной Церкви» (Old South Church) в Бостоне 1 июня 1999 г., спонсором которого выступила организация «Пасторы за мир». [Пер. с англ. О. Приходько]

¹ См. гл. 1, с. 2 и сноска 3 в этой книге.

ⁱ «Kennedy Tapes» – магнитофонные записи администрации Джона Ф.Кеннеди – *Прим. перев.*

ⁱⁱ Новая Англия (New England) – бывшая британская провинция в северо-восточной части США, в состав которой входили территории нынешних штатов: Массачусетса, Коннектикута, Род-Айленда, Нью-Гэмпшира, Вермонта. – *Прим. перев.*

К гл. 7 (Putting on the Pressure: Latin America):

Эта глава представляет собой выдержки из моего выступления в колледже (Cuyahoga Community College) в Кливленде, штат Огайо, 14 марта 1999 г. Выступление спонсировала «Межконфессиональная рабочая группа по проблемам Центральной Америки». [Пер. с англ. О. Приходько]

¹ Это высказывание принадлежит Кристиану Томушату, немецкому профессору юриспруденции, возглавляющему «Комиссию по выяснению исторической правды», приводит Эдвард Хегстрём в: *Houston Chronicle*, Feb. 28, 1999.

² Steven Greenhouse, *NYT*, Feb. 28, 1999.

³ «Memorandum by the Director of Central Intelligence (Smith) to the Under Secretary of State (Bruce), Dec. 12, 1952; NIE-84, May 19, 1953. *Foreign Relations of the United States 1952-1954*, vol. IV, 1055ff.

⁴ Ibid. Более подробное изложение этого вопроса и соответствующие документы см. в моих книгах: *Necessary Illusions*, app. V,1; *Detering Democracy*, гл. 3, 8 и 12.

⁵ См. гл. 1, сноску 20 в этой книге.

⁶ Bryce Wood, *The Dismantling of the Good Neighbor Policy* (Univ. of Texas, 1985), p. 177. Более подробное изложение этого вопроса см. в моей книге *Detering Democracy*, гл. 3.

⁷ *Latinamerica Press* (Peru), Feb. 22, 1999.

⁸ См. гл. 8 в этой книге.

⁹ Joel Millman, «Is the Mexico Model Worth the Pain?», *WSJ*, March 8, 1999.

¹⁰ Dan McCosh, *El Financiero*, Jan. 3 and Dec. 20, 1998.

¹¹ Minutes of the Latin American Strategic Development Workshop (Sept. 26-27, 1990), p. 3.

ⁱ НАФТА (NAFTA) – соглашение между США, Канадой и Мексикой о создании зоны свободной торговли в Северной Америке. – *Прим. перев.*

К гл. 8 (Jubilee 2000):

Отрывки из этой главы опубликованы в лондонской газете *Guardian* 15 мая 1998 г., напечатавшей серию материалов по поводу юбилейного 2000 года. [Пер. с англ. П. Смирнова]

- ¹ Jeffrey Sachs, *FT*, Nov. 5, 1998. Об инструментах, с помощью которых банки фактически вознаграждаются за неразумное кредитование латиноамериканских стран, неизменно приводившее к их разорению, см. Karin Lissakers, *Banks, Borrowers, and the Establishment* (Basic Books, 1991), а также Susan Strange, *Mad Money* (Univ. Of Michigan Press, 1998).
- ² Lissakers, *Banks, Borrowers*; Cheryl Payer, *Lent and Lost* (Zed, 1991).
- ³ Специалист по Индонезии Бенедикт Андерсон оценил состояние семьи Сухарто в 30 млрд. долл. – ненамного ниже намеченного пакета спасительных мер МВФ (*London Review of Books*, April 16, 1998). Мнение индонезийского экономиста Квик Киан Ги приводится в работе Gerry van Klinken, *Inside Indonesia*, April-June 1998. Слова Робинсона, директора Центра азиатских исследований Университета Мэрдока в Перте см. в: «Stalinist State», *Far Eastern Economic Review*, April 16, 1998.
- ⁴ Lissakers, *Banks, Borrowers*; Payer, *Lent and Lost*. Об увеличении государственных расходов при Рейгане см.: Fred Block, *Vampire State* (New Press, 1996). Нынешние программы списания долгов (а их, как уже признано, невозможно выплатить) для бедных стран с высоким уровнем задолженности обусловлены принятием ими программ структурных реформ МВФ, которые по-новому называются «Программа содействия снижению бедности и помощи экономическому росту».
- ⁵ Peter Cowhey and Jonathan Aronson, *Managing the World Economy* (Council on Foreign Relations, Columbia Univ., 1993).
- ⁶ Eric Helleiner, *States and the Reemergence of Global Finance* (Cornell Univ. Press, 1994).
- ⁷ Patricia Adams, *Odious Debts* (Earthscan, 1991); Lissakers, *Banks, Borrowers*. Witness for Peace, *A Bankrupt Future: The Human Cost of Nicaragua's Debt* (WFP, 2000); *Envio* (Managua, Nicaragua: UCA), 18.220, Nov. 1999.
- ⁸ Payer, *Lent and Lost*; Emma Rotschild, *NYT Magazine*, March 13, 1977.
- ⁹ Walter Laqueur, *NYT Magazine*, Dec. 16, 1973.
- ¹⁰ Lissakers, *Banks, Borrowers*. Об истории вопроса см. среди прочих: David Felix, «Asia and the Crisis of Financial Globalization», in D. Baker, G. Epstein, and R. Pollin, eds., *Globalization and Progressive Economic Policy* (Cambridge Univ. Press, 1998).
- ¹¹ Payer, *Lent and Lost*; Philip Wellons, *Passing the Buck* (Harvard Business School Press, 1987).
- ¹² Мексиканский экономист Alejandro Nadal, «World Investment Report 1999 Flawed on Many Fronts», *Third World Economics*, Nov. 16-30, 1999.
- ¹³ Felix, «Asia and the Crisis of Financial Globalization»; «Globalizing Financial Capital Mobility: The Empire's New Clothes?», Working Paper No. 213, Washington University, June 1998, готовится к публикации в: *CEPAL Review*. О падении макроэкономических показателей после начала финансовой либерализации («глобализации») см. Baker et al., *Globalization and*

Progressive Economic Policy; Robin Hannel, *Panic Rules!* (South End, 1999); John Eatwell and Lance Taylor, *Global Finance at Risk* (New Press, 2000).

- ¹⁴ Jeffrey Sachs, «International Economics: Unlocking the Mysteries of Globalization», *Foreign Policy* (Spring 1998); Paul Krugman, «Cycles of Conventional Wisdom on Economic Development», *International Affairs* 71:4 (Oct. 1995). Joseph Stiglitz, «Some Lessons from the East Asian Miracle», *World Bank Research Observer* 11:2 (Aug. 1996). Стиглиц должен был быть вскоре назначен главным экономистом Всемирного банка. Его размышления о восточноазиатском кризисе см. в его: WIDER Annual Lectures 2, UN University, 1997; «An Agenda for Development in the Twenty-First Century», Annual World Bank Conference on Development Economics 1997, IBRD, 1998.
- ¹⁵ David Felix, «The Tobin Tax Proposal: Background, Issues, and Prospects», Working Paper No. 191, Washington University, June 1994; см. его работы и работы других авторов в: Mahbub Ul Haq, Inge Kaul, Isabelle Grunberg, *The Tobin Tax: Coping with Financial Volatility* (Oxford, 1996).
- ¹⁶ Аргентинский политолог Atilio Boron, «Democracy or Neoliberalism?», *Boston Review*, Oct.-Nov. 1996; см. его книгу: *State, Capitalism, and Democracy in Latin America* (Lynne Rienner, 1996).

- ⁱ Додж-Сити (Dodge City) – город в южной части штата Канзас, который стал символом беззакония и необузданных нравов эпохи освоения свободных земель на Западе США в конце XIX века – *Прим. перев.*
- ⁱⁱ рециклировать – возвращать на денежный рынок валютные средства нефтедобывающих стран – *Прим. перев.*
- ⁱⁱⁱ Citibank – один из крупнейших банков в США, входящий в финансовую корпорацию «Citigroup» – *Прим. перев.*
- ^{iv} общественный договор – доктрина, провозглашающая необходимость согласия граждан на учреждение формы государственного правления, гарантирующей осуществление их естественных прав – *Прим. перев.*

К гл. 9 (“Recovering Rights”: A Crooked Path):

Данная глава представляет собой выдержки из выступления автора в Оксфорде (Oxford Amnesty Lectures) в рамках цикла «Глобализация прав» 9 февраля 1999 года. Полностью серия этих лекций готовится к публикации в: *Globalizing Rights*, ed. Matthew Gibney. [Пер. с англ. П. Смирнова]

- ¹ Reuters, «UN Agencies Tell of Damage in Iraq», *NYT*, Jan. 7, 1999; Betsy Pisik, «Strikes Hit Iraqi Schools, Hospitals», *Washington Times*, Jan. 8, 1999.
- ² *New Republic*, editorials, May 2, 1981; April 2, 1984. Tom Wicker, *NYT*, March 14, 1986; editorial, *WP National Weekly*, March 1, 1986. Обзор того спектра мнений, которые стали доступными широкой общественности, см. в моих кн.: *Necessary Illusions* и *Deterring Democracy*.
- ³ Juan Hernandez Pico, *Envio* (UCA, Jesuit Univ., Managua), March 1994. Об историческом контексте проблемы см. гл. 1, 5, 6 и 7 данного издания.
- ⁴ Ruben Ricupero; заявление опубликовано в: *Third World Resurgence* (Penang) 95 (1998).

- ⁵ Paul Jeffrey, *National Catholic Reporter*, Dec. 11, 1998 (цитируются слова гондурасского епископа Анхеля Гарачана). О последствиях вырубки лесов и американских программ развития см. также: Sara Silver, «Coffee Growers Find Less Is More», *Austin American-Statesman*, Dec. 27, 1998; Dudley Althaus, «Deforestation Contributed to Tragedy by Mitch in Honduras, Experts Claim», *Houston Chronicle*, Dec. 30, 1998 (*Central America NewsPak* 13:23, Dec.-Jan. 1999).
- ⁶ Nitlapan-Envio team, «A Time for Opportunities and Opportunists», *Envio* 17:209 (Dec. 1998). См. также David Gonzales, «Mitch Who? US Stalls Mercy Flights; Aid to Contras by Express, Disaster Relief by Boat», *NYT*, Dec. 16, 1998, New York City Section, 27.
- ⁷ Reuters, «French to Clear Unearthed Land Mines», *Peacework* (Cambridge, MA: AFSC), Dec. 1998.
- ⁸ Mary Ann Glendon, «Knowing the Universal Declaration of Human Rights», 73 *Notre Dame Law Review* 1153 (1998). Paine, *Rights of Man*, Part II (1792). Bruce Kuklick, ed., *Thomas Paine: Political Writings* (Cambridge Univ. Press, 1989).
- ⁹ *The United Nations and Human Rights 1945-1995*, Volume VII, UN Blue Books Series (UN New York: Dept. of Public Information, 1995).
- ¹⁰ «Respect for Human Rights, the Secret of True Peace.» См.: Arthur Jones, «Pope Blasts Consumerism as Human Rights Threats», *National Catholic Reporter*, Jan. 8, 1999. В нашей общенациональной прессе о послании сообщалось вкратце, но его основной смысл обойден молчанием (*WP* and *NYT*, Jan. 2, 1999; последняя фраза из статьи *New York Times* содержит намек на содержание). До этого ватиканское послание кое-где удостаивалось ограниченного внимания. Поиск по базе данных дал отдельные разбросанные по разным источникам ссылки, включая одну в нашей национальной прессе: Reuters, *NYT*, Dec. 16, 1998, 19. Газеты в какой-то мере затронули поставленные проблемы во время визита папы в Мексику спустя несколько недель. См.: Alessandra Stanley, «Pope Is Returning to Mexico with New Target: Capitalism», *NYT*, Jan. 22, 1999; также Jan. 24, 1999. Richard Chacon and Diego Ribadeneira, *BG*, Jan. 24 and 25, 1999.
- ¹¹ Stanley, *NYT*, Jan. 22, 1999.
- ¹² Слова Вышинского цитируются по: David Manasian, «Human Rights Law: The Conscience of Mankind», *Economist*, Dec. 5, 1998; Слова Киркпатрик приводятся по: Joseph Wronka, «Human Rights», in R. Edwards, ed., *Encyclopedia of Social Work* (Washington, D.C.: NASW, 1995), 1405-18. См. также Wronka, *Human Rights and Social Policy in the 21st Century* (Univ. Press of America, 1992), а также «A Little Humility, Please», *Harvard International Review* (Summer 1998). Morris Abram, statement to UN Commission on Human Rights: Item 8, «The Right to Development», Feb. 11, 1991.
- ¹³ Amnesty International-London, *United States of America: Rights for All* (Oct. 1998). См. в «Z magazine» (январь 1999 г.) интервью с генеральным секретарем «Международной амнистии» Пьером Сане, взятое Деннисом Бернстайном и Ларри Эверестом. Это редкий случай, когда автор отвергает общераспространенный ныне пренебрежительный подход к данным правам, что делает его крайним представителем диссидентского лагеря.

- ¹⁴ Lawrence Mishel, Jared Bernstein, John Scmitt, *The State of Working America 1998-1999* (Cornell Univ. Press, 1999). По поводу неравенства, продолжительности рабочего времени и узаконенного права на отпуск см. *The State of Working America*, а также Phineas Baxandall and Marc Breslow, *Dollars and Sense*, Jan.-Feb. 1999 (цитируется OECD, *Annual Employment Outlook*, 1998). О вторых десяти процентах – исследование Эдварда Вулфа, которое цитируется в: Aaron Bernstein, «A Sinking Tide Does Not Lower All Boats», *BW*, Sept. 14, 1998. О криминальных деяниях рейганистов см. гл. 10 настоящего издания. О человекоубийственной политике корпораций в Англии и ее безнаказанности см. Gary Slapper, *Blood in the Bank* (Ashgate, 1999).
- ¹⁵ Среди множества свежих примеров – Gerald Baker, *FT*, Dec. 14, 1998 (который указывает также на потенциальные пороки этого чуда); Reed Abelson, *NYT*, Jan. 2, 1999.
- ¹⁶ James Bennet, «At a Conference on Wall Street Diversity, the President Finds His Own Stock Soaring», *NYT*, Jan. 16, 1999.
- ¹⁷ Слова Алана Гринспена приводит Эдвард Герман по материалам слушаний в конгрессе 22 июля 1997 года: «The Threat of Globalization», *New Politics* 26 (Winter 1999). Gene Koretz, «Which Way Are Wages Headed», *BW*, Sept. 21, 1998. Об исследовании 1994 года см.: Robert Pollin and Stephanie Luce, *The Living Wage* (New Press, 1998). Об охвате трудящихся профсоюзами и о заработной плате см.: Mishel et al., *State of Working America*, а также более ранние труды, издаваемые Институтом экономической политики в данной серии раз в два года.
- ¹⁸ Louis Uchitelle, «The Rehabilitation of Morning in America», *NYT*, Feb. 23, 1997.
- ¹⁹ Joseph Stiglitz, «Some Lessons from the East Asian Miracle», *World Bank Research Observer* 11:2 (Aug. 1996); «An Agenda for Development in the Twenty-First Century», *Annual World Bank Report on Development Economics* (World Bank, 1998); WIDER Annual Lectures 2, UN University and World Institute for Development Economics Research, May 1997. David Felix, «Is the Drive Toward Free-Market Globalization Stalling?» *Latin American Research Review* 33:3 (1998).
- ²⁰ Eichengreen, *Globalizing Capital: A History of the International Monetary System* (Princeton Univ. Press, 1996).
- ²¹ *Survey of Current Business* 76:12 (Washington, DC: US Dept. Of Commerce, Dec. 1996).
- ²² Morton J. Horwitz, *The Transformation of American Law 1870-1960* (Oxford, 1992).
- ²³ Looking for New Leadership», *Newsweek International*, Feb. 1, 1999.
- ²⁴ Интересные факты из истории МСИ см. в моей кн. *Profit Over People*.
- ²⁵ Alan Story, «Property in International Law», *Journal of Political Philosophy* 6:3 (1998), 306-33.
- ²⁶ Christopher Hill, *Liberty Against the Law* (Penguin, 1996), 229.
- ²⁷ Center for Responsive Politics, цит. по: *Dollars and Sense* (Jan.-Feb. 1999).
- ²⁸ Bernays, *Propaganda* (Liveright, 1928). См.: Alex Carey, *Taking the Risk Out of Democracy* (Univ. Of New South Wales Press, 1995 and Univ. Of Illinois

- Press, 1997); Elizabeth Fones-Wolf, *Selling Free Enterprise: The Business Assault on Labor and Liberalism, 1945-1960* (Univ. Of Illinois Press, 1995); Stuart Ewen, *PR!: A Social History of Spin* (Basic Books, 1996). Общий контекст проблемы рассматривается в моих работах «Intellectuals and the State», перепечатанной в: *Towards a New Cold War* (Pantheon, 1982), и «Force and Opinion», перепечатанной в: *Deterring Democracy*.
- ²⁹ Выводы Комиссии Хатчинса приводятся в: William Preston, Edward Herman and Herbert Schiller, *Hope and Folly: The United States and UNESCO 1945-1985* (Univ. Of Minnesota Press, 1989). Human Rights Watch, *The Limits of Tolerance: Freedom of Expression and the Public Debate in Chile* (Nov. 1998).
- ³⁰ Stuart Ewen, *Captains of Consciousness: Advertising and the Social Roots of the Consumer Culture* (McGraw-Hill, 1976); Bagdikian, *The Media Monopoly* (fifth ed., Beacon, 1997).
- ³¹ Bruce Knecht, «Magazine Advertisers Demand Prior Notice of 'Offensive' Articles», *WSJ*, April 30, 1997.
- ³² Dan Schiller, *Digital Capitalism* (MIT Press, 1999).
- ³³ Preston, in Preston et al., *Hope and Folly*.
- ³⁴ Herbert Schiller, *Information Inequality: The Deepening Social Crisis in America* (Routledge, 1996); Edward Herman and Robert McChesney, *The Global Media* (Cassell, 1997); Schiller, *Digital Capitalism*; McChesney, *Rich Media, Poor Democracy* (Univ. Of Illinois Press, 1999).
- ³⁵ Marshall Clark, «Cleansing the Earth», *Inside Indonesia*, Oct.-Dec. 1998. По поводу МСИ см. мою кн. *Profit Over People*.
- ⁱ ЮНКТАД – (United Nations Conference on Trade and Development) – Конференция ООН по торговле и развитию. – *Прим. перев.*
- ⁱⁱ Торо (Henry David Thoreau, 1817-1862) – философ, писатель, один из основателей американской литературы – *Прим. перев.*
- ⁱⁱⁱ Томас Пейн (Thomas Paine, 1737-1809) – видный участник борьбы американских колоний за независимость от Англии, активный участник Великой французской революции, публицист, представитель революционного крыла идеологов Просвещения XVIII в. – *Прим. перев.*
- ^{iv} лоялисты – сторонники английской короны в тринадцати североамериканских колониях во время Войны за независимость в 1775-84 гг. – *Прим. перев.*
- ^v Новый курс (New Deal) – система мероприятий администрации президента Ф. Рузвельта в 1933-39 гг., направленная на ликвидацию последствий Великой депрессии 1929-33 гг. и решение социальных проблем. Сочетала меры по усилению государственного регулирования экономики с реформами в социальной области. Новый курс в корне изменил принципы социальной политики и привел к государственному регулированию экономических механизмов. – *Прим. перев.*
- ^{vi} Бен Багдикян (Ben Bagdikian) – один из наиболее известных и уважаемых журналистов США, работал в корпорации РЭНД, возглавлял школу журналистики в Калифорнийском университете (Беркли) – *Прим. перев.*

К гл. 10 (The United States and the "Challenge of Universality"):

Данная статья впервые была опубликована в: Tony Evans, ed., *Human Rights Fifty Years On: A Reappraisal* (Manchester Univ. Press, 1999). Отрывки из этой статьи опубликованы в: *Index on Censorship*, July/August 1994. [Пер. с англ. П. Смирнова]

- ¹ Историк Дэвид Фромкин (David Fromkin), *NYT Book Review*, May 1997 (обзор последних работ). Thomas Friedman, *NYT*, Jan. 12, 1992.
- ² Bernard Crick, *Times Literary Supplement*, Sept. 15, 1972; перепечатано в: Everyman's Library edition of *Animal Farm*.
- ³ Howard, «The Bewildered American Raj», *Harper's*, March 1985.
- ⁴ William Earl Weeks, *John Quincy Adams and American Global Empire* (Univ. Press of Kentucky, 1992), 193.
- ⁵ Kahin and Kahin, *Subversion as Foreign Policy*, 30. Об аналогичном случае применительно к Великобритании см. John Saville, *The Politics of Continuity* (London: Verso, 1993), 156f.; более широкий контекст см.: Mark Curtis, *The Ambiguities of Power* (Zed, 1995).
- ⁶ US Commerce Dept., 1984, цит. по: Howard Wachtel, *The Money Mandarins* (M.E. Sharpe, 1990), 44.
- ⁷ *BW*, April 7, 1975.
- ⁸ Helleiner, *States and the Reemergence of Global Finance* (Cornell Univ. Press, 1994), 58-62. Выделено автором.
- ⁹ *Comparative Politics*, Jan. 1981.
- ¹⁰ Chomsky and Herman, *After the Cataclysm*, гл. 2.1.1. Herman, *The Real Terror Network* (South End, 1982), 126ff.
- ¹¹ Wronka, *Human Rights and Social Policy in the 21st Century* – цитируется решение по делу *Filartiga v. Peña* (1980). О других случаях см.: Wronka's «Human Rights», in Edwards, ed., *Encyclopedia of Social Work*, 1405-18 (см. гл. 9 прим. 12 наст. изд.).
- ¹² Elaine Sciolino, *NYT*, June 15, 1993.
- ¹³ Alan Riding, June 26, 1993.
- ¹⁴ William Hartung, *And Weapons for All* (HarperCollins, 1994); Hartung, *Nation*, Jan. 30, 1995. По сообщениям Исследовательской службы конгресса (ИСК), на США в 1992 году приходилось 57 процентов продаж вооружений «третьему миру». *FT*, July 23, 1993. ИСК далее продолжает, что среди 11 ведущих продавцов оружия «развивающимся странам» с 1989 по 1996 гг. США обеспечили более 45 процентов оружейных потоков, а Великобритания 26 процентов. Richard Grimment, «Conventional Arms Transfers to Developing Nations, 1989-1996» (Washington, DC: CRS); Jim Mann, *Los Angeles Times*, Oct. 8, 1997.
- ¹⁵ О резком увеличении во времена правления Тэтчер британских поставок оружия Индонезии, в то время как в Восточном Тиморе (так же, как и в самой Индонезии) происходили все новые убийства, см.: John Taylor, *Indonesia's Forgotten War: The Hidden History of East Timor* (Zed, 1991), 86, а также John Pilger, *Distant Voices* (Vintage, 1992), 294-323. «Министр по закупкам для оборонных нужд» Алан Кларк так объяснял тэтчеровскую политику: «Я отвечаю перед своим собственным народом. Я не забываю

себе голову такими мелочами как действия одной группки иностранцев против другой» (Pilger, 309). К 1998 году Великобритания стала ведущим поставщиком оружия в Индонезию – отнюдь не для нужд обороны и вопреки энергичным протестам «Международной Амнистии», индонезийских диссидентов и тиморских жертв. Сообщалось, что поставки вооружений составляют по меньшей мере пятую часть всего британского экспорта в Индонезию (они оцениваются в 1 млрд. фунтов), а лидером этих поставок является British Aerospace (Martyn Gregory, «World in Action, «Granada production for ITV, June 2 and 9, 1997). О Руанде см.: *Rwanda: Death, Despair and Defiance* (London: African Rights, 1994).

¹⁶ Jeff Gerth and Tim Weiner, «Arms Makers See a Bonanza in Selling NATO Expansion», *NYT*, June 29, 1997.

¹⁷ International Court of Justice Year 1986, June 27, 1986, General List № 70.

¹⁸ *NYT*, Oct. 29, 1996; *BG*, Nov. 4, 1996; *Extra!* (FAIR), Dec. 1987.

¹⁹ Panama, *Central America Report* (Guatemala), Feb. 4, 1994. США (совместно с Великобританией и Францией) также наложили вето на резолюцию Совета Безопасности ООН (23 декабря 1989 г.) с осуждением вторжения, а также проголосовали против резолюции Генеральной ассамблеи ООН, требовавшей вывода «из Панамы сил интервенции США» и назвавшей вторжение «грубым нарушением международного права, независимости, суверенитета и территориальной целостности государств» (Sean Cronin, *Irish Times*, Aug. 11, 1990). По оценкам церкви, более 650 человек, ставших жертвами интенсивных бомбардировок беднейшего района Эль-Чоррильо в г. Панама, умерли в госпиталях, равно как и до сих пор неизвестное количество других жертв. Поставленный у власти американцами президент Эндара в марте 1990 г. объявил голодовку, протестуя против того, что США не предоставили обещанную экономическую помощь. Жители Эль-Чоррильо подали судебный иск против США в Межамериканский суд по правам человека, требуя возмещения ущерба. *Central America Report*, March 19, 1998.

²⁰ Обзор недавно рассекреченных фактов и прочих свидетельств, а также то, как они были интерпретированы, см. в моей книге: *Rethinking Camelot* и в работах, процитированных в прим. 23 гл. 1 наст. изд.

²¹ Высказывание помощника государственного секретаря по правам человека Джона Шаттака, цит. по: Joseph Wronka, «Toward Building Peace/Human Rights Cultures: Why Is the United States So Resistant?», *American Society of International Law, Interest Group of the UN Decade of International Law Newsletter*, vol. 13 (Feb. 1997).

²² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН с осуждением «терроризма, где бы и кем бы он ни совершался», была принята 153 голосами против двух (США и Израиль выступили против, Гондурас воздержался); UN Press release GA/7603, Dec. 7, 1987. Обсуждение этого вопроса см. в моей кн.: *Necessary Illusions*, 84f., 269 ff. Более подробно по данной теме в моей кн.: *Pirates and Emperors*; Alexander George, ed., *Western State Terrorism* (Polity, 1991).

- ²³ Chomsky and Herman, *The Washington Connection and Third World Fascism, The Political Economy of Human Rights*, vol. II, chap. 3.4.4; Chomsky, *Towards a New Cold War*; Taylor, *Indonesia's Forgotten War*.
- ²⁴ Peter Kornbluh, *Nicaragua: The Price of Intervention* (Institute for Policy Studies, 1987), chap. 1; Walter LaFeber, *Inevitable Revolutions* (Norton, 1983), 239. О кровавом наследии политики Картера-Кристофера в Сальвадоре см. мою кн.: *Towards a New Cold War*, 35ff; Herman, *Real Terror Network*, 181ff, Chomsky, *Turning the Tide*, 14f., 101ff. Поддерживаемый США государственный терроризм в регионе, как хорошо известно, достиг особенных высот при Рейгане (см. мою кн. *Turning the Tide* и многочисленные источники иного характера).
- ²⁵ О некоторых изредка попадавшихся исключениях см. прим. 65.
- ²⁶ Patrick Low, *Trading Free* (Twentieth Century Fund, 1993), 70ff., 271. Shafiqul Islam, «Capitalism in Conflict», *Foreign Affairs*, special issue on «America and the World» (Winter 1989-90).
- ²⁷ Обсуждение этой темы (особо рассматривается проблема протекционизма) см. в: Paul Bairoch, *Economics and World History* (Univ. Of Chicago Press, 1993). В числе многих других источников см. классический труд: Frederic Clairmont, *The Rise and fall of Economics Liberalism* (Asia Publishing House, 1960; reprinted and updated, Third World Network, 1996). Общая картина отражена в моей кн.: *World Orders Old and New*, гл. 2. Об исторической роли государственной системы (часто военной) в экономическом развитии в США см: Nathan Rosenberg, *Inside the Black Box* (Cambridge Univ. Press, 1982); John Tirman, ed., *The Militarization of High Technology* (Ballinger, 1984); Merritt Roe Smith, ed., *Military Enterprise and Technological Change* (MIT Press, 1985); Richard Nelson, ed., *National Innovation Systems* (Oxford Univ. Press, 1993), а также в многочисленных специальных исследованиях. О растущей пропасти между «первым» и «третьим» мирами см.: UNDP, *Human Development Report*, 1992, 1994. Обсуждение проблемы см. в моей кн.: *World Orders Old and New*, гл. 2.; Eric Toussaint and Peter Drucker, eds., *IMF/World Bank/WTO, Notebooks for Study and Research* 24:5 (Amsterdam: International Institute for Research and Education, 1995). О ситуации внутри США см. в особенности двухгодичное издание *The State of Working America*, выпускаемое Институтом экономической политики. Последнее издание: Lawrence Mishel, Jared Bernstein, and John Schmitt, *The State of Working America 1998-1999* (Cornell Univ. Press, 1999).
- ²⁸ Women's International League for Peace and Freedom (Geneva) and International Institute for Human Rights, Environment and Development (Kathmandu), *Justice Denied!* (Kathmandu: Karnali Offset Press, 1994).
- ²⁹ Jules Kagian, *Middle East International*, Dec. 17, 1993; *Middle East Justice Network*, Feb.-March 1994. Об истории подготовки и о статусе резолюции ООН 194 см.: Thomas and Sally Mallison, *The Palestine Problem in International Law and World Order* (Longman, 1986), гл. 4.
- ³⁰ Reuters, «Haiti Peasant Groups UN Sanctions», *BG*, June 18, 1993, 68.
- ³¹ О политике Картера см. Chomsky and Herman, *After the Cataclysm*, 54f. О событиях последующих лет см. Americas Watch, National Coalition for

- Haitian Refugees, Jesuit Refugee Service/USA, *No Port in a Storm* 5:7 (Sept. 1993). Об истории гаитянского кризиса см. в числе прочих Amy Wilentz, *The Rainy Season* (Simon & Schuster, 1989); мою кн. *Year 501*, гл. 8; Paul Farmer, *The Uses of Haiti* (Common Courage, 1994); Deidre McFadyen, Pierre LaRamee, and North American Congress on Latin America (NACLA), eds., *Haiti: Dangerous Crossroads* (South End, 1995).
- ³² America's Watch et al., *No Port in a Storm*, 1.
- ³³ Amy Wilentz, *New Republic*, March 9, 1992, дополнительные детали см. в моей кн. *Year 501*, гл. 8.
- ³⁴ Larry Rohter, *NYT*, April 19, 1997.
- ³⁵ Wronka, «Human Rights.»
- ³⁶ Statement, UN Commission on Human Rights, on Item 8, «The Right to Development», Feb. 11, 1991.
- ³⁷ Joseph Wronka, «Human Rights Postscript», American Society of International Law: Human Rights Interest Group Newsletter (Fall 1995).
- ³⁸ Mishel et al., *The State of Working America 1996-1997* (M.E. Sharpe, 1997).
- ³⁹ *Observer*, Jan. 12, 1997; *Independent*, Nov. 25 and 25, 1996; *GW*, Jan. 5, 1997; *Observer*, Jan. 19, 1997.
- ⁴⁰ John Plender, «An Accidental Revolution», *FT*, Jan. 17, 1997 (по его сообщению, эта цифра в 1978-79 и 1995-96 гг. составляла 42,25 процента ВВП). По данным *World Bank Development Report, 1996*, бюджет центрального правительства Великобритании в процентном отношении к ВВП (в текущих ценах) возрос с 1980 по 1994 гг. примерно на 10 процентов. Сравнительная статистика приведена в: Gail Omvedt, *Bulletin of Concerned Asian Scholars* 29:4 (Oct.-Dec. 1997).
- ⁴¹ Chomsky, *World Orders Old and New*, chap. 2 and *Powers and Prospects*, chap. 5. UNICEF, *The State of World' Children 1997* (Oxford Univ. Press, 1997).
- ⁴² UNICEF, *The Progress of Nations 1996* (UNICEF House, 1996).
- ⁴³ Египту, второму по размерам реципиенту, эта помощь предоставляется с целью обеспечить его лояльность американо-израильскому альянсу, что является ключевым элементом в системе контроля над нефтепроизводящими регионами, а также важным фактором для Турции и ее постоянного места в ряду главных получателей помощи.
- ⁴⁴ Despouy, *The Realization of Economic, Social and Cultural Rights*, Commission on Human Rights, Economic and Social Council, e/CN.4/Sub.2/1996/13, June 28, 1996.
- ⁴⁵ Elizabeth Olson, «West Hinders Inquiry on Dumping as Rights Issue», *NYT*, April 5, 1998.
- ⁴⁶ John Hoerr, *American Prospect*, Summer 1992. См. мою кн.: *Year 501*, гл.11.
- ⁴⁷ Keith Harper, *Guardian*, May 24, 1994; см. в том же номере материалы, посвященные обременительному для работников закону, который позволяет удерживать профсоюзные взносы из зарплаты, а также другим способам подрыва прав трудящихся.
- ⁴⁸ «The Workplace: Why America Needs Unions, But Not The Kind It Has Now», *BW*, May 23, 1994.

- ⁴⁹ Fones-Wolf, *Selling Free Enterprise*. Об истории вопроса см. Alex Carey, *Taking the Risk Out of Democracy* (Univ. Of Illinois Press, 1996) – сборник новаторских работ по этим темам.
- ⁵⁰ *World Labour Report 1994* (Geneva: ILO Publications, 1994).
- ⁵¹ *In the National Interest: 1996 Quadrennial Report on Human Rights and US Foreign Policy* (New York and Washington, DC: Lawyers Committee for Human Rights, 1996).
- ⁵² Annan, «The Unpaid Bill That's Crippling the UN», *NYT*, March 9, 1998.
- ⁵³ Barbara Crossette, *NYT*, March 27, 1998.
- ⁵⁴ *BW*; см. прим. 48.
- ⁵⁵ *WSJ*, Sept. 13, 1993. О том, как этот процесс продолжался в период оздоровления экономики в 90-е годы см.: Mishel et al., *State of Working America*.
- ⁵⁶ Editorial, *Multinational Monitor*, March 1997.
- ⁵⁷ Bronfenbrenner, «We'll Close», *Multinational Monitor*, March 1997. Статья основана на исследовании, которое она возглавляла: «Final Report: The Effects of Plant Closing or Threat of Plant Closing on the Right of Workers to Organize.»
- ⁵⁸ Paul Wright, «Making Slave Labor Fly», *Prison Legal News*, March 1997; *CovertAction Quarterly*, Spring 1997.
- ⁵⁹ Alex Lichtenstein, «Through the Rugged Gates of the Penitentiary», in Melvyn Stokes and Rick Halpern, *Race and Class in the American South Since 1890* (Berg, 1994).
- ⁶⁰ Robert Taylor, *FT*, June 13, 1997.
- ⁶¹ John Cassidy, «Who Killed the Middle Class?», *New Yorker*, Oct. 16, 1995.
- ⁶² John Liscio, *Barron's*, April 15, 1996.
- ⁶³ Youssef Ibrahim, *NYT*, July 3, 1997.
- ⁶⁴ Lawrence Mishel and Jared Bernstein, *The State of Working America: 1994-95* (M.E. Sharpe, 1994).
- ⁶⁵ Например, в ходе венской конференции, см.: Alan Riding, «Human Rights: The West Gets Some Tough Questions», *NYT*, June 20, 1993, и особенно Beth Stephens (Центр конституционных прав), «Hypocrisy on Rights», *NYT*, op-ed, June 24, 1993.
- ⁶⁶ Barbara Crossette, «Snubbing Human Rights», *NYT*, April 28, 1996; «For the US, Mixed Success in UN Human Rights Votes», *NYT*, Dec. 18, 1995.
- ⁶⁷ Editorial, «The New Attack on Human Rights», *NYT*, Dec. 10, 1995.
- ⁶⁸ Seth Faison, «China Turns the Tables, Faulting US on Rights», *NYT*, March 5, 1997.
- ⁶⁹ *Torture and Ill-Treatment: Israel's Interrogation of Palestinians from the Occupied Territories* (Human Rights Watch, 1994).
- ⁷⁰ Moshe Reinfeld, *Ha'aretz*, March 5, 1998. В списках «Международной Амнистии» значится 21 ливанский узник израильских тюрем. Они были тайно вывезены в Израиль из Ливана с 1986 по 1994 годы и в большинстве содержатся без предъявления обвинений, другим вынесены приговоры израильскими военными судами, однако они продолжают находиться в тюрьмах уже после отбытия наказаний.
- ⁷¹ *Torture and Ill-Treatment: Human Rights and UN Security Assistance* (Amnesty International, May 1996).

- ⁷² Amnesty International, *Torture and Ill-Treatment*.
- ⁷³ Mark Sommers, «Sanctions Are Becoming 'Weapon of Choice,'» CSM, Aug 3, 1993. Richard Garfield, Julia Devin and Joy Fausey, «The Health Impact of Economic Sanctions», *Bulletin of the New York Academy of Medicine* 72:2 (Winter 1995).
- ⁷⁴ Jim Morrell, Center for International Policy, *Inquiry*, April 17, 1978.
- ⁷⁵ Gay McDougall and Richard Knight, in Robert Edgar, ed., *Sanctioning Apartheid* (Africa World Press, 1990). Garfield et al., «Health Impact of Economic Sanctions.»
- ⁷⁶ Обзор этих событий см. в моей кн.: *Year 501*, гл. 5. Об операциях 1958 г., которые до сих пор остаются в основном неизвестными, несмотря на раскрытие документов, см. Kahin and Kahin, *Subversion as Foreign Policy*.
- ⁷⁷ Reuters, *NYT*, Dec.8, 1993 – несколько строчек на внутренней странице.
- ⁷⁸ Irene Wu, *Far Eastern Economic Review*, June 30, 1994. Вышедшая в 1998 году статья: Tim Weiner, «US Training of Indonesian Troops Goes On Despite Ban», *NYT*, March 17, 1998 раскрывает те формы, которые может принимать подобное крючкотворство; более детально об этом см. в: Alan Nairn, «Indonesia's Killers», *Nation*, March 30, 1998. О том, что за этим последовало, см. гл. 4 наст. изд., а также цитируемые источники.
- ⁷⁹ *Economist*, April 2, 1994. *Counterpunch* (Institute for Policy Studies), Feb. 15 and March 15, 1994.
- ⁸⁰ Barbara Crossette, *NYT*, Feb. 5, 1992.
- ⁸¹ Kenneth Roth (исполнительный директор Human Rights Watch), Letter, *NYT*, April 12, 1997. О торговле см. мою кн. *World Orders Old and New*, гл. 1.
- ⁸² John Solomon, AP, Sept. 18, 1994 (ведущий материал) – его проигнорировали основные газеты. Более подробно данный вопрос рассматривается в моей ст.: «Democracy Restored», – в журнале Z, Nov. 1994.
- ⁸³ National Security Advisor Anthony Lake, *NYT*, Sept. 26, 1993; Sept. 23, 1994. О приемах, которые применялись с целью навязать «восстановленной демократии» программные установки проигравшего кандидата, поддержанного Вашингтоном, см. мои работы «Democracy Restored», а так же *Powers and Prospects*, гл. 5. Обширная и детальная информация содержится в: Lisa McGowan, *Democracy Undermined, Economic Justice Denied* (Development Gap, 1997); Laurie Richardson, *Feeding Dependency, Starving Democracy* (Grassroots International, 1997).
- ⁸⁴ Thomas Kamm and Robert Greenberger, *WSJ*, Nov. 15, 1995.
- ⁸⁵ *Denial of Food and Medicine: The Impact of the US Embargo on Health and Nutrition in Cuba* (American Association for World Health, Executive Summary, 1997).
- ⁸⁶ Garfield et al., «The Health Impact of Economic Sanctions.» Wayne Smith, *In These Times*, Dec. 9, 1996. Anthony Kirkpatrick, «Sanctions on Health in Cuba», *The Lancet* 348/9040 (Nov.1 30, 1996); *Cuba Update*, Winter 1997. David Marcus, «EU Backs Off on US-Cuba Trade Law», *BG*, April 12, 1997. См также Joanne Cameron, «The Cuban Democracy Act of 1992: The International Implications», *Fletcher Forum*, Winter-Spring 1996; Peter Morici, «The

United States, World Trade, and the Helms-Burton Act», *Current History*, Feb. 1997.

⁸⁷ Morris Morley and Chris McGillion, *Washington Report on the Hemisphere* (Council on Hemispheric Affairs), June 3, 1997.

⁸⁸ Letter, *NYT*, Feb. 26, 1997.

⁸⁹ См. гл. 1, прим. 3 наст. изд.

⁹⁰ Резолюция, предложенная Совету Безопасности ООН США и другими странами. Цит. по: *Denial of Food and Medicine*.

⁹¹ Richard Smith, «Creative Destruction: Capitalist Development and China's Environment», *New Left Review* 222 (March-April 1997). Такая ситуация наблюдается в регионе повсюду.

⁹² Thomas Friedman, *NYT*, Jan. 21 and Jan. 23, 1993.

⁹³ Sheila Tefft, *CSM*, Dec. 22, 1993. Reese Erlich, *CSM*, Feb. 9, 1994. См. прим. 58.

⁹⁴ Philip Shenon, *NYT*, May 15, 1994; Sheila Tefft, Fazlur Rahman, *CSM*, May 25, 1994; *Multinational Monitor*, June 1994; Frank Chaloupka and Adit Laixuthai, *US Trade Policy and Cigarette Smoking in Asia* (National Bureau of Economic Research, April 1996). Более подробно о событиях 1989-90 гг. см. в моей кн.: *Deterring Democracy*, гл. 4-5. См. гл. 5 наст. изд.

⁹⁵ Ibid. Amnesty International, *Amnesty Action: The Colombia Papers* (Winter 1997).

⁹⁶ *Human Rights Violations in the United States* (Human Rights Watch/American Civil Liberties Union, Dec. 1993). По поводу Конвенции о правах ребенка см.: Steven Ratner, *Foreign Policy* (Spring 1998).

⁹⁷ Другие примеры см. в прим. 44. См. также гл. 9, прим. 13 наст. изд.

⁹⁸ UNICEF, *State of World' Children; Lynching in All but Name* (Amnesty International, Jan. 1994). AP, *BG*, June 2, 1994. Human Rights Watch Children' Project, *United States: A World Leader in Executing Juveniles* (Human Rights Watch, March 1995).

⁹⁹ «US Executions Tainted by Bias, Says UN Report», *Los Angeles Times; BG*, April 4, 1998.

¹⁰⁰ Wronka, *Human Rights and Social Policy*, 5n.

¹⁰¹ *Cruel and Usual* (Human Rights Watch, March 1997). Steven Donziger, ed., *The Real War on Crime: Report of the National Criminal Justice Commission* (HarperCollins, 1996). Reuters, *NYT*, June 23, 1997.

¹⁰² Randall Shelden and William Brown, *Criminal Justice* (Wadsworth, готовится к изд.), гл. 12; выделено авторами. К началу нового тысячелетия количество заключенных приближалось к 2 млн. человек.

¹⁰³ Donziger, *Real War on Crime*.

¹⁰⁴ Ibid. Christie, *Crime Control as Industry*. Tonry, *Malign Neglect*. О традиционном использовании системы криминальной юстиции для контроля за «опасными классами» см. также Richard Bonnie and Charles Whitebread, *The Marijuana Conviction* (Univ. Press of Virginia, 1974).

¹⁰⁵ Christie, *Crime Control as Industry*.

¹⁰⁶ Paulette Thomas, *WSJ*, May 12, 1994. Christie, *Crime Control as Industry*; о «тюрьменно-промышленном комплексе» см.: Donziger, *Real War on Crime*; Randall Shelden, «The Crime Control Industry and the Management of the

Surplus Population» – доклад, прочитанный на ежегодном заседании Западного общества криминологов в Гонолулу (февраль-март 1997 г.).

¹⁰⁷ Wronka, «Human Rights Postscript.»

¹⁰⁸ См.: Harry Kalven, *A Worthy Tradition: Freedom of Speech in America* (Harper & Row, 1988).

¹⁰⁹ *HRW World Report 1997* (Human Rights Watch, 1997).

ⁱ Термин «Вашингтонский консенсус» был введен в оборот в 1990 г. экономистом Джоном Уильямсоном. Он обозначает набор определенных стандартных принципов неоллиберального характера для стран, желающих реформировать свою экономику. Эти принципы, оформляемые как общая платформа правительства США, МВФ и Всемирного банка, предполагают поощрение торговли и прямых иностранных инвестиций, уменьшение бюджетных дефицитов, снижение субсидий, налоговые реформы, либерализацию финансовых систем, приватизацию, дерегулирование, обеспечение защиты прав собственности. – *Прим. перев.*

ⁱⁱ GATT (General Agreement on Tariffs and Trade) – Генеральное соглашение по тарифам и торговле – *Прим. перев.*

ⁱⁱⁱ АФТ/КПП – Американская Федерация Труда – Конгресс Производственных Профсоюзов. – *Прим. перев.*

^{iv} «Закон Вагнера» – национальный закон о трудовых отношениях от 1935 г., который закрепил право работающих по найму лиц на самоорганизацию и заключение коллективных договоров – *Прим. перев.*

К гл. 11 (The Legacy of War):

Данная глава представляет собой отредактированный и обновленный вариант выступления автора 13 апреля 1997 года в рамках 14-х ежегодных лекций по философии (Hanna Lectures on Philosophy) в Методистском университете. [Пер. с англ. П. Смирнова]

¹ Peter Waldman, «In Vietnam, the Agony of Birth Defects Calls an Old War to Mind», *WSJ*, Feb. 18, 1997.

² Barbara Crossette, *NYT*, Aug. 18, 1992, Science section.

³ *NYT*, Oct. 24, 1992.

ⁱ Ост-Индская компания – компания (1600 – 1858) английских купцов в основном для торговли с Ост-Индией (название территории Индии и некоторых других стран Южной и Юго-Восточной Азии); постепенно превратилась в государственную организацию по управлению английскими владениями в Индии. Имела армию и аппарат колониального управления. – *Прим. перев.*

ⁱⁱ Семинолы – североамериканское индейское племя, образовавшееся в XVIII веке после отделения от племени крик той его части, которая жила на юго-западе Джорджии и переселилась на север Флориды. В середине XIX века большинство семинолов было насильственно переселено на Индейскую территорию. – *Прим. перев.*

К гл. 12 (Millenium Greetings):

Отрывки из этой статьи были первоначально опубликованы в ZNet (колонка комментатора) 12 января 2000 года. [Пер. с англ. П. Смирнова]

¹ Alan Ryan, «The Evil Empire», *NYT Book Review*, Jan. 2, 2000.

² Образчик таких в высшей степени разоблачительных материалов, которые, как это уже стало обычным, подвергаются замалчиванию (видимо, эту закономерность уже не изменить), см. в моей кн.: *Detering Democracy*, гл. 1.

³ Michael Wines, *NYT Week in Review*, June 19, 1999 (ведущий материал).

⁴ John Burns, «Methods of the Great Leader», *NYT Book Review*, Feb. 6, 2000. См. Letters, *NYT Book Review*, Feb. 27, 2000.

⁵ Jean Drèze and Amartya Sen, *Hunger and Public Action* (Oxford, 1989), гл. 11. Сделанные ими оценки числа умерших от голода колеблются от 16 до 29,5 млн. чел. См также: Sen, «Indian Development: Lessons and Non-Lessons», *Daedalus* 118 (1989).

⁶ Drèze and Sen, *Hunger and Public Action*.

⁷ Sen, op. cit.

⁸ Drèze and Sen, *Hunger and Public Action*.

⁹ Amartya Sen, «Women's Survival as a Development Problem», *Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences* (Nov. 1989); Drèze and Sen, *Hunger and Public Action*.

¹⁰ Sen, «Women's Survival»; Drèze and Sen, *Hunger and Public Action*.

¹¹ Sen, «Women's Survival.»

¹² Sen, «Indian Development.»

¹³ Цитируются слова Джозефа Стиглица, недавно ушедшего в отставку с поста главного экономиста Всемирного банка. «Who Will Guard the Guardians?», *Challenge* (Nov-Dec. 1999).

¹⁴ «Мы все видели разбитые яйца, но никто никогда не видел в глаза омлет», замечает Райан, развивая далее свой очевидный вывод, что ситуация в России в 1989 году была такой же ужасной, как перед Первой мировой войной, или даже хуже; «Mao broke an awful lot of eggs to make his omelet» (Burns, «Methods of a Great Leader»).

¹⁵ Ryan, «Evil Empire.» Рецензию см. в гл. «The Victors» моей кн. *Detering Democracy*, а также в гл. «The Colossus of the South» моей кн. *Year 501*.

¹⁶ См. гл. 7 и 8 наст изд. Термин «реформа» также представляет собой идеологическую конструкцию. То, что сотворил Пол Пот, не называют реформами – к ним относятся только те меры, которые «хороши» по определению, ибо соответствуют задачам западного господства.

¹⁷ Brooke Schoepf, Claude Schoepf, and Joyce Millen, «Theoretical Therapies, Remote Remedies: SAPs and the Political Ecology of Poverty and Health in Africa», in Kim et al., *Dying for Growth*.

¹⁸ В качестве примера см. мою кн. *The New Military Humanism*.

¹⁹ Whitney, «The No-Man's-Land in the Fight for Human Rights», *NYT, Week in Review*, Dec. 12, 1999.

²⁰ Можно, наверное, добавить, что ужасающие снимки, сделанные на развалинах того, что осталось от Грозного, сразу же воскресили в моей памяти увиденное в провинции Тхань Хоа недалеко от Ханоя в 1970 году, включая столицу этой провинции. Еще дальше к югу, за 20-й параллелью, а

также в Южном Вьетнаме, разрушения были еще страшнее; во всех странах, которые подвергались кровавой американской агрессии, больше всего страдали сельские районы.

- ²¹ Clinton' Words to Press», *NYT*, Dec. 9, 1999; выдержки из пресс-конференции, данной 8 декабря 1999 года.
- ²² «UN Rebuffs US Again on Cuba», Reuters, *International Herald Tribune*, Nov. 11, 1999 (газета уделила этому событию шесть строчек). Голосование состоялось 9 ноября 1999 года.
- ²³ Someshwar Singh, «Half the World Hit by US Unilateral Sanctions», *Third World Economics* (Jan. 16-31, 2000). См. также W.Bowman Cutter, Joan Spero, and Laura D'Andrea Tyson, *Foreign Affairs* (March-April 2000). Авторы отмечают, что «за последние несколько лет Америка ввела односторонние экономические санкции в той или иной форме ... против половины населения мира.» Они выступают против этих санкций, поскольку они «не достигают поставленных целей» и «часто вредят как раз тем, кому призваны помогать». Необходимость такой помощи является аксиомой, не требующей никаких дополнительных доказательств. Она остается аксиомой перед лицом непреложных свидетельств того, что санкции наносят вред именно тем, кто якобы должен извлечь из них пользу, а не тем, против кого они официально направлены. Именно так происходит в пресловутом иракском случае.
- ²⁴ Singh, «Half the World Hit.» О санкциях против Кубы, их предыстории, мотивах и результатах см. гл. «The Passion for Free Markets» в моей кн. *Profit Over People*. См. также гл. 6, 8 и 10 наст. изд.
- ²⁵ «UN Condemns US Embargo Against Cuba for Eight Year», *AFP*, Nov. 10, 1999. Отдельным голосованием 21 страна из Иbero-американского сообщества призвала США к отмене Закона Хелмса-Бэртона, снова заявив, что он нарушает резолюции ООН. Малайзия осудила эмбарго, которое, по ее мнению, «причинило огромный экономический ущерб и немислимые страдания кубинцам», а также нарушает торговые правила. Patricia Grogg, Inter Press Service, Nov. 9, 1999; Bernama (национальное агентство новостей Малайзии), Nov. 10, 1999. Эмбарго было осуждено как мера, нарушающая международное право, практически всеми сколько-нибудь значимыми форумами.
- ²⁶ Michael Jordan, *CSM*, Dec. 13, 1999 – вполне типичный комментарий.
- ²⁷ «Tudjman Is Dead: Croat Led Country Out of Yugoslavia», *NYT*, Dec. 11, 1999. См. также Zoran Radosavljevic, *BG*, Dec. 24, 1999, где содержатся критические нотки в адрес Туджмана за поддержку боснийско-хорватского сепаратизма и за возрождение символов пронацистского прошлого Хорватии, но не за этнические чистки и другие совершенные им преступления.
- ²⁸ «Report of the Secretary-General Pursuant to General Assembly Resolution 53/55, The Fall of Srebrenica», Nov. 15, 1999, pp. 95ff. Christopher, Tim Judah, *The Serbs* (Yale Univ. Press, 1997), 301. David Binder, «The Role of the United States in the Krajina Issue», *Mediterranean Quarterly* (1997).
- ²⁹ Binder, «Role of US in Krajina Issue.»
- ³⁰ Ray Bonner, *NYT*, March 21, 1999.

- ³¹ Tom Walker, *Sunday Times* (London), Oct. 10, 1999.
- ³² John Sweeney and Jens Holsoe, «Kosovo 'Disaster Response Servic' Stands Accused of Murder and Torture», *Observer* (London), March 12, 2000.
- ³³ Walker, *Sunday Times*.
- ³⁴ Stephen Kinzer, *NYT*, Dec. 9, 1999.
- ³⁵ Kinzer, *NYT*, Nov. 20, 1999.
- ³⁶ Louis Meixler, «Turkey, Israel Join in Show of Might», *AP, BG*, Dec. 16, 1999.
- ³⁷ Steven Erlanger, «Snubbed by the West, Tadjman Receives a Posthumous Rebuke», Dec. 14, 1999.
- ³⁸ См. гл. 4 наст. изд., а также прилагаемые ссылки.
- ³⁹ Историк Дэвид Фромкин (David Fromkin), *Kosovo Crossing* (Free Press, 1999).
- ⁴⁰ См. гл. 3 наст. изд., а также прилагаемые ссылки.
- ⁴¹ Alan Little, «How Nato Was Sucked into Kosovo Conflict», *Sunday Telegraph* (London), Feb. 27, 2000; Tom Walker and Aidan Laverty, «CIA Aided Kosovo Guerrilla Army», *Sunday Times* (London), March 12, 2000; Alan Little, *Moral Combat: NATO at War*, BBC documentary, March 12, 2000.
- ⁴² См. гл. 3 наст. изд.
- ⁴³ Jonathan Steele, «US Refuses to Remove Cluster Bombs in Kosovo, Death Lurks in the Fields», *Guardian* (London), March 14, 2000.
- ⁱ MPRI – Military Professional Resources Inc. – *Прим. перев.*
- ⁱⁱ KFOR – Kosovo International Peace Implementation Force, международные миротворческие силы для Косово. – *Прим. перев.*
- ⁱⁱⁱ «Зеленые береты» (Green Berets) – подразделения сухопутных войск армии США. Основные функции: проведение противопартизанских операций и обучение военнослужащих дружественных армий приемам проведения специальных операций – *Прим. перев.*

К гл. 13 (Power in the Domestic Arena):

Эта глава представляет собой выдержки из моей лекции, прочитанной в Педагогическом институте (Лондон) 5 мая 1998 г. во вторую годовщину создания Фонда Барри Эмиля и Нормана Мелбэрна. Более подробный ее вариант первоначально появился в: *New Left Review* 230 (July-Aug. 1998). [Пер. с англ. О. Приходько]

- ¹ Gerald Haines, *The Americanization of Brazil* (Scholarly Resources, 1989).
- ² См. гл. 14, с. 209 и сноску 14 в этой книге.
- ³ См. гл. 14, с. 208 и сноску 13 в этой книге.
- ⁴ См. Michael Sandel, *Democracy's Discontent* (Harvard Univ. Press, 1996).
- ⁵ David Sanger, «America Is Prosperous and Smug, Like Japan Was», *NYT*, Week in Review, April 12, 1998; Gerald Baker, «Is This Great, Or What?», *FT*, March 31, 1998.
- ⁶ Sylvia Nasar, «Unlearning the Lessons of Econ 101», *NYT*, Week in Review, May 3, 1998.
- ⁷ «The Problem Now: what to Do With All That Cash», *BW*, Dec. 12, 1994; «An Enormous Temptation to Waste», *BW*, Feb. 10, 1997.

- ⁸ *BW*, March 23, 1994.
- ⁹ Louis Uchitelle, «America's Treadmill Economy: Going Nowhere Fast», *NYT*, Money and Business section, March 8, 1998.
- ¹⁰ Alan Greenspan, testimony before the Senate Banking Committee, Feb. 1997: «устойчивый экономический рост» стал возможен благодаря «нетипичному ограничению роста компенсационных выплат, [что] является, видимо, результатом главным образом снижения социальной защищенности наемного работника».
- ¹¹ «Economic Report of the President», Feb. 1997. Эта и предыдущая цитата Гринспена приведены в: «Editorial», *Multinational Monitor*, March 1997.
- ¹² «Remarks by Alan Greenspan, Chairman, Board of Governors of the Federal Reserve System, at the Annual Convention of the American Society of Newspaper Editors, Washington, DC», April 2, 1998.
- ¹³ Это высказывание приведено в: «Microsoft Researches Its Future», *Science*, Feb. 27, 1998.
- ¹⁴ Thomas Misa, «The Development of the Transistor», in Merritt Roe Smith, ed., *Military Enterprise and Technological Change: Perspectives on the American Experience* (MIT Press, 1985).
- ¹⁵ См. мою книгу *Powers and Prospects* гл. 5.
- ¹⁶ См.: William Hartung and Jennifer Washburn, «Lockheed Martin: From Warfare to Welfare», *Nation*, March 2, 1998. Gerard Baker, *FT*, March 11, 1998.
- ¹⁷ Timothy Egan, «As Idaho Prospers, Prisons Fill Up While Spending on the Poor Lags», *NYT*, April 16, 1998.
- ¹⁸ *Inside INEEL* (Idaho National Engineering and Environmental Laboratory), Sept. 1997.
- ¹⁹ Bob Davis, «In Effect, ITC's Steep Tariffs on Japan Protect US Markers of Supercomputers», *WSJ*, Sept. 29, 1997; David Sanger, *NYT*, Oct. 12, 1996.
- ²⁰ Цитата из книги: Frank Kofsky, *Harry Truman and the War Scare of 1948* (St. Martin's, 1993). Более широкий обзор статей деловой прессы по вопросу о сопоставлении военных и социальных расходов см. в моих книгах *Turning the Tide* и *Deterring Democracy*, p. 49.
- ²¹ Tom Schlesinger, «Labor, Automation, and Regional Development», в книге: John Tirman, ed., *The Militarization of High Technology* (MIT Press, 1984); James Cypher, «Military Spending, Technical Change, and Economic Growth: A Disguised Form of Industrial Policy?», *Journal of Economic Issues* 21:1 (March 1987).
- ²² См.: David Noble, *Forces of Production: A Social History of Industrial Automation* (Oxford Univ. Press, 1986).
- ²³ Elizabeth Corcoran, *Science*, April 2, 1993. Общую предысторию вопроса см. в моей книге *World Orders Old and New*, гл. 2.
- ⁱ ОЭСР – Организация экономического сотрудничества и развития. – Прим. перев.
- ⁱⁱ МОТ – Международная организация труда. – Прим. перев.

- iii ДАРПА (DARPA – Defense Advanced Research Project Agency) – Управление перспективных научно-исследовательских проектов Министерства обороны США. – *Прим. перев.*
- iv «Континентальный Иллинойс» («Continental Illinois») – в прошлом крупнейший чикагский банк. В 1982 г. понес большие потери и государственная федеральная корпорация страхования депозитов была вынуждена его спасти. – *Прим. перев.*

К гл. 14 (Socioeconomic Sovereignty):

Это отрывок из моего выступления в Альбукерке (Нью-Мексико) 26 февраля 2000 года в 20-тую годовщину создания Центра источниковедения по межамериканским отношениям. [Пер. с англ. О. Приходько]

- ¹ См. мою книгу *Deterring Democracy*, гл. 12.
- ² Мэдисон, см. мою книгу *Powers and Prospects*, гл. 5; см. мою статью «'Consent Without Consent': Reflections on the Theory and Practice of Democracy», в журнале *Cleveland State Law Review* 44.4 (1996). Jay, Frank Monaghan, *John Jay* (Bobbs-Merrill, 1935), 323.
- ³ Уолтер Липпман. Для более обстоятельного рассмотрения этой темы см. мои книги *Towards a New Cold War*, гл. 1 и 2; *Necessary Illusions*, гл. 1; *Deterring Democracy*, гл. 12. Для знакомства с предысторией вопроса см. новаторскую работу Алекса Кэри, наброски из которой перепечатаны в книге *Taking the Risk Out of Democracy* (Univ. Of Illinois Press, 1997).
- ⁴ См. мою книгу *Powers and Prospects*, гл. 4.
- ⁵ Бернейз, см. гл. 9, с. 120 и сноску 28 в этой книге. Stuart Ewen, *Captains of Consciousness* (McGraw-Hill, 1976).
- ⁶ World Bank, *World Development Report, 1995*. Цитирование и комментарии Джерома Левинсона, «The International Financial System: A Flawed Architecture», *Fletcher Forum* 23:1 (Winter-Spring 1999).
- ⁷ См. гл. 8 этой книги.
- ⁸ Carothers, «The Reagan Years», в: Abraham Lowenthal, ed., *Exporting Democracy* (John Hopkins Univ. Press, 1991); *In the Name of Democracy* (Univ. of California Press, 1991); «Dithering in Central America», *NYT Book Review*, Nov. 15, 1998.
- ⁹ *Condemned to Repetition* (Princeton, 1987).
- ¹⁰ См. гл.9, с. 111 в этой книге.
- ¹¹ См. мои книги *Turning the Tide*, гл. 2; и *Year 501*, гл. 2.
- ¹² См. мою книгу *Profit Over People*, гл. 4; гл. 7 этой книги, сноску 11 и текст.
- ¹³ Цитаты из книги: Robert Westbrook, *John Dewey and American Democracy* (Cornell, 1991).
- ¹⁴ Цитаты из книги: Martin Sklar, *The Corporate Reconstruction of American Capitalism, 1890-1916* (Cambridge Univ. Press, 1988), с. 413-414.
- ¹⁵ Shawn Crispin, «Global Trade: New World Disorder», *Far Eastern Economic Review* (Bangkok), Feb. 17, 2000.
- ¹⁶ Заседание в Монреале (Первое внеочередное заседание Конференции стран-участниц Конвенции ООН по биологическому разнообразию для за-

вершения подготовки и принятия Протокола по биобезопасности – продолжение работы сессии) (2000); Andrew Pollack, «130 Nations Agree on Safety Rules for Biotech Food», *NYT*, Jan. 30, 2000; Pollack, «Talks on Biotech Food Turn on a Safety Principle», *NYT*, Jan. 28, 2000.

¹⁷ Edward Herman, «Corporate Junk Science in the Media», *Z magazine*, Jan. and Feb. 1999.

¹⁸ Данные экономиста Бранко Милановича из Всемирного банка приведены в: Doug Henwood, *Left Business Observer* 93, Feb. 2000.

ⁱ Олигополия – монополизация производства и сбыта основной массы продукции в отрасли несколькими крупными конкурирующими компаниями. – *Прим. перев.*

ⁱⁱ Джеймс Мэдисон (James Madison) – четвертый президент США. На Конституционном конвенте 1787 г. внес ряд предложений, вошедших в Конституцию США. – *Прим. перев.*

ⁱⁱⁱ Континентальные конгрессы – собрания представителей 13 североамериканских колоний Англии, фактически осуществлявшие функции законодательной и исполнительной власти до начала и в период Войны за независимость (1774-1789 гг.). – *Прим. перев.*

Сокращения и аббревиатуры

- АФТ/КПП (AFL/CIO – American Federation of Labour-Congress of Industrial Organizations) – Американская федерация труда – Конгресс производственных профсоюзов)
- ВТО (WTO – World Trade Organization) – Всемирная торговая организация
- ООН
- ГАТТ (GATT – General Agreement on Tariffs and Trade) – Генеральное соглашение о тарифах и торговле
- ДАРПА (DARPA – Defense Advanced Research Project Agency) – Управление перспективных научно-исследовательских проектов Министерства обороны США
- ДЕА (DEA – Drug Enforcement Administration) – Управление по борьбе с наркотиками при министерстве юстиции США
- ЕС (EU – European Union) – Европейский Союз
- КФОР (KFOR – Kosovo International Peace Implementation Force) – Международные миротворческие силы для Косово
- МВФ (IMF – International Monetary Fund) – Международный валютный фонд
- ООН
- МКПЧ (Inter-American Juridical Committee) – Межамериканская комиссия по правам человека
- МОТ (ILO – International Labour Organization) – Международная организация труда
- МПГПП – Международный пакт о гражданских и политических правах
- МСИ (MAI – Multilateral Agreement on Investments) – Многостороннее соглашение об инвестициях
- НАФТА (NAFTA – North Atlantic Free Trade Agreement) – Межгосударственный пакт, заключенный в январе 1994 между США, Канадой и Мексикой, о взаимном регулировании тарифов и условий торговли.
- ОАГ (OAS – Organization of American States) – Организация американских государств
- ОАК (KLA – Kosovo Liberation Army) – Освободительная армия Косово
- ООН (UN – United Nations organization) – Организация Объединенных Наций
- ОПБ (FOL – Forward Operating Locaion) – объект передового базирования
- ОЭСР (OECD- Ogranization for Economic Co-operation and Development) – Организация экономического сотрудничества и развития
- ПКИ (PKI – Partai Komunis Indonesia) – Коммунистическая партия Индонезии
- ПКК (PKK – Partiya Karkeran Kurdistan/Kurdish Workers' Party) – Курдская рабочая партия
- РВСК (PARC – Revolutionary Armed Forces of Colombia) – Революционные вооруженные силы Колумбии
- СБ ООН (UN Security Council) – Совет Безопасности ООН
- СЗК (ТМК – аббревиатура албанского названия Kosovo Protection Force) – Силы защиты Косово

СНБ (NSC – National Security Council) – Совет Национальной Безопасности
 СТРАТКОМ (STRATCOM – The US Strategic Command) – Стратегическое
 Командование США
 ТИНА (TINA – There Is No Alternative) – Альтернативы нет
 ТНИ (TNI – Tentara Nasional Indonesia, Indonesian Defence Forces / Indonesian
 Armed Forces) – индонезийская армия
 ЮНАМЕТ (UNAMET – United Nations Mission in East Timor) – Миссия ООН в
 Восточном Тиморе
 ЮНЕСКО (UNESCO – United Nations Educational, Scientific and Cultural
 Organization) – Организация ООН по вопросам образования, науки и куль-
 туры
 ЮНКТАД (UNCTAD – United Nations Conference on Trade and Development) –
 Конференция ООН по торговле и развитию

AFP	<i>Agence-France Presse</i>
AP	<i>Associated Press</i>
BG	<i>Boston Globe</i>
BW	<i>Business Week</i>
CSM	<i>Christian Science Monitor</i>
GW	<i>Guardian Weekly</i>
NYT	<i>New York Times</i>
WP	<i>Washington Post</i>
WSJ	<i>Wall Street Journal</i>

Книги Н. Хомского, цитированные выше:

*After the Cataclysm: Postwar Indochina and the Reconstruction of Imperial
 Ideology, The Political Economy of Human Rights : Vol II, with Edward Herman.*
 Cambridge, MA: South End Press, 1979.
The Culture of Terrorism. Cambridge, MA: South End Press, 1988.
Deterring Democracy. New York: Verso, 1991.
Fateful Triangle : The United States, Israel, and the Palestinians. South End Press,
 1983; Updated Edition, 1999.
For Reasons of State. New York: Pantheon, 1973.
Necessary Illusions: Thought Control in Democratic Societies. South End Press,
 1983
*A New Generation Draws the Line : Kosovo, East Timor and the Standards of the
 West.* Verso, 1991.

«Рациональность в целом безрассудной системы ...»

*Интервью проф. Н. Хомского для издательства «Логос» (Москва). **

1. *Каковы исторические причины Вашего выбора деятельности политического аналитика наряду с академической?*

Фактически это было возвратом к моей прежней жизни после нескольких лет перерыва в 1950-е гг. Я принял это решение в начале 1960-х гг., когда в Соединенных Штатах возрождалось движение за гражданские права и возрос политический активизм в связи с военными действиями в Индокитае и другими событиями. Однако политическая деятельность — это не только писать статьи, книги, выступать с докладами, давать интервью, но и тратить время в ущерб другому в своей жизни. Конечно, она по-разному переплетается с профессиональной работой.

2. *Каково Ваше видение «идеальной формы» функционирования современного демократического общества в настоящих исторических условиях? Какие конкретные формы общественной самоорганизации, на Ваш взгляд, в наибольшей степени осуществляют этот идеал, к нему приближаются?*

Никто не имеет достаточных знаний, чтобы всерьез говорить об «идеальных формах». Можно говорить о «лучших формах», и поиск таких форм (в США, России и в других странах) можно вести на основе имеющих глубокие корни общественных традиций, которые возможно отодвинуты в тень, но не уничтожены.

В Америке середины XIX века без какого-либо влияния марксизма или связанных с ним европейских течений трудящиеся принимали за должное, что «те, кто работают на фабриках, должны ими владеть» (стандартный лозунг независимой рабочей прессы), и что наемный труд немногим отличается от рабского труда. Этому господствующему тогда взгляду придерживались, например, Авраам Линкольн и Республиканская партия.

Джон Дьюи, выдающийся американский социальный философ XX века, считал, что до тех пор, пока на смену «промышленному феодализму» не придет «промышленная демократия», свобода трудящихся будет ограничена, а политика будет оставаться «тенью, отбрасываемой большим бизнесом на общество». Все это по существу правильно и

указывает направления, по которым должна развиваться борьба за свободу и демократию.

Что касается исторических прецедентов, то их огромное число, хотя некоторые самые многообещающие были уничтожены. Важными и впечатляющими являются достижения анархистской революции 1936 года в Испании, но они были уничтожены испанской коммунистической партией, направляемой Советским Союзом, при пособничестве западных демократий и фашистов.

Однако поражение народных революций никогда не бывает окончательным. В первой современной демократической революции XVII века в Англии демократы потерпели поражение, но не полное; их идеи и организационные структуры приняли новые формы и со временем разительно изменили общество.

В Испании мрак фашизма отнюдь не убил все демократические надежды. Левые либертарианские силы продолжают действовать и достигли впечатляющих результатов. Примером служит преуспевающая и многообещающая система кооперативов «Мондрагон», которые являются собственностью работников, а законодательное управление осуществляется их общим собранием. В прошлом и настоящем существует очень много других примеров такого рода.

3. Как Вы оцениваете теорию развития общества, предложенную нобелевским лауреатом в области экономики Амартьей Сеном, и ее успешное воплощение на примере индийского штата Керала?

Работа Сена в немалой степени основана на достижениях штата Керала. У меня не было достаточно времени, чтобы подробно ознакомиться с этими достижениями, но они очень впечатляют. Даже краткого визита достаточно, чтобы убедиться в том, о чем говорят статистические показатели – штат Керала во многом очень ярко выделяется среди других сопоставимых с ним и более богатых штатов. И не только высоким уровнем социального обеспечения и распределением доходов. Помимо этого, к наиболее впечатляющим достижениям относятся высокие показатели образовательного уровня, развития здравоохранения, а также обеспечение прав женщин. Это оказывает очень сильное влияние на все общество. Достижением является и создание успешно действующих кооперативных предприятий.

Показатели общественного развития, частично основанные на важной работе Сена, являются шагом вперед по сравнению со стандартными подходами к оценке устройства и функционирования общества, хотя

для усовершенствования методов социально-экономической статистики предстоит еще много сделать.

К сожалению, вопрос в том, смогут ли достижения штата Керала выдержать разрушительные волны так называемой «новой либеральной» версии глобализации. «Так называемой», потому что эта версия не является ни «новой», ни «либеральной». Достаточно привести один классический пример времен британского правления, когда примерно такая же политика явилась причиной множества страданий жителей Индии. Истинные либералы перевернулись бы в своих могилах, если бы видели, что сегодня осуществляется от их имени.

4. Каково Ваше отношение к идее Джорджа Сороса о построении глобального Открытого Общества, направленного на упрочение гражданских ценностей, экономическую реформу, соблюдение прав человека?

Несомненно, мы должны приветствовать эти цели, полагая что «реформа» не означает чисто техническое следование неолиберальным доктринам, которые оказали разрушительное действие как в России, так и в других странах – даже в богатых странах, вопреки широко распространенным иллюзиям. Конечно, возникает много вопросов о том, как правильно действовать для достижения этих целей.

5. Какова Ваша позиция по вопросу отношения «интеллектуалы и власть» в современных условиях? Возможно ли вообще сегодня индивидуальное «прямое» политическое действие? Что удалось Вам как «политическому аналитику» сделать, «говоря правду власти» и о «власти»?

Не думаю, что стоит терять время на попытки «говорить власти правду». Власть имущие знают правду достаточно хорошо и используют ее для своего господства над людьми и их угнетения. Интеллектуалы – это, по сути, люди, которые имеют преимущества в получении образования, доступе к информационным ресурсам и прочие. Они должны пытаться искать истину вместе с людьми, которые страдают и бессильны, и нести им знания. Интеллектуалы должны вносить посильный вклад [в разъяснение реального положения вещей], пользуясь имеющимися у них преимуществами. Именно так я прожил добрую часть своей жизни. Такие совместные образовательные и организационные действия, а иногда и прямое сопротивление, имели значительный успех на протяжении многих лет.

Сегодня общество в Соединенных Штатах является намного более цивилизованным, чем сорок или даже десять лет назад, хотя влияние

ные институты стремились сдержать и обратить вспять демократические процессы. Борьба на этом фронте не прекращается на протяжении всей современной истории.

Что касается интеллектуалов, то, учитывая, что они являются стражами истории, к их мнению, естественно, надо относиться с некоторой долей скептицизма. Вопреки распространенному представлению, подавляющее большинство интеллектуалов склонно поддерживать власть, а не находиться к ней в оппозиции. Одним из некоторых долгосрочных предсказаний развития общественных отношений, которое достаточно точно подтвердилось, является предсказание Бакунина, что «новый класс» интеллектуалов будет следовать двум направлениям. Одни будут стремиться к завоеванию власти под флагом народной борьбы, становясь «красной бюрократией», одной из самых жестоких властей в истории. Другие осознают, что власть остается в руках государственных капиталистических институтов, и предпочтут пойти к ним в услужение. Все они, по словам Бакунина, будут «бить народ его же собственной палкою народною». Это в значительной степени доказало свою правоту.

Весьма типичными являются перебежки интеллектуалов из одного [политического] лагеря в другой в зависимости от того, где предоставляются более благоприятные возможности для получения власти и привилегий. Такие перебежки делать легко, поскольку доктрины идеологов [того и другого лагеря] по своей сути не очень отличаются.

Индивидуальное «прямое» действие всегда возможно, но обычно оно не приносит ощутимых результатов и может даже иметь отрицательный характер. Коллективное действие людей, объединенных общей позицией, — это совершенно другое дело. Нет пределов тому, что можно достичь коллективными действиями.

6. *Какие проблемные реалии, анализируемые в книге «Государства-изгои», по Вашему мнению, стали более актуальны, какие, наоборот, отошли на задний план или даже обрели положительное разрешение в свете событий последних двух лет? Прежде всего события «9-11» и хода последующей «антитеррористической кампании»; «стабилизации» ситуации «вокруг Косово» и процесса над Милошевичем в Гааге; получения Восточным Тимором независимости; краха модели экономического развития, навязанного Аргентине со стороны МВФ?*

В книге нет ничего такого, что я бы написал сегодня по-иному, не считая дополнения большим числом фактов.

Одним очень важным последствием событий «9-11» является то, что США впервые в истории расположили большую часть своих военных баз в Центральной Азии. Эти базы играют важную роль в обеспечении благоприятной обстановки в «большой игре» по установлению контроля над богатыми природными ресурсами стран этого региона, включая прежде всего самые крупные в мире энергетические ресурсы района Персидского залива. Система военных баз США, контролирующих Залив, простирается от Тихого океана до Азорских островов, но до Афганской войны ближайшая к Заливу надежная военная база находилась на острове Диего-Гарсия в Индийском океане. Теперь ситуация намного улучшилась, и осуществлять насильственное вмешательство, если понадобится, значительно легче.

Администрация Буша рассматривает новую фазу «войны с терроризмом» (которая во многом повторяет «войну с терроризмом», объявленную рейгановской администрацией 20 годами ранее), как возможность распространения уже подавляющего американского военного превосходства на остальную часть мира и перехода к использованию других мер по обеспечению глобального доминирования США. Позиция американского правительства была ясно выражена должностными лицами во время визита в США принца Абдуллы из Саудовской Аравии в апреле 2002 г. Он пытался убедить американскую администрацию уделять больше внимания тому, как реагирует арабский мир на решительную поддержку израильского терроризма и репрессий Соединенными Штатами. Ему ответили, что для США не имеет значение, о чем думает он и другие арабы. По сообщению New York Times, высокопоставленный представитель [администрации] отметил, что «если он [принц Абдулла] судит о нашей мощи по операции «Буря в пустыне», то сегодня мы в десять раз сильнее. Представление о наших возможностях он может составить из того, что мы продемонстрировали в Афганистане». Главный специалист администрации по вопросам обороны истолковал это просто: другие будут «уважать нас за нашу непревзойденность и не позволят себе вольничать с нами». Такая позиция имеет много исторических прецедентов, но после событий «9-11» она приобрела новую силу. Хотя у нас нет доступа к служебным документам для внутреннего пользования, естественно предположить, что достижение именно таких результатов было одной из главных целей бомбардировки Афганистана — показать миру, что можно ожидать от США в ответ на неправильно сделанный шаг. Бомбардировка Сербии была предпринята с той же целью.

Преступления, совершенные 11 сентября, как сразу же предсказывалось, были использованы государственной властью для усиления репрессивных и террористических действий: Россией в Чечне, Китаем в западных провинциях страны, Израилем на оккупированных территориях, Индонезией в провинции Ачех и т. д. Более демократические государства тоже использовали эту возможность, чтобы дисциплинировать своих граждан во имя «патриотизма», что на деле означает: мы будем неотступно претворять в жизнь свою политическую программу, а вы помалкивайте.

Как отметил уважаемый экономист Пол Кругман в газете New York Times, «не успела буквально осесть пыль» на руинах Центра мировой торговли в Нью-Йорке, как высокопоставленные республиканцы заявили, что они «полны решимости использовать терроризм для оправдания радикальной программы действий правых». Пол Кругман и другие аналитики показали на фактах, что именно так республиканцы и продолжали действовать, прибегая при этом к классическому приему устрашения, чтобы отвлечь внимание людей от направленных против них действий. Война против Ирака является драматичной тому иллюстрацией, хотя она имеет также и другие причины.

Что касается Восточного Тимора, то США и Великобритания не прекращали поддерживать индонезийские преступления до самого конца, еще долго после того, как армия и военизированные формирования разрушили большую часть страны и вытеснили ее население. Только после оказания сильного давления, как международного, так и внутри страны, в середине сентября 1999 г. Клинтон дал понять индонезийским генералам, что игра окончена, после чего те сразу же вывели войска, позволяя беспрепятственно войти в Восточный Тимор миротворческим силам во главе с Австралией. Выполняя свою обычную функцию, западные интеллектуалы приветствовали это позорное свершение как иллюстрацию торжества новой эпохи гуманизма под предводительством «просвещенных государств». Но при этом было полностью скрыто то, о чем четко и ясно говорят реальные события, — что власть лжет и что ужасные преступления последней четверти XX века можно было предотвратить. Для этого не было необходимости в бомбардировках, санкциях и других мерах; достаточно было только прекратить участие [в этих преступлениях] США и Великобритании, как показали события в сентябре 1999 года. И это далеко не единственный пример.

Документы возродившихся рейганистов, находящихся сегодня у власти в Вашингтоне, многое говорят о «войне против терроризма», которую они вновь объявили после событий «9-11», используя в основ-

ном ту же риторику, что и двадцать лет назад. Но риторика тех лет уже хорошо забыта, и одно упоминание событий прошлого, несмотря на явную связь с сегодняшним днем, вызывает в образованных кругах очень впечатляющие вспышки раздражения. На протяжении многих лет такая реакция хорошо знакома в России, где комиссары в свое оправдание, по крайней мере, могли сослаться на страх.

Что касается Косово, в настоящее время Госдепартамент США, правительство Великобритании, НАТО, ОБСЕ и другие безупречные западные источники имеют массу документов. Они ясно свидетельствуют о том, что США и Великобритания хорошо знали, что требование ими военных действий вместо дипломатических приведет к эскалации преступлений, как и произошло в подтверждение того, о чем за несколько недель до начала бомбардировок предупредил Вашингтон командующий силами НАТО в Европе Уэсли Кларк.

Нет сомнений в том, что Милошевич – серьезный преступник, но важно понимать, что фактически все преступления в Косово, которые поставлены ему в вину Гаагским судом, произошли в результате бомбардировок НАТО, как предвидели Великобритания и США. Этот важный факт фактически замалчивается сообществом интеллектуалов, выполняющих свою обычную функцию.

Как Вы отметили, Аргентина потерпела крах, будучи еще несколько лет назад в фаворе МВФ; и это только один пример исключительно разрушительных последствий следования правилам игры в глобализацию, налагаемых Западом. Латинская Америка очень скрупулезно соблюдала эти правила и в результате пострадала – этот факт вряд ли вызывает сомнение. На эту тему, конечно, можно рассказать еще очень многое. Уже после выхода в свет книги «Государства-изгои» я довольно много написал об этом.

7. Почему, по Вашему мнению, США вторглись в Ирак?

Этот вопрос является предметом разного рода спекуляций, и творцы политики могут называть то одни, то другие причины. Но нельзя воспринимать всерьез ответы на него Буша, Пауэлла и их приспешников, которые мы достаточно хорошо знаем. Начиная с сентября 2002 г., когда администрация Буша начала бить в барабаны войны, они прилагали все усилия, чтобы втолковать нам правильное понимание [своих действий], постоянно сами себе противореча. Поначалу они заявляли, что «единственная проблема» заключается в разоружении Ирака. Последующая версия (от 12 апреля) звучит так: «Мы совершенно уверены,

что у них есть оружие массового поражения – поэтому начата и продолжается эта война». Этот довод, который трудно принимать всерьез, выдвигался ими в ООН на всем протяжении фарса с разоружением. Комиссия ООН по наблюдению, контролю и инспекциям (UNMOVIC) хорошо выполняла свою работу в фактически разоружающемся Ираке и могла ее продолжать, если бы цель заключалась в разоружении. Но нет надобности это обсуждать, потому что на следующий день после торжественного утверждения, что это «единственная проблема», было объявлено, что это вообще проблемой не является: даже если в Ираке не найдут ни одного карманного ножа, вторжение все равно произойдет, потому что США просто обязаны «сменить режим». Еще через день мы слышим, что и не об этом речь. Во время встречи на высшем уровне США, Великобритании и Испании на Азорских островах Буш и Блэр ультимативно заявили ООН, что вторжение произойдет, даже если Саддам и его банда покинут страну. Итак, «смены режима» недостаточно. Еще через день мы слышим, что цель – установление «демократии». Поводы тасуются в зависимости от аудитории и обстоятельств, поэтому никто в здравом уме не может воспринимать этот фарс всерьез.

Одной неизменной целью остается установление Соединенными Штатами контроля над Ираком. В 1991 г. Саддаму Хусейну было позволено жестоко подавить восстание, которое могло его свергнуть, хотя «самым лучшим вариантом» для Вашингтона была бы «иракская хунта без Саддама Хусейна» (ставшего к тому времени для США препятствием), которая управляла бы страной «железным кулаком», как раньше делал Саддам при поддержке и одобрении США (по словам Томаса Фридмана, международного обозревателя New York Times). Но в результате восстания страна могла бы оказаться в руках иракцев, недостаточно подчиненных Вашингтону. В последующие годы смертоносный режим санкций разорял страну, усилил тирана и вынудил иракцев, чтобы выжить, полагаться на установленную Саддамом (весьма эффективную) систему распределения товаров повседневного спроса. Поэтому санкции исключили возможность восстания народа против Саддама. В других же странах таким образом было свергнуто внушительное число правящих монстров, которые до конца их кровавого правления имели сильную поддержку должностных лиц в Вашингтоне: Маркос, Дювалье, Чаушеску, Мобуту, Сухарто и длинный перечень других, некоторые из которых были такими же тиранами и варварами, как и Саддам. Если бы не санкции, Саддам тоже, по всей вероятности, последовал бы этим путем, о чем многие годы говорили Денис Холидей¹ и Ганс фон Спонек², знающие Ирак лучше других (хотя для публикации своих ста-

тей они должны были обращаться в Канаду, Англию и другие страны). Низвержение режима изнутри не было бы приемлемо также потому, что это делало ответственными иракцев. Встреча на Азорских островах просто повторила эту позицию.

Основным предметом разногласий является вопрос о том, кто будет управлять Ираком. Поддерживаемая США иракская оппозиция требует, чтобы в послевоенном Ираке ключевую роль играла ООН, и отвергает восстановление страны и ее управление Соединенными Штатами (такова позиция Лейта Куббы, одного из наиболее уважаемых на Западе представителей Иракского форума за демократию). Сайед Мохаммед Бакир аль-Хаким, один из лидеров шиитской оппозиции и глава Верховного совета Исламской революции в Ираке (SCIRI), заявил прессе: «Мы понимаем, что эта война нужна, чтобы установить в Ираке гегемонию США», и воспринимаем США как «оккупантов, а не как освободителей». Он подчеркнул, что выборы должны проводиться под наблюдением ООН, призвал «вывести из Ирака иностранные войска» и предоставить ответственность за устройство страны самим иракцам.

Концепция американских творцов политики радикально отличается. Она заключается в том, что США должны установить в Ираке марионеточный режим в соответствии с укоренившейся практикой в других странах этого региона и в больше всего в тех регионах, которые столетие находились под господством США, – в Центральной Америке и Карибском бассейне. Это также хорошо понятно. Брент Скоукрофт, советник по национальной безопасности при Буше I, повторил очевидное: «Что произойдет, если после проведения первых выборов в Ираке победят радикалы? Что делать? Мы, конечно же, этого не допустим».

Такую же позицию, как иракцы, занимают и другие народы в этом регионе. Недавние исследования показывают, что от Марокко до Ливана и Залива примерно 95 процентов населения хотят, чтобы большую роль в правительстве играли религиозные исламские лидеры, и столько же полагают, что интерес США в регионе связан с установлением контроля над нефтью и усилением Израиля. Рост антиамериканских настроений достиг беспрецедентных масштабов; и планы Вашингтона якобы радикально изменить политику, позволить провести действительно демократические выборы и потом считаться с их результатами кажутся здесь, по меньшей мере, нереальными.

Вернемся к вопросу. Одной из причин вторжения, конечно, является установление контроля над вторыми в мире по величине ресурсами нефти, которые позволяют Соединенным Штатам еще более усилить позицию глобального доминирования и обеспечить «мертвую хватку над

глобальной экономикой». Так определяет долгосрочную цель США, которую он считает основополагающей причиной войны, известный аналитик Майкл Клэйр. Однако это не может объяснить времени ее начала. Почему именно сейчас?

Барабанный бой войны начался в сентябре 2002 г., и с того времени пропагандистская кампания правительства и СМИ достигла впечатляющего успеха. Очень быстро большая часть американцев поверила в то, что Ирак представляет непосредственную угрозу безопасности США, и даже что Ирак имел отношение к событиям «9-11» (по сравнению с 3 процентами американцев сразу после этих событий) и планирует новые нападения [на США]. Неудивительно, что это хорошо коррелирует с числом американцев, которые поддерживают войну против Ирака. Число тех, кто в США верит в угрозу Ирака, уникально. Даже в Кувейте и Иране, несмотря на вторжение Ирака, Саддама Хусейна не боялись, а лишь презирали. В этих странах очень хорошо знают, что Ирак был самым слабым государством в регионе, и на протяжении нескольких лет вместе с другими странами они пытались реинтегрировать Ирак в региональную систему вопреки решительным возражениям США. Но чрезвычайно действенная пропагандистская атака поставила американцев далеко за пределами спектра мирового [общественного] мнения, что является выдающимся достижением.

Пропагандистский шквал в сентябре совпал с двумя знаменательными событиями. Одним было начало промежуточной избирательной кампании в конгресс США. Глава предвыборной кампании Буша Карл Роув уже тогда отметил, что при «проведении выборов» главным вопросом для республиканцев должна стать национальная безопасность, потому что избиратели «верят, что Республиканская партия сможет лучше... защитить Америку». Не надо быть политическим гением, чтобы понять, что, если на выборах будут доминировать социальные и экономические вопросы, у администрации Буша не будет шансов на победу. Поэтому необходимо было выдумать огромную угрозу существованию Америки, которую ее могущественный лидер сможет чудодейственно предотвратить. На выборах работала только эта стратегия. Опрос общественного мнения показывает, что избиратели сохранили свои предпочтения, но тревога за безопасность оттеснила их озабоченность, в связи с потерей работы, пенсиями, социальным обеспечением и т. д. Нечто подобное понадобится для кампании по выборам президента. Все это второстепенно для тех должностных лиц, что находятся сегодня у власти. Возродившиеся в основном из наиболее реакционных кругов администраций Рейгана и Буша старшего, они знают, что регу-

лярным нажатием кнопки сигнала тревоги можно было править страной в течение 12 лет, претворяя в жизнь внутриполитические программы, против которых решительно выступала общественность: то ливиец [Кадаффи], пытается «устранить нас из этого мира» (при Рейгане); то авиабаза в Гренаде, которую русские могут использовать для бомбардировок Америки; то Никарагуа, что всего в «двух днях езды от Харлингена в Техасе», намеревается захватить северное полушарие, размахивая своей версией «Моей борьбы» (Mein Kampf); то чернокожие преступники вот-вот изнасилуют вашу сестру (как Вилли Хортон во время кампании по выборам президента в 1988 г.); то латиноамериканские контрабандисты наркотиков собираются нас уничтожить и т. д.

Сохранение политической власти является чрезвычайно важным вопросом, если ее узкие круги, представленные администрацией Буша, вопреки решительному противодействию общественности намереваются продолжить претворять в жизнь свою реакционную внутриполитическую программу и, возможно, даже придать этому законный статус, чтобы то, что демонтируется, было трудно восстановить.

В сентябре 2002 г. произошло еще одно событие: администрация обнародовала свою Стратегию Национальной Безопасности, заставив содрогнуться весь мир, включая внешнеполитическую элиту США. Хотя эта Стратегия имеет много прецедентов, в ней изложена принципиально новая позиция: впервые в послевоенном мире могущественное государство громко и ясно заявило, что оно всегда намеревается править миром с позиции силы, сокрушая любое кажущееся потенциальное тому препятствие. СМИ это часто называют доктриной «упреждающей войны», что совершенно неправильно, поскольку доктрина выходит далеко за рамки упреждения. Иногда ее называют более точно доктриной «превентивной войны». Это также преуменьшение, поскольку «упреждаться» должна любая угроза, какой бы отдаленной она ни казалась, а не только военная; брошенные доктрине вызовы могут быть придуманы как угодно; и вызовом может считаться просто «неповиновение» без всякой угрозы. Те, кто принимают во внимание уроки истории, знают, что в прошлом «успешное неповиновение» часто рассматривалось как оправдание для применения силы.

Раз доктрина объявлена, то надо предпринять определенные действия для демонстрации ее серьезности, чтобы она могла стать новой «нормой международных отношений», как рассудительно будут объяснять комментаторы. Роджер Оуэн, специалист из Гарварда по истории Ближнего и Среднего Востока, одной из причин нападения на Ирак назвал необходимость войны как «показательной демонстрации». Пока-

зательные военные действия преподносят урок, из которого другие должны сделать выводы.

Почему Ирак? Объект такого показательного эксперимента должен иметь несколько важных черт. Он должен быть беззащитен и должен иметь большое значение, нет смысла демонстрировать действенность доктрины на вторжении в Бурунди. Ирак же очень хорошо подходил в обоих отношениях. Важность Ирака для США очевидна, как и требуемая беззащитность. Начнем с того, что Ирак имел небольшие вооруженные силы и в 1990-е гг. в значительной степени был разоружен, а большая часть общества поставлена на грань выживания. Военные расходы и экономика Ирака составляли всего одну треть от таковых Кувейта (население Кувейта составляет всего 10 % от населения Ирака) и намного меньше по сравнению с другими странами в регионе и, конечно же, региональной сверхдержавой Израилем, в настоящее время фактически являющейся заморской военной базой США. Войска вторжения не только имели всецело подавляющую военную мощь, но также и обширную информацию для направления своих действий. Эта информация на протяжении многих лет получалась с помощью спутников и при облетах территории Ирака, а последние годы – с использованием самолетов-разведчиков U-2 под предлогом разоружения и, конечно, отправлялась прямо в Вашингтон.

Поэтому Ирак был прекрасным выбором для «показательных боевых действий» по установлению новой доктрины мирового господства с позиции силы как «нормы международных отношений». Высокопоставленный чиновник, принимавший участие в подготовке Стратегии Национальной Безопасности, сообщил прессе, что ее «публикация является сигналом того, что Ирак будет первым, но не последним ее [стратегии] испытанием». «Ирак стал чашкой Петри, в которой проводился эксперимент по созданию упреждающей стратегии», писала газета New York Times, как обычно, неправильно называя стратегию, но в остальном достаточно точно.

Все эти факторы послужили хорошим основанием для войны. Они также помогают объяснить, почему подавляющее большинство мировой общественности выступало против запланированной войны (включая США, особенно если сделать поправку на фактор страха, уникального для американцев). Очень необычно то, что против войны также выступала значительная часть представителей экономической и внешнеполитической элиты. Они вполне обоснованно боялись, что за такую авантюрную политику им дорого придется расплачиваться, возможно, даже собственным существованием. Хорошо понятно, что такая поли-

тика заставляет другие страны разрабатывать средства сдерживания, как то: оружие массового поражения, убедительные угрозы серьезного терроризма или даже обычные виды оружия, как в случае с Северной Кореей, сосредоточившей на своей территории артиллерию для уничтожения Сеула.

Разрывая в клочки все остатки существующей системы мирового порядка, администрация Буша демонстрирует миру, что ничто, кроме силы, не имеет значения, и показывает всем свой бронированный кулак. Маловероятно, что другие будут с этим долго мириться, включая, будем надеяться, американцев, которые находятся в намного лучшем положении, чтобы противостоять этим чрезвычайно зловещим тенденциям или обратить их вспять.

8. Какой урок другим странам преподнесли США войной против Ирака и какие можно ожидать последствия?

На этом «показательном примере» администрация Буша дает понять, что другие страны должны воспринимать Стратегию Национальной Безопасности всерьез. Что США намерены господствовать над миром с позиции силы – единственным способом, в котором им нет равных – и господствовать всегда. Более конкретный урок, драматически продемонстрированный развитием событий вокруг Северной Кореи и Ирака, заключается в том, что во избежание нападения США лучше иметь надежное средство сдерживания. В элитных кругах широко распространено мнение, что вероятным последствием этой войны будет распространение оружия массового поражения и терроризма в самых разных формах, как результат страха и ненависти к администрации Соединенных Штатов, которые еще до начала войны против Ирака считались основной угрозой миру. Сегодня эта проблема не стала менее серьезной. Учитывая существующие средства насилия, вопрос сохранения мира быстро трансформируются в вопрос выживания человеческого рода.

9. Насколько реально такое развитие событий, при котором становление «новой Европы», с ее свободными от диктата «Белого Дома» экономическими и политическими институтами, сделает ООН реально действующей международной организацией, чьи решения будут обязательными к исполнению для всех ее членов? Может ли Россия (Китай, Индия ...) как «независимая политическая сила» играть какую-либо особую позитивную роль в этом процессе?

Европа могла бы играть важную роль противовеса господству США; но не с помощью военной силы, что было бы нелепо, а путем так называемой «мягкой власти» – власти экономического роста, культурных достижений, альтернативных социальных и экономических моделей и т. д. Но для этого европейцы должны принять решение следовать этим курсом.

Элитные круги получают большую выгоду в очень узком смысле, связывая себя с концентрированными секторами власти, которые в значительной мере управляют Соединенными Штатами. Япония, Россия, Китай, Индия, Бразилия и другие страны могли бы в определенном смысле стать независимыми и влиятельными игроками на мировой арене. Но это требует значительных внутренних общественных преобразований в этих странах.

Что касается ООН, эта организация не является независимой и никогда такой не была. Она может действовать настолько, насколько ей позволяют великие державы, главным образом, США. Такая ситуация могла бы, конечно, измениться, но в результате намного более глубоких социальных изменений как в отдельных обществах, так и мировом сообществе.

10. Будут ли США, по Вашему мнению, предпринимать любые меры, чтобы препятствовать появлению силы-противовеса в лице любой страны?

Это не вопрос. Это официальная цель США, очень ясно сформулированная в последней Стратегии Национальной Безопасности Бушаⁱⁱⁱ, которая является необычно наглой формулировкой принципов, имеющих много прецедентов. И конечно, ни один из этих принципов не является изобретением Соединенных Штатов, хотя превосходство власти США в настоящее время не имеет равных себе в истории.

11. С одной стороны, США, самая большая в мире торговая страна, даже во время стабильного состояния экономики субсидируют в огромных масштабах (более \$100 миллиардов долларов ежегодно) свои крупнейшие корпорации – AT&T, General Electric, Boeing, агрокорпорации и другие. С другой стороны, с помощью Всемирного банка, МВФ, ВТО Соединенные Штаты настаивают на дерегулировании экономики и недопустимости введения защитных мер в других странах, чтобы заполнить их рынки своими субсидированными товарами. Не является ли это целенаправленной политикой экономической колонизации? Разве в этих странах не понимают, что согласие с такой политикой означает подписание их экономике смертельного приговора?

Это так, но здесь упущена самая важная «субсидия» – участие динамичного государственного сектора экономики, которое частично скрыто за «военным бюджетом». Этот вид субсидии фактически положил начало всей «новой экономике» – прежде всего, компьютерам, электронике, системам связи, Интернету, автоматизации и т. д. В значительной степени это относится также к новейшим биотехнологиям. Действующий принцип заключается в том, что народ должен брать на себя риск [разработки и развития новых технологий] и оплачивать счета; а если в результате получается что-то пригодное для продажи, то прибыль от этого получают частные тирании – так называемые «частные предприятия».

Предоставление, согласно правилам ВТО, различных налоговых и прочих льгот в том, что относится к сфере национальной безопасности, дает США огромную выгоду; но вот Гаити эти льготы не помогают. Это длинная история, и относится она, конечно, не только к США.

Одной из самых устойчивых особенностей экономической истории является то, что богатые и развитые общества опираются на радикальный отход от либеральных принципов, тогда как те, кто вынужден этим принципам следовать, становятся «третьим миром». Сказать, что богатые «настаивают» на принятии развивающимися странами таких условий, – создать обманчивое впечатление. У этих стран нет выбора. И вполне правильно называть это целенаправленной формой экономической колонизации. Руководство бедных стран может оказывать серьезную поддержку такого рода колонизации, взамен чего элитные круги этих стран обычно получают выгоду независимо от того, какой ущерб наносится основному населению. Показательным примером является Мексика, особенно из-за ее тесных отношений с США. Однако там существует довольно активное сопротивление народа.

Международные движения за установление в мире справедливости (в системах пропаганды называемые «антиглобализационными движениями», что, конечно, нелепо) возродились в основном на юге Америки; Север пришел к этому позже. Поэтому ежегодные встречи Мирового социального форума проходят в бразильском городе Порто-Алегре, а не в северной части Америки. Эти исторически новые движения в настоящее время являются очень влиятельными и, возможно, станут семенами настоящего первого Интернационала, надеждой рабочих и левых движений. На первых этапах деятельности в современных условиях их состав был ограничен, и либо руководство этих движений наносило им вред, либо они жестоко подавлялись государственной властью.

12. Правительства Горбачева и Ельцина получили огромные займы (внешний долг СССР увеличился в три раза за шесть лет нахождения М.С. Горбачева у власти) на условиях, продиктованных МВФ и Мировым Банком. Выполнение этих условий СССР, потом Россией, как и другими странами, не принесли никаких положительных результатов. Не были ли эти займы и их структура направлены на то, чтобы возвести над Россией такой же надгробный памятник, как над странами Латинской Америки – Мексикой, Аргентиной, Бразилией?

Результаты таковы, что сейчас Россия напоминает частично развитую страну третьего мира с характерными для такой страны чертами, включая небольшую исключительно богатую и привилегированную группу людей на фоне ужасающей бедности и лишений большинства населения. Последние демографические данные, опубликованные в западных научных журналах, показывают, что уровень смертности (10 миллионов умерших в 1990-е годы) сопоставим с числом погибших в 1930-е годы во времена сталинских «достижений».

Огромную выгоду получили представители элитных кругов России, как и иностранные инвесторы, которые теперь имеют возможность эксплуатировать ее природные ресурсы. Можно спорить о том, насколько целенаправленными были эти планы. Но ни у кого, кому знакомы лишь основы экономической истории, не могло быть серьезных сомнений в том, к чему приведет получение кредитов на таких условиях, какие бы абстрактные теоретические модели не рассматривать.

13. Избирательные кампании в США финансируются американскими корпорациями, и в результате правительство является всего лишь инструментом в их руках. Возможно ли изменение существующей системы выборов и формирования власти в США?

Корпорации в своей основе – тоталитарные организации. Главным мотивом их образования (как и трастов, объединений, стратегических альянсов и пр.) является защита богатых и сильных мира сего от разрушительного действия рынка. Интеллектуальные корни корпораций лежат в неогегельянских доктринах о превосходстве прав «организованных субъектов» над правами индивидуумов. Эти же доктрины лежат в основе двух других главных форм тоталитаризма XX века – фашизма и большевизма. Они иерархичны, управляются сверху вниз и фактически неподотчетны народу. Внутренне это командные экономики.

Вступая в стратегические альянсы с предполагаемыми конкурентами, самые крупные корпорации становятся по своей структуре международными. Они также тесно связаны с наиболее сильными государст-

вами, являясь одновременно их «орудиями и тиранами», как сказал более 200 лет назад Джеймс Мэдисон, предостерегавший от растущей власти бизнеса, который, как он справедливо опасался, подорвет демократический эксперимент. Столетие назад суды наделили корпоративные структуры правами «личности» (не по закону – по крайней мере, в США), что является серьезным наступлением на основные принципы классического либерализма.

Недавние международные экономические соглашения (ошибочно называемые «торговыми соглашениями») предоставляют корпорациям права, намного превышающие права людей, еще больше подрывая либеральные идеалы. Компания General Motors может требовать для себя в Мексике «национальный статус», но мексиканцы из плоти и крови вряд ли могут это сделать в Нью-Йорке, даже если останутся в живых после пересечения границы. Заслуживает внимания то, что граница между США и Мексикой была милитаризована Клинтоном с введением Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA). Это еще один удар по фундаментальному либеральному принципу, согласно которому, по словам Адама Смита, «свободное перемещение рабочей силы» является одним из основ свободной торговли.

Рассматривая выборную систему, Дьюи был совершенно прав, говоря, что концентрация частной власти отбрасывает очень сильную тень на политику. Финансирование выборов сделало этот процесс до такой степени продажным, что значительное большинство американцев -- 75% накануне президентских выборов 2000 г. -- считало выборы фарсом. Но это не единственный фактор, и хотя было бы хорошо провести реформы, главные проблемы они не устранят. Конечно, существующая структура формирования власти может быть изменена, даже ликвидирована, как часто, к счастью, случалось в прошлом.

14. Глобальные корпорации стремятся извлекать прибыль любой ценой. Они разрушают окружающую среду, колонизируют экономику других стран, поддерживают кровавых диктаторов, развязывают войны. Неужели те 10% американцев, в руках которых сосредоточены власть и материальные ценности страны, не понимают, что такая стратегия безудержной гонки за наживой ведет к самоуничтожению?

Стратегия необходима на относительно короткий срок. «В долгосрочном плане мы все умрем», как когда-то отметил Кейнс. В определенной степени эта стратегия является насущной необходимостью, поскольку международная экономика является рыночной. Конкуренты, которые

предпочитают действовать гуманно, будут выброшены из этой гонки другими, чьи действия целиком направлены на извлечение прибыли и завоевание своей доли рынка. Это фактическая изначальная необходимость. Иногда под большим давлением народа частные тирании меняют свои планы, то же самое относится и к тираниям государственным.

Политика, которая сейчас проводится теми, кто называют себя «хозяевами вселенной» (лишь с легким оттенком иронии), может с большой вероятностью привести к уничтожению человеческого рода в результате экологического опустошения или, что более вероятно, путем использования оружия массового поражения. Милитаризация космоса, например, несет огромную опасность выживанию человечества. И это серьезные опасности. Например, недавно во время российско-американо-кубинской встречи на высоком уровне в Гаване выяснилось, что в один из самых напряженных моментов Кубинского ракетного кризиса капитан русской подводной лодки Василий Архипов несомненно спас Северное полушарие от уничтожения. В США об этом сообщалось, как о курьезе, вне всякой связи с политикой.

Стратегия эта продолжает оставаться неизменной. Одной из ее наиболее зловещих черт является рациональность в рамках в целом безрассудной системы.

Примечания:

- * Проф. Хомский отвечает в этом интервью (02.2003) на вопросы В. Войткевич и О. Никифорова (Издательство “Логос” (Москва)). В интервью (ответ на вопрос 7) также использованы материалы интервью Н. Хомского для интернет-издания ZNet (13.04.2003), данное Энтони Эрнову, и по согласованию с последним включенные в настоящую публикацию. Перевод с англ. – В. Войткевич.
- ⁱ Денис Холидей – бывший помощник генерального секретаря ООН, руководитель программы «Нефть в обмен на продовольствие». – *Прим. перев.*
- ⁱⁱ Ганс фон Спонек – бывший координатор гуманитарной помощи ООН в Ираке – *Прим. перев.*
- ⁱⁱⁱ <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.html> – *Прим. перев.*

В рамках книжной серии “vs.” [от лат. “по отношению к...”, “против...”] публикуются (с 2000 г.) исследования по проблемам политической культуры, предлагающие альтернативный критический взгляд по актуальным вопросам современного социально ангажированного дискурса.

Основными требованиями к избираемым для публикации работам является 1) интеллектуальная значимость разбираемой темы и ее важность для актуальных процессов идентификации; 2) критический потенциал исследования, сочетаемый с высоким уровнем аналитичности.

Проект книжной серии “vs.” не является идеологически ориентированным: сами оппозиции «культуры»-«цивилизации», «правого»-«левого», «национального интереса»-«интернациональной сцены» должны как раз подвешиваться и подвергаться разностороннему (и разнонаправленному) разбору в публикуемых в серии работах.

Содействие выработке эффективных аналитических и критических техник «прочтения» культурных и цивилизационных процессов, без овладения которыми представляются невозможными как индивидуальная ориентация в социально-политическом пространстве современности, так и содействие установлению институтов гражданского общества в России, – перспективная цель проекта “vs.”.

В рамках серии “vs.” вышли в свет:

- ♦ Дебор, Ги. *ОБЩЕСТВО СПЕКТАКЛЯ. КОММЕНТАРИИ К ОБЩЕСТВУ СПЕКТАКЛЯ*. [оригинальное издание: 1968; 1989] 2000. 240 с., 2000 экз. Пер. с фр.

Первый перевод классических текстов основателя и протагониста ситуационистского движения. Классика альтернативной политической мысли современности.

- ♦ Хомский, Ноам. *9-11*. [2001] 2001. 160 с. Пер. с англ.

Серия интервью, данных всемирно известным лингвистом, политическим аналитиком и общественным деятелем непосредственно после “атаки на Америку” 11.09.2001 и в объяснение ей.

- ♦ Лэш, Кристофер. *ВОССТАНИЕ ЭЛИТ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ДЕМОКРАТИИ*. [1995] 2002. 224 с. Пер. с англ.

Последняя и классическая книга известного американского социолога, автора концепции «социокультурного нарциссизма» Кристофера Лэша (1932-1994). «Национальный бестселлер» США в 1995 г., но при этом – жесткая критика реалий североамериканского общества как общества «преданной демократии» и «тирании элит». Автор анализирует упадок гражданского общества и демократических институтов в современных США, указывая как на его причины на утрату традиции политического сообщества, поляризацию социума, распространению формалистского и функционалистского подхода к решению этических и культурных проблем.

- ◇ Нольте, Эрнст. *ЕВРОПЕЙСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1917-1945. НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ*. 2003 [1987]. 528 с. Пер с нем.

Книга немецкого историка Э. Нольте, главной действующей фигуры немецкого «спора историков» 1986 г. о возможностях и невозможностях ревизии тоталитарного прошлого нацистской Германии, обосновывающая его позиции в дискуссии.

- ◇ Касториадис, Корнелиус. *ВООБРАЖАЕМОЕ УСТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА*. [1975] 2003 (Совм. с издательством “Гнозис”) 480 с. Пер с фр.

Масштабный проект переинтерпретации общественно-исторических феноменов и самого существования общества *sub specia imaginationis* основателя группы “Социализм или Варварство” и «духовного отца» французского Мая 1968.

- ◇ Хомский, Ноам. *ГОСУДАРСТВА-ИЗГОИ*. [2000] 2003. 320 с. Пер с англ.

Всестороннее аналитическое представление причин и следствий практики приверженности к демагогическому использованию фигуры речи «государства-изгой», играющей ключевую роль в риторике госструктур США и их государств-клиентов. По отношению к внешнеполитическому ведомству США Н. Хомский, оперируя только фактами, выступает в роли своеобразного незваного «психоаналитика» – озвучивает то, что пациент скорее предпочел бы скрыть как от других, так и от себя.

- ◇ Балибар Э., Валлерстайн И. *РАСА, КЛАСС, НАЦИЯ: ДВУСМЫСЛЕННЫЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ*. [1988] декабрь 2003. 320 с. Пер с фр.

Дискуссионное представление “болевых точек” социально-политической истории и теории XX века. Совместное исследование французского философа Этьена Балибара, ученика и преемника Альтюссера, и автора ставшей классической работы *Современная мировая система* (“The Modern World-System”, 1974) американца Иммануила Валлерстайна.

Научное издание

Ноам Хомский

Государства-изгои.

Право сильного в мировой политике

Перевод с английского: В. Войткевич, П. Смирнов, О. Приходько

Редакция перевода – В. Войткевич, О. Никифоров

Корректор – А. Кефал, А. Люсый

Художник – А. Ильичев

Верстка – Издательство “Логос”

Издательство “Логос”

127644, г. Москва, ул. Лобненская, д. 18, стр.4

тел: 2461430; e-mail: oleg@gnosis.ru ; info@gnosis.ru

Информация на сайте: www.gnosis.ru

ЛУЧШИЙ ИНТЕРНЕТ – ОТ КОМПАНИИ РИNET

http:// www.rinet.ru

тел: (095)2383922

Справки и оптовые закупки по адресу:

м. “Парк Культуры”, Зубовский б-р, 17, ком. 50

Издательство “Логос”, тел: 2461430 ; ИТДК “Гнозис”, тел. 2471757.

Книжная ярмарка «На Олимпийском», 3 эт., места 127, 183

(ООО «Традиция», тел.: 5133505, 8903-1757297)

Подписано в печать 08.09.2003. Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. Печ. л. 20,0. Тираж 1000 экз. Зак. 3351.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ФГУП «ПИК ВИНТИИ».

140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

NOAM CHOMSKY

THE RULE OF FORCE IN WORLD AFFAIRS

I WANT YOU

ROGUE STATES

Как и многие другие термины политических речей, "государство-изгой" используется в двух случаях: в пропагандистских целях по отношению к определенным противникам и в буквальном смысле по отношению к государствам, которые не считают себя должными следовать международным нормам. Логично предположить существование тенденции, и это подтверждается историей, что самые могущественные державы принадлежат ко второй категории...

(Государства-изгой, гл. 1)

Ноам Хомский — профессор Массачусетского технологического института, всемирно известный лингвист, философ, но вместе с тем и "разрушитель удобных истин" (New York Times), непримиримый оппонент политического пиццерия, государственного насилия, злоупотребления властью. "Государства-изгой" Хомского — результат его масштабной аналитической работы, направленной на вменение в ответственность мировым сверхдержавам их противоправных действий по всему миру.